

ISSN 2226-3365

www.vestnik.nspu.ru

DOI: 10.15293/2226-3365.1801

ВЕСТНИК
*Новосибирского государственного
педагогического университета*

*Novosibirsk State
Pedagogical University*
BULLETIN

1 2018

Учредитель журнала:

ФГБОУ ВО «Новосибирский
государственный педагогический
университет»

Электронный журнал «Вестник Новосибирского
государственного педагогического университета»
зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере
связи, информационных технологий и массовых
коммуникаций (Роскомнадзор)
ЭЛ № ФС77-50014

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ И СОВЕТ НАУЧНОГО ЭЛЕКТРОННОГО ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК НОВОСИБИРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА»

Редакционная коллегия

главный редактор

Пушкарёва Е. А., д-р филос. наук, проф.

заместитель главного редактора

Майер Б. О., д-р филос. наук, проф.

педагогические и психологические науки

Синенко В.Я., д-р пед. наук, профессор

Богомаз С. А., д-р психол. наук, проф. (Томск)

философские и исторические науки

Майер Б. О., д-р филос. наук, проф.

Зверев В. А., д-р ист. наук, проф.

физико-математические и социально-

экономические науки

Трофимов В. М., д-р физ.-мат. наук, проф.

Ряписов Н. А., д-р экон. наук, проф.,

биологические, химические, медицинские науки

Айзман Р. И., д-р биол. наук, проф., член-корр.

МАНВШ, заслуж. деят. науки РФ

Просенко А. Е., д-р хим. наук, проф.

культурология, филологические науки

Чапля Т. В., д-р культурологии, проф.

Трипольская Т. А., д-р филолог. наук, проф.

Международный редакционный совет

Айзман О., д-р филос., д-р мед., Каролинский
институт (Стокгольм, Швеция)

Ангелика Ригер, д-р, проф. (Ахен, Германия)

Анна Паола Бонола, проф. славистики,
Миланский университет (Милан, Италия)

Балгимбеков Ш.А., д-р мед. наук, проф.,
(Алматы, Казахстан)

Бухтова Б., д-р наук, Университет им.
Масарика (Брно, Чехия)

Валькенхорст Ф., д-р наук, проф., университет
Кельна (Кельн, Германия)

Винго Чарльз С., д-р мед. наук, проф., ун-т
Флориды (Гейнсвилль, Флорида, США)

Либерска Х. д-р психол. наук, проф., ун-т
им. Казимира Великого (Быдгощ, Польша)

Логунов Д., н.с., ун-т Манчестера
(Великобритания)

Мауриция Калузио, д-р наук, ст. исследов. по
русс. лит. (Милан, Италия)

Мукатаева Ж.М., д-р биол. наук (Павлодар,
Казахстан)

Чагин А., д-р филос., н. с., Каролинский
институт (Стокгольм, Швеция)

Челси Д., д-р филос., проф., (Уппсала, Швеция)

Шмайс Й., д-р наук, Университет им. Масарика
(Брно, Чехия)

Юй Вень Ли, д-р политического образования,
Пекинский университет (Пекин, Китай)

Редакционный совет

председатель редакционного совета

Герасёв А. Д., д-р биол. наук, проф. (Новосибирск)

Афтанас Л.И., д-р мед. наук, проф., акад. РАМН, вице-
президент РАМН, Президент СО РАМН (Новосибирск)

Баликоев В.З., д-р экон. наук, проф. (Новосибирск)

Безруких М.М., д-р биол. наук, проф., почетный
профессор НГПУ, академик РАО (Москва)

Бережнова Е.В., д-р пед. наук, проф. (Москва)

Винокуров Ю.И., д-р геогр. наук, проф. (Барнаул)

Галажинский Э.В., д-р психол. наук, проф.,
академик РАО (Томск)

Дымарский М. Я., д-р филолог. наук, проф. (Санкт-
Петербург)

Жафяров А.Ж., д-р физ.-мат. наук, проф.,
член.-корр. РАО (Новосибирск)

Жукоцкая З.Р., д-р культурол., проф. (Нижевартковск)

Иванова Л.Н., д-р мед. наук, проф., акад. РАН
(Новосибирск)

Казин Э.М., д-р биол. наук, проф., заслуж. деят. науки
РФ, академик МАНВШ (Кемерово)

Ключко В.Е., д-р психол. наук, проф. (Томск)

Князев Н.А., д-р филос. наук, проф. (Красноярск)

Кондаков И.В., д-р филос. наук, проф., акад. РАЕН,
почетный работник общего образования (Москва)

Красноярцева О.М., д-р психол. наук, проф. (Томск)

Кривошеков С.Г., д-р мед. наук, проф. (Новосибирск)

Кудашов В.И., д-р филос. наук, проф. (Красноярск)

Кустова Г.И., д-р филолог. наук, проф. (Москва)

Медведев М.А., д-р мед. наук, проф., академик РАМН,
заслуж. деят. науки РФ (Томск)

Мокрецова Л.А., д-р пед. наук, проф. (Бийск)

Овчинников Ю.Э., д-р физ.-мат. наук, проф.
(Новосибирск)

Печерская Т.И., д-р филолог. наук, проф.
(Новосибирск)

Пузырев В.П., д-р мед. наук, проф., академик РАМН
(Томск)

Серый А.В., д-р психол. наук, проф. (Кемерово)

Федоров В.И., д-р биол. наук, проф. (Новосибирск)

Чупахин Н.П., д-р филос. наук, проф. (Томск)

Основан в 2011 году, выходит 6 раз в год

Редакционно-издательский отдел:

630126, г. Новосибирск, ул. Виллюйская, д. 28

E-mail: vestnik.nspu@gmail.com

Номер подписан к выпуску 28.02.18

The founder
Novosibirsk State
Pedagogical University

The registration certificate
The electronic journal «Novosibirsk State Pedagogical University Bulletin»
is registered in Federal service on legislation observance in sphere of
communication, information technologies and mass communications
The registration certificate ЭЛ № ФС77-50014

EDITORIAL BOARD AND EDITORIAL COUNCIL OF SCIENTIFIC ELECTRONIC JOURNAL «NOVOSIBIRSK STATE PEDAGOGICAL UNIVERSITY BULLETIN»

Editorial Board

Editor-in-chief

Pushkareva E.A., Dr. of philosophical Sc., Prof. of the NSPU

Deputy editor-in-chief

Mayer B.O., Dr. of philosophical Sc., Prof. of the NSPU

Pedagogical Sciences and Psychology

Sinenko V.Ya., Dr. of Pedagogical Sciences, Professor

Bogomaz S.A., Dr. of Psychological Sc., Prof. (Tomsk)

Philosophy and Historical Sciences

Mayer B.O., Dr. of philosophical Sciences, Professor

Zverev V.A., Dr. of Historical Sciences, Professor

Physics, Mathematics, Social and Economics Sciences

Trofimov V.M., Dr. of Physical and Mathematical

Sciences, Professor

Ryapisov N.A., Dr. of Economic Sciences, Professor

Biological, Chemical Sciences and Medicine

Aizmam R.I., Dr. of Biological Sciences, Prof. of the
NSPU, Corr-Member of IASHS

Prosenko A.E., Dr. of chemical Sciences, Professor

Culturology, Philology Sciences

Chaplya T. V., Dr. of Cultural Sciences, Professor

Tripolskaya T. A., Dr. of Philological Sciences, Prof.

International Editorial Council

Aizman O., Ph.D., M.D., Karolinska Institute,
(Stockholm, Sweden);

Angelica Rieger, Dr., Professor (Aachen, Germany)

Anna Paola Bonola, Professor Università Cattolica
del Sacro Cuore (Milan, Italy)

Balgimbekov Sh.A., Dr. of Medical Sciences,
Professor (Almaty, Kazakhstan)

Buhtova B., Ph.D., Masaryk University (Brno, Czech
Republic)

Chagin A., Ph.D., Karolinska Inst. (Stockholm, Sweden)

Charles S. Wingo, M. D., Professor, University of
Florida (Gainesville, Florida, USA)

Gianni Celsi, Ph.D., Professor, Uppsala University,
(Uppsala, Sweden)

Liberska H. Dr. of Psychol. Sciences, Prof.,
Kazimierz Wielki University (Bydgoszcz, Poland)

Logunov D., Ph.D., University of Manchester
(Manchester, United Kingdom)

Maurizia Calusio, Senior Researcher
in Russian Literature, PhD (Milan, Italy)

Mukataeva Zh.M., Dr. of Biological Sciences
(Pavlodar, Kazakhstan)

Walkenhorst Philipp, Dr., Professor, University of
Cologne (Cologne, Germany)

Šmajš Jozef, Dr. of Philosophy, Professor, Masaryk
University (Brno, Czech Republic)

Yu Wen Li, Ph.D., Professor Peking University
(Peking, People's Republic of China)

Editorial Council

Chairman of Editorial Council

Gerashev A.D., Dr. of Biological Sc., Prof. (Novosibirsk)

Aftanas L.I., Dr. of Medical Sc., Prof., Acad. of RAMS
(Novosibirsk)

Balikoev V.Z., Dr. of Economical Sc., Prof. (Novosibirsk)

Bezrukih M.M., Dr. of Biological Sc., Prof. (Moscow)

Berezhnova E.V., Dr. of Pedagogical Sc., Prof. (Moscow)

Chupahin N.P., Dr. of Philosophical Sc., Prof. (Tomsk)

Dymarski M.J., Dr. of philological Sciences, Professor
(St. Petersburg, Russia)

Fedorov V.I., Dr. of Biological Sc., Prof. (Novosibirsk)

Galazhinsky E.V., Dr. of Psychological Sc., Professor,
the academician of RAE (Tomsk)

Ivanova L.N., Dr. of Medical Sc, Prof., Academ. of RAS,
Institute of Citology and Genetics (Novosibirsk)

Kazin E.M., Dr. of Biological Sc., the academician of
IASHS, Professor (Kemerovo)

Klochko V.E., Dr. of Psychological Sc., Prof. (Tomsk)

Knyazev N.A., Dr. of Philosophical Sc., Prof. (Kasnoyarsk)

Kondakov I.V., Dr. of Philosophical Sc., Prof., Academ.
of Russian Academy of Sciences (Moscow)

Krasnoryadstseva O.M., Dr. of Psychological Sciences,
Professor (Tomsk)

Krivoshekov S.G., Dr. of Medical Sc., Prof. (Novosibirsk)

Kudashov V.I., Dr. of Philosophical Sciences, Professor
(Kasnoyarsk)

Kustova G.I., Dr. of philological Sciences, Professor
(Moscow, Russia)

Medvedev M.A., Dr. of Medical Sc., Prof., the
Academic. of RAMS, Institute of Medical Genetics
(Tomsk, Russia)

Mokretsova L.A., Dr. of Pedagogical Sciences, Professor
(Biysk, Russia)

Ovchinnikov Yu.E., Dr. of Physical and Mathematical
Sciences, Professor (Novosibirsk, Russia)

Pecherskaya T.I., Dr. of philological Sciences, Professor
(Novosibirsk, Russia)

Puzirev V.P., Dr. of Medical Sc., Prof., the Academician
of RAMS, Institute of Medical Genetics (Tomsk, Russia)

Seryi A.V., Dr. of Psychological Sc., Prof. (Kemerovo)

Vinokurov Yu.I., Dr. of Geography Sc., Prof. (Barnaul)

Zhukotskaya Z.R., Dr. of Cultural Sciences, Professor
(Nizhnevartovsk)

Zhafyarov A.Zh., Dr. of Physical and Mathematical Sc.,
Prof., Corr.- Member of the RAE (Novosibirsk)

The journal leaves 6 times a year

The academic journal is established in 2011

Editorial publishing department:

630126, Novosibirsk, Vilyuiskaya, 28

E-mail: vestnik.nspu@gmail.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ПЕДАГОГИКА И ПСИХОЛОГИЯ

<i>Омельченко Е. А., Чеснокова Г. С., Агавелян Р. О.</i> (Новосибирск, Россия). Ценности и самовыражение студентов отечественных и зарубежных вузов.....	7
<i>Перевозкин С. Б., Андронникова О. О., Перевозкина Ю. М.</i> (Новосибирск, Россия). Ролевая структура подростков в межличностном взаимодействии	23
<i>Долгова В. И., Рокицкая Ю. А., Саламатов А. А.</i> (Челябинск, Россия) Индивидуально-психологические предикторы адаптивного поведения подростков	45
<i>Лаврентьева З. И.</i> (Новосибирск, Россия). Механизмы включения родителей в практику инклюзивного образования.....	60
<i>Литвина С.А., Муравьева О.И.</i> (Томск, Россия). Опросник идентичности с городом: разработка, валидизация, проверка надежности	73

ФИЛОСОФИЯ И ИСТОРИЯ

<i>Волкова С. В.</i> (Петрозаводск, Россия). Феноменология электронных образовательных технологий	93
<i>Илларионов Г. А.</i> (Красноярск, Россия). Актуальные формы концепта традиции и его использования в англоязычном научном дискурсе.....	107
<i>Логинова М. В.</i> (Саранск, Россия). Методологическое значение онтологического подхода для философии искусства	124
<i>Беркут В. П.</i> (Балашиха, Россия), <i>Песоцкий В. А.</i> (Москва, Россия), <i>Майкова В. П.</i> (Мытищи, Россия), <i>Молчан Э. М.</i> (Сергиев Посад, Россия), <i>Бондарева Я. В.</i> (Москва, Россия). Методологические и аксиологические подходы к решению проблем консолидации общества в эпоху глобализации	138
<i>Чистанов М. Н., Чистанова С. С.</i> (Абакан, Россия), <i>Маслова Т.</i> (Далонег, Джорджия, США), <i>Кудряшов И. С.</i> (Новосибирск, Россия). Проблема построения новых теоретических моделей межкультурного взаимодействия в контексте реализации проекта «Нового шелкового пути»	158
<i>Розов Н. С.</i> (Новосибирск, Россия). Китайский проект «Один пояс – один путь» в контексте парадигм исторической макросоциологии.....	173

БИОЛОГИЯ И МЕДИЦИНА

<i>Трухина С. И., Трухин А. Н., Циркин В. И., Шушканова Е. Г., Хлыбова С. В.</i> (Киров, Россия). Успешность обучения детей 1–8 классов, рожденных у матерей с анемией беременности.....	190
<i>Ержанова Е., Сабырбек Ж.</i> (Алматы, Казахстан), <i>Милашюс К.</i> (Вильнюс, Литва). Сравнительная оценка фактического питания и обеспечения макро- и микронутриентами спортсменов различных видов спорта [In English]	205
<i>Сорокина Л. А., Буйнов Л. Г., Плахов Н. Н.</i> (Санкт-Петербург, Россия), <i>Айзман Р. И.</i> (Новосибирск, Россия). Исследование эффективности сочетанного применения кортексина и физических упражнений в оптимизации функциональной системы статокINETической устойчивости человека	223
<i>Латуха О. А.</i> (Новосибирск, Россия). Применение международного опыта бережливого производства в концепции устойчивого развития медицинской организации	239

CONTENTS**PEDAGOGY AND PSYCHOLOGY**

<i>Omelchenko E. A., Chesnokova G. S., Agavelyan R. O.</i> (Novosibirsk, Russian Federation). Self-expression within the value system of prospective preschool educators	7
<i>Perevozkin S. B., Andronnikova O. O., Perevozkina Y. M.</i> (Novosibirsk, Russian Federation). Role structure of adolescents in interaction.....	23
<i>Dolgova V. I., Rokitskaya Y. A., Salamatov A. A.</i> (Chelyabinsk, Russian Federation). Individual-psychological predictors of adaptive behavior of adolescents	45
<i>Lavrenteva Z. I.</i> (Novosibirsk, Russian Federation). The influence of modern web technologies on the development of a new kind of thinking	60
<i>Litvina S. A., Muraveva O. I.</i> (Tomsk, Russian Federation). City Identity Questionnaire: Designing, validating and reliability testing.....	73

PHILOSOPHY AND HISTORY

<i>Volkova S. V.</i> (Petrozavodsk, Russian Federation). Phenomenology of digital educational technologies	93
<i>Illarionov G. A.</i> (Krasnoyarsk, Russian Federation). The concept of tradition in contemporary western academic discourse	107
<i>Loginova M. V.</i> (Saransk, Russian Federation). Methodological concern of ontological approach towards philosophy of art.....	124
<i>Berkut V. P.</i> (Balashikha, Russian Federation), <i>Pesotsky V. A., Maykova V. P.</i> (Moscow, Russian Federation), <i>Molchan E. M.</i> (Sergiev-Posad, Russian Federation), <i>Bondareva Y. V.</i> (Moscow, Russian Federation). Methodological and axiological approaches to solving the problems of consolidation of society in the era of globalization	138
<i>Chistanov M. N., Chistanova S. S.</i> (Abakan, Russian Federation), <i>Maslova T.</i> (Dahlonge, United States of America), <i>Kudryashov I. S.</i> (Novosibirsk, Russian Federation). Problem of developing new theoretical models of cross-cultural interaction in the context of implementation of the new silk road initiative.....	158
<i>Rozov N. S.</i> (Novosibirsk, Russian Federation). China's One Belt, One Road initiative and the paradigms of historical macrosociology.....	173

BIOLOGY AND MEDICINE

<i>Trukhina S. I., Trukhin A. N., Tsirkin V. I., Shushkanova E. G., Khlybova S. V.</i> (Kirov, Russian Federation). Learning achievements of schoolchildren in grades 1-8 born to mothers with anemia complicating pregnancy	190
<i>Yerzhanova Y. Y., Sabyrbek Z. B.</i> (Almaty, Republic of Kazakhstan), <i>Milašius K.</i> (Vilnius, Republic of Lithuania). Comparative evaluation of actual nutrition practices and macro- and micronutrients consumption of athletes in a range of sport types.....	205
<i>Sorokina L. A., Buynov L. G., Plakhov N. N.</i> (St.Petersburg, Russian Federation), <i>Aizman R. I.</i> (Novosibirsk, Russian Federation). The study of the effectiveness of combined use of Cortexin and physical exercises in optimization of the functional system of human statokinetic stability	223
<i>Latuha O. A.</i> (Novosibirsk, Russian Federation). Application of international experience in lean production within the concept of sustainable development of healthcare settings	239

www.vestnik.nspu.ru

ПЕДАГОГИКА И ПСИХОЛОГИЯ

PEDAGOGY AND PSYCHOLOGY

© Е. А. Омельченко, Г. С. Чеснокова, Р. О. Агавелян

DOI: [10.15293/2226-3365.1801.01](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1801.01)

УДК 159.94+378+316.3/.4

САМОВЫРАЖЕНИЕ В СИСТЕМЕ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ БУДУЩИХ ПЕДАГОГОВ ДОШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Е. А. Омельченко, Г. С. Чеснокова, Р. О. Агавелян (Новосибирск, Россия)

Проблема и цель. В статье раскрывается актуальная проблема подготовки будущих педагогов для системы дошкольного образования, связанная с представленностью самовыражения в системе ценностей, которые они могут демонстрировать при выполнении профессиональной деятельности. Целью стало определение особенностей самовыражения в выявленном нами содержании системы ценностных ориентаций будущих педагогов, соотнесение полученных данных с ценностями зарубежных студентов и ценностями учащихся других вузов нашей страны.

Методология. Содержание системы ценностных ориентаций респондентов выяснялось с помощью морфологического теста жизненных ценностей (В. В. Сопов, Л. В. Карпушина). Выборку составили 116 студентов. Для описания ценностей зарубежных студентов анализировались публикации, содержащие соответствующие данные.

Результаты. В результате исследования выявлено, что для успешного решения задач профессиональной деятельности, касающихся взаимодействия с другими людьми, будущим педагогам дошкольного образования необходимо во время обучения в вузе приобрести положительный опыт самовыражения. В самовыражении выделены две стороны: внутренняя (самораскрытие) и внешняя (самопрезентация), позволяющие педагогу успешно раскрывать другим людям то, что для него значимо, и создавать в их представлении желаемый образ самого себя. Подчеркивается, что основой самовыражения выступают ценностные ориентации личности. Отмечается, что самовыражение может присутствовать в них как самостоятельный элемент, или является составляющей частью других ценностей, или в нем ценности личности находят свое отражение. Анализ отечественных и зарубежных исследований показал отличия в системах ценностных ориентаций обучающихся в вузах, состоящие в том, что у зарубежных студентов на первом месте ценности, связанные с социальными контактами, что демонстрирует их

Омельченко Елизавета Александровна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры теории и методики дошкольного образования, Новосибирский государственный педагогический университет.

E-mail: eliam@mail.ru

Чеснокова Галина Сергеевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры теории и методики дошкольного образования, Новосибирский государственный педагогический университет.

E-mail: gala18@ngs.ru

Агавелян Рубен Оганесович – доктор психологических наук, профессор, директор Института детства, Новосибирский государственный педагогический университет.

E-mail: ruben_h_ag@mail.ru

ориентацию на положительное самовыражение во взаимодействии с другими людьми, а у российских студентов преобладает ориентация в самовыражении на самих себя – собственные потребности, желания, настроение и т. д.

Заключение. Результаты позволили сделать вывод, что для будущих педагогов дошкольного образования, обучающихся на первом курсе Института детства НГПУ, значимы такие ценности, как социальные контакты, саморазвитие, креативность, достижения.

Ключевые слова: самовыражение; самопрезентация; самораскрытие; будущие педагоги; профессия педагога; профессиональная деятельность; реализация жизненных ценностей; ценности студентов.

Постановка проблемы

Современное высшее образование в России, строящееся на компетентностном подходе, предполагает, что студент в ходе обучения овладеет соответствующим набором компетенций, формируя и развивая у себя способности решать определенные классы профессиональных задач. Проведенный авторами статьи анализ набора компетенций, содержащихся в федеральных государственных образовательных стандартах высшего образования по направлениям «Педагогическое образование»¹ и «Психолого-педагогическое образование»², показал наличие в них профессиональных задач, связанных с коммуникацией, взаимодействием, профессиональной этикой, культурой, самоорганизацией, профессиональным ростом.

Освоение каждым будущим педагогом способов их успешного решения на практике

во многом зависит от имеющихся у студента вуза в аудиторной и внеаудиторной деятельности возможностей представить другим людям то, что важно, значимо, ценно, существенно лично для него – от наличия возможностей для самовыражения. Основой для обоснования этого утверждения стали труды таких отечественных и зарубежных авторов, как К. А. Абульханова-Славская³, Д. Н. Узнадзе⁴, И. П. Шкуратова [27], G. F. Flett [4], Н. Косер [7] и др., доказавших, что самовыражение – одна из основных потребностей человека. Если она не удовлетворяется, «люди чувствуют себя неуверенными и нервными» [7, с. 289]. По мнению Е. В. Зинченко, самовыражение – стремление человека адекватно реа-

¹ Приказ от 4 декабря 2015 № 1426 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по направлению подготовки 44.03.01 Педагогическое образование (уровень бакалавриата)». – URL: <http://fgosvo.ru/uploadfiles/fgosvob/440301.pdf> (дата обращения: 25.06.2017); Приказ от 9 февраля 2016 № 91 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по направлению подготовки 44.03.05 Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки) (уровень бакалавриата)». – URL: <http://fgosvo.ru/uploadfiles/fgosvob/440305.pdf> (дата обращения: 25.06.2017).

² Приказ от 14 декабря 2015 № 1457 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по направлению подготовки 44.03.02 Психолого-педагогическое образование (уровень бакалавриата)». – URL: <http://fgosvo.ru/uploadfiles/fgosvob/440302.pdf> (дата обращения: 25.06.2017).

³ Узнадзе Д. Н. Общая психология / пер. с грузинского Е. Ш. Чомахидзе; под ред. И. В. Имедадзе. – М.: Смысл; СПб.: Питер, 2004. – 413 с.

⁴ Зинченко Е. В. Самораскрытие и его обусловленность социально-психологическими и личностными факторами: автореф. дисс. ... канд. психол. наук. – Ростов-на-Дону, 2000. – 23 с.

лизовать свой внутренний мир через совокупность внешних проявлений⁵. Трудности в самовыражении или отсутствие возможностей, условий его осуществления приводят к серьезным негативным последствиям: дискомфорт, утрата смысла жизни, снижение самооценки, мотивации, активности, стресс, депрессия, развитие психологических комплексов. В последние годы это доказано не только на психолого-педагогическом, но и на физиологическом уровне – соблюдение навязанных извне правил, порядков, норм, не принимаемых человеком, ущемление своих желаний и потребностей, горечь и неудовлетворенность жизнью способны привести к таким заболеваниям, как желчнокаменная болезнь⁶, болезнь Крона, язвенная болезнь [4].

В современной науке представлены разноплановые исследования вопросов самовыражения, в частности, включающие описание его составляющих. Так, Е. М. Зыковой⁷ рассмотрены когнитивный, мотивационно-ценностный, рефлексивно-оценочный его компоненты. В. И. Салютнова, Н. М. Шибанова [23] называют индивидуально-личностный, процессуально-деятельностный и результативный компоненты. Обобщая их смысл и содержание, считаем возможным выделить в самовыражении личности два аспекта: внутренний (самораскрытие – осмысление самого себя и сообщение личностно-значимой, важной, сущностной информации о себе другим людям) и внешний (самопрезентация – специально выстроенное поведение, создающее тот

образ себя, который личности хотелось бы представить в данный момент) [21].

В последние несколько лет самораскрытие как внутренний аспект самовыражения активно изучается в рамках проблематики самовыражения в социальных сетях (R. Mayshak, S. J. Sharman [11], L. de Vries, A. M. Romani [14] и др.) и Интернете (Н. А. Лупановый [20], L. da Silveira Espindola, M. S. Silveira [2], T. C. Marriott, T. Buchaman [10], T. A. Thorkildsen, K. Xing [13] и др.). Результатом этих исследований стало понимание того, что даже в условиях общения между людьми, опосредованного техническими средствами, человек стремится к самораскрытию, а не полностью скрывается за принятым на себя образом, благодаря имеющимся для этого возможностям.

Внешний аспект самовыражения – самопрезентацию – рассматривают, например, J. Adams, W. Hart и др. [5], выделяя наступательную, оборонительную, рациональную тактики самопрезентации, применяемые людьми в ситуациях общения, выполнения профессиональной деятельности и др. М. Johnson [6] доказано, что самопрезентационные стили личности проявляются в профессиональной сфере и связаны с особенностями самооценки человека. Специфика самопрезентации абитуриентов при поступлении в вуз описана А. S. M. Niessen, R. R. Meijer, J. N. Tendeiro [12]. В названных работах авторами приводится подтверждение мысли о том, что наиболее успешны самопрезентации, максимально

⁵ Абульханова-Славская К. А. Стратегии жизни. – М.: Мысль, 1991. – 299 с.

⁶ Золотухина В. Н. Хронический бескаменный холецистит и желчнокаменная болезнь у женщин (клинико-психологические особенности, качество жизни и комплайнс): автореф. дисс. ... канд. мед. наук. – Барнаул, 2012. – 22 с.

⁷ Зыкова Е. М. Внеаудиторная деятельность студентов в контексте ориентирования на творческое самовыражение // Проблемы современной аграрной науки: матер. Международной научной конференции. – Красноярск: ФГБОУ ВО «КГАУ», 2015. – С. 183–186.

соответствующие внутреннему миру личности, неотъемлемой частью которого являются ценности.

Системы ценностей у людей разные. Они способны меняться, обретая новые черты для большего соответствия, например, требованиям выполнения профессиональной деятельности. Особое значение в этом смысле имеет процесс получения образования (на каждом его уровне), в котором происходит соприкосновение систем ценностей обучающихся и преподавателей (в частности, это касается ценностных ориентаций будущих педагогов дошкольного образования и преподавателей Института детства Новосибирского государственного педагогического университета (ИД НГПУ)). Именно это, по мнению А. Б. Храмцовой⁸, с которой мы солидарны, важно для становления будущих профессионалов (педагогов дошкольного образования), осваивающих пути, способы, средства самовыражения в профессии (в педагогической деятельности).

В связи с этим авторами статьи [15; 21; 26], А. В. Зубцовым⁹, И. В. Тарасовой [25] и др. сделан вывод о необходимости создания во всех образовательных учреждениях условий для самовыражения обучающихся, в частности, это касается педагогических вузов и учащихся в них будущих педагогов, готовящихся работать, например, в сфере дошкольного образования. Ведь их самовыражение в силу

большого количества требований, высоких ожиданий от них со стороны общества, существенного влияния, которое они способны оказать на представителей подрастающего поколения, важно в контексте демонстрируемого ими самовыражения в профессии. Это же подчеркнуто М. Claudiu-Cătălin, P. Andreea [1] утверждающими, что каждый человек выражает себя в соответствии с собственной социальной идентификацией, со сложившимся представлением о своем образе жизни, о профессиональной деятельности, в которой самовыражение личности обретает особенности, зависящие от того, что для человека является в ней важным и ценным.

На это также обращают внимание в своих исследованиях Т. Г. Анистратенко [16], И. В. Попова [22], И. В. Тарасова¹⁰ и др. Здесь существенно, что «спецификой самовыражения выступает не только ... внутренняя самость, но и личностные ценностные установки, представляющие собой проекцию ценностей окружающего мира в личностном мире ценностей» [16, с. 227]. Следовательно, можно утверждать, что основой самовыражения личности являются ее ценностные ориентации. В рамках данной статьи далее приведем описание содержания ценностных ориентаций студентов педагогического вуза, акцентируя внимание на том, как в них представлено самовыражение.

⁸ Храмцова А. Б. Профессиональное самовыражение в диалоге культур // Образование в современном мире: роль вузов в социально-экономическом развитии региона: сборник научных трудов Международной научно-методической конференции. – Самара: Самарский государственный университет, 2014. – С. 428–430.

⁹ Зубцов А. В. Возможности уточнения категории «воспитание» в продуктивном самовыражении личности // Наука и молодежь: проблемы, поиски, решения: труды

Всероссийской научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых (Новокузнецк, 1–3 июня 2016 г.). – Новокузнецк: Сибирский государственный индустриальный университет, 2016. – С. 214–216.

¹⁰ Тарасова И. В. Профессиональное самовыражение преподавателей и студентов как актуальная проблема высшей школы // Мировое культурно-языковое и политическое пространство: инновации в коммуникации: сборник научных трудов. – М.: Изд-во Российского университета дружбы народов, 2015. – С. 296–306.

М. Rokeach определяет ценности как «устойчивые убеждения в том, что определенный способ поведения или конечная цель существования предпочтительнее с личностной или социальной точки зрения, чем другой способ поведения, либо конечная цель существования»¹¹.

Системы ценностных ориентаций студентов активно изучаются в разных странах мира. В частности, О. Fatoki [3] обращает внимание на то, что именно они составляют ядро личности, влияя на индивидуальные характеристики и поведение, отражающее особенности самовыражения и его представленность среди ценностных ориентаций обучающихся. J. Y. H. Leung, R. W. L. Cheung, H. Chow [8] установили важность для многих обучающихся вузов в рамках социальных контактов такой ценности, как лидерство и отметили, что в связи с этим студентам необходима еще одна ценность – социальная ответственность, т. к. стремление к лидерству может реализовываться по-разному, например, путем самоутверждения за счет других людей с отрицательными для них последствиями. При этом самовыражение описывается как имеющее отрицательные характеристики и как основанное в большей степени на том, что важно только для самого студента.

B. Liang, Y. Zhang, W. Chen, S. Chen [9] изучили семью как сферу реализации студентами своих ценностей. Оказалось, что она требуется респондентам, в первую очередь, для самовыражения – выражения, демонстрации своих эмоций, чувств, взаимопонимания, на втором месте все, что связано с эстетическими потребностями молодых людей, на третьем – материальная база. При этом именно в реальном, а не в виртуальном общении респон-

денты видят возможности для самовыражения. Среди личностных ценностей студентов университетов, по данным О. Fatoki, преобладают достижения, затем идут самостоятельность, доброжелательность и безопасность [3].

В России исследователи (В. Р. Бильдина, Э. Д. Гришанина [17], Г. А. Галкина, Е. И. Грибкова [18], А. Н. Кутейников, Е. И. Огарева [19] и др.) обращают внимание на то, что у студентов на первом месте ценности здоровья, на втором – семья, на третьем – материально обеспеченная жизнь. Е. М. Соловьева, И. В. Заусенко [24] выяснили, что на уровне убеждений студентам вузов важны достижения, а на уровне реальных действий – самостоятельность, напрямую связанная с особенностями их самовыражения, и гедонизм.

Изложенные описания систем ценностных ориентаций студентов в России и зарубежных странах имеют различия, состоящие в том, что российские студенты в большей степени ориентированы на ценности, которые позволяют им организовать свою жизнь так, как им хочется (материальная обеспеченность, здоровье, гедонизм), максимально выражая себя, а зарубежные студенты ориентированы не только на себя и самовыражение исключительно в своих интересах, но и на взаимодействие с другими людьми (доброжелательность, социальная активность, лидерство, безопасность), где самовыражение конкретной личности ориентировано на других людей для того, чтобы появлялась возможность согласования собственных самопроявлений с их самопроявлениями.

В статье мы стараемся определить место самовыражения в системе ценностных ориентаций будущих педагогов, поэтому их ориентация в самовыражении преимущественно на

¹¹ Rokeach M. The nature of human values. – N. Y.: Free Press, 1973. – 597 p. – P. 5. – URL: <http://hdl.handle.net/10822/782324> (дата обращения: 4.07.2017).

себя не является полностью благоприятной для выполнения требований педагогической профессии. Ведь ценности как основа самовыражения открывают личности перспективы для осознанного выбора средств, способов самовыражения, которые будут согласованы как с ее внутренним миром, так и с общественными нормативами. Это особо значимо для педагогов дошкольного образования, вся профессиональная деятельность которых ориентирована на демонстрацию представителям подрастающего поколения образцов, моделей самовыражения, чтобы они могли перенимать некоторые их элементы и выстраивать собственное самовыражение. В этом, на наш

взгляд, состоит основная функция педагога дошкольного образования в современном мире [26].

Нами была поставлена задача выяснить, имеет ли место этот вывод по отношению к студентам – будущим педагогам дошкольного образования, поступившим в ИД НГПУ на первый курс. Это позволит лучше понять их стремления, особенности самовыражения, увидеть место самовыражения в системе ценностных ориентаций обучающихся, и в соответствии с полученными сведениями в дальнейшем качественнее выстраивать педагогический процесс.

Таблица 1

**Содержание жизненных ценностей студентов первого курса
(будущих педагогов дошкольного образования)**

Table 1

The content of first-year students' life values (future teachers of preschool education)

Жизненные ценности / Life values	Степень значимости жизненных ценностей (в баллах) / The degree of importance of life values (in points)									
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Развитие себя / Elf-development	1	1	6	7	29	35*	18	10	1	8
Духовное удовлетворение / Spiritual satisfaction	0	0	4	30	16	24	29	6	4	3
Креативность / Creativity	4	6	8	17	27	35	3	3	10	3
Социальные контакты / Social contacts	9	6	27	6	40	10	11	3	1	3
Собственный престиж / Own prestige	5	8	16	17	16	30	12	6	6	0
Достижения / Achievements	0	1	9	28	6	30	35	6	1	0
Материальное положение / Financial situation	8	3	18	17	30	14	13	7	6	0
Сохранение индивидуальности / Preservation of identity	3	7	16	28	16	16	16	8	4	2
<p><i>Примечание.</i> * – количество выборов респондентами каждой степени значимости определенной жизненной ценности. Например, число 35 в первой строке означает, что 35 студентов оценили значимость ценности «Развитие себя» в 6 баллов и т. д.</p> <p><i>Note.</i> * – the number of elections by respondents of each degree of significance of a certain life value. For example, the number 35 in the first line means that 35 students estimated the value of the value of "Development of yourself" in 6 points, etc</p>										

Методы исследования

Авторы статьи провели исследование представленности самовыражения в системе ценностных ориентаций студентов-бакалавров направлений «Педагогическое образование» и «Психолого-педагогическое образование» первого года обучения ИД НГПУ, в котором приняло участие 116 человек. Основным диагностическим инструментарием выступил

морфологический тест жизненных ценностей (В. Ф. Сопов, Л. В. Карпушина¹²), позволяющий определить ценностную структуру личности. Для выяснения содержания системы ценностных ориентаций зарубежных студентов использовался анализ публикаций зарубежных авторов, содержащих соответствующие данные.

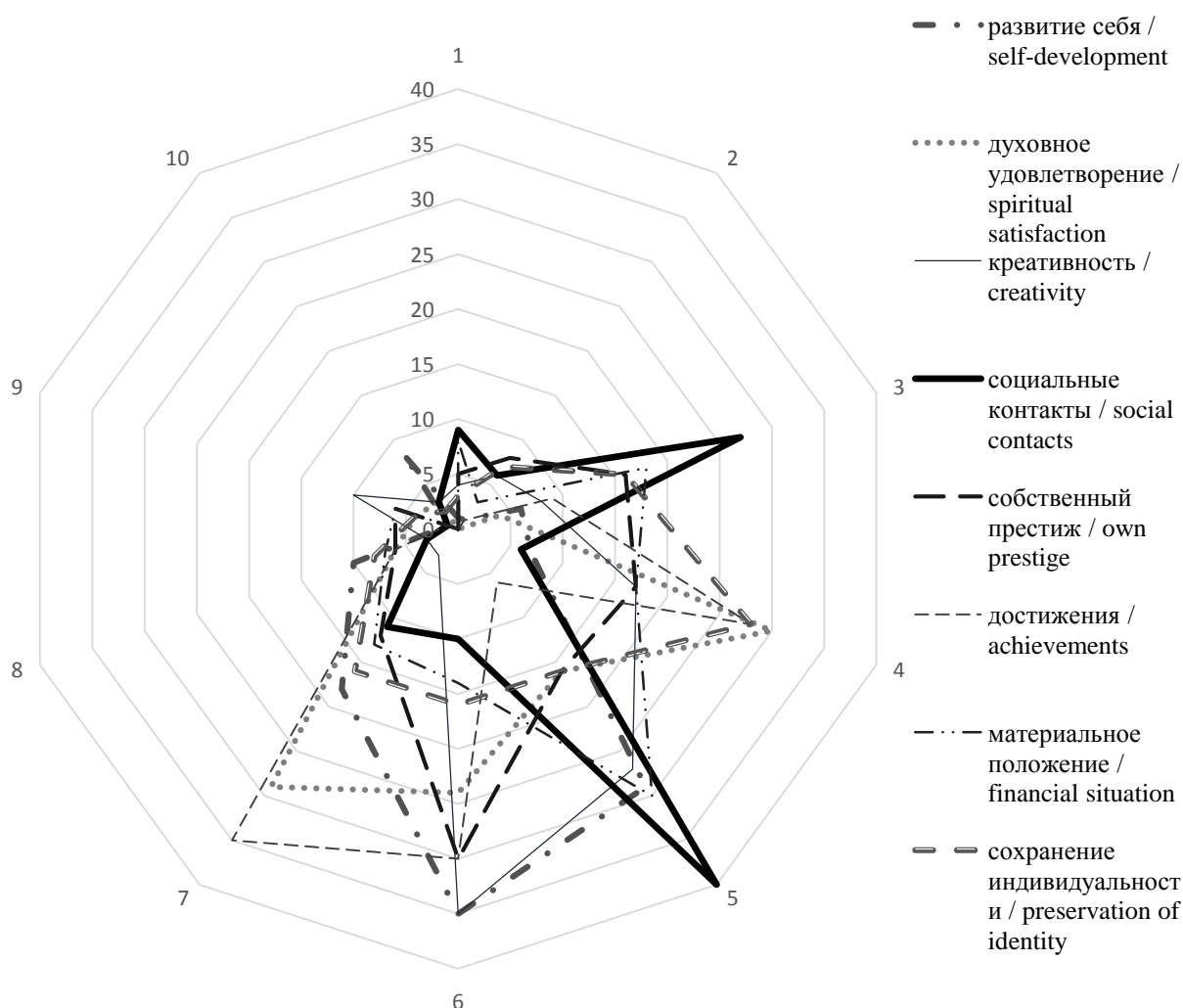

Рис. 1. Распределение значимости для студентов первого курса (будущих педагогов дошкольного образования) жизненных ценностей
Fig. 1. The distribution of the life values significance for first-year students (future teachers of preschool education)

¹² Сопов В. Ф., Карпушина Л. В. Морфологический тест жизненных ценностей // Прикладная психология. – 2001. – № 4. – С. 9–30.

Результаты и обсуждение

В первую очередь было определено содержание жизненных ценностей обучающихся (табл. 1). Как видно из таблицы 1, для респондентов важнее всего оказались социальные контакты (максимальное количество выборов – 40). На втором месте – саморазвитие, креативность, достижения (максимальное количество выборов – по 35). На третьем – духовные потребности, собственный престиж, высокое материальное положение (максимальное количество выборов – по 30). На последнем – сохранение собственной индивидуальности (максимальное количество выборов – 28).

Наглядно результаты представлены на графике рисунка 1.

Таким образом, обучающиеся в ИД студенты первого курса – будущие педагоги дошкольного образования, самым важным для себя считают установление благоприятных взаимоотношений с другими людьми. Основой их, как было доказано И. П. Шкуратовой [27], является самовыражение личности в общении, ориентированное не только на себя, но и на особенности других людей, на нормы и культуру поведения. Такое самовыражение станет основой успешной адаптации первокурсников к обучению в вузе благодаря проявляющимся в их самовыражении общительности, эмпатичности, дружелюбности, социальной активности. Если за годы обучения эта жизненная ценность сохранится, то станет фундаментом самовыражения педагогов, успешности их взаимодействия с детьми и коллегами. Таким образом, респонденты в неявном виде отвели положительному самовыражению одно из первых мест в системе своих ценностных ориентаций.

Саморазвитие как ценность означает стремление получить объективную информа-

цию об особенностях своего характера, способностях совершенствовать себя. Для будущих педагогов дошкольного образования это является предпосылкой становления профессионально значимых качеств личности, что важно для обучающихся первого курса, которые только начинают ориентироваться в системе требований к выполнению педагогической деятельности. Кроме того, саморазвитие позволит изменить в лучшую сторону (при необходимости) характеристики и особенности самовыражения (в т. ч. в профессиональной сфере).

Креативность подразумевает стремление студентов реализовать свои творческие возможности. В этом процессе каждый из них может найти множество вариантов осуществления самовыражения в профессии. Для будущих педагогов дошкольного образования названное качество необходимо в силу наличия у педагогической деятельности соответствующего характера.

Достижения рассматриваются как стремления человека к получению конкретных и ощутимых результатов. Они способны обеспечить респондентам успехи в учении, а в дальнейшем – в профессиональной деятельности. Если эта ценность останется значимой для тех, кто в настоящий момент получает педагогическое образование, то позволит педагогам дошкольного образования добиваться тех результатов, которые были запланированы в работе с детьми, родителями, коллегами.

Незначимость сохранения собственной индивидуальности, присущая студентам, принявшим участие в исследовании, стала для нас неоднозначным показателем. С одной стороны, они готовы меняться, адаптироваться, встраиваться в систему профессиональных требований, что выступает внутренним ресурсом обучающихся для освоения профессии педагога дошкольного образования. С другой

стороны, такое положение может быть показателем имеющейся у респондентов убежденности в отсутствии у педагогической деятельности возможностей для их самовыражения, в существовании постоянной необходимости быть кем-то другим (педагогом), а не самим собой. Решению этого вопроса будут посвящены наши дальнейшие исследования. Таким образом, самовыражение (опосредованно, через присутствие в других ценностях и в поведении, где они находят свое отражение) занимает значимое место в системе ценностных ориентаций будущих педагогов дошкольного образования.

Отметим, что выводы зарубежных авторов о включении в систему ценностных ориентаций молодежи, обучающейся в вузах, таких ценностей, как достижения, лидерство и собственный престиж совпали с полученными нами результатами. В то же время описанная выше как преобладающая у российских студентов тенденция ориентации на самих себя не полностью нашла свое подтверждение в исследованной выборке. Соответствующие ценности у обучающихся в ИД НГПУ будущих педагогов дошкольного образования только на втором и более низких местах, а на первом – установление взаимоотношений с людьми, важное в педагогической профессии.

Учитывая сказанное, в обучении, воспитании, профессиональном становлении и развитии будущих педагогов дошкольного образования преподаватели могут опираться на их стремление к взаимодействию с другими людьми. Следствием этого может быть обогащение учебно-воспитательной работы в вузе активным использованием групповых форм работы на занятиях, вовлечением в практическую педагогическую деятельность, проведением дискуссий, диспутов, конференций,

олимпиад и т. д., что позволит создать разнообразные варианты условий для положительного самовыражения обучающихся, для обретения ими опыта самовыражения в ходе выполнения элементов профессиональной деятельности. С одной стороны, в таком самовыражении будет демонстрироваться как социально приемлемые для профессии модели поведения, так и ценностные ориентации обучающихся. С другой стороны, самовыражение становится во многих случаях элементом системы ценностных ориентаций студентов.

На основании значимости для студентов саморазвития возможно расширение системы самостоятельной работы за счет включения в нее не только учебных заданий по дисциплине, но и направленных на осмысление обучающимся своих индивидуально-личностных, профессиональных качеств, на понимание необходимости совершенствовать определенные из них, делая это целенаправленно и постоянно. На этой основе появляются возможности для совершенствования характеристик самовыражения в профессии. Креативность студентов в аудиторной и внеаудиторной деятельности проявляется при выполнении ими разнообразных творческих заданий теоретического и практического характера. Здесь они могут максимально полно выразить себя. В плане создания условий для того, чтобы будущие педагоги дошкольного образования получали определенные профессионально значимые результаты своей деятельности, можно использовать, например, контекстный подход в обучении с отслеживанием продвижения каждого студента в освоении профессиональных умений, навыков, компетенций.

Вторым шагом в исследовании стал анализ жизненных сфер, которые обучающиеся считают для себя важными при реализации названных выше ценностей (табл. 2).

Таблица 2

Сферы реализации студентами первого курса
(будущими педагогами дошкольного образования) жизненных ценностей

Table 2

The spheres of realization of life values of first-year students (future teachers of preschool education)

Сферы реализации жизненных ценностей / the fields of the implementation of life values	Степень значимости сфер реализации жизненных ценностей (в баллах) / The degree of importance of the fields of the implementation of life values (in points)									
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Профессиональная жизнь / Professional life	1	1	17	14	43	15	18	1	5	1
Обучение и образование / Studying and education	1	1	9	9	27	52	9	7	1	0
Семейная жизнь / Family life	4	2	17	14	26	14	18	4	14	3
Общественная жизнь / Social life	3	3	10	20	39	20	11	6	1	3
Увлечения / Hobbies	2	1	4	19	20	39	8	4	18	1
Физическая активность / Physical activity	0	17	19	18	26	14	14	8	0	0
Примечание. Заполнение таблицы аналогично тому, что описано для таблицы 1 Note. The table is filled in the same way as described in Table 1										

Сферы реализации ценностей по шкале от самой значимой до наименее значимой распределились следующим образом: образование (максимальное количество выборов – 52), профессиональная жизнь (максимальное количество выборов – 43), общественная жизнь и увлечения (максимальное количество выборов – по 39), семейная жизнь и физическая активность (максимальное количество выборов – по 26). Наглядно результаты представлены на графике рисунка 2.

Думается, что выбор образования оказался у студентов ИД – будущих педагогов дошкольного образования – на первом месте как та среда, в которой они непосредственно находятся и будут находиться еще четыре года до окончания обучения, где они в настоящем могут демонстрировать свои ценности, осуществляя самовыражение. Естественно, что обучающиеся стремятся к расширению своего

кругозора, повышению образованности, т. к. именно это для них является главным в период получения высшего образования. Еще более важно, что студенты собираются реализовать свои ценности в профессиональной деятельности. Это является показателем высокой степени осознанности выбора профессии студентами. Учитывая сделанный выше вывод о присутствии самовыражения как составляющей системы ценностных ориентаций будущих педагогов дошкольного образования, приходим к заключению, что в профессиональной деятельности обучающиеся видят среду для самовыражения. Это является благоприятным условием профессионального становления любого специалиста.

Малозначима для респондентов физическая активность, что в отношении будущих педагогов может привести к проблемам со здоровьем.

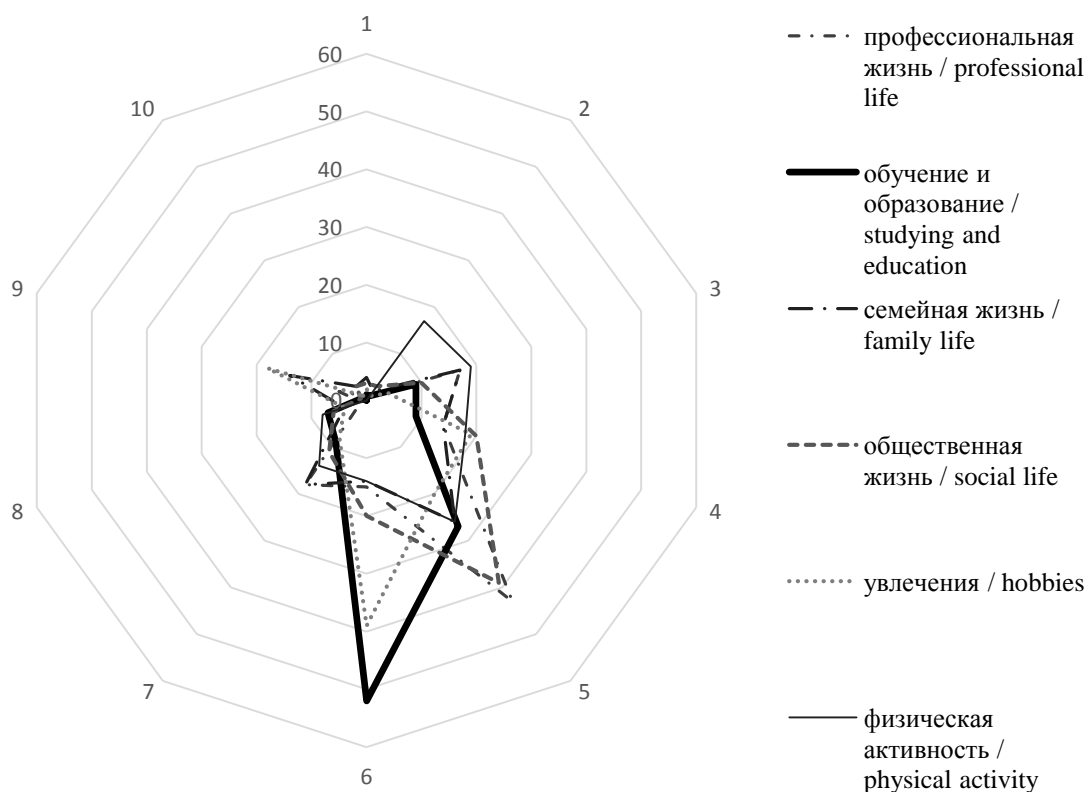

Рис. 2. Распределение значимости для студентов первого курса (будущих педагогов дошкольного образования) сфер реализации жизненных ценностей
Fig. 2. The distribution of spheres of realization of life values significance for first-year students (future teachers of preschool education)

В отличие от зарубежных студентов, респонденты, участвовавшие в нашем исследовании, не отводят значимую роль семье как сфере реализации своих ценностей, как среде для самовыражения. Предполагаем, что такая ситуация может быть обусловлена началом самостоятельного периода в жизни молодых людей, когда они уезжают от родителей учиться в другой населенный пункт, а о своей собственной семье еще не задумываются в силу необходимости решать более насущную в данный момент для них задачу – получение высшего образования.

Что касается построения образовательного процесса в вузе, то сделанные нами вы-

воды позволяют констатировать продуктивность использования контекстного обучения, интегрирующего выбранные респондентами сферы реализации ценностей.

Заключение

Таким образом, основой самовыражения студентов первого курса ИД НГПУ являются такие жизненные ценности, как социальные контакты, развитие себя, достижения. Главные особенности самовыражения систем ценностных ориентаций будущих педагогов: включенность (в разной степени) в состав каждой жизненной ценности студентов; способность выступать предпосылкой для полноцен-

ного развития важных в будущей профессиональной деятельности способностей к коммуникации, взаимодействию, самоорганизации, профессиональному росту. Различия с ценностями зарубежных студентов заключаются в том, что меньшее значение придается семье

как среде самовыражения и реализации ценностей, социальные контакты важны как способ самовыражения с учетом ситуации, норм и требований культуры, а не как средство занять лидерские позиции в коллективе, большое внимание уделяется саморазвитию, включая креативность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Cătălin M. C., Andreea P.** Brands as a Mean of Consumer Self-expression and Desired Personal Lifestyle // *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. – 2014. – Vol. 109. – P. 103–107. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.sbspro.2013.12.427>
2. **Espindola L. S., Silveira M. S.** Self-expression and discourse continuity in a multilevel EUD environment: The case of moodle // *Journal of Visual Languages & Computing*. – 2017. – Vol. 40. – P. 36–50. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jvlc.2017.04.003>
3. **Fatoki O.** The Personal Values of University Students in South Africa // *Mediterranean Journal of Social Sciences*. – 2014. – Vol. 5, № 23. – P. 758–763. DOI: <http://dx.doi.org/10.5901/mjss.2014.v5n23p758>
4. **Flett G. L., Baricza C., Gupta A., Hewitt P. L., Endler N. S.** Perfectionism, psychosocial impact and coping with irritable bowel disease: a study of patients with Crohn's disease and ulcerative colitis // *Journal of Health Psychology*. – 2011. – Vol. 16, Issue 4. – P. 561–571. DOI: <http://dx.doi.org/10.1177/1359105310383601>
5. **Hart W., Adams J., Burton K. A., Tortoriello G. K.** Narcissism and self-presentation: Profiling grandiose and vulnerable Narcissists' self-presentation tactic use // *Personality and Individual Differences*. – 2017. – Vol. 104. – P. 48–57. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.paid.2016.06.062>
6. **Johnson M.** Relations between explicit and implicit self-esteem measures and self-presentation // *Personality and Individual Differences*. – 2016. – Vol. 95. – P. 159–161. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.paid.2016.02.045>
7. **Kocer H.** The Evaluation of the Art Activities Applied in Preschool Education Programmes in Terms of Self-Expression Opportunity Given to Child // *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. – 2012. – Vol. 51. – P. 289–295. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.sbspro.2012.08.161>
8. **Leung J. Y. H., Cheung R. W. L., Chow H.** University Students' Socially Responsible Values and Capacities for Service Leadership // *Promoting Service Leadership Qualities in University Students*. – 2015. – Vol. 6. – P. 177–195. DOI: http://dx.doi.org/10.1007/978-981-287-515-0_12
9. **Liang B., Zhang Y., Chen W., Chen S.** Connotation and Structure of University Students' Marriage Values // *Cross-Cultural Communication*. – 2014. – Vol. 10, № 3. – P. 48–54. DOI: <http://dx.doi.org/10.3968/4722>
10. **Marriott T. C., Buchanan T.** The true self online: Personality correlates of preference for self-expression online, and observer ratings of personality online and offline // *Computers in Human Behavior*. – 2014. – Vol. 32. – P. 171–177. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.chb.2013.11.014>
11. **Mayshak R., Sharman S. J., Zinkiewicz L., Hayley A.** The influence of empathy and self-presentation on engagement with social networking website posts // *Computers in Human Behavior*. – 2017. – Vol. 71. – P. 362–377. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.chb.2017.02.026>

12. **Niessen A. S. M., Meijer R. R., Tendeiro J. N.** Measuring non-cognitive predictors in high-stakes contexts: The effect of self-presentation on self-report instruments used in admission to higher education // *Personality and Individual Differences*. – 2017. – Vol. 106. – P. 183–189. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.paid.2016.11.014>
13. **Thorkildsen T. A., Xing K.** Facebook as a Tool for Enhancing Communication and Self-Expression // *Emotions, Technology, and Social Media* / Ed. Sh. Tettegah. – Elsevier, 2016. – P. 117–138. DOI: <https://doi.org/10.1016/B978-0-12-801857-6.00007-5>
14. **de Vries L., Peluso A. M., Romani S., Leeftang P. S. H., Marcati A.** Explaining consumer brand-related activities on social media: An investigation of the different roles of self-expression and socializing motivations // *Computers in Human Behavior*. – 2017. – Vol. 75. – P. 272–282. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.chb.2017.05.016>
15. **Агавелян О. К., Агавелян Р. О.** Эмпатия как фактор готовности к профессионально-педагогической деятельности // *Гуманизация образования*. – 1995. – № 4. – С. 47–53.
16. **Анистратенко Т. Г.** Социальная рефлексия в форме самовыражения: социально-философский анализ // *Общество и право*. – 2017. – № 2. – С. 275–279.
17. **Бильданова В. Р., Гришанина Э. Д.** Профессиональные ценностные ориентации студентов // *Международный журнал экспериментального образования*. – 2014. – № 6-1. – С. 79–79.
18. **Галкина Г. А., Грибкова Е. И.** Анализ ценностных ориентаций студентов высшего учебного заведения // *Современные проблемы науки и образования*. – 2013. – № 2. – С. 432–432.
19. **Кутейников А. Н., Огарева Е. И.** Ценностные ориентации студентов как фактор адаптации студентов к учебному процессу в вузе // *Фундаментальные исследования*. – 2014. – № 8-4. – С. 989–993.
20. **Лупанова Н. А.** Особенности выявления взаимосвязи информационного развития личности с ее готовностью к профессиональному самовыражению // *Вестник Пензенского государственного университета*. – 2015. – № 1. – С. 47–51.
21. **Омельченко Е. А.** Качественные характеристики становления культуры самовыражения будущих педагогов // *Современные наукоемкие технологии*. – 2016. – № 5-2. – С. 385–389.
22. **Попова И. В.** Принципы реализации аксиологического подхода в развитии культуры эмоционального самовыражения подростка // *В мире научных открытий*. – 2015. – № 1-1. – С. 635–642. DOI: <http://dx.doi.org/10.12731/wsd-2015-1.1-16>
23. **Салютнова В. И., Шибанова Н. М.** Творческое самовыражение детей старшего дошкольного возраста в изобразительной деятельности: структурно-содержательный анализ // *Учебные записки Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета им. Н. Г. Чернышевского*. – 2011. – № 5. – С. 104–109.
24. **Соловьева Е. М., Заусенко И. В.** Ценности и карьерные ориентации студентов педагогического вуза // *Современные проблемы науки и образования*. – 2015. – № 3. – С. 503–503.
25. **Тарасова И. В.** Психологические тенденции профессионального самовыражения преподавателей вуза с различным стажем работы // *Акмеология*. – 2017. – № 3. – С. 64–69.
26. **Чеснокова Г. С., Чесноков В. А.** Проблема исследования субъектности личности в педагогике высшей школы // *Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. Серия: Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика*. – 2015. – Т. 21, № 3. – С. 94–99.
27. **Шкуратова И. П.** Самопредъявление личности в общении: монография. – Ростов-на-Дону: Изд-во Южного федерального ун-та, 2009. – 192 с.

DOI: [10.15293/2226-3365.1801.01](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1801.01)

Elizaveta Alexandrovna Omelchenko, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Theory and Methods of Preschool Education Department, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russian Federation.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-7270-4993>

E-mail: eliam@mail.ru

Galina Sergeevna Chesnokova, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Theory and Methods of Preschool Education Department, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russian Federation.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-4772-6012>

E-mail: galal18@ngs.ru

Ruben Oganesevich Agavelyan, Doctor of Psychological Sciences, Professor, Director of the Institute of Childhood, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russian Federation.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-6494-8544>

E-mail: ruben_h_ag@mail.ru

Self-expression within the value system of prospective preschool educators

Abstract

Introduction. The article focuses on preschool teacher education and examines how self-expression is represented within the professional value system of preschool educators. The purpose of the research is to identify the peculiarities of self-expression within value systems of first-year undergraduate students who are making a degree in the Institute of Childhood of Novosibirsk State Pedagogical University (Russia) and to compare students' values of a range of Russian and foreign universities.

Materials and Methods. The paper draws upon data obtained by means of V.V. Sopov and L.V. Carpushina's morphological test of life values. The cohort of 116 students were recruited for this study. In order to explore values of foreign students, the authors analyzed relevant research publications.

Results. The results of the study indicate that positive experience of self-expression within the framework of initial teacher education contributes greatly to successful professional performance of prospective preschool educators and improves their interpersonal skills. The authors have distinguished two aspects within the structure of self-expression: the internal (self-disclosure) and the external (self-presentation) which contribute to creating the desirable image of prospective educators in the eye of other people. The authors emphasize that self-expression is based on personal values. It can be a separate element of personal values or integrated into other values. The analysis of Russian and foreign studies has shown differences in undergraduate students' values. The study shows that foreign students place special emphasis on values of social contacts and interpersonal interactions. On the other hand, self-expression of Russian students is based on their own needs, desires, and feelings.

Conclusions. The authors conclude that first-year undergraduate students who are making a degree in the Institute of Childhood of Novosibirsk State Pedagogical University place special emphasis on such values as social contacts, self-development, creativity, and achievements.

Keywords

Self-expression; Self-presentation; Self-disclosure; Future teachers; Teacher profession; Professional activity; Realization of social values; Values of students.

REFERENCES

1. Cătălin M. C., Andreea P. Brands as a Mean of Consumer Self-expression and Desired Personal Lifestyle. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, 2014, vol. 109, pp. 103–107. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.sbspro.2013.12.427>
2. Espindola L. S., Silveira M. S. Self-expression and discourse continuity in a multilevel EUD environment: The case of moodle. *Journal of Visual Languages & Computing*, 2017, vol. 40, pp. 36–50. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jvlc.2017.04.003>
3. Fatoki O. The Personal Values of University Students in South Africa. *Mediterranean Journal of Social Sciences*, 2014, vol. 5, no. 23, pp. 758–763. DOI: <http://dx.doi.org/10.5901/mjss.2014.v5n23p758>
4. Flett G. L., Baricza C., Gupta A., Hewitt P. L., Endler N. S. Perfectionism, psychosocial impact and coping with irritable bowel disease: a study of patients with Crohn's disease and ulcerative colitis. *Journal of Health Psychology*, 2011, vol. 16, issue 4, pp. 561–571. DOI: <http://dx.doi.org/10.1177/1359105310383601>
5. Hart W., Adams J., Burton K. A., Tortoriello G. K. Narcissism and self-presentation: Profiling grandiose and vulnerable Narcissists' self-presentation tactic use. *Personality and Individual Differences*, 2017, vol. 104, pp. 48–57. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.paid.2016.06.062>
6. Johnson M. Relations between explicit and implicit self-esteem measures and self-presentation. *Personality and Individual Differences*, 2016, vol. 95, pp. 159–161. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.paid.2016.02.045>
7. Kocer H. The Evaluation of the Art Activities Applied in Preschool Education Programmes in Terms of Self-Expression Opportunity Given to Child. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, 2012, vol. 51, pp. 289–295. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.sbspro.2012.08.161>
8. Leung J. Y. H., Cheung R. W. L., Chow H. University Students' Socially Responsible Values and Capacities for Service Leadership. *Promoting Service Leadership Qualities in University Students*, 2015, vol. 6, pp. 177–195. DOI: http://dx.doi.org/10.1007/978-981-287-515-0_12
9. Liang B., Zhang Y., Chen W., Chen S. Connotation and Structure of University Students' Marriage Values. *Cross-Cultural Communication*, 2014, vol. 10, no. 3, pp. 48–54. DOI: <http://dx.doi.org/10.3968/4722>
10. Marriott T. C., Buchanan T. The true self online: Personality correlates of preference for self-expression online, and observer ratings of personality online and offline. *Computers in Human Behavior*, 2014, vol. 32, pp. 171–177. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.chb.2013.11.014>
11. Mayshak R., Sharman S. J., Zinkiewicz L., Hayley A. The influence of empathy and self-presentation on engagement with social networking website posts. *Computers in Human Behavior*, 2017, vol. 71, pp. 362–377. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.chb.2017.02.026>
12. Niessen A. S. M., Meijer R. R., Tendeiro J. N. Measuring non-cognitive predictors in high-stakes contexts: The effect of self-presentation on self-report instruments used in admission to higher education. *Personality and Individual Differences*, 2017, vol. 106, pp. 183–189. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.paid.2016.11.014>
13. Thorkildsen T. A., Xing K. Facebook as a Tool for Enhancing Communication and Self-Expression. *Emotions, Technology, and Social Media*. Ed. Sh. Tettegah. Elsevier Publ., 2016, pp. 117–138. DOI: <https://doi.org/10.1016/B978-0-12-801857-6.00007-5>

14. de Vries L., Peluso A. M., Romani S., Leeflang P. S. H., Marcati A. Explaining consumer brand-related activities on social media: An investigation of the different roles of self-expression and socializing motivations. *Computers in Human Behavior*, 2017, vol. 75, pp. 272–282. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.chb.2017.05.016>
15. Agavelyan O. K., Agavelyan O. R. Empathy as a factor of readiness for professional-pedagogical activity. *Humanization of Education*, 1995, no. 4, pp. 47–53. (In Russian) URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26546520>
16. Anistratenko T. G. Social reflection in the form of self-expression: social-philosophical analysis. *Society and Law*, 2017, no. 2, pp. 275–279. (In Russian) URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29233579>
17. Bildanova R. V., Grishanina E. D. Professional value orientations of students. *International Journal of Experimental Education*, 2014, no. 6-1, pp. 79–79. (In Russian) URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21477214>
18. Galkina G. A., Gribkova E. I. Analysis of Valuable Orientations of Students of the Higher Educational Institution. *Modern Problems of Science and Education*, 2013, no. 2, pp. 432–432. (In Russian) URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21285786>
19. Kuteynikov A. N., Ogaryova E. I. Valuable Orientations of Students as a Factor of Adaptation of Students to Educational Process in Higher School. *Fundamental Research*, 2014, no. 8-4, pp. 989–993. (In Russian) URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21819771>
20. Lupanova N. A. Features of detection of the interaction between information personal development with its readiness to professional self-expression. *Bulletin of Penza State University*, 2015, no. 1, pp. 47–51. (In Russian) URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23734666>
21. Omelchenko E. A. Qualitative Characteristics of Formation of Self-Expression's Culture of Future Teachers. *Modern High Technologies*, 2016, no. 5-2, pp. 385–389. (In Russian) URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26149244>
22. Popova I. V. Principles of Implementation Axiological Approach to Cultural Development Emotional Expression Teenagers. *Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture*, 2015, no. 1-1, pp. 635–642. (In Russian) DOI: <https://doi.org/10.12731/wsd-2015-1.1-16>
23. Salutnova V. I., Shibanova N. M. Creative Self-expression of Senior Preschool Children in Fine Arts Activity: A Structural and Content Analysis. *Scholarly Notes of Transbaikal State University*, 2011, no. 5, pp. 104–109. (In Russian) URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=17291670>
24. Soloveva E. M., Zausenko I. V. Values and Career Orientation of Pedagogical University Students. *Modern Problems of Science and Education*, 2015, no. 3, pp. 503–503. (In Russian) URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23703931>
25. Tarasova I. V. Psychological Tendencies of Professional Self-Expression of the University Teachers with Different Professional Experience. *Acmeology*, 2017, no. 3, pp. 64–69. (In Russian) <https://elibrary.ru/item.asp?id=29841414>
26. Chesnokova G. S., Chesnokov V. A. The problem of studying personal subjectivity in the pedagogy of higher education. *Bulletin of Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics*, 2015, vol. 21, no. 3, pp. 94–99. (In Russian) URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=24365134>
27. Shkuratova I. P. *Self-presentation of personality in communication*. Monograph. Rostov-on-Don, South Federal University Publ., 2009, 192 p. (In Russian) URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=20106498>

Submitted: 26 September 2017 Accepted: 09 January 2018 Published: 28 February 2018

This is an open access article distributed under the [Creative Commons Attribution License](#) which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work is properly cited. (CC BY 4.0).

© С. Б. Перевозкин, О. О. Андронникова, Ю. М. Перевозкина

DOI: [10.15293/2226-3365.1801.02](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1801.02)

УДК 159.964

РОЛЕВАЯ СТРУКТУРА ПОДРОСТКОВ В МЕЖЛИЧНОСТНОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ

С. Б. Перевозкин, О. О. Андронникова, Ю. М. Перевозкина (Новосибирск, Россия)

Проблема и цель. Раскрывается проблема межличностного взаимодействия подростков – поколения, растущего в быстро изменяющемся мире. Цель статьи – определение ролевой структуры подростков в контексте межличностного взаимодействия.

Методология. Исследование проведено на выборке подростков от 13 до 15 лет, в количестве 139 человек, из них 62 мальчика и 77 девочек, учащиеся 7–9 классов общеобразовательных школ г. Новосибирска. В качестве методов исследования применялись проективный метод, анкетирование и опросники, для изучения проявления ролей в сфере контактов у подростков, ролевого конфликта и особенностей взаимодействия и отношений подростка в группе.

Результаты. Приводятся данные о статистически значимых различиях в проявлении ролевых позиций и ролевого конфликта в зависимости от пола, наличия друзей и направленности подростков $p < 0,05$ (критерий t-Стьюдента), а также о значимых положительных и отрицательных корреляциях между ролевыми образами и оценкой подростками межличностного взаимодействия в группе $p < 0,05$ (критерий r-Спирмена). Утверждается, что подростки, не имея устойчивого мировоззрения, подвержены влиянию негативных факторов. Особенно это касается подростков, испытывающих сложности в межличностном взаимодействии. Предлагается рассматривать межличностное взаимодействие в рамках символического интеракционизма, которое предполагает, что в основе межличностного взаимодействия лежит ролевое поведение субъекта. Освещается тезис о культурной фиксации базисных ролей, участвующих в межличностном взаимодействии. Обосновано, что исследование подросткового возраста в контексте ролевого подхода позволяет вывести понимание проблемы межличностного взаимодействия на новый уровень.

Заключение. На основе полученных результатов делается вывод об особенностях ролевой структуры подростков в межличностном взаимодействии.

Ключевые слова: межличностное взаимодействие; сфера контактов; ролевое поведение; локус ролевого конфликта.

Перевозкин Сергей Борисович – кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии, педагогики и правоведения, Новосибирский государственный университет экономики и управления.

E-mail: per@bk.ru

Андронникова Ольга Олеговна – кандидат психологических наук, декан факультета психологии, Новосибирский государственный педагогический университет.

E-mail: andronnikova_69@mail.ru

Перевозкина Юлия Михайловна – кандидат психологических наук, заведующая кафедрой практической и специальной психологии, Новосибирский государственный педагогический университет.

E-mail: per@bk.ru

Постановка проблемы

Актуальность исследования обусловлена реформами в образовательной, политической, социальной и других сферах жизнедеятельности человека. Согласно Концепции развития образования РФ до 2020 г.¹ модернизация системы образования выступает основой и необходимым условием для формирования инновационной экономики, обеспечения устойчивого и динамичного развития общества с высоким уровнем жизни. Указанные реформы, прежде всего, направлены на подрастающее поколение, от которого зависит будущее общества, его культурное и экономическое благополучие, духовное и нравственное развитие. В работах отечественных и зарубежных исследователей обсуждаются социальные проблемы поколения, рожденного в информационном пространстве и растущего в быстро изменяющемся мире [5; 7; 9; 11; 22; 26] и др. В западном обществе жизнь молодых людей широко интерпретируется через дискурс «нормального подросткового возраста» [9], отражающего этап на пути ко взрослой жизни (P. Alan and A. James²), характеризующийся эмоциональными потрясениями и иррациональным поведением [1; 3; 10; 11; 16–18; 22; 23].

Кризисные явления, сопровождающие реформирование российского общества, возникающие мировые угрозы в виде экстремистских, сепаратистских и террористических явлений – все это зачастую приводит к тому, что подростки, не имея целостного устойчивого мировоззрения, легко вступают в различные группировки, носящие экстремистский и криминальный характер [25]. При этом следует

отметить, что особую группу риска представляют подростки, испытывающие сложности в межличностном взаимодействии. Как показывают исследования, на конфликтные отношения между сверстниками влияют взаимоотношения в семье [17; 23], конфликты с учителями [28], злоупотребление подростками психоактивных веществ [26], виктимизация [1; 16], а также чрезмерное использование технических средств общения [27; 29]. Возрастание информационных потоков и как следствие увеличение насыщенности и интенсивности процессов обмена этой информацией, приводит к пониманию исключительности роли общения в современном мире [27; 29]. Увеличение технических средств, посредством которых происходит межличностное взаимодействие, выступает еще одной причиной, заставляющей задуматься о необходимости обратить внимание на роль общения и сделать эту проблему предметом специального рассмотрения. Решение проблемы межличностного взаимодействия подростков в условиях динамично меняющегося социального пространства возможно в русле ролевого подхода, согласно которому социализация – это процесс принятия и исполнения ролей и ролевых ожиданий, выступающих связующим звеном между группой и индивидом [12; 19]. Основываясь на исследованиях влияния социальных ролей на межличностное взаимодействие [2; 5–7; 12; 14; 15; 17–19; 21], мы ожидаем, что учет социальных ролей в интеракциях позволит предсказать позитивные отношения и групповые девиации.

¹ Федеральная целевая программа развития образования на 2006–2010 годы: утверждена постановлением Правительства Российской Федерации от 23.12.2005 № 803 // Вестник образования России. – 2006. – № 1. – С. 12–54.

² Prout A., Allison J. A New Paradigm for the Sociology of Childhood? Provenance, Promise and Problems. // Constructing and Reconstructing Childhood / edited by A. James and A. Prout. – Basingstoke, Hampshire: The Falmer Press, 1990. – P. 7–34.

Идея межличностного взаимодействия выступает основой понимания интерактивной природы общения [12; 19]. В теории транзактного анализа Э. Берна³ рассматривается влияние эго-состояний на особенности межличностного взаимодействия. Определяя транзакцию в качестве единицы общения, состоящей из стимула и реакции, автор отмечает, что во время обмена транзакциями происходит взаимодействие между эго-состояниями партнеров по общению. Э. Берна выделяет три эго-состояния: Родитель – назидательная позиция; Ребенок – побуждающая позиция; Взрослый – состояние, способствующее получению объективной информации и принятию решений на основе ее оценке. С точки зрения Э. Берна, возможны три вида транзакций: взаимодействие между партнерами по общению, находящимися в одном и том же эго-состоянии (параллельные транзакции); коммуникация между людьми с разных эго-позиций (пересекающиеся транзакции); общение между людьми, транслирующими не соответствующие их внутренним состояниям эго-позиции, манипулятивное взаимодействие (скрытые транзакции). В теории диадического взаимодействия Г. Келли и Д. Тибо⁴ межличностное взаимодействие представляет обмен поведенческими реакциями и оценку соотношения выгод к потерям. В случае преобладания выгод над потерями межличностное взаимодействие будет продолжаться, в случае обратного соотношения – прервется. К. Левин⁵ в своей тео-

рии поля понимал межличностное взаимодействие как соотношение между людьми, обусловленное внутренними потребностями (волевое поведение) и внешними объектами (полевое). Т. М. Newcomb [20] полагал, что взаимодействие детерминировано сходными ориентациями и отношениями партнеров по общению. Рассматривая общение в качестве одного из множества факторов интеракции, А. А. Леонтьев⁶ видит во взаимодействии коллективную, социально организованную деятельность. В то же время Б. Ф. Ломов⁷, отрицая понимание общения как частного вида деятельности, утверждает, что общение является самостоятельной активностью субъектов, результат которой включает отношение двух индивидов. Именно в процессе межличностного общения, отмечает Б. Ф. Ломов, возникают особые человеческие отношения, выступающие фундаментом взаимодействия субъектов. Г. М. Андреева⁸ выделяет в общении три взаимосвязанные стороны: коммуникативная – обмен информацией; перцептивная – восприятие партнерами друг друга и установление на этой основе взаимопонимания; интерактивная – обмен действиями (взаимодействие) между партнерами по общению. Таким образом, мы можем говорить о межличностных отношениях, межличностной коммуникации и межличностном взаимодействии, которые активно представлены в сфере контактов и могут выступать ее структурными компонентами.

³ Берна Э. Игры, в которые играют люди: Психология человеческих взаимоотношений; Люди, которые играют в игры: Психология человеческой судьбы. – М.: Фаир-Пресс, 2000. – 480 с.

⁴ Келли Г., Тибо Дж. Межличностные отношения. Теория взаимозависимости // Современная зарубежная социальная психология. Тексты. – М.: Изд-во Московского университета, 1984. – С. 61–81.

⁵ Левин К. Динамическая психология. – М.: Смысл, 2001. – 576 с.

⁶ Леонтьев А. А. Психология общения. – М.: Смысл; Академия, 2007. – 368 с.

⁷ Ломов Б. Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. – М.: Наука, 1999. – 350 с. <https://elibrary.ru/item.asp?id=22788983>

⁸ Андреева Г. М. Социальная психология. – М.: Аспект Пресс, 2002. – 364 с.

Интеракции были положены в основу подхода Г. Н. Мид [19], который предполагал, что в основе любого взаимодействия лежит ролевое поведение. С точки зрения автора символического интеракционизма, индивид проигрывает во внутреннем плане роль партнера по общению, а затем реагирует на свои реакции. В теоретической концепции Е. Гoffman [12] субъект получает выгоду от интеракции, адаптируясь к конкретной ситуации посредством «надевания на себя маски». М. Neale и М. А. Griffin [21] предлагают модель индивидуального восприятия ролей и их трансформации, основанную на трех компонентах: ролевых требованиях к индивиду, выполняющему конкретную роль в организации; ролевых схемах, базирующихся на более широких общественных ожиданиях относительно данной роли; ролевая специфика селф-компонента. В разработанной модели ролевых восприятий авторами демонстрируется, что убеждения субъекта относительно роли влияют на их ролевую реализацию. Схожей позиции придерживается Н. Burdett [8], который утверждает, что ролевое поведение индивида зависит от трех компонентов: формальной организации, набора ролей и конкретного лица. Существенное добавление, с нашей точки зрения, вносит Т. Парсонс⁹, указывая, что роль представляет адаптационный компонент, реализуемый в виде приспособления как к внутренней ситуации, так и к изменениям внешней среды. Автор отмечает, что для эффективного взаимодействия необходимо учитывать ролевые ожидания исполнителя роли и его представления об ожиданиях относительно его

действий других. Ролевые ожидания понимаются Г. Н. Мид [20] и его последователями¹⁰ как культурно закрепленные стереотипы, которые включены в конкретные права и обязанности в процессе реализации роли. Именно тезис о культурной фиксации ролевых представлений лег в основу импозо-ролевой концепции Ю. М. Перевозкиной [4], по мнению которой существуют основные роли (ролевые импозиты, от лат. *impositio* – основной), представляющие базисные ролевые модели, участвующие в межличностном взаимодействии. На центральную позицию роли в контексте межличностного взаимодействия указывает И. С. Кон¹¹, отмечающий двойственность этого взаимодействия. С одной стороны, личность определяет реализацию роли, с другой – роль влияет на личность, создавая неповторимую ролевую комбинацию. И. С. Кон¹² придерживается мнения, что исследования подросткового возраста в контексте ролевого подхода позволяют вывести понимание проблемы межличностного взаимодействия на новый уровень, что в свою очередь определяет направление настоящего исследования. Таким образом, несмотря на имеющиеся в литературе критические замечания относительно места теории ролей в науке [15], необходимо подчеркнуть, что ролевой подход является эвристическим для изучения подрастающего поколения, т. к. именно в подростковом возрасте индивид приобретает новые социальные роли, подросток входит в новые социальные группы, именно в этом возрасте как никогда становится актуальной сфера контактов. В связи с этим авторы ставят перед собой **цель** – определение

⁹ Парсонс Т. О структуре социальных действий. – М.: Академический Проект, 2002. – 880 с.

¹⁰ Blumer H. Symbolic Interactionism: Perspective and Method. – Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1992. – 224 p.

¹¹ Кон И. С. Социология личности. Над чем работают, о чем спорят философы. – М.: Политиздат, 1967. – 383 с.

¹² Кон И. С. Психология старшеклассника. – М.: Просвещение, 2007. – 192 с.

ролевой структуры подростков в контексте межличностного взаимодействия.

Методология исследования

В нашей работе мы придерживаемся основных позиции ролевой теории, рассматривающей активное освоение, ролевую трансляцию и ролевое взаимодействие в интеракциях подростков, а также учитываем процесс их собственного социального творчества по формированию ролевых моделей востребованных новой социальной реальностью. Кроме того, как указывает И. С. Кон¹³, освоение подростками новой социальной реальности сопровождается многочисленными ролевыми конфликтами. Ролевой конфликт, по мнению автора, выступает как отражение кризиса между ролевыми ожиданиями и представлениями индивида о конкретной роли. Вместе с тем мы принимаем позицию Э. Эриксона¹⁴, отмечающего уникальность ролевого конфликта подросткового возраста, состоящего в кризисе между становлением идентичности и ролевым смешением. Схожее понимание ролевого конфликта транслируется в научных трудах П. П. Горностая¹⁵, считающего, что ролевой конфликт возникает в дисгармоничный переход из одной жизненной стадии к другой, при этом индивид не может свободно реализовывать свои роли в поведении, блокируя их проявление. Такой ролевой конфликт, с точки зрения П. П. Горностая [2], сопровождается дисгармоничным развитием личности. J. Spurlock [24] отмечает, что общественные ожидания могут отличаться от собственных ролевых ожиданий конкретного индивида и противоречить его целям. Множественность и совпаде-

ние ролей, с точки зрения автора, часто провоцируют конфликт и стресс. В связи с этим нами была выдвинута рабочая гипотеза о связи ролевого конфликта, деструктивных ролей с дисгармоничным межличностным взаимодействием подростков.

В контексте обозначенного при проведении исследования подбирались методы по трем направлениям:

1) проявление ролей в сфере контактов у подростков – методика «Калейдоскоп» (Ю. М. Перевозкина, Л. В. Панышина, О. О. Андроникова, Н. В. Дмитриева, патент № 2625284 зарегистрирован 12 июля 2017 г.); опросник «Определение ролевых позиций в межличностных отношениях» (Э. Берн);

2) особенности взаимодействия и отношений подростка в группе – анкета «Отношение и взаимодействие подростка в группе» (Ф. Прюс);

3) локус ролевого конфликта, предполагающий конформное поведение подростка (экстернальный локус ролевого конфликта) и ориентация на внутренние детерминанты ролевого поведения (интернальный локус ролевого конфликта) – опросник «Локус ролевого конфликта» (П. П. Горностай).

В исследовании приняли участие подростки от 13 до 15 лет, в количестве 139 человек, из них 62 мальчика и 77 девочек, учащиеся 7–9 классов общеобразовательных школ г.Новосибирска. В качестве статистических методов были использованы частотный анализ, корреляционный анализ по критерию r -Пирсона, сравнительный анализ по критерию t -Стьюдента, соответствие эмпирического распределения нормальному виду

¹³ Кон И. С. Психология старшеклассника. – М.: Просвещение, 2007. – 192 с.

¹⁴ Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. – М.: Флинта; МПСИ; Прогресс, 2006. – 352 с.

¹⁵ Горностай П. П. Ролевая социализация личности: психотерапевтический ракурс // Научные записки Института психологии им. Г. С. Костюка. – К.: Нора-Друк, 2001. – С. 91–100.

подтверждалось критерием d -Колмагорова–Смирнова ($p > 0,05$).

Результаты и их обсуждение

Согласно данным, полученным по методике «Калейдоскоп», было выявлено, что в структуре межличностных отношений у подростков в большей степени представлены роли: девы ($M = 1,7$ баллов), героя ($M = 1,7$

баллов) и ведьмы ($M = 1,6$ балла) (рис. 1). Несколько меньше выражена роль трикстера ($M = 1,14$ балла). Роли героя и девы отражают период молодости, что является когерентным подростковому периоду. Кроме того, важно отметить, что обе роли имеют созидательную направленность, демонстрирующую осуществление созидательной деятельности в группе подростков.

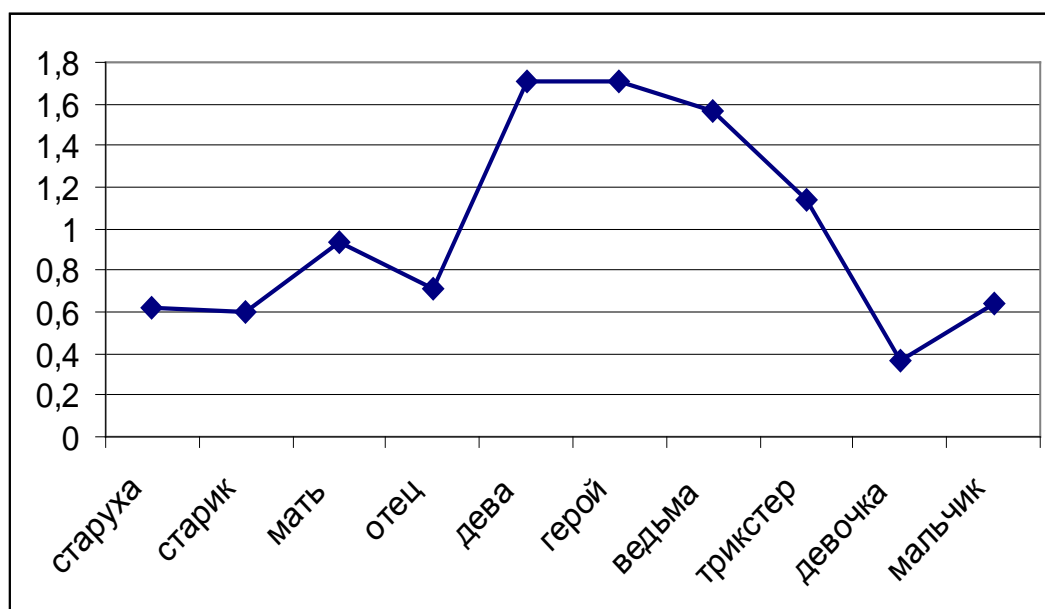

Рис. 1. Импазо-ролевой профиль подростков в сфере контактов

Fig. 1. Impaso-role profile of adolescents in the sphere of contacts

Вместе с тем наблюдается деструктивная разрушительная тенденция в межличностном взаимодействии у подростков, реализуемая в двух ролях: трикстера и ведьмы.

Исследование ролевой выраженности и ролевого конфликта в зависимости от пола, направленности и наличия друзей у подростков, показали статистически значимые различия ($p < 0,05$). Представленность той или иной роли в ролевом профиле зависит от пола ($p <$

$0,05$) (табл. 1). Девочки отличаются выраженностью эго-состояния ребенка ($M = 46,26$ балла), отражающего состояние побуждающей позиции в отличие мальчиков ($M = 38,41$ балла). Это доказывает, что для девочек характерны такие черты, как открытость, непосредственность, эмоциональность. Они более спонтанны, испытывают радость и любопытство, при этом отличаются капризностью и боязливостью.

Таблица 1

**Различия ролевой выраженности и ролевого конфликта у мальчиков
и девочек (критерий t -Стьюдента, $N = 139$)**

Table 1

Differences in the role and role conflict in boys and girls (test t -Student, $N = 139$)

Роли	M – муж- ской	M – жен- ский	t -знач.	P	N – муж- ской	N – жен- ский	d -К-С	p
Ребенок	38,41	46,26	-4,38	0,000	62	77	0,023	0,919
Отец	0,98	0,49	2,43	0,017	62	77	0,438	0,133
Старик	0,85	0,40	2,31	0,022	62	77	0,767	0,019
Мать	0,68	1,14	-2,13	0,035	62	77	0,308	0,278
Дева	1,40	1,95	-1,96	0,050	62	77	0,039	0,881
Мальчик	0,85	0,47	1,95	0,050	62	77	0,592	0,065

При анализе различий ролей в сфере контактов необходимо отметить преобладание ролей, согласующихся с полом респондентов (табл. 1). У девочек ролевая структура в межличностном взаимодействии характеризуется выраженностью женских ролей: на первых позициях – дева ($M = 1,95$ балла) и на вторых позициях – мать ($M = 1,14$ балла). Роль девы относится к периоду молодости, что соответствует возрастному периоду подростков, тогда как ролевой импозит матери – к периоду взрослости. Объединяющим началом для двух этих ролей выступает эмоциональность, чувствительность, однако для девы в большей степени характерны игривость, чистота и подчиненность в отношениях, а для матери – забота об окружающих [7]. У мальчиков в сфере контактов преобладает роль отца ($M = 0,98$ баллов) – относится к периоду взрослости и предполагает руководящие функции, а на вторых позициях обнаружены две роли: мальчика ($M = 0,85$ баллов) – относится к периоду детства; и старика ($M = 0,85$ баллов) – относится к периоду старости. Интересно, что мальчики не используют в сфере контактов когерентные (согласованные) с возрастом

роли – все роли относятся к другим возрастным периодам. Итак, отталкиваясь от полученных результатов, можно утверждать, что в межличностном взаимодействии мальчики реализуют руководящую роль (отец), но при этом тяготеют к свободе в отношениях, спонтанности и находчивости (мальчик), удивительным образом сочетая трансляцию знаний, занудство и назидательность в межличностных отношениях (старик). Таким образом, большинство исследованных подростков демонстрируют соответствие своей гендерной роли в межличностном взаимодействии, что говорит об их успешной социализации. Полученные нами результаты согласуются с данными других ученых в этой области. Так, проведенные Н. К. Ма [18] исследования асоциального поведения китайских подростков ($N = 505$), демонстрируют, что просоциальное поведение положительно связано как с мужественностью, так и с женственностью. Автор выявил, что мальчики, в отличие от девочек, более склонны к совершению асоциальных проступков. Вместе с тем в его исследовании было показано, что ролевое гендерное несоответствие в большей степени обуславливает делинквентное поведение. Вместе с тем в научной работе S. Kulis,

F. F. Marsiglia, J. L. Nagoshi [15] было доказано, что чрезмерная ролевая идентификация с гендером обуславливает интернализацию и экстернализацию ролевого конфликта. Авторы на выборке 171 подростка (60 мальчиков и 91 девочка) американских мексиканцев показали, что употребление психоактивных веществ (алкоголь, сигареты, марихуана) положительно связаны с агрессивной мужественностью у мальчиков и аффективной женственностью у девочек. Авторы делают вывод, согласующийся с нашими данными, что отрицательные гендерные роли статистически чаще детерминируют более высокий уровень употребления психоактивных веществ, при этом такой эффект почти полностью опосредовался интернализацией и экстернализацией проблем. Исследования J. Anthrop, M. T. Allison [7] старших школьников, занимающихся спортом, показали тенденцию к тому, что девушки-спортсменки, участвующие в социально одобренных видах спорта, столкнулись с конфликтом интересов в принятии роли женщин ($p \leq 0,07$). Согласно исследованиям, проведенным Хуейан Янг, Синхонг Ванг, Лин Zhang, J. C. Weidman [30], направленное упорство китайских студентов статистически зна-

чимо связано с гендерными ролевыми конфликтами и интернализацией профессиональной роли; однако структура ассоциаций различалась у мужчин и женщин. Для учащихся мужского пола конфликт гендерной роли и интернализация профессиональной роли были связаны с направленным упорством; однако для женщин студенток взаимосвязь между интернализацией профессиональной роли и направленным упорством была обусловлена конфликтом гендерной роли.

Приведенные данные исследований позволили продвинуть гипотезу еще на шаг вперед и подтвердить предположение, что ролевой конфликт в межличностных отношениях мешает конструктивному взаимодействию подростков. Для проверки выдвинутого предположения мы исследовали различия в локусе ролевого конфликта в зависимости от субъективного определения подростками наличия или отсутствия друзей (табл. 2). Результаты сравнения показали, что подростки, отмечающие отсутствие друзей, характеризуются экстернальным локусом ролевого конфликта ($M = 6,5$ балла при $p = 0,01$), тогда как респонденты, утверждающие наличие друзей, имеют промежуточный тип локуса ролевого конфликта ($M = 12,08$ балла), отличающийся гармоничным развитием личности [2].

Таблица 2

Различия ролевого конфликта в зависимости от субъективного восприятия наличия друзей (критерий t -Стьюдента)

Таблица 2

Differences in the role conflict depending on the subjective perception of having friends (test t -Student)

Переменная	M – да	M – нет	t -знач.	p	N – да	N – нет	d -К-С	p
Локус ролевого конфликта	12,08	6,50	2,61	0,012	100	30	0,499	0,493

Полученные результаты позволяют говорить о нарушении нормального ролевого раз-

вития у подростков с неконформным поведением (интернальный тип), которое приводит к внешнему ролевому конфликту – тенденции

отстаивать собственную ролевую идентичность и строить ролевое поведение в соответствии с ней, даже если она противоречит выполняемой роли, порождают агрессивные реакции, направленные на окружающих. Такое поведение обуславливает трудности в установлении и удержании близких дружеских отношений у подростков. Согласно J. L. Terrien, M. Rocchi, S. O'Rielly [26] подростки, оценивающие свое качество дружбы как низкое, демонстрируют асоциальное поведение и злоупотребление психоактивными веществами.

В контексте исследуемой проблемы приобретают особое значение результаты С. Н. Панцырь и А. П. Новгородцевой [3], показавшие, что подростки с девиантным поведением отличаются индивидуалистическим и эгоистическим отношением к сверстникам, при этом не осознают внутренние конфликты. В научной статье О. А. Халифаевой [6] было доказано ($p < 0,05$), что юноши и девушки с экстернальным типом локуса ролевого конфликта обладают меньшей социальной креативностью, в отличие от подростков с интернальным локусом ролевого конфликта, что позволило автору сделать вывод об их неспособности к адаптации в условиях ролевой неопределенности. Согласно исследованиям K. Jaskyte [14], проводившимся на 210 студентах, при освоении новой социальной роли индивидуальная, инвестиционная и фиксированная тактики приводят к снижению двусмысленности роли, в свою очередь тактика инвестиций приводит к снижению ролевого конфликта.

Кроме того, доказательность выдвинутого предположения обусловлена различиями в локусе ролевого конфликта в зависимости от направленности подростков ($t = -2,19$, при $p = 0,03$). Результаты сравнения показали, что респонденты с деструктивной направлен-

ностью, ориентированной на разрушение межличностных отношений, имеют интернальный локус ролевого конфликта (табл. 3). В исследовательской статье О. В. Рубцовой [5] доказано, что локус ролевого конфликта обусловлен таким предикторами, как гипертимность и интравертированность ($p < 0,05$). Подростки с высокими показателями гипертимности и интравертированности демонстрируют интернальный локус ролевого конфликта с ориентацией на внешние детерминанты ролевого поведения, ролевые ожидания, и в случае их противоречия Я-идентичности подростка развивается внутриличностный ролевой конфликт.

В данном контексте мы можем предполагать, что подростки с жизнерадостным, оптимистичным отношением к окружающим, отличающиеся щедростью, отзывчивостью и добротой в межличностных отношениях не имеют ролевого конфликта, гармонично сочетая социальные ожидания с собственной идентичностью. В то же время подростки с разрушительным отношением к социальному пространству характеризуются интернальным локусом ролевого конфликта, предполагающим ориентацию на внутренние установки, которые могут входить в противоречие с ролевыми ожиданиями окружающих. Один из самых главных выводов из сказанного состоит в том, что интернальный тип ролевого конфликта характеризуется разрушением межличностных взаимоотношений, при этом такие подростки предпочитают в межличностном взаимодействии роли с деструктивной направленностью (ведьма и трикстер). Это утверждение до некоторой степени может рассматриваться как гипотеза, которую еще предстоит обсудить более подробно. Между тем, важно обратить внимание, что подростки с созидательной направленностью в межличностных отношениях характеризуются выраженностью

двумя ролевыми позициями: взрослый, отвечающий за рациональность и здравый смысл, и ребенок, дающий спонтанность, яркие впечатления, творчество и эмоциональность. Ролевая выраженность девы и девочки (положительная статистически значимая корреляция: $r = 0,45$ при $p = 0,03$) (табл. 4) у подростков с созидательной направленностью, ориентированной на построение конструктивных взаимоотношений, также отличается наивностью, эмоциональностью и любопытством (табл. 3). Обе роли связаны положительно с потребностью в освобождении от ограничений и

в любознательности, ассоциируемые М. Люшером¹⁶, с желтым цветом ($r = 0,4$ при $p < 0,03$). Роль матери, реализующая заботу о близком, положительно взаимосвязана с эго-состоянием родителя, отражающим назидательность в отношениях ($r = 0,42$ при $p = 0,01$). Роль отца (руководящая роль) и мальчика (свобода, игривость и творчество) положительно связаны потребностью в признании со стороны окружающих, воплощенных в зеленом цвете¹⁷, реализуемых через самоутверждение (положительная корреляция с положением роли справа внизу).

Таблица 3

Различия ролевой выраженности и ролевого конфликта в зависимости от направленности (критерий t -Стьюдента)

Table 3

Differences in the role and role conflict depending on the direction (test t -Student)

Переменные	M – созидательная	M – деструктивная	t -знач.	p	N – созидательная	N – деструктивная	d -К-С	p
Ведьма	0,78	2,98	-7,48	0,000	70	69	1,038	0,150
Трикстер	0,56	1,92	-4,39	0,000	70	69	0,501	0,256
Старик	1,12	0,20	3,84	0,000	70	69	1,458	0,123
Старуха	0,78	0,29	2,25	0,027	70	69	0,551	0,324
Дева	2,10	0,24	2,67	0,009	70	69	1,008	0,171
Мать	1,22	0,59	2,45	0,016	70	69	1,327	0,165
Девочка	1,66	0,22	2,27	0,026	70	69	0,725	0,230
Родитель	41,49	35,31	2,69	0,009	70	69	1,034	0,920
Ребенок	47,76	42,23	2,46	0,016	70	69	1,660	0,104
Локус ролевого конфликта	11,29	17,20	-2,19	0,031	70	69	1,340	0,331

Роли старика и старухи, представленные в структуре межличностных отношений у подростков с созидательной направленностью,

отражают такие качества, как мудрость и подверженность традициям в отношениях, реали-

¹⁶ Люшер М. Цветовой тест Люшера. – М.: АСТ; СПб.: Сова, 2006. – 190 с.

¹⁷ Драгунский В. В. Цветовой личностный тест: практическое пособие. – М.: АСТ, Мн.: Харвест, 2001. – 441 с.

зуемых через критический самоанализ (положительно связана с положением роли в левой стороне снизу) (табл. 4) [4]. И, наконец, две роли с деструктивной направленностью – ведьма и трикстер – отрицательно связаны с эго-состоянием «родитель» ($r = -0,4$ при $p < 0,05$). Это свидетельствует, что подростки с преобладанием указанных ролей в сфере контактов не подчиняются правилам, общественным ожиданиям в межличностном взаимодей-

ствии¹⁸. Кроме того, в подтверждении выдвинутому ранее предположению роль ведьмы (эгоцентричность, мистицизм, мстительность) связана с интернальным локусом ролевого конфликта. Соответственно, подростки с выраженностью этой роли в межличностном взаимодействии ориентированы на свои внутренние потребности и входят в конфликт с принятыми в обществе нормами поведения. Все описанные выше результаты схематично представлены на рисунке 2.

Таблица 4

Ранговые корреляции между выраженностью ролевой позиции, ролевым конфликтом, ролевыми потребностями (цвет) и способом достижения ролевой потребности (место положения роли) по критерию r -Спирмена

Table 4

Rank correlations between the prevalence of the role position, role conflict, role needs (color) and the way to achieve role-based needs (location of the role) by the test r -Spearman

Взаимосвязанные переменные	Число наблюдений	Спирмена – R	p -уров.
Дева & Желтый	139	0,48	0,001
Герой & Взрослый	139	-0,43	0,008
Девочка & Ребенок	139	0,45	0,003
Девочка & Желтый	139	0,39	0,025
Мальчик & Зеленый	139	0,39	0,023
Мальчик & ПН (справа внизу)	139	0,37	0,040
Трикстер & Родитель	139	-0,44	0,005
Ведьма & Родитель	138	-0,37	0,041
Ведьма & Локус ролевого конфликта	139	0,38	0,038
Мать & Родитель	139	0,42	0,010
Отец & Зеленый	139	0,39	0,028
Старуха & ЛН (слева внизу)	139	0,38	0,039

¹⁸ Берн Э. Игры, в которые играют люди: Психология человеческих взаимоотношений; Люди, которые играют в игры: Психология человеческой судьбы. – М.: Фаир-Пресс, 2000. – 480 с.

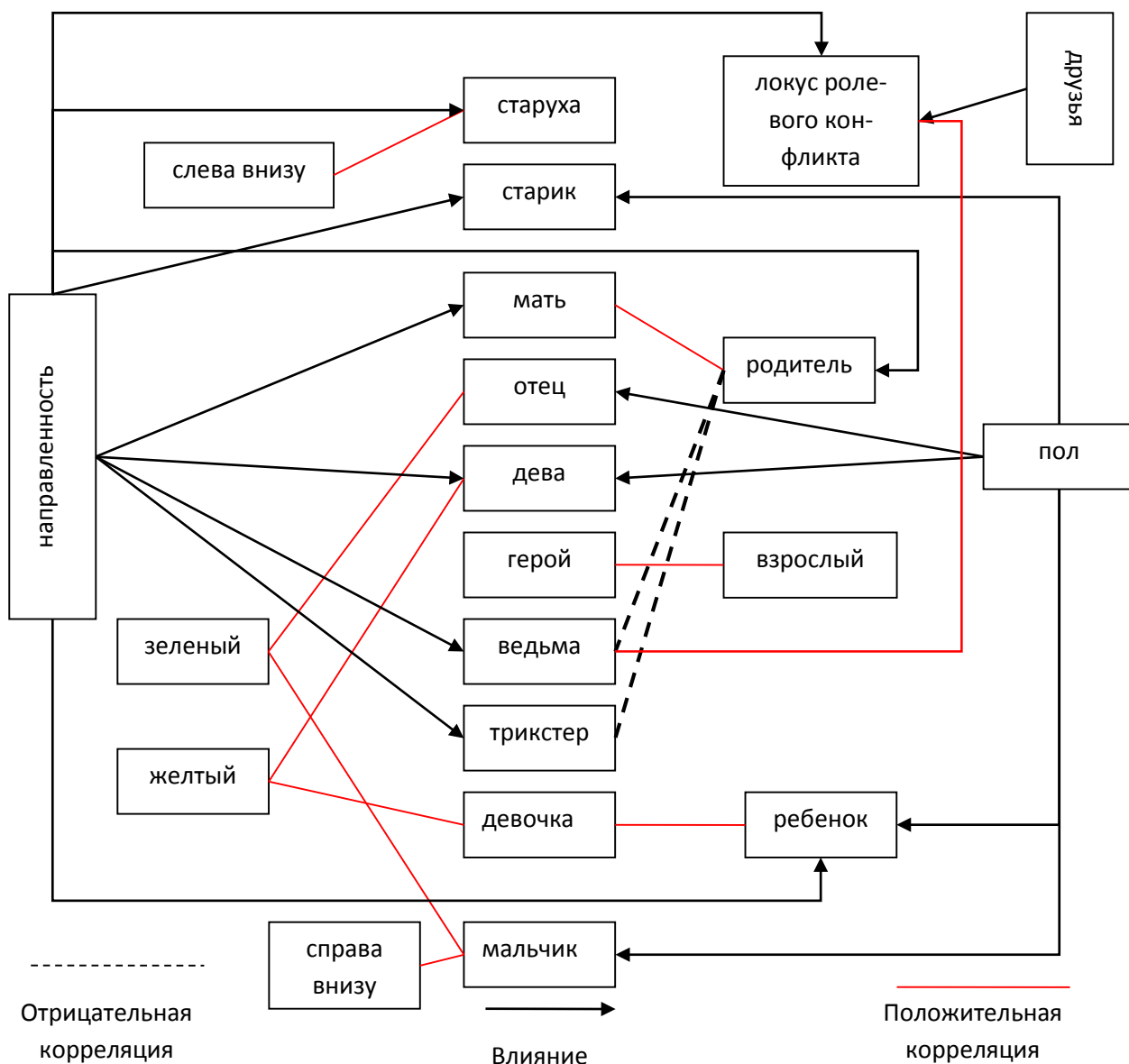

Рис. 2. Ролевая структура подростков в сфере контактов
 Fig. 2. The structure of role of adolescents in the sphere of contacts

Таким образом, тщательное рассмотрение полученных результатов позволило продвинуть нашу гипотезу еще на шаг вперед и частично подтвердить предположение, что интернальный ролевой конфликт, деструктивная направленность и деструктивные роли ведьмы и трикстера, способствуют негармоничному

межличностному взаимодействию. Для окончательного доказательства выдвинутой гипотезы мы провели корреляционный анализ (критерий r -Спирмена) между ролями и самооценкой подростками своего взаимодействия в группе и отношения к ней (табл. 5).

Таблица 5

Ранговые корреляции между выраженностью ролевой позиции и самооценкой взаимоотношений в группе по критерию r -Спирмена

Table 5

Rank correlations between the prevalence of the role position and the self-assessment of the relationship in the group by the test r -Spearman

Взаимосвязанные переменные	Число наблюдений	Спирмена – R	p -уров.
Герой & Сплоченность в группе	139	–0,45	0,001
Герой & Количество групп	139	–0,37	0,030
Дева & Самочувствие в группе	139	0,41	0,006
Дева & Важность группы	139	0,39	0,015
Дева & Право голоса в группе	139	0,53	0,000
Дева & Поддержка в группе	139	0,35	0,045
Дева & Удовлетворенность взаимоотношениями с окружающими людьми	139	0,37	0,021
Отец & Время нахождения в группе	139	0,48	0,001
Отец & Количество групп	139	0,38	0,019
Отец & Удовлетворенность общением с друзьями	139	0,36	0,034
Девочка & Самочувствие в группе	139	0,37	0,025
Девочка & Время нахождения в группе	139	–0,38	0,030
Старуха & Самочувствие в группе	139	–0,47	0,000
Старуха & Важность группы	139	–0,60	0,000
Старуха & Сплоченность в группе	139	–0,38	0,023
Старуха & Право голоса в группе	139	–0,36	0,044
Старуха & Удовлетворенность взаимоотношениями с окружающими людьми	139	0,43	0,002
Старуха & Время нахождения в группе	139	–0,42	0,009
Старуха & Количество групп	139	–0,56	0,000
Трикстер & Самочувствие в группе	139	0,36	0,039
Ведьма & Удовлетворенность взаимоотношениями с окружающими людьми	139	–0,48	0,000
Ведьма & Удовлетворенность общением с друзьями	139	–0,36	0,027

Результаты корреляционного анализа позволяют утверждать, что наиболее эффективными ролями в межличностном взаимодействии подростков выступают: ролевой импозит девы (пять положительных взаимосвя-

зей с оцениванием межличностного взаимодействия в группе) (рис. 3) и ролевой импозит отца (три положительных взаимосвязи с оцениванием межличностного взаимодействия в группе) (рис. 3).

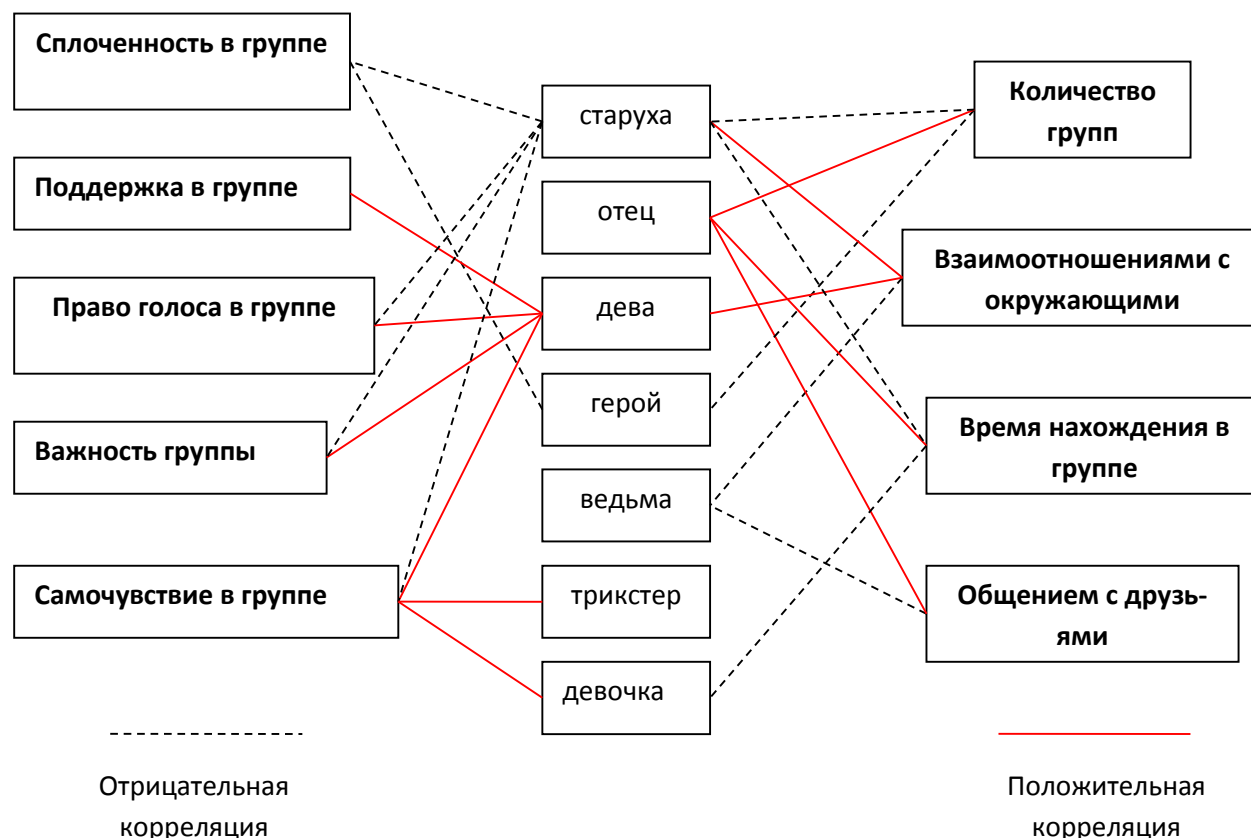

Рис. 3. Имазо-ролевая модель корреляций подростков в сфере контактов

Fig. 2. Imaso-role model of correlation of adolescents in the sphere of contacts

Итак, чем выше ролевая представленность в сфере контактов ролевого импозита девы у девочек, характеризующегося конформностью, ориентацией на мнение окружающих, чувствительностью [4], тем больше представительницы женского пола удовлетворены взаимоотношениями с окружающими ($r = 0,37$ при $p = 0,02$). Они оценивают свое самочувствие в группе как высокое ($r = 0,4$ при $p = 0,006$), ощущая важность группы ($r = 0,4$ при $p = 0,01$) и поддержку в группе ($r = 0,35$ при $p = 0,04$), отмечая возможность права голоса в группе ($r = 0,53$ при $p = 0,000$). Роль отца, более выраженная у мальчиков, связана с большим количеством групп ($r = 0,38$ при $p = 0,02$), увеличенным временем нахождения в группе ($r = 0,48$ при $p = 0,001$), кроме того,

они в большей степени удовлетворены общением с друзьями ($r = 0,36$ при $p = 0,03$). Один из самых главных выводов из сказанного состоит в том, что девочки, реализуя соответствующую им роль по полу и возрасту – роль девы – испытывают эмоциональный комфорт от своего нахождения в группе. Тогда как для мальчиков важной ролью в групповом взаимодействии является роль отца, позволяющая им эффективно общаться в большом количестве разнообразных групп. Результаты исследования Н. Gerardy, N. S. Mounts, A. E. Luckner, D. P. Valentinер [11] показали, что подростки со свободным взаимодействием со сверстниками, демонстрируют высокий уровень просоциального поведения и хорошую социальную интеграцию в группу.

Интересным фактом стала отрицательная взаимосвязь ролевого импозита старухи с самооценкой межличностного взаимодействия (шесть обратных корреляций) (рис. 4). Респонденты с ролевым импозитом старухи, отличающегося обращенностью во внутренний мир, замкнутостью, занудством, сварливостью, отмечают низкую сплоченность в группе ($r = -0,38$ при $p = 0,02$), отсутствие права голоса в группе ($r = -0,36$ при $p = 0,04$). Такие подростки испытывают сниженное самочувствие в группе ($r = -0,47$ при $p = 0,000$), не ощущая важности группы ($r = -0,6$ при $p = 0,000$). При этом подростки с выраженным ролевым импозитом старухи включены в минимальное количество групп ($r = -0,56$ при $p = 0,000$) с минимум времени нахождения в них ($r = -0,42$ при $p = 0,009$). Изучение социальных статусов в выборке из 421 подростка (57 % девочек от 14 до 19 лет), оценки дружбы и романтических отношений А. М. La Greca и Н. М. Harrison [16] показали, что чем положительнее оценивают качество дружбы и отмечают активное социальное взаимодействие со сверстниками, имеющими высокий социальный статус, установление новых дружеских отношений, тем менее у подростков выражены чувство социальной тревоги и депрессивные состояния. Тогда как виктимизация и негативные взаимодействия в группе позволяют предсказать высокую социальную тревогу и депрессивные симптомы. Согласно исследованиям О. О. Андрониковой [1], одним из факторов, обуславливающим формирование неадаптивных форм виктимного поведения подростков, выступает затрудненное общение и повышенная тревожность. Высокой социальной тревогой, по данным Н. М. Inderbitzen, К. S. Walters, А. L. Bukowski [10], характеризуются учащиеся с отвергаемым социальным статусом ($N = 973$).

Роль ведьмы также является негативной в структуре межличностного взаимодействия. Респонденты с преобладанием данной роли отмечают свою неудовлетворенность взаимоотношениями в группе ($r = -0,48$ при $p = 0,000$) и общением с друзьями ($r = -0,36$ при $p = 0,03$). Подростки с ролевым импозитом героя, ориентированным на преодоление преград и достижение победы любым путем, характеризуются вхождением в незначительное количество групп ($r = -0,37$ при $p = 0,03$), которые, по их мнению, не являются сплоченными ($r = -0,43$ при $p = 0,001$). В данном случае можно предположить, что роль лидера или победителя не является вполне успешной в рамках группового взаимодействия. Подростки с транслицией ролевых импозитов девочки и трикстера в межличностном взаимодействии отмечают высокое самочувствие в группе ($r = 0,4$ при $p < 0,04$), однако респонденты с ролевой позицией девочки, отличающейся инфантильностью, не могут долго находиться в группе ($r = -0,38$ при $p = 0,03$).

Заключение

В межличностном взаимодействии подростки предпочитают связанные с полом роли: девочки выбирают преимущественно на первые позиции женские роли (дева, мать), а мальчики – мужские (отец, старик, мальчик). У девочек-подростков в межличностных отношениях преобладает возрастная ролевая согласованность – на первые позиции выбирают роль, соответствующую их возрастному периоду (ролевой импозит девы). Тогда как у мальчиков наблюдается возрастная инкогерентность – выбирают роль, относящуюся к следующему возрастному периоду (ролевой импозит отца).

Нарушение нормального ролевого развития у подростков с неконформным поведе-

нием (интернальный тип), связанного с оставлением собственной ролевой идентичности и построением ролевого поведения в соответствии с ней, даже если она противоречит выполняемой роли, обуславливает трудности в установлении и удержании близких, дружеских отношений. Такие подростки ориентированы на разрушение межличностных отношений, имеют деструктивную направленность и выбирают роли ведьмы и трикстера. При этом подростки с деструктивной направленностью в межличностном взаимодействии предпочитают не подчиняться правилам и общественным ожиданиям.

Наиболее эффективной ролью в контексте межличностного взаимодействия для девочек является роль девы, соответствующая полу и возрасту респондентов и характеризующаяся конформностью, ориентацией на мнени-

е окружающих и чувствительностью. Девочки с преобладанием роли девы, отвечающей за эмоциональное состояние в межличностном взаимодействии, отмечают положительно свое самочувствие в группе, удовлетворенность взаимоотношениями, ощущая важность группы и поддержку в ней. Для мальчиков важной ролью в групповом взаимодействии является роль отца, позволяющая им эффективно общаться в большом количестве разнообразных групп.

Наименее эффективным в ролевом взаимодействии подростков является ролевой импозит старухи, относящийся к периоду старости и отличающийся обращенностью во внутренний мир, замкнутостью, занудством, сварливостью. Подростки с выраженным ролевым импозитом испытывают сложности в групповом взаимодействии, негативно относясь к группе как таковой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Андронникова О. О.** Возможности трансформации дезадаптивных форм виктимного поведения подростков в образовательном пространстве // *Философия образования*. – 2014. – № 1. – С. 178–184.
2. **Горноста́й П. П.** Личность и роль: ролевой подход в социальной психологии личности: монография. – Киев: Интерпресс, 2007. – 311 с.
3. **Панцырь С. Н., Новгородцева А. П.** Личностные особенности подростков с девиантными формами поведения // *Культурно-историческая психология*. – 2013. – № 2. – С. 64–72.
4. **Перевозкина Ю. М.** Импазо-ролевая модель диагностики социализации личности // *Сибирский педагогический журнал*. – 2016. – № 5. – С. 126–133.
5. **Рубцова О. В.** Ролевая идентичность как интегральная характеристика социальной ситуации развития подростка // *Психологическая наука и образование*. – 2011. – № 5. – С. 5–13.
6. **Халифаева О. А.** Особенности проявления креативности в ситуации ролевого конфликта в юношеском возрасте // *Психологическая наука и образование*. – 2017. – Т. 22, № 2. – С. 54–64.
7. **Anthrop J., Allison M. T.** Role Conflict and the High School Female Athlete // *Research Quarterly for Exercise and Sport*. – 1983. – Vol. 54, Issue 2. – P. 104–111. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/02701367.1983.10605281>
8. **Burdess N.** Role Theory and the Local Planner // *Urban Policy and Research*. – 1987. – Vol. 5, Issue 3. – P. 126–131. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/08111148708551305>
9. **Allen D.** “Just a Typical Teenager”: The Social Ecology of “Normal Adolescence” – Insights from Diabetes Care // *Symbolic Interaction*. – 2013. – Vol. 36, Issue 1. – P. 40–59 DOI: <http://dx.doi.org/10.1002/symb.42>

10. **Inderbitzen H. M., Walters K. S., Bukowski A. L.** The role of social anxiety in adolescent peer relations: Differences among sociometric status groups and rejected subgroups // *Journal of Clinical Child Psychology*. – 1997. – Vol. 26, Issue 4. – P. 338–348. DOI: http://dx.doi.org/10.1207/s15374424jccp2604_2
11. **Gerardy H., Mounts N. S., Luckner A. E., Valentiner D. P.** Mothers' Management of Adolescent Peer Relationships: Associations With Aggressive, Prosocial, and Playful Behavior // *The Journal of Genetic Psychology*. – 2015. – Vol. 176, Issue 5. – P. 299–314. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/00221325.2015.1066746>
12. **Goffman E.** On Face-Work. An Analysis of Ritual Elements in Social Interaction // *Psychiatry. Interpersonal and Biological Processes*. – 1955. – Vol. 18, Issue 3. – P. 213–231. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/00332747.1955.11023008>
13. **Jackson J.** Contemporary criticisms of role theory // *Journal of Occupational Science*. – 1998. – Vol. 5, Issue 2. – P. 49–55. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/14427591.1998.9686433>
14. **Jaskyte K.** The Impact of Organizational Socialization Tactics on Role Ambiguity and Role Conflict of Newly Hired Social Workers // *Administration in Social Work*. – 2005. – Vol. 29, Issue 4. – P. 69–87. DOI: http://dx.doi.org/10.1300/J147v29n04_05
15. **Kulis S., Marsiglia F. F., Nagoshi J. L.** Gender Roles, Externalizing Behaviors, and Substance Use Among Mexican-American Adolescents // *Journal of Social Work Practice in the Addictions*. – 2010. – Vol. 10, Issue 3. – P. 283–307. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/1533256X.2010.497033>
16. **La Greca A. M., Harrison H. M.** Adolescent Peer Relations, Friendships, and Romantic Relationships: Do They Predict Social Anxiety and Depression? // *Journal of Clinical Child & Adolescent Psychology*. – 2005. – Vol. 34, Issue 1. – P. 49–61. DOI: http://dx.doi.org/10.1207/s15374424jccp3401_5
17. **Lennings H. I. B., Bussey K.** The mediating role of coping self-efficacy beliefs on the relationship between parental conflict and child psychological adjustment // *Social Development*. – 2017. – Vol. 26, Issue 4. – P. 753–766. DOI: <http://dx.doi.org/10.1111/sode.12241>
18. **Ma H. K.** The Relation of Gender-Role Classifications to the Prosocial and Antisocial Behavior of Chinese Adolescents // *Journal of Genetic Psychology. Research and Theory on Human Development*. – 2005. – Vol. 166, Issue 2. – P. 189–202. DOI: <http://dx.doi.org/10.3200/GNTP.166.2.189-202>
19. **Mead G. H.** The Social Self // *Psychiatry. Interpersonal and Biological Processes*. – 1978. – Vol. 41, Issue 2. – P. 178–182. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/00332747.1978.11023971>
20. **Newcomb T. M.** An Approach to the Study of Communicative Acts // *Psychological Review*. – 1953. – Vol. 60, Issue 6. – P. 393–404. PMID: 13112341 URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pub-med/?term=Newcomb+T.+M.+An+Approach+to+the+Study+of+Communicative>
21. **Neale M., Griffin M. A.** A Model of Self-Held Work Roles and Role Transitions // *Human Performance*. – 2006. – Vol. 19, Issue 1. – P. 23–41. DOI: http://dx.doi.org/10.1207/s15327043hup1901_2
22. **Bai S., Reynolds B. M., Robles T. F., Rena R. L.** Daily links between school problems and youth perceptions of interactions with parents: A diary study of school-to-home spillover // *Social Development*. – 2017. – Vol. 26, Issue 4. – P. 813–830. DOI: <http://dx.doi.org/10.1111/sode.12229>
23. **Elliott S.** Parents Constructions of Teen Sexuality: Sex Panics, Contradictory Discourses, and Social Inequality // *Symbolic Interaction*. – 2010. – Vol. 33, Issue 2. – P. 191–212. DOI: [10.1525/si.2010.33.2.191](http://dx.doi.org/10.1525/si.2010.33.2.191)
24. **Spurlock J.** Multiple roles of women and role strains // *Health Care for Women International*. – 1995. – Vol. 16, Issue 6. – P. 501–508. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/07399339509516205>

25. **Tatar M., Amram S., Kelman T.** Help-seeking behaviours of adolescents in relation to terrorist attacks: the perceptions of Israeli parents // *British Journal of Guidance & Counselling*. – 2011. – Vol. 39, Issue 2. – P. 131–147. DOI: <https://doi.org/10.1080/03069885.2010.547052>
26. **Terrion J. L., Rocchi M., O'Rielly S.** The Relationship Between Friendship Quality and Antisocial Behavior of Adolescents in Residential Substance Abuse Treatment // *Journal of Groups in Addiction & Recovery*. – 2015. – Vol. 10, Issue 2. – P. 141–162. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/1556035X.2015.1034823>
27. **Vlahovic T. A., Roberts S., Dunbar R.** Effects of Duration and Laughter on Subjective Happiness Within Different Modes of Communication // *Journal of Computer-Mediated Communication*. – 2012. – Vol. 17, Issue 4. – P. 436–450. DOI: <http://dx.doi.org/10.1111/j.1083-6101.2012.01584.x>
28. **Wang D., Fletcher A. C.** The role of interactions with teachers and conflict with friends in shaping school adjustment // *Social Development*. – 2017. – Vol. 26, Issue 3. – P. 545–559. DOI: <http://dx.doi.org/10.1111/sode.12218>
29. **Weninger C., Williams J. P.** The Interactional Construction of Social Authenticity: “Real” Identities and Intergroup Relations in a Transylvania Internet Forum // *Symbolic Interaction*. – 2017. – Vol. 40, Issue 2. – P. 169–189. DOI: <http://dx.doi.org/10.1002/symb.294>
30. **Yang X., Wang X., Zhang L., Weidman J. C.** Gender role conflict, professional role confidence, and intentional persistence in engineering students in China // *Studies in Higher Education*. – 2017. – Vol. 42, Issue 2. – P. 248–263. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/03075079.2015.1045476>

DOI: [10.15293/2226-3365.1801.02](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1801.02)

Sergey Borisovich Perevozkin, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Psychology, Pedagogy and Law Department, Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk, Russian Federation.

ORCID ID: <http://orcid.org/0000-0002-6790-4835>

E-mail: per@bk.ru

Olga Olegovna Andronnikova, Candidate of Psychological Sciences, Dean of Psychology Department, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russian Federation.

ORCID ID: <http://orcid.org/0000-0002-1756-7682>

E-mail: andronnikova_69@mail.ru

Yuliya Mihaylovna Perevozkina, Candidate of Psychological Sciences, Chef of Practical and Special Psychology Department, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russian Federation.

ORCID ID: <http://orcid.org/0000-0003-4201-3988>

E-mail: per@bk.ru

Role structure of adolescents in interpersonal interaction

Abstract

Introduction. The article investigates the problem of interpersonal interaction among adolescents - a generation growing in a rapidly changing world. The purpose of the article is to identify the role structure of adolescents in the context of interpersonal interaction.

Materials and Methods. The study was conducted using a sample of 139 adolescents (62 boys and 77 girls) aged between 13 and 15 years in grades 7–9 of comprehensive schools in Novosibirsk. The study uses a projective method and questionnaires in order to gain insights into manifestation of roles within interpersonal interaction among adolescents, role conflict and characteristics of interactions and relationships of adolescents in the group.

Results. The authors report data on statistically significant differences in the manifestation of role-playing positions and role conflict depending on sex, friends and orientation of adolescents $p < 0.05$ (t-Student's test), as well as the significant positive and negative correlations between role images and the evaluation of interpersonal interactions in the group $p < 0.05$ test (r-Spearman test). It is argued that adolescents who have an unstable worldview are prone to negative influences, especially those who experience interpersonal difficulties. It is proposed to consider interpersonal interaction within the framework of symbolic interactionism, which suggests that the basis of interpersonal interaction is the role behavior of the subject. The thesis about cultural fixation of basic roles participating in interpersonal interaction is covered. It is substantiated that the study of adolescence in the context of the role-based approach makes it possible to bring the understanding of the problem of interpersonal interaction to a new level.

Conclusions. Based on the results obtained, a conclusion is drawn about the peculiarities of the role structure of adolescents in interpersonal interaction.

Keywords

Interpersonal interaction; Sphere of contacts; Group; Role; Role behavior; Role conflict; Adolescents.

REFERENCES

1. Andronnikova O. O. The Transformation Possibilities for the Non-Adaptive Forms of Adolescents' Victim Behavior in the Educational Space. *Philosophy of Education*, 2014, no. 1, pp. 178–184. (In Russian) URL: <https://library.ru/item.asp?id=21952208>
2. Gornostay P. P. *Personality and role: role-based approach in the social psychology of the individual*. Monograph. Kiev, Interpress Publ., 2007, 311 p. (In Russian) URL: <https://library.ru/item.asp?id=20095515>
3. Pantsyr S. N., Novgorodtseva A. P. Personality Features in Adolescents with Deviant Behavior. *Cultural-Historical Psychology*, 2013, no. 2, pp. 64–72. (In Russian) URL: <https://library.ru/item.asp?id=21375882>
4. Perevozkina J. M. Impasa-Role Model for Diagnostics of the Person Socialization. *Siberian Pedagogical Journal*, 2016, no. 5, pp. 126–133. (In Russian) URL: <https://library.ru/item.asp?id=27279192>
5. Rubtsova O. V. Role identity as an integral characteristic of the social situation of adolescent development. *Psychological Science and Education*, 2011, no. 5, pp. 5–13. (In Russian) URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=17732847>
6. Khalifayeva O. A. Features of Display of Creativity in Role Conflict Situation in Early Adulthood. *Psychological Science and Education*, 2017, vol. 22, no. 2, pp. 54–64. (In Russian) URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29817659>
7. Anthrop J., Allison M. T. Role Conflict and the High School Female Athlete. *Research Quarterly for Exercise and Sport*, 1983, vol. 54, issue 2, pp. 104–111. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/02701367.1983.10605281>
8. Burdess N. Role Theory and the Local Planner. *Urban Policy and Research*, 1987, vol. 5, issue 3, pp. 126–131. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/08111148708551305>
9. Allen D. “Just a Typical Teenager”: The Social Ecology of “Normal Adolescence” – Insights from Diabetes Care. *Symbolic Interaction*, 2013, vol. 36, issue 1, pp. 40–59 DOI: <http://dx.doi.org/10.1002/symb.42>
10. Inderbitzen H. M., Walters K. S., Bukowski A. L. The role of social anxiety in adolescent peer relations: Differences among sociometric status groups and rejected subgroups. *Journal of Clinical Child Psychology*, 1997, vol. 26, issue 4, pp. 338–348. DOI: http://dx.doi.org/10.1207/s15374424jccp2604_2
11. Gerardy H., Mounts N. S., Luckner A. E., Valentiner D. P. Mothers' Management of Adolescent Peer Relationships: Associations With Aggressive, Prosocial, and Playful Behavior. *Journal of Genetic Psychology*, 2015, vol. 176, issue 5, pp. 299–314. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/00221325.2015.1066746>
12. Goffman E. On Face-Work. An Analysis of Ritual Elements in Social Interaction. *Psychiatry. Interpersonal and Biological Processes*, 1955, vol. 18, issue 3, pp. 213–231. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/00332747.1955.11023008>
13. Jackson J. Contemporary criticisms of role theory. *Journal of Occupational Science*, 1998, vol. 5, issue 2, pp. 49–55. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/14427591.1998.9686433>

14. Jaskyte K. The Impact of Organizational Socialization Tactics on Role Ambiguity and Role Conflict of Newly Hired Social Workers. *Administration in Social Work*, 2005, vol. 29, issue 4, pp. 69–87. DOI: http://dx.doi.org/10.1300/J147v29n04_05
15. Kulis S., Marsiglia F. F., Nagoshi J. L. Gender Roles, Externalizing Behaviors, and Substance Use Among Mexican-American Adolescents. *Journal of Social Work Practice in the Addictions*, 2010, vol. 10, issue 3, pp. 283–307. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/1533256X.2010.497033>
16. La Greca A. M., Harrison H. M. Adolescent Peer Relations, Friendships, and Romantic Relationships: Do They Predict Social Anxiety and Depression?. *Journal of Clinical Child & Adolescent Psychology*, 2005, vol. 34, issue 1, pp. 49–61. DOI: http://dx.doi.org/10.1207/s15374424jccp3401_5
17. Lennings H. I. B., Bussey K. The mediating role of coping self-efficacy beliefs on the relationship between parental conflict and child psychological adjustment. *Social Development*, 2017, vol. 26, issue 4, pp. 753–766. DOI: <http://dx.doi.org/10.1111/sode.12241>
18. Ma H. K. The Relation of Gender-Role Classifications to the Prosocial and Antisocial Behavior of Chinese Adolescents. *Journal of Genetic Psychology. Research and Theory on Human Development*, 2005, vol. 166, issue 2, pp. 189–202. DOI: <http://dx.doi.org/10.3200/GNTP.166.2.189-202>
19. Mead G. H. The Social Self. *Psychiatry. Interpersonal and Biological Processes*, 1978, vol. 41, issue 2, pp. 178–182. <http://dx.doi.org/10.1080/00332747.1978.11023971>
20. Newcomb T. M. An Approach to the Study of Communicative Acts. *Psychological Review*, 1953, vol. 60, issue 6, pp. 393–404. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pubmed/?term=Newcomb+T.+M.+An+Approach+to+the+Study+of+Communicative>
21. Neale M., Griffin M. A. A Model of Self-Held Work Roles and Role Transitions. *Human Performance*, 2006, vol. 19, issue 1, pp. 23–41. DOI: http://dx.doi.org/10.1207/s15327043hup1901_2
22. Bai S., Reynolds B. M., Robles T. F., Rena R. L. Daily links between school problems and youth perceptions of interactions with parents: A diary study of school-to-home spillover. *Social Development*, 2017, vol. 26, issue 4, pp. 813–830. DOI: <http://dx.doi.org/10.1111/sode.12229>
23. Elliott S. Parents Constructions of Teen Sexuality: Sex Panics, Contradictory Discourses, and Social Inequality. *Symbolic Interaction*, 2010, vol. 33, issue 2, pp. 191–212. DOI: <http://dx.doi.org/10.1525/si.2010.33.2.191>
24. Spurlock J. Multiple roles of women and role strains. *Health Care for Women International*, 1995, vol. 16, issue 6, pp. 501–508. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/07399339509516205>
25. Tatar M., Amram S., Kelman T. Help-seeking behaviours of adolescents in relation to terrorist attacks: the perceptions of Israeli parents. *British Journal of Guidance & Counselling*, 2011, vol. 39, issue 2, pp. 131–147. DOI: <https://doi.org/10.1080/03069885.2010.547052>
26. Terrion J. L., Rocchi M., O'Rielly S. The Relationship Between Friendship Quality and Antisocial Behavior of Adolescents in Residential Substance Abuse Treatment. *Journal of Groups in Addiction & Recovery*, 2015, vol. 10, issue 2, pp. 141–162. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/1556035X.2015.1034823>
27. Vlahovic T. A., Roberts S., Dunbar R. Effects of Duration and Laughter on Subjective Happiness Within Different Modes of Communication. *Journal of Computer-Mediated Communication*, 2012, vol. 17, issue 4, pp. 436–450. DOI: <http://dx.doi.org/10.1111/j.1083-6101.2012.01584.x>
28. Wang D., Fletcher A. C. The role of interactions with teachers and conflict with friends in shaping school adjustment. *Social Development*, 2017, vol. 26, issue 3, pp. 545–559. DOI: <http://dx.doi.org/10.1111/sode.12218>

29. Weninger C., Williams J. P. The Interactional Construction of Social Authenticity: “Real” Identities and Intergroup Relations in a Transylvania Internet Forum. *Symbolic Interaction*, 2017, vol. 40, issue 2, pp. 169–189. DOI: <http://dx.doi.org/10.1002/symb.294>
30. Yang X., Wang X., Zhang L., Weidman J. C. Gender role conflict, professional role confidence, and intentional persistence in engineering students in China. *Studies in Higher Education*, 2017, vol. 42, issue 2, pp. 248–263. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/03075079.2015.1045476>

Submitted: 16 November 2017

Accepted: 09 January 2018

Published: 28 February 2018

This is an open access article distributed under the [Creative Commons Attribution License](#) which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work is properly cited. (CC BY 4.0).

© В. И. Долгова, Ю. А. Рокицкая, А. А. Саламатов

DOI: [10.15293/2226-3365.1801.03](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1801.03)

УДК 159.923

ИНДИВИДУАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДИКТОРЫ АДАПТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ ПОДРОСТКОВ

В. И. Долгова, Ю. А. Рокицкая, А. А. Саламатов (Челябинск, Россия)

Проблема и цель. Проблема изучения индивидуально-психологических предикторов адаптивного поведения подростков вызвана его социальной значимостью, с одной стороны, и отсутствием единой теории, объясняющей детерминацию адаптивного поведения подростков, с другой. Цель статьи – представить и проанализировать результаты теоретического и регрессионного исследования показателей самооотношения и копинг-стратегий как индивидуально-психологических предикторов адаптивного поведения подростков.

Методология. Исследование адаптивного поведения проводилось на основе экзистенциального и социально-ориентированного подходов, теории и концепции личности, теории возрастной периодизации. Использованы опросник Н. Н. Мельниковой (форма АСП-I, для подростков) «Адаптивные стратегии поведения»; опросник самооотношения В. В. Столина, С. Р. Пантелеева; опросник преодолевающего поведения Н. П. Фетискина, В. В. Козлова, Г. М. Мануйлова; методы математико-статистического анализа (описательная статистика, корреляционный анализ К. Пирсона, множественный регрессионный анализ, программа «SPSS 19.0 for WINDOWS»).

Результаты. Выявлены достоверные связи между показателями самооотношения, копинг-стратегий и адаптивного поведения подростков. Установлено, что наибольший вес в формировании адаптивного поведения имеют такие независимые переменные, как интегральный уровень самооотношения, уверенность в себе, самопонимание, юмор, выражение чувств и др. Обоснована тенденция повышения недифференцированного общего чувства «за» по отношению к себе как к уверенному, самостоятельному, волевому и достойному уважения человеку вместе с ростом показателей названных независимых переменных.

Заключение. Предпринятое теоретическое исследование позволило выявить и обосновать зависимость адаптивного поведения подростков от факторов внешнего и внутреннего порядка. К числу внутренних факторов, выполняющих функцию индивидуально-психологических

Долгова Валентина Ивановна – доктор психологических наук, профессор, декан факультета психологии, Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет.

E-mail: 23a12@list.ru

Рокицкая Юлия Александровна – кандидат психологических наук, доцент, кафедра теоретической и прикладной психологии, Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет.

E-mail: rokguly@mail.ru

Саламатов Артем Аркадьевич – доктор педагогических наук, профессор, проректор по научной работе, Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет.

E-mail: saa@cspu.ru

предикторов адаптивного поведения личности, отнесены копинг-стратегии совладания со стрессом и самооотношение личности.

Проведенное эмпирическое исследование с последующим математико-статистическим анализом данных подтвердило предположение о том, что адаптивное поведение является зависимой переменной по отношению к предпочитаемым копинг-стратегиям и показателям самооотношения.

Ключевые слова: адаптивное поведение; эмоциональная устойчивость; подростки; индивидуально-психологические предикторы; корреляционный анализ; регрессионный анализ; копинг-стратегии; самооотношение личности.

Постановка проблемы

Инновационность, неопределенность, стихийность, динамичность, информационная насыщенность современных социально-экономических условий социализации подрастающего поколения оказывают интенсивное давление на психику субъекта, повышают напряженность функционирования механизмов ее интрапсихической и социальной адаптации, диктуют необходимость исследования адаптивного поведения личности как ресурса ее социальной интеграции и психологического благополучия. За многомерностью, многоплановостью и многоуровневостью адаптивного поведения стоит множественность разнотипных детерминантов, функционально объединенных в единое целое. Закономерное движение системы детерминантов является необходимым условием и одновременно результатом развития человека, его психики и поведения. Несмотря на сложность проблемы исследования адаптивного поведения личности и его детерминации, в психологической науке сложились теоретические предпосылки для формулирования основных концептов, создающих терминологическое пространство исследования. Обобщение исследований, посвященных проблеме адаптивного поведения подростка, позволяет определить его как:

– пространственно-временную форму организации активности учащегося, регуляция которой опосредована образом ситуации

социально-психологической адаптации в процессе его социализации [11];

– подчиненность активности подростка какой-либо заранее данной норме или цели [5];

– приспособительное поведение подростка, характеризующееся его сознательным включением в деятельность, которое дифференцируется на формально-внешнее приспособление, ситуативное согласие, сознательное ассоциирование себя с группой, деятельностью и зависящее от отношения личности к себе [16; 17].

Исследования адаптивного поведения и факторов его детерминации в подростковом возрасте напрямую связаны с проблемой адекватного прогноза поведения подростков в стрессовой ситуации, они важны для разработки стратегий, направленных на контроль, профилактику и коррекцию девиантного (делинквентного, аддиктивного) поведения [25–27].

В подростковом возрасте адаптивное поведение находится в стадии активного формирования и имеет свою специфику, которая во многом обусловлена новыми тенденциями в развитии школьного образования [1; 3]; существенными характеристиками и факторами формирования российского менталитета; построением этнической идентичности [18]. В возрастно-психологическом портрете подростка в качестве типичных характеристик, создающих риск снижения адаптивного пове-

дения, проявляется неудовольствие, беспокойство, физическое и душевное недомогание, утомляемость, повышенная чувствительность и раздражительность, внутренняя неудовлетворенность, неверие в себя, негативное самоотношение, меланхолия, чувство вины. Напряженность жизненного пространства подростка обостряется высокими социальными ожиданиями и требованиями, предъявляемыми к нему, на фоне «девальвации» референтного статуса взрослого. Превышение пороговой величины уровня напряженности истощает психические ресурсы и резистентность к неблагоприятным деструктивным внешним воздействиям, приводит к эмоциональной неустойчивости личности.

По своему содержанию трактовки адаптивного поведения характеризуются позитивной настроенностью, жизненной силой, а также психическими и поведенческими особенностями. В этом аспекте предикторы [3] представляют собой исходные независимые характеристики, свойственные индивиду и его окружению, по которым осуществляются попытки прогнозировать другие (искомые) характеристики этого же индивида. Регрессионный анализ как метод прогнозирования с помощью предикторов позволяет выявить такую совокупность независимых переменных, изменению которых сопутствуют изменения зависимой переменной (отклика) [6]. Прогноз строится применительно к формированию адаптивного поведения личности. В этом варианте регрессионного анализа независимыми переменными (из которых и предстоит выделить предикторы) является вся совокупность исследуемых индивидуально-психологических признаков, теоретически детерминирующих прогнозируемое событие – зависимую переменную (отклик). Повышение информативности предикторов связано с их комплексной природой объединять факторы (независимые

переменные). Процедуры построения каждого комплексного предиктора заключаются в определении отдельного информативного признака прогностической деятельности и последующем интегрировании их в плеяды предикторов психологических свойств с использованием многомерного статистического анализа.

Процедуры статистического анализа позволяют осуществить стратификацию комплексных предикторов по критерию их удельного веса в формировании целевого признака на индивидуально-психологические и средовые. В каждом конкретном случае адаптивное поведение подростков представляет собой результат сложных и многоплановых возможностей взаимодействия личности и социальной среды [24], поэтому представляется информативным использование корреляционной плеяды переменных для построения модели множественной регрессии, которая позволяет проанализировать (предсказать) зависимость адаптивного поведения от предикторов личности, имеющих две области локализации. Во-первых, это непосредственно индивидуально-психологические характеристики личности, во-вторых, социально-психологические факторы [2; 10]. Почти каждому дезадаптивному состоянию предшествует жизненная ситуация, оцениваемая индивидом как неблагоприятная, угрожающая его личности либо самореализации его как личности. К числу значимых индивидуально-психологических предикторов, оказывающих влияние на формирование адаптивного поведения личности, могут быть отнесены копинг-стратегии совладания со стрессом и самоотношение личности, которые определили цели исследования и выбор исследовательского инструментария.

Копинг – это динамический процесс, который представляет собой систему когнитивных и поведенческих усилий личности,

направленных на повышение стрессоустойчивости, и составляет индивидуальные способы совладания с затруднительными ситуациями, адекватными ее индивидуальной значимости и личностно-средовым ресурсам, определяющим его поведение.

Копинги определяют развитие различных форм поведения, закрепляющих личностную адаптацию или дезадаптацию. Как правило, чаще всего используемые группы стратегий объединяются в обобщенные личностные образования или устойчивые стили совладающего поведения. Адаптивное поведение является своеобразным проявлением адаптивных копингов поведения.

Самоотношению отводится системообразующая роль среди компонентов структуры самосознания, оно определяет картину представлений о себе и поведенческих проявлений, отбирая перцептивные признаки и приписывая им вес. Понимание самоотношения как смыслового образования позволяет связать его с целым рядом явлений, рассматриваемых в контексте факторов, способствующих воспроизводству социальных рисков: формирование аддиктивного поведения, сексуальных девиаций, интолерантности, психологической безопасности личности и пр. [22]. Формирование адаптивного поведения подростка будет определяться позитивностью его самоотношения. Позитивное самоотношение как психологический детерминант адаптивного поведения подростков связано с общим чувством безопасности, внутренней силой, уверенностью в себе и чувством самодостаточности, что способствует профилактике развития эмоциональной напряженности и помогает противостоять средовым воздействиям, рационально воспринимать критику в свой адрес.

Невротическое внутреннее состояние и дезадаптивное поведение, в русле гуманисти-

ческих воззрений, тесно взаимосвязаны с неспособностью постижения собственной самости, актуальных потребностей. Всякий раз, когда восприятие индивидом своих переживаний искажается или отрицается, возникают несоответствие между «Я» и опытом, психологическая дезадаптация и уязвимость. Резко затрудняется психологическая переработка эмоций, а значит, происходит накопление отрицательных эмоций по принципу «парового котла», рождающее опасную нестабильность и непредсказуемость психической деятельности личности, вероятность ее разрушения эмоциями. Непонимание, отрицание, игнорирование «самости» ведет к повышению уязвимости, усилению внутренних защит, возникновению негативных эмоциональных состояний.

Представленные теоретические предпосылки позволяют постулировать, что проблема исследования детерминации адаптивного поведения подростков имеет преимущественно теоретическое осмысление и не была предметом математико-статистического анализа. В связи с этим возникает противоречие между актуальностью и востребованностью «объективных» исследований индивидуально-психологических предикторов адаптивного поведения подростков, с одной стороны, и ее недостаточной теоретической и математико-статистической разработанностью, с другой.

Проблема исследования заключается в том, чтобы, основываясь на результатах теоретического и математико-статистического анализа эмпирических данных, ответить на вопрос: возможно ли самоотношение и копинг-стратегии подростков категоризировать как индивидуально-психологические предикторы их адаптивного поведения. **Цель статьи** – представить и проанализировать результаты теоретического и регрессионного исследования показателей самоотношения и копинг-

стратегий как индивидуально-психологических предикторов адаптивного поведения подростков.

Методология

Теоретико-методологическую основу проблемы исследования психологии адаптивного поведения составили экзистенциальный подход, способствующий личностному самоопределению и утверждению жизненно активной позиции [14; 18]; теории и концепции личности, трактующие факторы формирования адаптивного поведения, сочетающие как индивидуально-психологические характеристики личности, так и окружающую среду [7–9; 28]; теории возрастной периодизации, отражающие особенности подросткового возраста как критического, наиболее трудного и противоречивого из всех возрастных периодов онтогенеза, сензитивного к социальным и психологическим катаклизмам, периода нарушенного равновесия, дисгармонии [19; 12]; социально-ориентированный подход к образованию, создающий открытое саморазвивающееся пространство, которое обеспечивает мотивацию учебной деятельности и саморазвития [11].

Методы исследования:

– адаптивного поведения (опросник Н. Н. Мельниковой (форма АСП-1, для подростков) «Адаптивные стратегии поведения»; индивидуально-психологических особенностей личности (опросник самооотношения В. В. Столина, С. Р. Пантелеева; опросник преодолевающего поведения Н. П. Фетискина, В. В. Козлова, Г. М. Мануйлова)¹;

– математико-статистического анализа (методы описательной статистики; корреляци-

онный анализ К. Пирсона, множественный регрессионный анализ) [6]; статистическая обработка данных производилась с использованием программы «SPSS 19.0 for Windows».

Для выявления характера устойчивых взаимозависимостей между наиболее нагруженными факторами был проведен множественный регрессионный анализ. С помощью множественной регрессии на основании двух или более предикторных переменных можно предсказать получение определенного результата (критерия). Результаты регрессионного анализа позволили выявить существенность вклада каждой независимой переменной в оценку зависимости по β -коэффициенту, меры связей зависимой и независимых переменных и их статистическую значимость по t -критерию Стьюдента.

В исследовании приняли участие 56 подростков, обучающихся в 7–8-х классах МАОУ «СОШ № 67 г. Челябинска при ЮУрГУ». Выборка исследования уравновешена по гендерному составу.

Результаты и обсуждение

В качестве «разведывательного анализа», позволяющего исследовать отношения (связи) переменных, не опосредованных личным участием и манипулированием, и выдвинуть гипотезу о причинно-следственных зависимостях между ними был использован корреляционный метод. Корреляционный анализ взаимосвязи указанных показателей позволил сформировать корреляционную плеяду, свидетельствующую о наличии достоверной связи показателей самооотношения и копинг-стратегий с адаптивным поведением подростков (рис.).

¹ Забродин Ю. М., Пахальян В. Э. Психодиагностика: справочник. – Саратов: Вузовское образование, 2015. – 449 с.

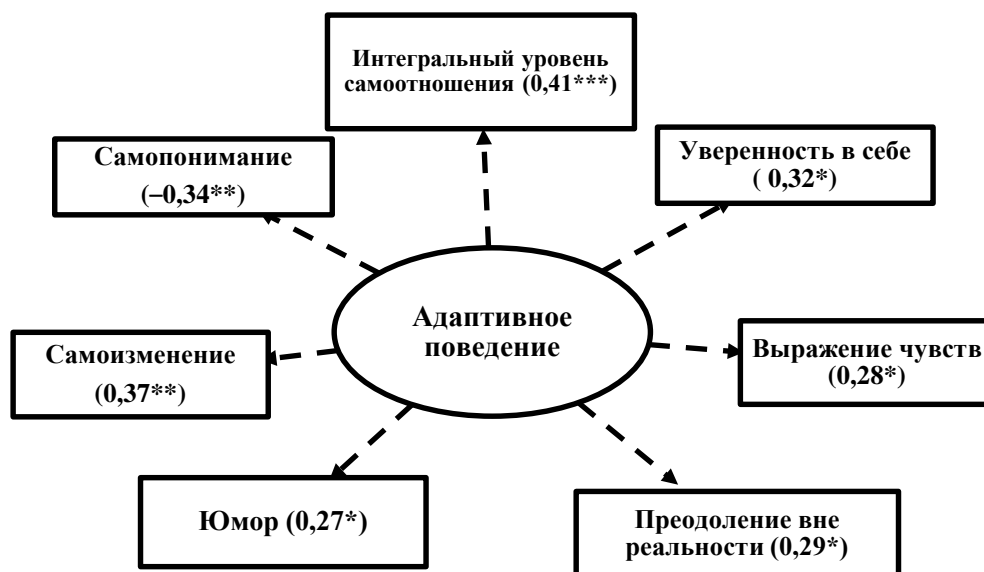

Рис. Корреляционная плеяда положительных статистически значимых взаимосвязей показателей высокого уровня самоотношения, адаптивных копинг-стратегий с проявлением адаптивного поведения подростков

Примечание. N (n) – кол-во испытуемых – 56 чел.; метод К. Пирсона: * – $p \leq 0,05$, ** – $p \leq 0,01$, *** – $p \leq 0,001$.

Fig. Correlation of positive statistically significant interrelationships between high-level indicators of the self-image level, adaptive coping strategies with adaptive adolescent behavior

Note. N (n) – number of test subjects – 56 people; K. Pearson method: * – $p \leq 0,05$, ** – $p \leq 0,01$, *** – $p \leq 0,001$.

С позиций корреляционного анализа положительный характер трактуется так: чем выше показатели позитивного самоотношения, тем выше адаптивное поведение подростков, что позволяет предположить адаптивную направленность исследуемых характеристик личности подростков. Причем следует обратить внимание, что в системе корреляционных взаимосвязей между триадой исследуемых переменных (самоотношение, копинг-стратегии, адаптивное поведение) показатели самоотношения имеют более высокий уровень статистической значимости.

Качественный анализ уровня значимости и характера корреляционных взаимосвязей индивидуально-психологических характеристик самоотношения, копинг-стратегий поведения и показателей адаптивного поведения

подростков позволил сформировать понимание взаимной обусловленности исследуемых характеристик. Полученные статистически достоверные корреляционные связи между исследуемыми параметрами имеют положительную модальность и относятся к значимым и устойчивым закономерностям (от $p \leq 0,01$ до $p \leq 0,001$).

К категории факторов, имеющих адаптивную направленность, относятся такие характеристики самоотношения, как: интегральный показатель самоотношения (0,41***), самопонимание (0,34**), самоуверенность (0,32*). Наибольший вес с положительным знаком также имеют корреляционные взаимосвязи между адаптивным поведением и такими адаптивными копинг-стратегиями, как само-

изменение (0,37**), преодоление вне реальности (0,29*), выражение чувств (0,28*), юмор (0,27*).

Далее для проверки гипотезы был проведен множественный регрессионный анализ (метод *stepwise*), который позволяет на основании двух или более предикторных переменных предсказать получение определенного результата (критерия), выявить характер устойчивых взаимосвязей между наиболее нагруженными факторами. Эта статистическая процедура позволяет сделать выводы о том, оказывают ли изучаемые аспекты (самоотношение и копинг-стратегии) на формирование у них адаптивного поведения.

Гипотетически сформулированное и теоретически обоснованное предположение о том, что позитивное самоотношение и адаптивные копинг-стратегии будут выступать в качестве предикторов формирования адаптивного поведения, найдет свое статистическое подтверждение в случае, если между показателями адаптивного поведения и заявленными предикторами будут зафиксированы статистически значимые положительные коэффициенты регрессионных взаимосвязей. Статистические показатели регрессионной модели адаптивного поведения подростков в зависимости от предикторов приведены в таблице.

Таблица

Результаты множественного регрессионного анализа по предсказанию зависимости адаптивного поведения от показателей самоотношения и копинг-стратегий поведения подростков ($n = 56$)

Table 2

Results of multiple regression predictive analysis of the dependence of adaptive behavior from indicators of self-image and coping strategies of adolescents ($n = 56$)

№ п/п	Предикторы	β	t	$p <$
1	Интегральный уровень самоотношения	1,749	8,19821***	0,000001
2	Самоуверенность	1,08223	4,91829***	0,000226
3	Самопонимание	1,16900	5,55704***	0,000071
4	Копинг-стратегия «Выражение чувств»	1,09045	5,5718***	0,000069
5	Копинг-стратегия «Юмор»	1,08056	5,5708***	0,000069
6	Копинг-стратегия «Преодоление вне реальности»	0,57845	3,37263**	0,004554
7	Аутосимпатия	0,63882	3,31602**	0,005097
8	Копинг-стратегия «Поиск помощи»	0,33481	2,33172*	0,035166
9	Копинг-стратегия «Фатализм»	-0,32271	-1,97106	0,068816
<p><i>Примечание.</i> Regression Summary for Dependent Variable: Адаптивное поведение β – стандартизированный коэфф. регрессии; t-критерий Стьюдента; $p <$ – уровень статистической значимости <i>Note.</i> Regression Summary for Dependent Variable: Adaptive behaviour β – standardized coefficient regression; Student's t-test; $p <$ – level of statistical significance</p>				

Результаты регрессионного анализа подтвердили предположение, что исследуемые переменные являются предикторами адаптивного поведения подростков, а также позволили установить степень вклада каждой из независимых переменных в предсказание зависимой. Регрессионные коэффициенты исследуемых предикторов сосредоточены на положительном полюсе и выражают по отношению к зависимой переменной (адаптивное поведение) прямую детерминацию: чем выше обозначенные характеристики, тем отчетливее выраженность конструктивных поведенческих тенденций подростков. Это позволяет позиционировать данные характеристики в статусе предикторов формирования у них адаптивного поведения и подтверждает предположение о том, что адаптивное поведение является зависимой переменной по отношению к показателям позитивного самоотношения и предпочитаемым копинг-стратегиям. Как следует из значений β -коэффициента, наибольший вес в формировании адаптивного поведения имеют независимые переменные: «Интегральный уровень самоотношения», «Уверенность в себе», «Самопонимание», «Юмор», «Выражение чувств» и др. В таблице при описании взаимосвязи с «Копинг-стратегия «Фатализм» появляется отрицательное значение, т. е. чем более выражен фактор фатализма, тем менее гибкие адаптивные стратегии использует подросток. Результаты регрессионного анализа показывают, что наибольший вклад (положительный) в формирование адаптивного поведения обеспечивает интегральный уровень самоотношения подростков (табл.).

Деадаптивное поведение, представляя собой защитную реакцию личности в ответ на невозможность конструировать свое поведение в условиях кризиса, является результатом личностного анализа кризисной ситуации, отноше-

ния к ней в зависимости от степени ее субъективной значимости. Содержание и направленность этого анализа определяется уровнем самоотношения подростка, которое, выступая смысловым личностным образованием, имеет феноменологическое выражение личностного смысла «Я» для самого субъекта. При высоком уровне самоотношения имеет место отношение недифференцированного общего чувства «за» по отношению к своей уверенности, самостоятельности, целеустремленности, авторитетности. Происходит эмоциональное и содержательное объединение веры в свои силы со способностями, энергией, самоконтролем, пониманием самого себя, обеспечивая формирование адаптивного поведения.

Копинг-стратегии как предикторы адаптивного поведения определяют сознательное, целенаправленное использование различных форм поведения, приводящих к адаптации личности в напряженных условиях, субъективно переживаемых как кризисные и выражаются в специфической интрапсихической деятельности по преодолению жизненных трудностей и психотравмирующих переживаний. Регрессионный анализ зафиксировал в качестве наиболее эффективных стратегий совладания с деструктивными тенденциями у подростков такие стратегии, как выражение чувств и юмор, которые проявляются в способности эмоционального отреагирования в проблемной ситуации (слезы, крик, проговаривание чувств в беседе, дневниковые записи, письма), в ее высмеивании, доведении до абсурда и пародировании, высмеивании собственного неадекватного способа реагирования.

Осмысление психологического механизма их влияния на зависимую переменную дает понимание того, что уровень адаптивного поведения определяется именно чувствами, сопровождающими ее переживаниями, помогающими человеку осознать эти проблемы и

конфликты, которые стоят за этими чувствами. Выражение чувств и юмор дают освобождение от внутреннего напряжения, ослабление психического дискомфорта, человек не уходит от самого себя, своих проблем и противоречий, которые презентуются ему в его чувствах. Происходит переосмысление проблемы, ее обесценивание, снятие сверхзначимости произошедших событий, что дает автоматическое преобразование чувств, освобождение от страхов, внутренних барьеров. Юмор корректирует степень напряженности, побуждает к активности, преодолениям или определенным устранениям преград, переоценке ценностей и самоизменению. Ситуации преодоления кризисов являются источником личностного роста, накопления конструктивного опыта и позитивных изменений. Такими ситуациями наполнена именно реальная и конструктивная деятельность [13].

Близкие к нашим выводы звучат и у других исследователей, изучающих факторы адаптивного поведения личности [20; 21; 29]. Исследователи также, как и мы, говорят о том, что самовосприятие в деятельности пополняется представлениями о себе как о более сильной, уверенной и зрелой личности, а любой опыт, какой бы он ни был тяжелый, неудачный, трагический будет иметь положительный

след, если создаст основу для прогрессивных самоизменений [15]. Однако в доступных нам работах предмет исследования в идентичной совокупности не изучен, и выводы не подкреплены теми доказательствами, которые предоставляют возможности регрессионного анализа.

Заключение

Проведенное исследование позволило выявить основные исходные характеристики, свойственные индивиду и его окружению, по которым осуществляется формирование адаптивного поведения подростков.

Предпринятое теоретическое исследование позволило выявить и обосновать зависимость адаптивного поведения подростков от факторов внешнего и внутреннего порядка. К числу внутренних факторов, выполняющих функцию индивидуально-психологических предикторов адаптивного поведения личности, отнесены копинг-стратегии совладания со стрессом и самоотношение личности. Оригинальное эмпирическое исследование с последующим математико-статистическим анализом данных подтвердило предположение о том, что адаптивное поведение является зависимой переменной по отношению к предпочитаемым копинг-стратегиям и показателям самоотношения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Авраамова Е. М., Логинов Д. М. Новые тенденции в развитии школьного образования. По данным ежегодного мониторингового исследования центра экономики непрерывного образования РАНХИГС // *Вопросы образования*. – 2016. – № 4. – С. 163–185. DOI: <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2016-4-163-185>
2. Вяткин Б. А., Дорфман Л. Я. Теория интегральной индивидуальности В. С. Мерлина: история и современность // *Образование и наука*. – 2017. – № 2. – С. 145–160. DOI: <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2017-2-145-160>
3. Граур М. В. Средства академической адаптации как предикторы самоэффективности обучающихся в среднем звене школы // *Вектор науки Тольяттинского государственного университета*. Серия: Педагогика, психология. – 2017. – № 3 (30). – С. 42–47.

4. **Загвязинский В. И.** О ценностно-ориентационных основаниях образовательной системы страны // Образование и наука. – 2016. – № 6. – С. 11–22. DOI: <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2016-6-11-22>
5. **Иванова М. В., Савельев В. В.** Факторы социально-психологической адаптации подростков к обучению в суворовском военном училище // Образование и наука. – 2016. – № 7. – С. 105–116. DOI: <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2016-7-105-116>
6. **Кривенко М. П.** Сравнительный анализ процедур регрессионного анализа // Информатика и ее применения. – 2014. – Т. 8, № 3. – С. 70–78. DOI: <https://doi.org/10.14357/19922264140308>
7. **Леонтьев Д. А., Лебедева А. А., Костенко В. Ю.** Траектории личностного развития: реконструкция взглядов Л. С. Выготского // Вопросы образования. – 2017. – № 2. – С. 98–112. DOI: <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2017-2-98-112>
8. **Любимов Л. Л.** Книга, в которой нуждается каждая школа. Рецензия на книгу: А. А. Леонтьев. Педагогика здравого смысла. Избранные работы по философии образования и педагогической психологии (под ред. Д. А. Леонтьева) // Вопросы образования. – 2017. – № 3. – С. 234–241. DOI: <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2017-3-234-241>
9. **Муравьева О. И., Литвина С. А., Богомаз С. А.** Средовая идентичность: содержание понятия // Сибирский психологический журнал. – 2015. – № 58. – С. 136–148. DOI: <http://doi.org/10.17223/17267080/58/10>
10. **Сивак Е. В., Глазков К. П.** Жизнь вне класса: повседневная мобильность школьников // Вопросы образования. – 2017. – № 2. – С. 113–133. DOI: <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2017-2-113-133>
11. **Трубина Г. П., Зеер Э. Ф., Машенко М. В.** Социально-ориентированный подход в образовании как условие успешной социализации учащегося // Образование и наука. – 2017. – Т. 19, № 6. – С. 9–32. DOI: <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2017-6-9-32>
12. **Aelenei C., Lewis Jr. N. A., Oyserman D.** No pain no gain? Social demographic correlates and identity consequences of interpreting experienced difficulty as importance // Contemporary Educational Psychology. – 2017. – Vol. 48. – P. 43–55. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.cedpsych.2016.08.004>
13. **Asmolov A. G.** Activity as reality in defining people and activity as a cognitive construct. Activity and the Activity approach to understanding people: The Historical meaning of the Crisis of cultural-activity psychology // Russian education and society. – 2015. – Vol. 57, № 9. – P. 731–756. <https://doi.org/10.1080/10609393.2015.1125706>
14. **Berzonsky M. D., Papini D. R.** Identity processing styles and value orientations: the mediational role of self-regulation and identity commitment // Identity. An international journal of theory and research. – 2014. – Vol. 14, № 2. – P. 96–112. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/15283488.2013.858228>
15. **Bulfin A.** Popular culture and the “new human condition”: Catastrophe narratives and climate change // Global and Planetary Change. – 2017. – Vol. 156. – P. 140–146. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.gloplacha.2017.03.002>
16. **Dolgova V. I.** Aspects of emotional stability in volunteers of gerontology programs // Advances in gerontology. – 2014. – Vol. 4, № 4. – P. 278–282. DOI: <https://doi.org/10.1134/S2079057014040080>
17. **Dolgova V. I., Vasilenko E. A., Kapitanets E. G., Kondratieva O. A., Zhakupova Ya. T.** Features of social and psychological adaptation of teenagers from foster families in school // Man in India. – 2017. – Vol. 97, № 7. – P. 61–69.

18. **Dudina M. N., Dolgova V. I.** New educational paradigm: existentialism is a humanism // *Man in India*. – 2016. – Vol. 96, № 10. – P. 4043–4050.
19. **Dudina M. N., Dolgova V. I.** The Crisis of upbringing in the Contemporary chronotope: potential solutions // *Man in India*. – 2016. – Vol. 96, № 10. – P. 3503–3511.
20. **Font X., Garay L., Jones S.** A Social Cognitive Theory of sustainability empathy // *Annals of Tourism Research*. – 2016. – Vol. 58. – P. 65–80. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.annals.2016.02.004>.
21. **Kiverstein J.** Empathy and the responsiveness to social affordances // *Consciousness and Cognition*. – 2015. – Vol. 36. – P. 532–542. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.concog.2015.05.002>
22. **Lachowicz-Tabaczek K., Bajcar B.** Future self-appraisals and global self-esteem: Who benefits more from thinking about the future, and why? // *Self and identity*. – 2017. – Vol. 16, № 4. – P. 460–479. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/15298868.2016.1270850>
23. **Morrison A. S., Mateen M. A., Brozovich F. A., Zaki J., Goldin P. R., Heimberg R. G., Gross J. J.** Empathy for positive and negative emotions in social anxiety disorder // *Behaviour Research and Therapy*. – 2016. – Vol. 87. – P. 232–242. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.brat.2016.10.005>
24. **Oyserman D., Destin M., Novin S.** The context-sensitive future self: possible selves motivate in context, not otherwise // *Self and identity*. – 2015. – Vol. 14, № 2. – P. 173–188. DOI: <http://doi.org/10.1080/15298868.2014.965733>
25. **Rudolph A., Figge L.** Determinants of ecological footprints: What is the role of globalization? // *Ecological Indicators*. – 2017. – Vol. 81. – P. 348–361. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ecolind.2017.04.060>
26. **Smortchkova J.** Encapsulated social perception of emotional expressions // *Consciousness and Cognition*. – 2017. – Vol. 47. – P. 38–47. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.concog.2016.09.006>
27. **Sokol Y., Serper M.** Temporal self appraisal and continuous identity: associations with depression and hopelessness // *Journal of affective disorders*. – 2017. – Vol. 208. – P. 503–511. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.jad.2016.10.033>
28. **Vianello M., Schnabel K., Sriram N., Nosek B.** Gender differences in implicit and explicit personality traits // *Personality and Individual Differences*. – 2013. – Vol. 55, № 8. – P. 994–999. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.paid.2013.08.008>
29. **Zhakupova Ya. T., Dolgova V. I., Kryzhanovskaya N. V., Kondratieva O. A., Kapitanets E. G.** Gifted adolescents: Special qualities of the cognitive activities' motivational component // *Espacios*. – 2017. – Vol. 38, № 40. – P. 22. URL: <http://www.revistaespacios.com/a17v38n40/17384022.html>

DOI: [10.15293/2226-3365.1801.03](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1801.03)

Valentina Ivanovna Dolgova, Doctor of Psychological Sciences, Professor, Dean of the Psychology Faculty, South Ural State Humanitarian and Pedagogical University, Chelyabinsk, Russian Federation.

ORCID ID: <http://orcid.org/0000-0001-9059-5682>

E-mail: 23a12@list.ru

Yulia Aleksandrovna Rokitskaya, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Theoretical and Applied Psychology Department, South Ural State Humanitarian Pedagogical University, Chelyabinsk, Russian Federation.

ORCID ID: <http://orcid.org/0000-0001-9293-625X>

E-mail: rokguly@mail.ru

Artem Arkadevich Salamatov, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Vice-Rector for Scientific Work, South Ural State Humanitarian and Pedagogical University, Chelyabinsk, Russian Federation.

ORCID ID: <http://orcid.org/0000-0002-3070-9753>

E-mail: saa@cspu.ru

Individual-psychological predictors of adolescents' adaptive behavior

Abstract

Introduction. *The problem of studying individual psychological predictors of adolescent adaptive behavior is determined by its social significance, on the one hand, and the lack of a unified theory which explains the determination of adolescent adaptive behavior, on the other hand. The purpose of the article is to present and to analyze the results of theoretical and regression research on self-image (self-attitude) and coping strategies as individual psychological predictors of adolescent adaptive behavior.*

Materials and Methods. *Research methodology consists of existential and socially-oriented approaches, personality theories, and developmental stage theories. The authors employed the following methods: N. N. Melnikova's Adaptive Behavior Strategies questionnaire (ASP-1 adolescent form); V.V. Stolin and S. R. Pantelev's Self-attitude questionnaire; N.P. Fetiskin, V. V. Kozlov, and G. M. Manuilov's Questionnaire of overcoming behavior; methods of mathematical and statistical analysis (descriptive statistics, K. Pearson's correlation analysis, multiple regression analysis, and SPSS 19.0 for WINDOWS software).*

Results. *The study shows significant correlations between self-attitude indicators, coping strategies, and adaptive behavior of adolescents. Regression analysis confirms that formation of adaptive behavior is mostly determined by the following independent variables: the integral level of self-relationship, self-confidence, self-understanding, humor, expression of feelings, etc. The content and focus of this analysis are largely determined by the level of self-attitude of adolescents. It is revealed that increasing positive general undifferentiated self-attitude corresponds to growth of the independent variables.*

Conclusions. *The undertaken theoretical research has revealed and proved the dependence of adaptive behavior of adolescents on external and internal factors. The internal factors include such*

coping strategies as coping with stress and self-attitude which perform the function of individual psychological predictors of individual's adaptive behavior. The empirical research followed by mathematical and statistical data analysis has confirmed the assumption that adaptive behavior depends on preferred coping strategies and indicators of self-attitude.

Keywords

Adaptive behavior; Emotional stability; Adolescents; Individual-psychological predictors; Correlation analysis; Regression analysis; Coping strategies; Self-relation of personality.

REFERENCES

1. Avraamova E., Loginov D. New Trends in School Education Development. Based on the Annual Monitoring Research Conducted by the Center of Economy of Continuous Education of the Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPa). *Educational Studies (Moscow)*, 2016, no. 4, pp. 163–185. (In Russian) DOI: <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2016-4-163-185>
2. Vyatkin B. A., Dorfman L. Y. Theory of Integral Individuality By V. S. Merlin: History And Nowadays. *Education and Science Journal*, 2017, no. 2, pp. 145–160. (In Russian) DOI: <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2017-2-145-160>
3. Graur M. V. Means of Academic Adaptation as Predictors of Self-Efficacy of Middle School Students. *Science Vector of Togliatti State University. Series: Pedagogy, Psychology*, 2017, no. 3, pp. 42–47. (In Russian) URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=30053098>
4. Zagvyazinsky V. I. Valuable and Orientation Foundations of Educational System of the Country. *Education and Science Journal*, 2016, no. 6, pp. 11–22. (In Russian) DOI: <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2016-6-11-22>
5. Ivanova M. V., Savelyev V. V. Factors of Social and Psychological Adaptation of Teenagers to Education in Suvorov Military School. *Education and Science Journal*, 2016, no. 7, pp. 105–116. (In Russian) DOI: <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2016-7-105-116>
6. Krivenko M. P. Comparative Analysis of Regression Analysis Procedures. *Informatics and Applications*, 2014, vol. 8, no. 3, pp. 70–78. (In Russian) DOI: <https://doi.org/10.14357/19922264140308>
7. Leontiev D., Lebedeva A., Kostenko V. Pathways of Personality Development: Following Lev Vygotsky's Guidelines. *Educational Studies (Moscow)*, 2017, no. 2, pp. 98–112. (In Russian) DOI: <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2017-2-98-112>
8. Lubimov L. The Book that Every School Needs. Review of the Russian Edition of the Book: Leontiev A. Pedagogy of Common Sense. Selected Works on Philosophy of Education and Educational Psychology. *Educational Studies (Moscow)*, 2017, no. 3, pp. 234–241. (In Russian) DOI: <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2017-3-234-241>
9. Muravyova O. I., Litvina S. A., Bogomaz S. A. Environmental Identity: The Concept Content. *Siberian Journal of Psychology*, 2015, no. 58, pp. 136–148. (In Russian) DOI: <http://doi.org/10.17223/17267080/58/10>
10. Sivak E., Glazkov K. Life Outside the Classroom: Everyday Mobility of School Students. *Educational Studies (Moscow)*, 2017, no. 2, pp. 113–133. (In Russian) DOI: <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2017-2-113-133>

11. Trubina G. F., Zeer E. F., Mashchenko M. V. Socially-Oriented Approach to Education as a Condition of Successful Socialization of Pupils. *Education and Science Journal*, 2017, vol. 19, no. 6, pp. 9–32. (In Russian) DOI: <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2017-6-9-32>
12. Aelenei C., Lewis N. A., Oyserman D. No pain no gain? Social demographic correlates and identity consequences of interpreting experienced difficulty as importance. *Contemporary Educational Psychology*, 2017, vol. 48, pp. 43–55. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.cedpsych.2016.08.004>
13. Asmolov A. G. Activity as reality in defining people and activity as a cognitive construct. Activity and the Activity approach to understanding people: The Historical meaning of the Crisis of cultural-activity psychology. *Russian Education and Society*, 2015, vol. 57, no. 9, pp. 731–756. DOI: <https://doi.org/10.1080/10609393.2015.1125706>
14. Berzonsky M. D., Papini D. R. Identity processing styles and value orientations: the mediational role of self-regulation and identity commitment. *Identity. International Journal of Theory and Research*, 2014, vol. 14, no. 2, pp. 96–112. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/15283488.2013.858228>
15. Bulfin A. Popular culture and the “new human condition”: Catastrophe narratives and climate change. *Global and Planetary Change*, 2017, vol. 156, pp. 140–146. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.gloplacha.2017.03.002>
16. Dolgova V. I. Aspects of emotional stability in volunteers of gerontology programs. *Advances In Gerontology*, 2014, vol. 4, no. 4, pp. 278–282. DOI: <https://doi.org/10.1134/S2079057014040080>
17. Dolgova V. I., Vasilenko E. A., Kapitanets E. G., Kondratieva O. A., Kapitanets E. G., Zhakupova Ya. T. Features of social and psychological adaptation of teenagers from foster families in school. *Man in India*, 2017, vol. 97, no. 7, pp. 61–69. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=31026747>
18. Dudina M. N., Dolgova V. I. New educational paradigm: existentialism is a humanism. *Man in India*, 2016, vol. 96, no. 10, pp. 4043–4050. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29470614>
19. Dudina M. N., Dolgova V. I. The Crisis of upbringing in the Contemporary chronotope: potential solutions. *Man in India*, 2016, vol. 96, no. 10, pp. 3503–3511. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27587934>
20. Font X., Garay L., Jones S. A Social Cognitive Theory of sustainability empathy. *Annals of Tourism Research*, 2016, vol. 58, pp. 65–80. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.annals.2016.02.004>
21. Kiverstein J. Empathy and the responsiveness to social affordances. *Consciousness and Cognition*, 2015, vol. 36, pp. 532–542. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.concog.2015.05.002>
22. Lachowicz-Tabaczek K., Bajcar B. Future self-appraisals and global self-esteem: Who benefits more from thinking about the future, and why?. *Self and Identity*, 2017, vol. 16, no. 4, pp. 460–479. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/15298868.2016.1270850>
23. Morrison A. S., Mateen M. A., Brozovich F. A., Zaki J., Goldin P. R., Heimberg R. G., Gross J. J. Empathy for positive and negative emotions in social anxiety disorder. *Behaviour Research and Therapy*, 2016, vol. 87, pp. 232–242. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.brat.2016.10.005>
24. Oyserman D., Destin M., Novin S. The context-sensitive future self: possible selves motivate in context, not otherwise. *Self and Identity*, 2015, vol. 14, no. 2, pp. 173–188. DOI: <http://doi.org/10.1080/15298868.2014.965733>
25. Rudolph A., Figge L. Determinants of ecological footprints: What is the role of globalization? *Ecological Indicators*, 2017, vol. 81, pp. 348–361. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ecolind.2017.04.060>
26. Smortchkova J. Encapsulated social perception of emotional expressions. *Consciousness and Cognition*, 2017, vol. 47, pp. 38–47. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.concog.2016.09.006>

27. Sokol Y., Serper M. Temporal self-appraisal and continuous identity: associations with depression and hopelessness. *Journal of Affective Disorders*, 2017, vol. 208, pp. 503–511. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.jad.2016.10.033>
28. Vianello M., Schnabel K., Sriram N., Nosek B. Gender differences in implicit and explicit personality traits. *Personality and Individual Differences*, 2013, vol. 55, no. 8, pp. 994–999. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.paid.2013.08.008>
29. Zhakupova Ya. T., Dolgova V. I., Kryzhanovskaya N. V., Kondratieva O. A., Kapitanets E. G. Gifted adolescents: Special qualities of the cognitive activities' motivational component. *Espacios*, 2017, vol. 38, no. 40, pp. 22. URL: <http://www.revistaespacios.com/a17v38n40/17384022.html>

Submitted: 14 November 2017 Accepted: 09 January 2018 Published: 28 February 2018

This is an open access article distributed under the [Creative Commons Attribution License](#) which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work is properly cited. (CC BY 4.0).

© 3. И. Лаврентьева

DOI: [10.15293/2226-3365.1801.04](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1801.04)

УДК 376+37.0

МЕХАНИЗМЫ ВКЛЮЧЕНИЯ РОДИТЕЛЕЙ В ПРАКТИКУ ИНКЛЮЗИВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

3. И. Лаврентьева (Новосибирск, Россия)

Проблема и цель. Интенсивное развитие инклюзии в современном обществе требует поиска новых способов включения родителей в практику инклюзивного образования. Целью статьи является научное обоснование механизмов привлечения родителей к жизнедеятельности инклюзивных образовательных организаций и определение педагогических средств расширения инклюзивного сознания родителей, воспитывающих детей с ограниченными возможностями здоровья.

Методология. Изучение, интерпретация и сравнительно-сопоставительный анализ психолого-педагогической литературы опирается на идеи инклюзии как культурной дефиниции, представляющей собой образ мышления и стиль межличностных отношений, направленный на перестройку восприятия окружающих людей с точки зрения полезности (пригодности) и идентичности на точку зрения благотворности и уникальности (Е. Л. Яковлева). Антропологический подход позволяет рассматривать инклюзивное образование как естественное право каждого человека на развитие. Социокультурный подход открывает возможность исследования способов вовлечения родителей в создание и распространение практики инклюзивного образования.

Результаты. Автор статьи выявил, что в России отмечается рост скрытого сопротивления родителей, воспитывающих детей с нарушением развития, идеям инклюзивного образования. Доказано, что необходимо внедрять педагогические механизмы привлечения родителей к развитию инклюзивного образования. Автор обосновал актуальность механизмов включения родителей в практику инклюзивного образования: 1) формирование интереса к опыту инклюзивного образования; 2) наращивание и распространение доверия к практике инклюзивного образования; 3) осознание индивидуальной ценности инклюзивного образования, включение ценности инклюзивной практики в иерархию личных ценностей родителей.

Заключение. Предложенные механизмы являются научно обоснованными и способствуют осознанному включению родителей в практику инклюзивного образования и распространению инклюзивной культуры в российском обществе.

Ключевые слова: инклюзия; инклюзивная культура; инклюзивное сознание; инклюзивное образование; практика инклюзивного образования; родители; дети с особенностями развития.

Лаврентьева Зоя Ивановна – доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры педагогики и психологии, Институт истории, гуманитарного и социального образования, Новосибирский государственный педагогический университет.

E-mail: lzi53@mail.ru

Постановка проблемы

Активное внедрение в практику российских школ инклюзивного образования влечет за собой актуализацию проблемы формирования инклюзивной культуры общества и вовлечения широкого круга людей в осознание ценности инклюзии как феномена современности [1; 6; 8; 10; 14–18]. Особую роль в распространении идей инклюзии в целом и инклюзивного образования в частности играют родители, воспитывающие детей с ограниченными возможностями здоровья. Вместе с тем в последние пять лет отмечается рост скрытого сопротивления идеям инклюзивного образования, обостряются противоречия между готовностью родителей делать выбор в пользу инклюзивной образовательной организации для своих детей и неспособностью освоить идеи инклюзии как общекультурного явления.

Философская концепция исследования инклюзии как самостоятельного культурного явления набирает все большие обороты в зарубежной литературе. Утверждается, что возникновение единого, целостного и неразделенного человеческого сообщества и есть истинная цель инклюзии (W. Sailor [11]). Достичь этого возможно при условии включения каждого человека в жизнь общества (S. J. Haines и др. [5]), при этом каждый имеет право определять меру и выбирать способ своего участия (M. G. Haber и др. [4], J. A. Kurth и

др. [7]). Одновременно инклюзия – это выработка новых, ранее не существовавших норм и ценностей социальных отношений и связей. Это новое социальное явление и новое социальное мышление (К. А. Kavale [6]). Философия инклюзии возникает и развивается в русле демократизации общества и приоритета ценности человеческого бытия (S. Marimuthu, L. S. Cheong [8]).

Сущность инклюзии как культурной дефиниции активно разрабатывается в современной отечественной научной литературе (С. В. АLEXИНА [16–17], Е. В. Богданова [18], Е. Е. Буренина¹, Т. С. Дорохова², С. Э. Ковалев [21], Г. Т. Пономарева³, Е. Л. Яковлева [25]) и представляет собой образ мышления и стиль межличностных отношений, направленный на перестройку восприятия окружающих людей с точки зрения полезности (пригодности) и идентичности на точку зрения благотворности и уникальности.

Ведущая психологическая идея инклюзивного образования заключается в том, что все люди имеют потенциал развития. Механизмом развития выступает обучение (Л. С. Выготский⁴). Дети с ограниченными возможностями здоровья имеют право на развитие, а, следовательно, и на обучение. Ценность совместного (инклюзивного) обучения заключается в том, что общие учебные задачи и межличностное общение со сверстниками

¹ Буренина Е. Е. Социальные и философские предпосылки развития инклюзии в современной системе образования // Инклюзивное образование: теория и практика: сборник материалов межд. научно-практич. конференции / отв. ред. О. Ю. Бухаренкова, О. С. Кузьмина. – Орехово-Зуево: ГГТУ, 2017. – С. 8–13.

² Дорохова Т. С. Аксиологические предпосылки развития инклюзивного образования в России // Культура

инклюзии: проблемы, условия, факторы реализации: материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2016. – С. 68–75.

³ Пономарева Г. Т. Инклюзивное образование в России // Педагогика высшей школы: сб. тр. – 2017. – № 2. – С. 59–62.

⁴ Выготский Л. С. Вопросы детской психологии. – СПб.: Союз, 2006. – 224 с.

мотивируют и стимулируют детей с ограниченными возможностями здоровья на познание окружающего мира и личностное развитие (А. Н. Барина⁵, А. Ю. Полоз⁶, Е. Е. Сулейманова⁷, Т. Л. Чепель [19]). Сформированное инклюзивное мышление у родителей выступает предпосылкой расширения практики инклюзивного образования (Т. Н. Адеева [14–15], В. В. Ткачева⁸). Вместе с тем остается неразработанной проблема включения родителей в практику инклюзивного образования с целью расширения инклюзивного сознания и распространения идей инклюзии в родительском сообществе.

Целью статьи является научное обоснование механизмов привлечения родителей к жизнедеятельности инклюзивных образовательных организаций и определение педагогических средств расширения инклюзивного сознания родителей, воспитывающих детей с ограниченными возможностями здоровья.

Методология

В качестве исследовательских методов мы использовали изучение, интерпретацию и сравнительно-сопоставительный анализ психолого-педагогической литературы по проблеме; моделирование механизмов включения родителей в практику инклюзивного образо-

вания. Ведущими теоретическими дефинициями исследования стали: инклюзия, инклюзивное мышление, инклюзивное сознание, инклюзивное образование.

Теоретической основой исследования инклюзивного образования выступает научная идея о том, что все люди имеют потенциал развития. Механизмом развития выступает обучение. Дети с ограниченными возможностями здоровья имеют право на развитие, а, следовательно, на обучение. Ценность совместного (инклюзивного) обучения заключается в том, что общие учебные задачи и межличностное общение со сверстниками мотивируют и стимулируют детей с ограниченными возможностями здоровья на познание окружающего мира и личностное развитие. Сформированное инклюзивное мышление у родителей выступает предпосылкой расширения практики инклюзивного образования. Научное обоснование процессов формирования инклюзивного сознания родителей, воспитывающих детей с ограниченными возможностями здоровья, основывается на теоретическом анализе ресурсов инклюзии для развития ребенка.

Как отмечают известные отечественные специалисты в области инклюзивного образования Т. Н. Адеева [14–15], С. В. Алехина [16–

⁵ Барина А. Н., Румянцев Н. А. Инклюзивное образование как инновационный проект в системе российского образования // Саморазвитие в педагогике и психологии: сборник статей Межд. научно-практ. конференции (30 октября 2017 г., г. Челябинск). – Уфа: ОМЕГА САЙНС, 2017. – С. 24–26

⁶ Полоз А. Ю. Инклюзивное образование школьников-инвалидов как фактор развития их личности и дальнейшей социальной интеграции в обществе // Эффективность личности, группы и организации: про-

блемы, достижения и перспективы: материалы Всерос. научно-практ. конференции. – М.: Кредо, 2017. – С. 301–303.

⁷ Сулейманова Е. Е. Инклюзивное образование в России: проблемы на современном этапе развития // Инновационное обеспечение уровня образования студентов в высших учебных заведениях: сб. научных статей. – Курган: Курганский государственный университет, 2017. – С. 109–113.

⁸ Ткачева В. В. Семья ребенка с ограниченными возможностями здоровья: диагностика и консультирование. – М.: Национальный книжный центр, 2017. – 160 с.

17], Г. В. Арефьева⁹, М. А. Доронькина¹⁰, С. В. Полянская [23], О. С. Хруль [24], даже при решении оставить ребенка учиться в специализированной школе, родители могут с помощью осознания сущности инклюзивного образования изменить отношение к своему ребенку. В качестве принципиально важной переменной, зафиксированной у родителей, разделяющих ценность инклюзии на уровне возможного принципа современности, выступает признание у своего ребенка позитивного личностного ресурса¹¹.

Согласимся, что вера в своего ребенка и его возможности – достаточно весомый аргумент, позволяющий говорить о необходимости распространения идей инклюзивного образования и в группе сопротивляющихся родителей.

Если говорить о родителях, воспитывающих детей с нарушениями здоровья, как о сообществе, по-разному реагирующем на идеи инклюзивного образования, то необходимо начинать не со знакомства с практикой включения детей в образовательные организации, а с формирования у родителей инклюзивного мышления и инклюзивной культуры (С. В. Алехина [16–17], Т. С. Овчинникова¹²). В данном случае речь идет не только о признании наличия

ресурсов у ребенка, но и о признании его ценности для общества и окружающих. В основе теоретической концепции инклюзивной культуры лежит утверждение, что человек, в том числе ребенок с особенностями развития, рассматривается не с позиции практической полезности, а с позиции самооценности, с позиции права быть человеком в самых разных его проявлениях [25, с. 41]. Признание ценности своего ребенка для окружающих открывает родителям более широкие возможности для включения его в сообщество других разнообразных людей [19, с. 61].

Ориентация на идеи инклюзии, как доказывают многочисленные исследования, ведет за собой гуманизацию отношения родителей к своему ребенку (Т. Н. Адеева [14–15], В. В. Ткачева¹³, В. А. Казанцева [20]). Инклюзивное сознание «обеспечивает проявление уважения к ребенку и внимательное отношение к его проблемам, создает условия для укрепления солидарности со своим ребенком» [19, с. 61].

Неоднократно доказано, что признание идей инклюзии позволяет родителям отказаться от семейной замкнутости и изоляции, преодолеть отчужденность, открыть новые

⁹ Арефьева Г. В., Крыжановская Е. Ю. Инклюзивное образование как неотъемлемая часть процесса гуманизации современного общества // Проблемы и перспективы развития инклюзивного образования: сб. матер. первой всерос. научно-практ. конференции с международным участием. – Самара: Научно-технический центр, 2017. – С. 252–258.

¹⁰ Доронькина М. А. Отношение современных родителей к инклюзивному образованию: проблема недостаточной информированности при внедрении инклюзии в школу // Инклюзивное образование: Преемственность инклюзивной культуры и практики: сборник материалов IV Межд. научно-практ. конференции. – М.: Московский государственный психолого-педагогический университет, 2017. – С. 457–459.

¹¹ Артюшенко Н. П. Организационно-педагогические условия обучения детей с ограниченными возможностями здоровья средствами инклюзивного образования: автореф. ... канд. пед. наук. – Томск, 2010. – С. 12.

¹² Овчинникова Т. С. Инклюзивное образование в России: организация, проблемы и пути решения // Теория и практика современного научного знания. Проблемы. Прогнозы. Решения: сб. научных статей по итогам научно-практ. конференции. – СПб.: КУЛЬТ-ИНФОРМ-ПРЕСС, 2017. – С. 47–50.

¹³ Ткачева В. В. Семья ребенка с ограниченными возможностями здоровья: диагностика и консультирование. – М.: Национальный книжный центр, 2017. – 160 с.

возможности для своего развития (Н. А. Мёдова¹⁴, В. А. Петросян¹⁵). Происходит это за счет вовлеченности (включенности) всей семьи вслед за своим ребенком в более широкие социальные контакты и социальные отношения.

Ряд зарубежных исследований последних лет также уделяет большое внимание доказательству эффективности инклюзивного образования. Причем речь идет как об эффективности для конкретных детей (E. W. Carter и др. [2], J. McLeskey, N.L. Waldron, L. Redd [9]), так и для семьи (S. J. Haines и др. [5]), и общины (K. A. Shogren [12]). Исследования проводятся с целью закрепления идеи ценности инклюзивного образования как наиболее справедливого общественного бытия (J. H. Choi и др. [3]) и перспектив развития местных сообществ (K. A. Shogren [13]). Роли родительских сообществ в формировании практики инклюзивного образования уделяется особое внимание (J. A. Kurth [7]).

В целом можно сделать вывод, что знакомство родительского сообщества с основами и сущностью инклюзивного образования выполняет общекультурную функцию, формирует новые отношения между людьми, побуждает родителей к активности. Со всей определенностью можно допустить, что насыщенность общения по поводу принципов и сущности инклюзии делает более устойчивым интерес родителей и к практике инклюзивного образования. Вместе с тем необходимо постоянно поддерживать или формировать интерес родителей к инклюзии и практике инклюзивного образования. С этой целью полезно обращаться к разнообразным механизмам удержания родителей в поле инклюзии.

Результаты исследования

Теоретический анализ литературы и знакомство с опытом инклюзивного образования позволяют утверждать, что обращение к проблеме механизмов вовлечения родителей в практику инклюзивного образования имеет существенное научное и практическое значение. Механизм как педагогическая категория – это система подвижно соединяющихся событий, организуемых педагогом, посредством которых совершаются действия субъектов педагогического взаимодействия (в нашем случае – родителей). Целью использования термина «механизм» в педагогической практике является экстрагирование (вытягивание), удерживание и стимулирование определенного вида деятельности. Механизм выполняет функцию «запуска» процесса, является движущей силой начала действия или деятельности. Механизм включения родителей в практику инклюзивного образования – это порядок и последовательность действий, направленных на привлечение родителей к частному опыту жизнедеятельности конкретной инклюзивной образовательной организации. В отличие от процессов формирования инклюзивного сознания и инклюзивной культуры, процесс включения в практику означает участие родителей в деятельности, совместное выполнение действий, сотрудничество, сочувственное отношение к деятельности инклюзивной образовательной организации. Целью организации соучастия родителей в педагогическом процессе выступает концентрация, степень насыщенности, густоты самой идеи инклюзии в конкретной школе.

¹⁴ Мёдова Н. А. Модель инклюзивного образования в условиях муниципальной образовательной системы: автореф. дис. ... канд. пед. наук. – Томск, 2013. – 24 с.

¹⁵ Петросян В. А. Интеграция инвалидов в российское общество: автореф. дис. ... д-ра социол. наук. – М., 2011. – 42 с.

Следовательно, в практику инклюзивного образования приглашаются те родители, которые разделяют общие идеи инклюзии, а не просто передают своих детей на руки педагогов школы. Однако следует четко определять место родителей в практике инклюзивного образования. С нашей точки зрения, приглашая родителей принять участие в практике инклюзивного образования, необходимо удерживать за родителями родительскую позицию, не возлагая на них часть педагогических, в том числе и сопровождающих, функций. Родители ребенка с особыми возможностями здоровья должны восприниматься педагогами школ так же, как и родители любых других детей, а именно на уровне партнерства для всей школы или класса, а не отдельно взятого ребенка и искусственно выделяемых сфер жизнедеятельности учащихся.

Выделим, с нашей точки зрения, некоторые педагогические механизмы, позволяющие соблюсти баланс между включением родителей в практику инклюзивного образования и сохранением за ними традиционной родительской позиции при взаимодействии с образовательной организацией.

1. *Формирование интереса к опыту инклюзивного образования.* Интерес – это особое внимание, положительно окрашенные эмоции по отношению к чему-то важному, значительному, полезному. Интерес является побудительным мотивом активности личности. Формируя интерес родителей к практике инклюзивного образования, можно добиться понимания их роли в распространении идей инклюзии и совершенствовании практики инклюзивного образования. Привлечь особое внимание родителей к практике инклюзивного образования можно с помощью следующих специально организованных педагогиче-

ских действий: *формирования эмоционального переживания*, позволяющего выразить беспокойство, озабоченность, напряженность, волнение, сочувствие, стремление к действию (просмотр и обсуждение кинофильмов, представляющих обобщенный художественный образ инклюзивного образования; организация дискуссий на основе документальных лент; привлечение к участию в акциях и массовых мероприятиях инклюзивного характера; посещение ознакомительных уроков в инклюзивной школе; решение кейсов; создание статей с откликами на происходящие инклюзивные события); *формирование эмоционального отклика*, обеспечивающего настойчивость, усердие, сознательность (разработка и реализация социальных проектов; инициирование социальных инициатив; участие в индивидуальной волонтерской деятельности; использование инклюзивного пространства города для своего ребенка); создание условий для *проявления волевого усилия* родителей (заключение договоров о сотрудничестве со службами сопровождения; участие в тренингах и обучающих семинарах; создание групп самопомощи; участие в деятельности общественных организаций и клубов для родителей; участие в жизнедеятельности конкретной инклюзивной школы).

2. *Наращивание и распространение доверия к практике инклюзивного образования.* Доверие – это вид установки, особое, ценностное отношение к инклюзивному образованию в целом и конкретной образовательной организации в частности; «бессрочный символический кредит с негарантированной возможностью его погашения в неопределенном будущем» [8, с. 41]. Возвращение такого уровня доверия родителей возможно только в том случае, если родителей переводить с позиции

оценки полезности на позицию ценности инклюзивной практики. В качестве событий формирования доверия следует назвать: *публичные обсуждения представлений* об образовательной организации, осуществляемые инклюзию в конкретный период времени (общественные слушания на уровне строительных проектов; стратегические сессии развития школы; социологические опросы; разработка изменений в устав и правила жизнедеятельности школы; участие в работе комиссий по распределению материальных средств для инклюзии и т. п.); *представление и защита интересов* инклюзивной практики в государственных и общественных институтах (выступление в средствах массовой информации; участие в работе представительных органов; создание банка данных позитивных кейсов; организация групп интернет общения; разработка социальной рекламы; создание и реализация социальных проектов); *согласование принципов и правил взаимодействия* с образовательной организацией (разработка кодексов взаимодействия родителей и педагогов; оформление правил соблюдения принципов добропорядочности и позитивности; участие в практике сопереживания и поддержки; накопление опыта авансирования доверием).

3. *Осознание индивидуальной ценности* инклюзивного образования, включение ценности инклюзивной практики в иерархию личных ценностей родителей. Механизм перехода к ценностному восприятию инклюзивной практики может быть обеспечен посредством: научения родителей видеть, вычленять и выделять *продуктивные способы* организации инклюзивной практики для изменения способов *взаимодействия с собственным ребенком* (заполнение родительского дневника; участие в обсуждении передового педагогического

опыта; создание групп помощи самопомощи; участие в организации внеурочного взаимодействия детей инклюзивного класса; использование элементов универсального дизайна в организации бытового пространства ребенка); формирование *адекватной оценки* отдельных *прецедентов опыта* инклюзивного образования (отстаивание своего понимания ситуации в открытой студии; продвижение нового бренда; выступление с частной инициативой; создание инициативных групп; пропаганда прецедента в педагогических кругах); *обмен продуктивными практиками* между родителями (проведение мастер-классов, организация взаимопосещений инклюзивных мероприятий родителями разных школ; организация выставок достижений учащихся инклюзивных школ; создание традиций инклюзивного образования; проведение отчетных мероприятий и фестивалей); *разделение ответственности* за пропаганду идей инклюзивного образования (участие в национальных форумах, научно-практических конференциях, разработка законодательных инициатив; знакомство с отечественным и зарубежным опытом; публичные выступления перед общественностью).

Таким образом, родители, воспитывающие детей с особенностями состояния здоровья, вовлекаются в практику инклюзивного образования с целью поддержать новое культурное явление в нашей стране – ценностное отношение к ребенку, его правам и возможностям на основе принципов доверия, гуманности и нравственности. Защищая и отстаивая интересы особых детей, общество продвигается к признанию ценности и равенства по отношению ко всему детскому сообществу.

Сохраняя право родителей на выбор вида образовательного учреждения для своего

ребенка, специально организованные педагогические механизмы знакомства с практикой инклюзивного образования направлены на снижение напряженности в родительском сообществе, повышают доверие к опыту инклюзивного образования, побуждают родителей к активности. Среди родителей, твердо определившихся в ценности инклюзивного образования, включение в практику означает формирование опыта разделения ответственности за качество обучения в инклюзивных школах, обобщение и продвижение передовых педагогических технологий, поддержка общественного мнения и совершенствование нормативно-правовой базы инклюзивного образования.

Заключение

Теоретический анализ процессов формирования инклюзивного сознания родителей,

воспитывающих детей с ограниченными возможностями здоровья, позволил автору статьи научно обосновать следующие механизмы включения родительского сообщества в практику инклюзивного образования: 1) формирование интереса к опыту инклюзивного образования; 2) наращивание и распространение доверия к практике инклюзивного образования; 3) осознание индивидуальной ценности инклюзивного образования; 4) включение ценности инклюзивной практики в иерархию личных ценностей родителей. Предложенные механизмы являются научно обоснованными и способствуют осознанному включению родителей в практику инклюзивного образования и распространению инклюзивной культуры в российском обществе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Ainscow M., Miles S.** Making Education for All inclusive: where next? // *Prospects*. – 2008. – Vol. 38, Issue 1. – P. 15–34. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11125-008-9055-0>
2. **Carter E. W., Asmus J., Moss C. K., Biggs E. E., Bolt D. M., Born T. L., Brock M. E., Cattey G. N., Chen R., Cooney M., Fesperman E., Hochman J. M., Huber H. B., Lequia J. L., Lyons G., Moyseenko K. A., Riesch L. M., Shalev R. A., Vincent L. B., Weir K.** Randomized Evaluation of Peer Support Arrangements to Support the Inclusion of High School Students With Severe Disabilities // *Exceptional Children*. – 2016. – Vol. 82, Issue 2. – P. 209–233. DOI: <https://doi.org/10.1177/0014402915598780>
3. **Choi J. H., Meisenheimer J. M., McCart A. B., Sailor W.** Improving Learning for All Students Through Equity-Based Inclusive Reform Practices: Effectiveness of a Fully Integrated Schoolwide Model on Student Reading and Math Achievement // *Remedial and Special Education*. – 2016. – Vol. 38, Issue 1. – P. 28–41. DOI: <https://doi.org/10.1177/0741932516644054>
4. **Haber M. G., Mazzotti V. L., Mustian A. L., Rowe D. A., Bartholomew A. L., Test D. W., Fowler C. H.** What works, when, for whom, and with whom: A meta-analytic review of predictors of postsecondary success for students with disabilities // *Review of Educational Research*. – 2016. – Vol. 86, Issue 1. – P. 123–162. DOI: <https://doi.org/10.3102/0034654315583135>
5. **Haines S. J., Gross J. M. S., Blue-Banning M., Francis G. L., Turnbull A. P.** Fostering family-school and community-school partnerships in inclusive schools: Using practice as a guide // *Research and Practice for Persons with Severe Disabilities*. – 2015. – Vol. 40, Issue 3. – P. 227–239. DOI: <https://doi.org/10.1177/1540796915594141>

6. **Kavale K. A.** Mainstreaming to Full Inclusion: From Orthogenesis to Pathogenesis of an Idea // International Journal of Disability, Development and Education. – 2002. – Vol. 49, № 2. – P. 201–214. ERIC Number: EJ650505 URL: <https://eric.ed.gov/?id=EJ650505>
7. **Kurth J. A., Lyon K. J., Shogren K. A.** Supporting Students With Severe Disabilities in Inclusive Schools: A Descriptive Account From Schools Implementing Inclusive Practices // Research and Practice for Persons with Severe Disabilities. – 2015. – Vol. 40, Issue 4. – P. 261–274. DOI: <https://doi.org/10.1177/1540796915594160>
8. **Marimuthu S., Cheong L. S.** Inclusive Education for Social Transformation // Procedia – Social and Behavioral Sciences. – 2015. – Vol. 172. – P. 317–322. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.sbspro.2015.01.370>
9. **McLeskey J., Waldron N. L., Redd L.** A case study of a highly effective, inclusive elementary school // Journal of Special Education. – 2014. – Vol. 48, Issue 1. – P. 59–70. DOI: <https://doi.org/10.1177/0022466912440455>
10. **Orlando A.-M., Klinepeter E., Foster M.** Retrospectives on factors influencing inclusive opportunities for college students with extensive support needs // International Journal of Inclusive Education. – 2016. – Vol. 20, Issue 12. – P. 1239–1251. DOI: <https://doi.org/10.1080/13603116.2016.1159255>
11. **Sailor W.** Equity as a basis for inclusive educational systems change // Australasian Journal of Special Education. – 2017. – Vol. 41, Issue 1. – P. 1–17. DOI: <https://doi.org/10.1017/jse.2016.12>
12. **Shogren K. A., Gross J. M. S., Forber-Pratt A. J., Francis G. L., Satter A. L., Blue-Banning M., Hill C.** The Perspectives of Students With and Without Disabilities on Inclusive Schools // Research and Practice for Persons with Severe Disabilities. – 2015. – Vol. 40, Issue 4. – P. 243–260. DOI: <https://doi.org/10.1177/1540796915583493>
13. **Shogren K. A., McCart A. B., Lyon K. J., Sailor W. S.** All means all: Building knowledge for inclusive schoolwide transformation // Research and Practice for Persons with Severe Disabilities. – 2015. – Vol. 40 (3). – P. 173–191. DOI: <https://doi.org/10.1177/1540796915586191>
14. **Адеева Т. Н.** Проблемные аспекты и факторы готовности к инклюзивному образованию педагогов и родителей // Сибирский педагогический журнал. – 2017. – № 4. – С. 129–135.
15. **Адеева Т. Н.** Проблемные аспекты психологической готовности педагогов к инклюзивному образованию // Ярославский педагогический вестник. – 2016. – № 5. – С. 57–61.
16. **Алехина С. В.** Инклюзивное образование: иллюзия или реальность? // Сибирский вестник специального образования. – 2017. – № 1 (19). – С. 4–7.
17. **Алехина С. В.** Инклюзивное образование: от политики к практике // Психологическая наука и образование. – 2016. – Т. 21, № 1. – С. 136–145. DOI: <https://doi.org/10.17759/pse.2016210112>
18. **Богданова Е. В.** Этика общения с людьми с ограничениями здоровья как составляющая инклюзивной культуры // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. – 2015. – Т. 21, № 3. – С. 158–160.
19. **Дегтярева Л. И., Петрова Е. Э., Чепель Т. Л.** Инклюзивное обучение детей с РАС в школе «Аврора»: опыт, внушающий надежду // Вестник педагогических инноваций. – 2016. – № 2. (42). – С. 58–66.
20. **Казанцева В. А., Биляченко М. А.** Инклюзивное образование как потребность современного общества // Научно-методический электронный журнал Концепт. – 2017. – Т. 38. – С. 23–27.
21. **Ковалёв С. Э.** Инклюзивное образование: возможности и пределы // Академия профессионального образования. – 2017. – № 1 (67). – С. 18–23.

22. **Мальцева А. П., Поляков С. Д., Семикашева И. А., Силакова М. М., Еремина Л. И.** Социальное доверие как новое направление исследований в педагогике // Поволжский педагогический поиск. – 2017. – № 1 (19). – С. 38–44.
23. **Полянская С. В.** Инклюзивное образование как механизм развития современного общества // Региональное образование: Современные тенденции. – 2016. – № 2 (29). – С. 103–110.
24. **Хруль О. С.** Педагогическое сопровождение детей и родителей в условиях инклюзивного образования // Устойчивое развитие науки и образования. – 2017. – № 3. – С. 141–145.
25. **Яковлева Е. Л.** Проникая в миры инклюзии: монография. – Казань: Познание, 2015. – 224 с.

DOI: [10.15293/2226-3365.1801.04](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1801.04)

Zoya Ivanovna Lavrenteva, Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Professor, Pedagogy and Psychology Department, Institute of History, Humanitarian and Social Education, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russian Federation.

ORCID ID: <http://orcid.org/0000-0001-9428-497X>

E-mail: lzi53@mail.ru

Mechanisms of parental involvement in inclusive education

Abstract

Introduction. Intensive development of inclusion in modern society requires new ways of involving parents in inclusive education. The purpose of this article is to develop a theoretical framework for mechanisms of involving parents in inclusive education settings and to identify the ways of expanding the inclusive consciousness of parents who bring up children with special educational needs.

Materials and Methods. The study, interpretation and comparative analysis of psychological and educational literature is based on the idea of inclusion as a cultural concept which represents a way of thinking and a style of interpersonal relationships aimed at changing the perception of surrounding people from the point of view of their usefulness and identity to the point of view of beneficence and uniqueness (E. L. Yakovleva). Anthropological approach allows to consider inclusive education as a natural right of every person for development. The sociocultural approach opens a possibility of exploring ways of involving parents in developing and spreading practices of inclusive education.

Results. The study reveals the growth of hidden parental resistance to inclusive education in Russia. The author emphasizes the need for efficient mechanisms of involving parents in the development of inclusive education and justifies the relevance of these mechanisms for involving parents in inclusive education: 1) increasing interest in inclusive education; 2) building and spreading trust in inclusive education; 3) understanding the individual value of inclusive education, including the value of inclusive practice in the hierarchy of parents' personal values.

Conclusions. The proposed mechanisms are scientifically grounded and contribute to conscious parental involvement in inclusive education and spreading inclusive culture in Russian society.

Keywords

Inclusion; Inclusive culture; Inclusive consciousness; Inclusive education; Inclusive education; Parents; Children with developmental features.

REFERENCES

1. Ainscow M., Miles S. Making Education for All inclusive: where next?. *Prospects*, 2008, vol. 38, issue 1, pp. 15–34. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11125-008-9055-0>
2. Carter E. W., Asmus J., Moss C. K., Biggs E. E., Bolt D. M., Born T. L., Brock M. E., Cattey G. N., Chen R., Cooney M., Fesperman E., Hochman J. M., Huber H. B., Lequia J. L., Lyons G., Moyseenko K. A., Riesch L. M., Shalev R. A., Vincent L. B., Weir K. Randomized Evaluation of Peer Support Arrangements to Support the Inclusion of High School Students With Severe Disabilities. *Exceptional Children*, 2016, vol. 82, issue 2, pp. 209–233. DOI: <https://doi.org/10.1177/0014402915598780>

3. Choi J. H., Meisenheimer J. M., McCart A. B., Sailor W. Improving Learning for All Students Through Equity-Based Inclusive Reform Practices: Effectiveness of a Fully Integrated Schoolwide Model on Student Reading and Math Achievement. *Remedial and Special Education*, 2016, vol. 38, issue 1, pp. 28–41. DOI: <https://doi.org/10.1177/0741932516644054>
4. Haber M. G., Mazzotti V. L., Mustian A. L., Rowe D. A., Bartholomew A. L., Test D. W., Fowler C. H. What works, when, for whom, and with whom: A meta-analytic review of predictors of postsecondary success for students with disabilities. *Review of Educational Research*, 2016, vol. 86, issue 1, pp. 123–162. DOI: <https://doi.org/10.3102/0034654315583135>
5. Haines S. J., Gross J. M. S., Blue-Banning M., Francis G. L., Turnbull A. P. Fostering family-school and community-school partnerships in inclusive schools: Using practice as a guide. *Research and Practice for Persons with Severe Disabilities*, 2015, vol. 40, issue 3, pp. 227–239. DOI: <https://doi.org/10.1177/1540796915594141>
6. Kavale K. A. Mainstreaming to Full Inclusion: From Orthogenesis to Pathogenesis of an Idea. *International Journal of Disability, Development and Education*, 2002, vol. 49, no. 2, pp. 201–214. URL: ERIC Number: EJ650505 <https://eric.ed.gov/?id=EJ650505>
7. Kurth J. A., Lyon K. J., Shogren K. A. Supporting Students with Severe Disabilities in Inclusive Schools: A Descriptive Account from Schools Implementing Inclusive Practices. *Research and Practice for Persons with Severe Disabilities*, 2015, vol. 40, issue 4, pp. 261–274. DOI: <https://doi.org/10.1177/1540796915594160>
8. Marimuthu S., Cheong L. S. Inclusive Education for Social Transformation. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, 2015, vol. 172, pp. 317–322. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.sbspro.2015.01.370>
9. McLeskey J., Waldron N. L., Redd L. A case study of a highly effective, inclusive elementary school. *Journal of Special Education*, 2014, vol. 48, issue 1, pp. 59–70. DOI: <https://doi.org/10.1177/0022466912440455>
10. Orlando A.-M., Klinepeter E., Foster M. Retrospectives on factors influencing inclusive opportunities for college students with extensive support needs. *International Journal of Inclusive Education*, 2016, vol. 20, issue 12, pp. 1239–1251. DOI: <https://doi.org/10.1080/13603116.2016.1159255>
11. Sailor W. Equity as a basis for inclusive educational systems change. *Australasian Journal of Special Education*, 2017, vol. 41, issue 1, pp. 1–17. DOI: <https://doi.org/10.1017/jse.2016.12>
12. Shogren K. A., Gross J. M. S., Forber-Pratt A. J., Francis G. L., Satter A. L., Blue-Banning M., Hill C. The Perspectives of Students With and Without Disabilities on Inclusive Schools. *Research and Practice for Persons with Severe Disabilities*, 2015, vol. 40, issue 4, pp. 243–260. DOI: <https://doi.org/10.1177/1540796915583493>
13. Shogren K. A., McCart A. B., Lyon K. J., Sailor W. S. All means all: Building knowledge for inclusive schoolwide transformation. *Research and Practice for Persons with Severe Disabilities*, 2015, vol. 40, issue 3, pp. 173–191. DOI: <https://doi.org/10.1177/1540796915586191>
14. Adeeva T. N. Basic Problems of Teachers' Psychological Readiness for Inclusive Education. *Yaroslavl Pedagogical Bulletin*, 2016, no. 5, pp. 57–61. (In Russian) URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27339583>
15. Adeeva T. N. Current Problems and the Factors of Readiness for Inclusive Education Teachers and Parents. *Siberian Pedagogical Journal*, 2017, no. 4, pp. 129–135. (In Russian) URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=30071084>
16. Alekhina S. V. Inclusive Education: Illusion or Reality? *Siberian Herald of Special Education*, 2017, no. 1, pp. 4–7. (In Russian) URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=28822918>

17. Alekhina S. V. Inclusive Education: from Policy to Practice. *Psychological Science and Education*, 2016, vol. 21, no. 1, pp. 136–145. (In Russian) DOI: <https://doi.org/10.17759/pse.2016210112>
18. Bogdanova Y. V. The ethics of communication with people with disabilities as part of an inclusive culture. *Journal of Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology*, 2015, vol. 21, no. 3, pp. 158–160. (In Russian) URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=24365152>
19. Degtyareva L. I., Petrova E. E., Chepel T. L. Inclusive education for children with ASD in school “Aurora”: the inspiring experience. *Journal of Pedagogical Innovation*, 2016, no. 2 (42), pp. 58–66. (In Russian) URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26202655>
20. Kazantseva V. A., Bilyachenko M. A. Inclusive education as the need of modern society. *Periodic scientific and Methodological E-Journal Koncept*, 2017, vol. 38, pp. 23–27. (In Russian) URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29155779>
21. Kovalyov S. E. Inclusive Education: Opportunities and Limits. *Academy of Professional Education*, 2017, no. 1, pp. 18–23. (In Russian) URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29213943>
22. Maltseva A. P., Poliakov S. D., Semikasheva I. A., Silakova M. M., Eremina L. I. Social trust as a new research direction in Pedagogy. *Povolzhsky Pedagogical Search*, 2017, no. 1, pp. 38–44. (In Russian) URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29712922>
23. Polyanskaya S. V. Inclusive education as a mechanism for the development of modern society. *Regional Education: Current Trends*, 2016, no. 2, pp. 103–110. (In Russian) URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26562706>
24. Khrul O. S. Pedagogical Support of Children and Parents Under the Conditions of Inclusive Education. *Sustainable Development of Science and Education*, 2017, no. 3, pp. 141–145. (In Russian) URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=28857787>
25. Yakovleva E. L. *Penetrating into the worlds of inclusion*. Monograph. Kazan, Cognition Publ., 2015, 224 p. (In Russian) URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25539013>

Submitted: 10 November 2017

Accepted: 09 January 2018

Published: 28 February 2018

This is an open access article distributed under the [Creative Commons Attribution License](#) which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work is properly cited. (CC BY 4.0).

© С. А. Литвина, О. И. Муравьева

DOI: [10.15293/2226-3365.1801.05](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1801.05)

УДК 159.9.072.5

ОПРОСНИК ИДЕНТИЧНОСТИ С ГОРОДОМ: РАЗРАБОТКА, ВАЛИДИЗАЦИЯ, ПРОВЕРКА НАДЕЖНОСТИ*

С. А. Литвина, О. И. Муравьева (Томск, Россия)

Проблема и цель. Одной из существенных проблем изучения идентичности с городом является дефицит исследовательского инструментария. Цель исследования – создание современного опросника, позволяющего изучать актуальные аспекты данного феномена.

Материалы и методы. В опросе приняли участие 156 респондентов. При измерении конструктивной валидности использовалась методология конфирматорного факторного анализа. Для проверки внешней валидности в качестве валидизирующего основания была использована методика «Кто я?» М. Куна, Т. Макпартленда, статистического метода – ранговый дисперсионный анализ по критерию Краскела-Уоллиса. Для проверки надежности (50 испытуемых) применялись методы описательной статистики, дисперсионный анализ, анализ с использованием коэффициента α -Кронбаха, метод анализа главных компонент (θ -надежность), корреляционный анализ.

Результаты. Обосновано понимание феномена идентичности с городом как деятельностное самоопределение человека в городской среде. В соответствии с этим пониманием разработан «Томский опросник идентичности с городом», включающий 23 вопроса, сгруппированных в пять шкал: «Чувство принадлежности к городу и вера в его возможности», «Эмоциональная привязанность и чувство близости», «Город как обладающий уникальностью», «Личный вклад в жизнь города», «Планирование будущего, связанное с городом».

Заключение. В результате применения статистических процедур выявлено, что опросник является валидным и соответствует высокому уровню надежности.

Ключевые слова: идентичность с городом; городская идентичность; личностная идентичность; социальная идентичность; городская среда; опросник идентичности с городом.

* Исследование выполнено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект 15-06-10803 «Психологические факторы средовой самоидентичности»

Литвина Светлана Алексеевна – кандидат психологических наук, доцент кафедры организационной психологии факультета психологии, Национальный Исследовательский Томский государственный университет.

E-mail: litvina65@mail.ru

Муравьева Ольга Ивановна – кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии личности факультета психологии, Национальный Исследовательский Томский государственный университет.

E-mail: muravey59@mail.ru

Постановка проблемы

Обостряющаяся необходимость персонального, личностного выбора человеком своей позиции, пути развития, мест и пространств реализации своего потенциала в контексте противоречивых социокультурных тенденций, в том числе и сложной трансформации городов, обостряет интерес исследователей к феномену городской идентичности [2; 4; 11; 18; 27; 29]. Многие авторы подчеркивают необходимость таких исследований для решения значимых социально-экономических проблем: формирования городского сообщества и брендинга городов, повышения качества жизни и субъективного благополучия горожан, управление динамикой миграционных процессов и стратегиями индивидуальной мобильности¹ [1; 6; 19; 22].

Одной из важнейших проблем в исследованиях идентичности с городом (*city identity*, *urban identity*) является проблема методического инструментария для эмпирического изучения этого феномена. Оригинальных отечественных опросников, специально предназначенных для выявления особенностей идентификации человека с городом, не разработано. В исследованиях, главным образом, применяются психосемантические и проективные методы, интервью и анкетирование, ассоциативный эксперимент² [29] и т. п. При этом названные методы позволяют лишь опосредованно описать характер идентичности с городом в отдельных ее проявлениях: как территориально-пространственной отнесенности к месту проживания, как восприятия особенностей городского пространства, архитектуры го-

рода, как эстетического или эмоционально-потребностного отношения к городской среде и т. п.

Что касается зарубежных исследований идентичности с городом [3; 9; 12; 17; 18], то в них используются методики, являющиеся модификацией опросника М. Lalli [14], который был разработан в 1992 г., а значит, в этих исследованиях не вполне могут учитываться изменившиеся представления об идентичности с городом. Одним из таких положений является дискуссионный вопрос об отнесенности идентичности с городом к конструкту социальной или личностной идентичности [26].

Большинство исследователей рассматривают идентичность с городом как аспект социальной идентичности, выделенный на основании сформированных в рамках городского пространства социальных контактов и социального опыта, а в качестве содержания городской идентичности изучают коллективные представления о городе, нормы социального взаимодействия людей, а также стереотипы, отличающие «свои» и «чужие» городские общности [5; 16; 20]. В рамках этого подхода внимание исследователей сосредоточено на изучении образа города как социального конструкта, создаваемого и поддерживаемого горожанами, социальных норм и стиля жизни, объединяющих жителей данного города. Так, А. В. Микляева и П. В. Румянцева определяют городскую идентичность «как понятие, отражающее аспект идентификации человека с городской общностью как большой социальной группой, занимающей определенное положение в ряду других общностей, выделяемых по признаку

¹ Социально-психологические исследования города / отв. ред. Т. В. Дробышева, А. Л. Журавлев. – М.: Институт психологии РАН, 2016. – 267 с.

² Микляева А. В., Румянцева П. В. Социальная идентичность личности: содержание, структура, механизмы формирования. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2008. – 119 с.

городской принадлежности»³. Другой взгляд состоит в том, что место (город, территория, среда) становится важным элементом в структуре «Я-концепции» человека⁴ [8; 13–15]. Идентичность со средой рассматривается как понятие, отражающее восприятие человеком себя в контексте этой среды, взаимодействия с ней, и определяется осознанием человека себя как части этой среды, чувством общности с другими людьми, объединенными факторами взаимодействия со средой, эмоциональными связями и способами взаимодействия с ней. «Ключевым моментом формирования идентичности с местом выступает личный опыт освоения этого пространства, в том числе и пространства социального взаимодействия»⁵. Таким образом, и идентичность с городом рассматривается как структурный компонент персональной идентичности личности, отражающий восприятие города в контексте индивидуальной биографии.

Важно отметить, что в русскоязычной литературе по этой проблеме можно увидеть, как синонимичное использование терминов «идентичность с городом» и «городская идентичность»⁶, так и разведение их, как имеющих разное содержание [23]. Так, Н. С. Дягилева указывает, что при использовании термина «городская идентичность» «имеются в виду представления жителей города о себе как жителях именно этого (своего) города, то «идентичность с городом» –

это психологический конструкт, часть персональной идентичности личности, когда город воспринимается как контекст индивидуальной биографии индивида» [23, с. 55].

Современные подходы к феномену средовой идентичности вообще и идентичности с городом в частности отказываются от дихотомии и противопоставления социальной и личностной идентичности [25; 26], вводя и концептуализируя понятие средовой самоидентичности [11; 22]. При этом указывается, что она *не сводима* к самовосприятию, *не является только* продуктом социальной идентификации, *не является только* чувством связи человека со средой и веры в то, что среда является важной частью того, кем он является. Но средовая самоидентичность отражает степень, до которой человек видит себя как тип личности, дружественный среде, как субъекта, готового осуществлять средовые действия [21]. Показано, что степень идентичности с городом, понимаемая таким образом, может значимо предсказывать социально-активное поведение человека [10; 18].

Такое понимание феномена идентичности с городом требует его репрезентации в методическом инструментарии для эмпирических исследований, а разработка такового становится специальной и самостоятельной научной задачей.

³ Микляева А. В., Румянцева П. В. Социальная идентичность личности: содержание, структура, механизмы формирования. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2008. – 119 с. – С. 29.

⁴ Breakwell G. M. Social representations and social identity // Papers on Social Representations. – 1993. – Vol. 2 (1). – P. 44–47. URL: <http://www.psych.lse.ac.uk/psr/>

⁵ Микляева А. В., Румянцева П. В. Социальная идентичность личности: содержание, структура, механизмы формирования. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2008. – 119 с. – С. 67.

⁶ Микляева А. В., Румянцева П. В. Социальная идентичность личности: содержание, структура, механизмы формирования. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2008. – 119 с.

Материалы и методы

Современные представления легли в основу разработки опросника, направленного на выявление идентичности с городом, *которая концептуализируется* как самоопределение человека в городской среде. Предлагаемый опросник включает не только традиционно выделяемые измерения идентичности: когнитивные, эмоциональные и оценочные (Jorgensen and Stedman, 2001, 2006), репрезентирующие восприятие человеком себя частью определенного места, его привязанность к нему, и оценку своего города в сравнении с другими местами, но и показатели, отражающие готовность действовать в интересах города, его развития, т. е. поведенческий и деятельностный аспект идентификации.

Разработка методики осуществлялась с использованием средств статистического анализа, соответствующих современной методологии психологических исследований. Сбор первичных данных осуществлялся на выборке из 156 респондентов – жителей города Томска в возрасте от 17 до 32 лет, с периодом проживания в г. Томске от 5 месяцев до 32 лет. Проверка «Томского опросника идентичности с городом» проводилась по параметрам конструктивной валидности, внешней валидности и надежности. При измерении конструктивной валидности использовалась методология конфирматорного факторного анализа. Для проверки внешней валидности в качестве валидирующего основания была использована методика «Кто я?» М. Куна, Т. Макпартленда⁷ и психосемантическая методика «Город для меня – это...», статистическим методом был ранговый дисперсионный анализ по критерию Краскела–Уоллиса. Для проверки надежности

(выборку составили 50 респондентов) применялись методы описательной статистики, дисперсионный анализ, анализ с использованием коэффициента α -Кронбаха, метод анализа главных компонент (θ -надежность), корреляционный анализ.

Результаты

Разработка методики, направленной на выявление идентичности с городом, реализовывалась с учетом принципа системной организации параметров идентичности с городом, проявляющихся на когнитивном, эмоциональном и поведенческом уровнях. Был разработан опросник, включающий четыре шкалы, отражающие содержание идентичности с городом по когнитивному, эмоциональному, оценочному и деятельностно-поведенческому измерениям: 1) восприятие города, его социокультурной среды как ресурса для жизнедеятельности и самоосуществления сегодня и в перспективе; 2) чувство принадлежности и солидарности с горожанами, эмоциональной привязанности, ощущения города как важной части своего «Я»; 3) оценка города как города с характерными особенностями, отличного от других городов, обладающего уникальностью; 4) личный вклад в жизнь города (табл. 1).

Представим сначала результаты измерения конструктивной валидности, которая в нашем случае имела принципиальное значение, т. к. разрабатывалась новая методика, для которой нет очевидных внешних критериев валидности. Если доказана конструктивная валидность, то интерпретация полученных показателей становится более однозначной и соответствует сфере их применения. В этом случае можно утверждать, что методика

⁷ Кун М., Макпартленд Т. Эмпирические исследования установок личности па себя // Современная зарубежная социальная психология. Тексты. – М., 1984. – С. 180–188.

измеряет именно тот конструкт (в нашем исследовании – идентичность с городом), который она по замыслу разработчиков опросника должна измерять. Для измерения конструктивной валидности был проведен конфир-

маторный факторный анализ, которым проверялось соответствие априорной психологической модели апостериорной статистической факторной модели [24].

Таблица 1

Шкалы и вопросы в первоначальной версии «Томского опросника идентичности с городом» (вариант для Томска)

Table 1

Scales and questions in first version of «Tomsk questionnaire of identity with the city» (Tomsk variant)

Название шкалы	Номер вопроса в тексте опросника	Вопрос
Восприятие города, его социокультурной среды как ресурса для жизнедеятельности и самореализации сегодня и в перспективе	2	Жизнь в городе удовлетворяет почти всем моим жизненным потребностям и запросам
	4	Мои мысли о будущем в городе доставляют мне радость
	7	Если бы я мог выбирать, то не выбрал бы проживание в этом городе
	9	Мне нравятся перспективы развития города
	12	Пока я не строю планов о жизни в городе дальше
	18	Я вижу развитие города, улучшение качества жизни в нем
	19	Я вижу в городе много возможностей для работы и профессионального развития
	20	Про томичей можно сказать, что их объединяет привязанность к своему городу и вера в его возможности
Чувство принадлежности и солидарности с горожанами, эмоциональной привязанности, ощущения города как важной части своего «Я2	1	Я отчетливо чувствую себя именно томичом
	5	Я обычно говорю «мы», а не «они», когда я говорю о Томске и томичах
	8	Если кто-то хвалит томичей, я воспринимаю это как личный комплимент
	10	У меня много друзей в городе
	16	Томичей объединяет любовь к своему городу
	24	У меня так много связано с Томском, что я не могу представить своей жизни в другом городе
	26	Именно в Томске я чувствую себя дома
Оценка города как города с характерными особенностями, отличного от других городов, обладающего уникальностью	27	Я с удовольствием рассказываю о своем городе тем, кто с ним не знаком
	3	Томск – один из самых интересных сибирских городов
	6	Мне приятно, когда жители других городов и его гости оценивают наш город как интересный, видят его особенности
	11	У города есть свои яркие особенности, уникальность
	13	Томск – город, имеющий особую значимость среди университетских городов России
	14	В городе происходит много интересных для меня событий
	22	Я переживаю, если в Интернете или СМИ критикуют наш город

	30	Томск занимает достойное место среди областных центров России
Личный вклад в жизнь города	15	Я бы посоветовал молодым людям из других мест приезжать жить и работать в Томске
	17	Я с удовольствием участвую в жизни города
	21	Я уверен, что моя сегодняшняя деятельность важна для моего города
	23	Я вижу, что в городе постоянно создаются новые возможности
	25	Я не считаю, что моя активность что-то меняет в жизни города
	28	В том, что наш город развивается, есть и мой вклад
	29	Я чувствую себя частью городского сообщества

Как уже было сказано, исходная модель включала 30 вопросов, сгруппированных в четыре подсистемы, или конструкта. Однако факторный анализ для 30 вопросов и 156 наблюдений позволил выявить, что наиболее

оптимальным и информативным будет использование в факторной модели пяти факторов с собственным значением главных компонент больше единицы (рис. 1).

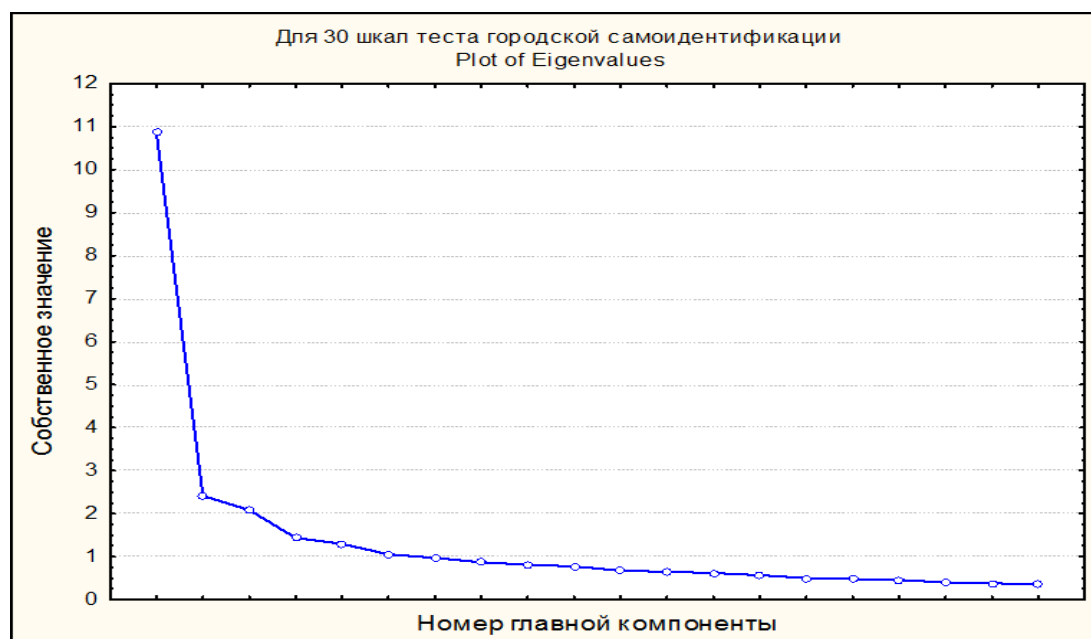

Рис. 1. График типа "Каменистая осыпь" для собственных значений главных компонент шкал по тесту городской самоидентификации для 156 испытуемых

Fig. 1. The scree plot of the eigenvalues of the principal components of the city identity questionnaire scales for 156 respondents

Выявленное распределение факторных нагрузок по шкалам (табл. 2) во многом соответствует предварительной теоретической гипотезе о распределение вопросов по конструктам-подсистемам идентичности с городом. Прежде всего, выделилось не четыре, а пять

конструктов-шкал, которые по результатам факторного анализа были названы следующим образом: «Чувство принадлежности к городу и вера в его возможности», «Эмоциональная привязанность и чувство близости», «Оценка го-

рода как обладающего уникальностью», «Личный вклад в жизнь города», «Планирование будущего, связанного с городом». Вместе с тем

обнаружились и различия как по количеству шкал, так и по их смысловому наполнению.

Таблица 2

Факторные нагрузки шкал по опроснику идентичности с городом для 156 испытуемых
Метод вращения главных компонент – Varimax normalized

Table 2

Factor loadings of the city identity questionnaire scales for 156 respondents (Varimax normalized rotation)

Номер вопроса	Фактор 1	Фактор 2	Фактор 3	Фактор 4	Фактор 5
1	0,05	0,78	0,23	0,18	0,05
2	0,03	0,17	–0,13	0,03	0,69
3	0,24	0,24	0,68	0,17	0,13
4	0,53	0,23	0,19	0,11	0,50
5	–0,11	0,70	0,33	0,20	0,03
6	0,34	0,23	0,57	–0,01	0,18
7	0,24	0,28	–0,09	0,14	0,43
8	0,21	0,70	0,26	0,04	–0,07
9	0,59	0,14	0,35	0,05	–0,09
10	0,09	0,53	0,35	0,36	–0,25
11	0,30	0,24	0,75	0,05	–0,08
12	0,13	0,30	–0,20	0,04	0,70
13	0,20	0,17	0,73	–0,04	–0,07
14	0,37	0,27	0,55	0,34	0,04
15	0,52	0,20	0,40	0,22	0,21
16	0,78	0,14	0,13	0,16	–0,03
17	0,48	0,15	0,20	0,61	0,07
18	0,60	0,23	0,36	0,10	–0,02
19	0,61	0,10	0,12	0,08	0,34
20	0,78	0,06	0,11	0,16	–0,07
21	0,25	0,10	0,21	0,55	0,15
22	0,51	0,49	0,07	–0,03	0,11
23	0,67	0,09	0,28	0,21	0,15
24	0,49	0,51	–0,10	–0,21	0,21
25	–0,14	–0,18	0,05	0,51	0,28
26	0,19	0,78	0,08	0,01	0,20
27	0,35	0,67	0,22	0,23	–0,03
28	0,29	0,37	–0,04	0,69	–0,02
29	0,45	0,40	0,17	0,45	0,11
30	0,60	0,14	0,44	0,11	0,14
Объясненная дисперсия	5,71	4,62	3,36	2,28	2,13
Доля в общей дисперсии	0,19	0,15	0,11	0,08	0,07

Конструкт-шкала «Чувство принадлежности к городу и вера в его возможности» соответствует Фактору 1 в таблице факторных нагрузок. Это наиболее сильно влияющий на общие результаты респондентов фактор – у него наибольшая доля в общей дисперсии и наибольшая объясненная дисперсия. Информативными оказались вопросы 16, 18, 19, 20, 23, 30. Конструкт-шкала «Эмоциональная привязанность и чувство близости» соответствует Фактору 2 в таблице факторных нагрузок. Наиболее информативными по факторным нагрузкам стали вопросы 1, 5, 8, 10, 26, 27. Конструкт «Город как обладающий уникальностью» соответствует Фактору 3, в который вошли с высокими факторными нагрузками вопросы 3, 6, 11, 13. Фактору 4 соответствует конструкт «Личный вклад в жизнь города», куда вошли вопросы 17, 21, 25, 28. Фактору 5 соответствует конструкт «Планирование будущего, связанного с городом» с вопросами 2, 7, 12.

В обнаружившемся распределении наблюдается частичное расхождение с предварительной моделью. Во-первых, важно отметить, что некоторые вопросы оказались менее информативными и менее валидными, чем остальные, т. к. имели приблизительно одинаковые факторные нагрузки по нескольким факторам. В эту группу вошли вопросы 4, 9, 14, 15, 22, 24, 29, и поэтому они были исключены из окончательной редакции опросника. Во-вторых, не выявилось соответствие гипотетического конструкта «Город как ресурс для жизнедеятельности и самоосуществления» ни одному статистически выделенному фактору. Вопросы из этого конструкта разделились на две группы, которые можно условно охарактеризовать как вопросы с эмоциональной и рациональной коннотацией. Так, вопросы 18 («Я вижу развитие города, улучшение качества жизни в нем»), 19 («Я вижу в городе много

возможностей для работы и профессионального развития»), 20 («Про томичей можно сказать, что их объединяет привязанность к своему городу и вера в его возможности») вошли в фактор, отражающий эмоциональное отношение томичей к своему городу через чувство принадлежности к нему, веру в его возможности и перспективы. А вопросы 2 («Жизнь в городе удовлетворяет почти всем моим жизненным потребностям и запросам»), 7 («Если бы я мог выбирать, то не выбрал бы проживание в этом городе»), 12 («Пока я не строю планов о жизни в городе дальше») выделились в отдельный фактор, отражающий рациональное отношение к городу через оценку актуального качества жизни, а также через установки по поводу своего будущего в городе. Этот фактор был назван нами «Планирование будущего, связанного с городом».

Кроме этого обнаружили и другие расхождения с предварительной моделью. Конструкт-шкала «Город как часть моего Я» распался, вопросы из него оказались включенными в разные факторы. С нашей точки зрения, это объясняется тем, что конструкт был выделен недостаточно точно, и формулировка его названия оказалась слишком обобщенной и не позволяла зафиксировать разные аспекты отношения к городу. Оказалось, что в субъективном опыте людей «город как часть моего Я» отражается или как чувство эмоциональной связи с ним – любовь и привязанность, или как переживание его особенностей и уникальности, или как уверенность, что у города есть перспективы развития, т. е. эмоциональное отношение к городу потребовалось определить содержательно более точно и выделить два его типа, опосредованных в одном случае верой в возможности города, представлением о его перспективах, а в другом случае – эмоциональными связями, чувством близости. И получилось, что вопросы 1, 5, 8, 10, 26, 27,

входящие по нашей гипотезе в этот конструкт, составили шкалу «Эмоциональная привязанность и чувство близости», а вопрос 16 переместился в подсистему «Чувство принадлежности к городу и вера в его возможности». В свою очередь шкала «Чувство принадлежности к городу и вера в его возможности» объединила вопросы из разных (по предварительной гипотезе) шкал: вопрос 23 («Я вижу, что в городе постоянно создаются новые возможности») переместился из шкалы «Мой личный вклад в жизнь города», а вопрос 30 («Томск занимает достойное место среди областных центров России») – из шкалы «Город как обладающий уникальностью», т. е. он оказался вопросом, который не столько фиксирует уникальность, сколько отражает эмоциональное отношение к городу.

Конструкты «Город как обладающий уникальностью» и «Личный вклад в жизнь города» содержательно были выделены достаточно точно, все вопросы каждого из них остались сгруппированными вместе и уточнения названия шкал не потребовалось.

Подводя итог обсуждения результатов, полученных в ходе измерения конструктивной валидности опросника, можно констатировать, что гипотеза о наличии и общем смысле подсистем идентичности с городом подтвердилась полностью, а гипотеза о составе этих подсистем полного подтверждения не нашла. Интерпретация содержания вопросов респондентами и разработчиками опросника и не могла совпасть полностью. Валидизация как раз и позволила выявить разночтения и неоднозначные формулировки, а на основании этого – скорректировать состав шкал опрос-

ника. Таким образом, его окончательная версия включает пять шкал: «Чувство принадлежности к городу и вера в его возможности» (вопросы 16, 18, 19, 20, 23, 30), «Эмоциональная привязанность и чувство близости» (вопросы 1, 5, 8, 10, 26, 27), «Оценка города как обладающего уникальностью» (вопросы 3, 6, 11, 13), «Личный вклад в жизнь города» (вопросы 17, 21, 25, 28), «Планирование будущего, связанного с городом» (вопросы 2, 7, 12).

Следующим этапом работы была проверка внешней валидности опросника. В качестве валидизирующего основания была использована методика «Кто я?» М. Куна, Т. Макпартленда⁸, предназначенная для изучения содержательных характеристик идентичности личности. В результате контент-анализа было выделено двенадцать смысловых категорий, обобщенно отражающих содержание самоидентификаций: половая принадлежность, родственные связи, дружба и любовь, деятельность и профессия, учебная деятельность, личностные и личные характеристики, гражданство и национальность, творчество и саморазвитие, метафорические личностные характеристики, хобби и интересы, имя, религиозная и политическая принадлежность.

В качестве еще одного инструмента для проверки внешней валидности была использована методика изучения установок индивида по отношению к своему городу, которую мы назвали «Город для меня». Респонденты в свободной форме заканчивали фразу «Томск для меня ...». Контент-анализ этих ответов позволил выявить содержательные характеристики идентификации с городом, отражающие установки томичей по отношению к своему городу. Они были обобщены нами в следующие

⁸ Кун М., Макпартленд Т. Эмпирические исследования установок личности на себя // Современная зарубежная социальная психология. Тексты. – М., 1984. – С. 180–188.

категории: территория, архитектура и улицы, погода и природа, вуз и студенчество, образы и метафоры, качество и условия жизни, возможности и развитие, родственные и дружеские связи, эмоции и настроение, город через людей.

Используя ранговый дисперсионный анализ по критерию Краскела–Уоллиса, мы анализировали, как соотносятся значения шкал «Томского опросника идентичности с городом» с выбором категорий по методикам «Кто Я?» и «Томск для меня ...». Обнаружилось, что респонденты, которые выбирают для описания города формулировки, входящие в категории «Возможности и развитие» «Вуз и студенчество», показывают значимо более высокие результаты по шкале «Чувство принадлежности к городу и вера в его возможности» (H -критерий 11,97; p -уровень 0,0025; H -критерий 8,46; p -уровень 0,0036 соответственно); те, кто выбирают характеристики из категорий «Эмоции и настроение», «Родственные и дружеские связи», «Город через людей», показывают значимо более высокие результаты по шкале «Эмоциональная привязанность и чувство близости» (H -критерий 9,39; p -уровень 0,0022; H -критерий 5,38; p -уровень 0,0203; H -критерий 4,99, p -уровень 0,0254 соответственно); респонденты, описывающие город «для меня» через характеристики из категорий «Эмоции и настроение», «Архитектура и улицы», «Погода и природа», «Образы и метафоры», показывают значимо более высокие результаты по шкале «Город как обладающий уникальностью» (H -критерий 6,32; p -уровень 0,0119; H -критерий 4,8; p -уровень 0,0283; H -критерий 5,38; p -уровень 0,0203; H -критерий 4,99, p -уровень 0,0254 соответственно); описывающие город «для меня» через характеристики из категорий «Качество и условия жизни» и «Возможности и развитие», показывают значимо более высокие результаты по

шкале «Планирование будущего, связанного с городом» (H -критерий 9,39; p -уровень 0,0022; H -критерий 11,97; p -уровень 0,0025 соответственно).

Отметим, что дисперсионный анализ результатов по шкале «Личный вклад в жизнь города» не обнаружил значимых различий в ответах респондентов, выбравших те или иные характеристики (категории) для описания города. В свою очередь, результаты по этой шкале оказались зависимыми от выбора респондентами разных характеристик самоидентификации по методике «Кто Я?». Так, характеристики из категорий «Религиозная и политическая принадлежность», «Творчество и саморазвитие», «Деятельность и профессия» выбрали те респонденты, которые показали значимо более высокие результаты по шкале «Личный вклад в жизнь города» (H -критерий 4,95; p -уровень 0,0259; H -критерий 16,10; p -уровень 0,0001; H -критерий 9,88; p -уровень 0,0017 соответственно).

Таким образом, ранговый дисперсионный анализ показал зависимость шкал «Томского опросника идентичности с городом» от смысловых категорий, выделенных в результате контент-анализа обеих методик: «Кто Я?» и «Томск для меня ...». Обнаружилась смысловая близость шкал разрабатываемого нами опросника с категориями самоидентификации и идентификации с городом «в контексте моей жизни». На основе этого мы делаем вывод, что «Томский опросник идентичности с городом» обладает признаками внешней валидности.

Следующей задачей работы была проверка надежности опросника на выборке из 50 испытуемых, повторный опрос для определения ретестовой надежности был проведен через два месяца. Процедура психометрической проверки надежности осуществлялась в несколько этапов.

На первом этапе были установлены общие описательные статистики (среднее, медиана, мода, частота моды, стандартное отклонение, стандартная ошибка среднего) по 30 вопросам для двух этапов тестирования – первого и второго (ретеста). Результаты показали, что основные параметры и характер распределения значений по всем вопросам теста и ретеста не имеют заметных изменений, т. е. идентичны до тысячных или сотых значений.

Предварительно это не дает оснований сомневаться в надежности результатов по предложенному опроснику.

На втором этапе для сравнительного сопоставления разброса значений по вопросам первого тестирования и ретеста был проведен дисперсионный анализ. На рисунках 2, 3 видно, что интервалы для стандартных ошибок не получили заметных сдвигов ни по одному из вопросов в ходе ретеста. Это также свидетельствуют о надежности методики.

Рис. 2. Интервальные графики дисперсионного анализа для 30 вопросов первого наблюдения 50 респондентов. *Mean* – среднее; *SE* – стандартная ошибка среднего

Fig. 2. The interval plot (analysis of variance) for 30 questions in the first observation of 50 respondents. Mean is the average value; SE is the standard error of the mean

На третьем этапе для проверки надежности использовался коэффициент α -Кронбаха, который показывает внутреннюю согласованность характеристик, описывающих один объект. Приведем формулу стандартизованного показателя α :

$$\alpha_{st} = \frac{N \cdot \bar{r}}{1 + (N - 1) \cdot \bar{r}},$$

где N является количеством исследуемых компонентов;

r – определяет средний коэффициент корреляции между компонентами. Средний коэффициент корреляции оказался равен 0,17

и для первого тестирования, и для ретеста. Таким образом, α -Кронбаха = $(50 \times 0,17) / (1 + 49 \times 0,17) = 0,91$, т. е. значение коэффициента близко к единице, что также свидетельствует о высокой надежности разрабатываемого опросника.

На четвертом этапе проводилась проверка θ -надежности методики, основанная на методе анализа главных компонент. Мы использовали следующую формулу θ -надежности теста:

$$\theta = \frac{k}{k-1} \left(1 - \frac{1}{\lambda_1} \right),$$

где θ – коэффициент, получивший название θ -надежности теста;

k – количество пунктов теста;

λ_1 – наибольшее значение характеристического корня матрицы интеркорреляций пунктов (наибольшее собственное значение, или абсолютный вес первой главной компоненты, т. е. её вклад в общую дисперсию шкал теста).

Рис. 3. Интервальные графики дисперсионного анализа для 30 вопросов второго наблюдения 50 респондентов. Mean – среднее; SE – стандартная ошибка среднего

Fig. 3. The interval plot (analysis of variance) for 30 questions in the second observation of 50 respondents. Mean is the average value; SE is the standard error of the mean

В таблице 3 приведены результаты анализа главных компонент для первого тестирования и ретеста соответственно. Значение λ_1 для первого тестирования = 7,86; значение λ_1 для ретеста = 7,3.

Следовательно, θ первого тестирования = $30/29 \times (1 - 1/7,86) = 0,903$; θ ретеста = $30/29 \times (1 - 1/7,3) = 0,892$. Таким образом, θ -надежность – достаточно высокая (близка к единице) как для первого тестирования, так и для ретеста.

Таблица 3

**Сравнительный анализ главных компонент шкал первого опроса и ретеста
50 респондентов по опроснику идентичности с городом**

Table 3

*Comparative analysis of the principal components of the city identity questionnaire scales
from the first survey and retesting for 50 respondents*

Номера главных компонент со значением > 1	Собственные значения (вклад в дисперсию всех шкал)		Процент общей дисперсии	
	1-тестирование	ретест	1-тестирование	ретест
1	7,86	7,30	26,19	24,34
2	3,85	3,07	12,85	10,24
3	2,73	2,56	9,11	8,55
4	1,96	2,02	6,53	6,74
5	1,72	1,80	5,75	5,99
6	1,50	1,53	4,99	5,11
7	1,20	1,35	4,02	4,51
8	1,17	1,30	3,91	4,32
9	1,06	1,03	3,54	3,45

На последнем этапе осуществлялась проверка надежности параллельных/взаимозаменяемых форм, которая основана на корреляции показателей, полученных по двум опросам одних и тех же респондентов. В случае простой проверки надежности параллельным будет считаться ряд ответов одного и того же респондента на те же вопросы при ретесте. В нашем случае во всех пя-

тидесяти наблюдениях коэффициенты корреляции между тестом и ретестом очень высоки и статистически значимы: коэффициент корреляции Спирмена варьирует от 0,55 до 0,95, уровень значимости – от 0,00000000000003 до 0,002. Для иллюстрации приведем в таблице 4 результаты корреляционного анализа параллельности первых десяти наблюдений.

Таблица 4

Корреляционный анализ по критерию Спирмена для проверки надёжности параллельных форм опросника

Table 4

Spearman's rank correlation analysis to test the reliability of parallel forms of the questionnaire

Номера наблюдений	R Спирмена	p-уровень
1 наблюдение & 1 ретест	0,91	0,000000000005
2 наблюдение & 2 ретест	0,80	0,00000009
3 наблюдение & 3 ретест	0,64	0,0001
4 наблюдение & 4 ретест	0,55	0,002
5 наблюдение & 5 ретест	0,92	0,000000000001
6 наблюдение & 6 ретест	0,77	0,000001
7 наблюдение & 7 ретест	0,95	0,000000000001
8 наблюдение & 8 ретест	0,84	0,000000004
9 наблюдение & 9 ретест	0,85	0,000000004
10 наблюдение & 10 ретест	0,85	0,000000003

Можно констатировать, что эти данные также подтверждают высокую надежность опросника.

Заключение

По результатам исследования можно сделать следующие выводы:

1) разработан опросник, позволяющий изучать актуальные аспекты феномена идентичности с городом, который понимается как деятельностное самоопределение человека в городской среде;

2) «Томский опросник идентичности с городом» включает пять шкал: «Чувство принадлежности к городу и вера в его возможности», «Эмоциональная привязанность и чувство близости», «Город как обладающий уникальностью», «Личный вклад в жизнь города», «Планирование будущего, связанное с городом»;

3) результаты статистической проверки свидетельствуют о том, что методика исследования идентичности с городом является валидной и соответствует высокому уровню надежности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Anton C. E., Lawrence C.** The relationship between place attachment, the theory of planned behaviour and residents response to place change // *Journal of Environmental Psychology*. – 2016. – Vol. 47. – P. 145–154. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.jenvp.2016.05.010>
2. **Bamberg S., Rees J., Seebauer S.** Collective climate action: Determinants of participation intention in community-based pro-environmental initiatives // *Journal of Environmental Psychology*. – 2015. – Vol. 43. – P. 155–165. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jenvp.2015.06.006>
3. **Belanche D., Casalós L. V., Flavián C.** Understanding the cognitive, affective and evaluative components of social urban identity: Determinants, measurement, and practical consequences // *Journal of Environmental Psychology*. – 2017. – Vol. 50. – P. 138–153. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jenvp.2017.02.004>
4. **Belanche D., Casalo L. V., Orús C.** City attachment and use of urban services: Benefits for Smart cities // *Cities*. – 2016. – Vol. 50. – P. 75–81. <https://doi.org/10.1016/j.cities.2015.08.016>
5. **Bernardo F., Palma-Oliveira J. M.** Place identity, place attachment and the scale of place: the impact of place salience // *Psychology*. – 2013. – Vol. 4. – P. 167–193. DOI: <https://doi.org/10.1080/21711976.2013.10773867>
6. **Bernardo F., Palma-Oliveira J-M.** Urban neighbourhoods and intergroup relations: The importance of place identity // *Journal of Environmental Psychology*. – 2016. – Vol. 45. – P. 239–251. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jenvp.2016.01.010>
7. **Casakin H., Hernandez B., Ruiz C.** Place attachment and place identity in Israeli cities: The influence of city size // *Cities*. – 2015. – Vol. 42, Part B. – P. 224–230. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.cities.2014.07.007>
8. **Chapin F. S., Knapp C. N.** Sense of place: A process for identifying and negotiating potentially contested visions of sustainability // *Environmental Science and Policy*. – 2015. – Vol. 53, Part A. – P. 38–46. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.envsci.2015.04.01>
9. **Dias P., Ramadier T.** Social trajectory and socio-spatial representation of urban space: The relation between social and cognitive structures // *Journal of Environmental Psychology*. – 2015. – Vol. 41. – P. 135–144. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jenvp.2014.12.002>
10. **Dono J., Webb J., Richardson B.** The relationship between environmental activism, pro-environmental behaviour and social identity // *Journal of environmental psychology*. – 2010. – Vol. 30, Issue 2. – P. 178–186. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.jenvp.2009.11.006>

11. **Fernandez-Portero C., Alarcon, D., Barrios A.** Dwelling conditions and life satisfaction of older people through residential satisfaction // *Journal of Environmental Psychology*. – 2017. – Vol. 49. – P. 1–7. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jenvp.2016.11.003>
12. **Jorgensen B., Stedman R.** Sense of place as an attitude: Lakeshore owners attitudes toward their properties // *Journal of Environmental Psychology*. – 2001. – Vol. 21 (3). – P. 233–248. DOI: <http://dx.doi.org/10.1006/jevp.2001.0226>
13. **Kashima Y., Paladino A., Margetts E. A.** Environmentalist identity and environmental striving // *Journal of Environmental Psychology*. – 2014. – Vol. 38. – P. 64–75. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.jenvp.2013.12.014>
14. **Lalli M.** Urban-related identity: Theory, measurement, and empirical findings // *Journal of Environmental Psychology*. – 1992. – Vol. 12 (4). – P. 285–303. DOI: [http://dx.doi.org/10.1016/S0272-4944\(05\)80078-7](http://dx.doi.org/10.1016/S0272-4944(05)80078-7)
15. **Lin C., Lockwood M.** Forms and sources of place attachment: evidence from two protected areas // *Geoforum*. – 2014. – Vol. 53. – P. 74–81. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.geoforum.2014.02.008>
16. **Pol E.** The theoretical background of the city-identity-sustainability network // *Environment and Behavior*. – 2002. – Vol. 34, Issue 1. – P. 8–25. DOI: <https://doi.org/10.1177/0013916502034001002>
17. **Rubin M., Badea C., Condie J., Mahfud Y., Morrison T., Peker M.** Individual differences in collectivism predict city identification and city evaluation in Australian, French, and Turkish cities // *Journal of Environmental Psychology*. – 2017. – Vol. 50. – P. 9–16. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jenvp.2017.01.007>
18. **Scannell L., Gifford R.** Personally Relevant Climate Change. The Role of Place Attachment and Local Versus Global Message Framing in Engagement // *Environment and Behavior*. – 2013. – Vol. 45 (1). – P. 60–85. DOI: <https://doi.org/10.1177/0013916511421196>
19. **Ujanga N., Zakariya K.** The notion of place, place meaning and identity in urban regeneration // *Procedia – social and behavioral sciences*. – 2015. – Vol. 170. – P. 709–717. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.sbspro.2015.01.073>
20. **Uzzell D., Pol E., Badenas D.** Place Identification, Social Cohesion, and Environmental Sustainability // *Environment and Behavior*. – 2002. – Vol. 34, Issue 1. – P. 26–53. DOI: <https://doi.org/10.1177/0013916502034001003>
21. **Van der Werff E., Steg L., Keizer K. E.** The value of environmental self-identity: the relationship between biospheric values, environmental self-identity and environmental preferences, intentions and behavior // *Journal of Environmental Psychology*. – 2013. – Vol. 34. – P. 55–63. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.jenvp.2012.12.006>
22. **Williams D. R.** Making sense of “place”: Reflections on pluralism and positionality in place research // *Landscape and Urban Planning*. – 2014. – Vol. 131. – P. 74–82. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.landurbplan.2014.08.002>
23. **Дягилева Н. С., Журавлева Л. А.** Городская идентичность: понятие, структура, основы формирования // *Социология города*. – 2012. – № 1. С. 46–61.
24. **Загорюев А. Л.** Особенности выполнения конфирматорного факторного анализа в процессе психометрической характеристики измерительных шкал // *Вестник ЮУрГУ. Психология*. – 2011. – №42 (259). – С. 41–46.
25. **Лукьянов О. В.** Проблема становления идентичности в эпоху социальных изменений. – Томск: Изд-во Том. ун-та. – 2008. – 212 с.

26. **Муравьева О. И., Литвина С. А., Богомаз С. А.** Средовая идентичность: содержание понятия // Сибирский психологический журнал. – 2015. – № 58. – С. 136–148. DOI: <http://dx.doi.org/10.17223/17267080/58/10>
27. **Озерина А. А.** Городская идентичность как социально-психологический феномен // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7, Философия. Социология и социальные технологии. – 2016. – №4 (34). – С. 135–139. DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu7.2016.4.15>
28. **Понукалина О. В., Логинова Л. В.** Имидж территории в контексте повышения туристской привлекательности региона // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7, Философия. Социология и социальные технологии. – 2016. – № 1 (31). – С. 65–72. DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu7.2016.1.9>
29. **Шкурко Т. А., Балакина А. А.** Социально-психологические особенности отношений к другим людям и отношение к городу жителей мегаполиса, большого и малого городов. – Ростов-на-Дону: Издательство Южного федерального университета, 2014. – 208 с.

DOI: [10.15293/2226-3365.1801.05](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1801.05)

Svetlana Alekseevna Litvina, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Department of Organizational Psychology, Department of Psychology, Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation.

ORCID ID: <http://orcid.org/0000-0001-5200-9937>

E-mail: litvina65@mail.ru

Olga Ivanovna Muravyova, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Department of Psychology of Personality, Department of Psychology, Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation.

ORCID ID: <http://orcid.org/0000-0002-7623-7456>

E-mail: muravey59@mail.ru

City Identity Questionnaire: Designing, validating and reliability testing

Abstract

Introduction. One of the major problems in studying identity with the city is a shortage of research tools. The aim of this study was to create a modern questionnaire allowing to study relevant aspects of this phenomenon.

Materials and methods. 156 respondents participated in the study. To measure the questionnaire construct validity, confirmatory factor analysis was applied. To verify its external validity, we used M. Kuhn and T. McPartland's Who am I technique as a validation base. The statistical method applied was the Kruskal-Wallis rank analysis of variance. Checking the questionnaire reliability, including that of test-retest, was carried out on the sample of 50 subjects. Statistical methods involved descriptive statistics, analysis of variance, Cronbach's alpha coefficient analysis, principal component analysis (theta coefficients) and correlation analysis.

Results. The understanding of phenomenon of identity with the city is defined as behavioral self-determination of a person in urban environment. In accordance with that «Tomsk questionnaire of identity with the city» was developed, consisting of 23 questions grouped in five scales, namely «Sense of belonging to the city and faith in its potential», «Emotional attachment and feeling of closeness», «Uniqueness of the city», «Personal contribution to the city life», «Future plans associated with the city».

Conclusions. The results of statistical testing have proved validity and high reliability of the technique.

Keywords

Identity with the city; Urban identity; Personal identity; Social identity; Urban environment; Questionnaire of identity with the city.

Acknowledgements

The reported study was supported by Russian Humanitarian Science Foundation, project 15-06-10803 "Psychological factors of environmental self-identity"

REFERENCES

1. Anton C. E., Lawrence C. The relationship between place attachment, the theory of planned behaviour and residents response to place change. *Journal of Environmental Psychology*, 2016, vol. 47, pp. 145–154. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.jenvp.2016.05.010>

2. Bamberg S., Rees J., Seebauer S. Collective climate action: Determinants of participation intention in community-based pro-environmental initiatives. *Journal of Environmental Psychology*, 2015, vol. 43, pp. 155–165. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jenvp.2015.06.006>
3. Belanche D., Casalós L. V., Flavián C. Understanding the cognitive, affective and evaluative components of social urban identity: Determinants, measurement, and practical consequences. *Journal of Environmental Psychology*, 2017, vol. 50, pp. 138–153. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jenvp.2017.02.004>
4. Belanche D., Casalo L. V., Orús C. City attachment and use of urban services: Benefits for Smart cities. *Cities*, 2016, vol. 50, pp. 75–81. <https://doi.org/10.1016/j.cities.2015.08.016>
5. Bernardo F., Palma-Oliveira J. M. Place identity, place attachment and the scale of place: the impact of place salience. *Psychology*, 2013, vol. 4, issue 2, pp. 167–193. DOI: <https://doi.org/10.1080/21711976.2013.10773867>
6. Bernardo F., Palma-Oliveira J.-M. Urban neighbourhoods and intergroup relations: The importance of place identity. *Journal of Environmental Psychology*, 2016, vol. 45, pp. 239–251. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.jenvp.2016.01.010>
7. Casakin H., Hernandez B., Ruiz C. Place attachment and place identity in Israeli cities: The influence of city size. *Cities*, 2015, vol. 42, part B, pp. 224–230. <http://dx.doi.org/10.1016/j.cities.2014.07.007>
8. Chapin III F. S., Knapp C. N. Sense of place: A process for identifying and negotiating potentially contested visions of sustainability. *Environmental Science and Policy*, 2015, vol. 53, part A, pp. 38–46. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.envsci.2015.04.012>
9. Dias P., Ramadier T. Social trajectory and socio-spatial representation of urban space: The relation between social and cognitive structures. *Journal of Environmental Psychology*, 2015, vol. 41, pp. 135–144. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jenvp.2014.12.002>
10. Dono J., Webb J., Richardson B. The relationship between environmental activism, pro-environmental behaviour and social identity. *Journal of environmental psychology*, 2010, vol. 30, issue 2, pp. 178–186. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.jenvp.2009.11.006>
11. Fernandez-Portero C., Alarcon D., Padura A. B. Dwelling conditions and life satisfaction of older people through residential satisfaction. *Journal of Environmental Psychology*, 2017, vol. 49, pp. 1–7. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jenvp.2016.11.003>
12. Jorgensen B., Stedman R. Sense of place as an attitude: Lakeshore owners attitudes toward their properties. *Journal of Environmental Psychology*, 2001, vol. 21 (3), pp. 233–248. DOI: <http://dx.doi.org/10.1006/jevpe.2001.0226>
13. Kashima Y., Paladino A., Margetts E. A. Environmentalist identity and environmental striving. *Journal of Environmental Psychology*, 2014, vol. 38, pp. 64–75. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.jenvp.2013.12.014>
14. Lalli M. Urban-related identity: Theory, measurement, and empirical findings. *Journal of Environmental Psychology*, 1992, vol. 12 (4), pp. 285–303. DOI: [http://dx.doi.org/10.1016/S0272-4944\(05\)80078-7](http://dx.doi.org/10.1016/S0272-4944(05)80078-7)
15. Lin C.-C., Lockwood M. Forms and sources of place attachment: Evidence from two protected areas. *Geoforum*, 2014, vol. 53, pp. 74–81. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.geoforum.2014.02.008>
16. Pol E. The Theoretical Background of the City-Identity-Sustainability Network. *Environment and Behavior*, 2002, vol. 34, issue 1, pp. 8–25. DOI: <https://doi.org/10.1177/0013916502034001002>
17. Rubin M., Badea C., Condie J., Mahfud Y., Morrison T., Peker M. Individual differences in collectivism predict city identification and city evaluation in Australian, French, and Turkish cities.

- Journal of Environmental Psychology*, 2017, vol. 50, pp. 9–16. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jenvp.2017.01.007>
18. Scannell L., Gifford R. Personally relevant climate change: The role of place attachment and local versus global message framing in engagement. *Environment and Behavior*, 2013, vol. 45 (1), pp. 60–85. DOI: <https://doi.org/10.1177/0013916511421196>
 19. Ujang N., Zakariya K. The notion of place, place meaning and identity in urban regeneration. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, 2015, vol. 170, pp. 709–717. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.sbspro.2015.01.073>
 20. Uzzell D., Pol E., Badenas D. Place identification, social cohesion, and environmental sustainability. *Environment and Behavior*, 2002, vol. 34, issue 1, pp. 26–53. DOI: <https://doi.org/10.1177/0013916502034001003>
 21. Van der Werff E., Steg L., Keizer K. The value of environmental self-identity: the relationship between biospheric values, environmental self-identity and environmental preferences, intentions and behavior. *Journal of Environmental Psychology*, 2013, vol. 34, pp. 55–63. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.jenvp.2012.12.006>
 22. Williams D. R. Making sense of “place”: Reflections on pluralism and positionality in place research. *Landscape and Urban Planning*, 2014, vol. 131, pp. 74–82. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.landurbplan.2014.08.002>
 23. Dyagileva N. S., Zhuravleva L. A. Town identity: Concept, structure, bases of formation. *Sociology of City*, 2012, no. 1, pp. 46–61. (In Russian) URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=20229593>
 24. Zagorjuev A. L. Features of confirmatory factor analysis in psychometric characteristics of the measurement process scales. *Bulletin of the South Ural State University. Series “Psychology”*, 2011, no. 42, pp. 41–46. (In Russian) URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=17112839>
 25. Luk'yanov O. V. *The problem of identity formation in the era of social change*. Tomsk, Tomsk State University Publ., 2008, 212 p. (In Russian) URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21147174>
 26. Muravyova O. I., Litvina S. A., Bogomaz S. A. Environmental identity: the concept content. *Siberian Journal of Psychology*, 2015, no. 58, pp. 136–148. (In Russian) URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25031855>
 27. Ozerina A. A. City Identity as a Social and Psychological Phenomenon. *Science Journal of Volgograd State University. Philosophy. Sociology and Social Technologies*, 2016, no. 4, pp. 135–139. (In Russian) URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=28153009>
 28. Ponukalina O. V., Loginova L. V. The image of the territory in the context of increasing the tourist attractiveness of the region. *Science Journal of Volgograd State University. Philosophy. Sociology and Social Technologies*, 2016, no. 1, pp. 65–72. (In Russian) URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26124581>
 29. Shkurko T. A., Balakina A. A. *Socio-psychological characteristics of relations to other people and the attitude towards the city of the inhabitants of the megalopolis, big and small cities*. Rostov-on-Don, Southern Federal University Publ., 2014, 208 p. (In Russian) URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29145883>

Submitted: 06 December 2017 Accepted: 09 January 2018 Published: 28 February 2018

This is an open access article distributed under the [Creative Commons Attribution License](#) which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work is properly cited. (CC BY 4.0).

www.vestnik.nspu.ru

ФИЛОСОФИЯ И ИСТОРИЯ

PHILOSOPHY AND HISTORY

© С. В. Волкова

DOI: [10.15293/2226-3365.1801.06](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1801.06)

УДК 101+37.013

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ ЭЛЕКТРОННЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ*С. В. Волкова (Петрозаводск, Россия)*

Проблема и цель. В философии образования остается малоизученной тема онтологических и гносеологических оснований взаимодействия электронных технологий и субъектов образовательного процесса. Целью статьи является экспликация понятия сознания, соответствующего специфике электронных образовательных технологий, а также анализ требований, которые предъявляют электронные технологии к опыту сознания субъектов образовательного процесса.

Методология. В качестве методологии исследования выбрана феноменологическая философия. Необходимость обращения к методам феноменологической рефлексии и дескрипции продиктована тем, что именно с их помощью выявляются такие релевантные поставленной цели темы, как «сознание и время», «сознание и понимание», «сознание и тело».

Результаты. Автор обосновывает, что технология электронной презентации является экспликацией феноменологического понимания сознания и времени как формы организации сознания. Автор демонстрирует, что электронная презентация представляет собой символ ментальной жизни ее создателя (педагога), однако в восприятии учащихся этот символ, как правило, отрывается от требования воссоздавать эту жизнь сознания в своем личном рефлексивном опыте. Автор отмечает, что характерное для электронных образовательных технологий клиповое сознание купирует потенциал герменевтического восприятия, а сопутствующее этим технологиям обеднение телесного опыта ограничивает участников образовательного процесса в их способности видеть личностное измерение друг друга, а также затрудняет возможности развития педагогического такта.

Заключение. В соответствии с поставленной целью автор приходит к выводу, что специфике электронных образовательных технологий отвечает феноменологическая трактовка сознания, а главным требованием, предъявляемым данными технологиями к обучающимся, является освоение ими опыта интенционально-рефлексивной, синтетической жизни сознания. Резюмируется, что в той мере, в какой пользователи электронных технологий (ученик и учитель) отказываются от необходимости культивировать сознательный опыт, они сами становятся частью технологических систем – устройствами, воспроизводящими и считывающими информацию. Автор подчеркивает, что опыт диссеминированного, расщепленного субъекта оказывается наиболее частым антропологическим коррелятом электронных образовательных технологий.

Ключевые слова: феноменологическая концепция сознания; интенциональность; временность сознания; телесность; расщепленный субъект; жесты; образование; электронная презентация.

Волкова Светлана Владимировна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры философии и культурологии, Петрозаводский государственный университет; докторант кафедры философской антропологии, Санкт-Петербургский государственный университет.

E-mail: svetavolkov@ya.ru

Постановка проблемы

Как и многие другие сферы человеческой жизнедеятельности, образование демонстрирует сегодня широкое использование электронных технологий. Они становятся предметом исследования со стороны специалистов самого различного профиля: педагогов, социологов, экономистов, психологов и т. д. Так, в работе Н. Фризена и А. Фейнберга освещается история онлайн-образования. По мнению авторов, логика развития этого феномена зависела не только от прогресса технологических возможностей, но и от социокультурных условий и интересов. В связи с этим авторы прослеживают, как менялось восприятие и значение технологий онлайн-обучения на том или ином этапе исторического развития [7]. В целом, многие современные исследователи оценивают массовые открытые онлайн-курсы (Massive open online courses, MOOC) как инструмент демократизации общества¹ [18; 14; 24], а также как ресурс, который благодаря менеджерам образования может принести популярность и успех образовательным учреждениям. Например, социально-экономическим аспектам онлайн-образования посвящена коллективная работа М. Холл, М. Харроу и Л. Эстель [10]. Онлайн-образование представляет доходное финансовое предприятие, поэтому авторы монографии размышляют над эффективными стратегиями конкуренции на мировом рынке электронных образовательных услуг. Понятно, что распространение электронных и, в частности дистанционных технологий, в сфере образования неотделимо от необходимости развития у обучающихся навыков обращения с этими технологиями. Вопросы эффективной организации обучения

этим навыкам – важная задача в сфере политики образования, что также находит сегодня отражение в научной литературе².

Безусловно, можно согласиться с тем, что электронные технологии увеличили степень свободы учащихся, в частности расширили возможности выхода к кругу учебных, научных и других источников. В то же время следует заметить, что любая технология – это не просто инструмент или средство, но и экспликация определенного способа отношения человека к окружающему миру и себе самому. В связи с этим едва ли возможно понять специфику и роль электронных образовательных технологий без реконструкции сознательного опыта пользователей (в данном случае – участников образовательного процесса), тех требований, которые предъявляют эти технологии к субъектам образовательного процесса. В этом отношении предметом пристального внимания со стороны современных исследователей уже стала технология мультимедийной презентации. Несмотря на популярность этой технологии, особенно среди студентов, ее педагогические преимущества остаются открытым, дискуссионным вопросом, о чем пишет в своей работе Дж. Холмс [11]. В работе исследователя М. Флавина [8], посвященной распространению в среде современных студентов использованию таких интернет-ресурсов, как Википедия и поисковых систем *Google*, *Yandex*, отмечается, что быстрое предоставление информации согласно поисковому запросу часто вытесняет на периферию сознания обучающегося необходимость оперировать авторизованной информацией, проводить различие между своей собственной и цитируемой мыслью.

¹ Little D., Felten P., Berry C. Liberal Education in a Visual World // Liberal Education. – 2010. – Vol. 96 (2). – P. 44–49.

² Innovating Education and Educating for Innovation: The Power of Digital Technologies and Skills. Paris, 2016. – 152 p.

Между тем при всем разнообразии исследований электронных образовательных технологий все они отталкиваются от определенного понимания феномена человеческого сознания, которое, как правило, фигурирует на правах неявной, само собой разумеющейся предпосылки. В связи с этим целью нашей работы является экспликация соответствующего специфике электронных образовательных технологий понятия сознания, а также анализ требований, которые предъявляют электронные технологии к опыту сознания субъектов образовательного процесса.

Методология

В качестве методологии исследования выбрана феноменологическая философия (Э. Гуссерль, М. Хайдеггер, М. Мерло-Понти). В работах К. Адамс [3; 4; 5; 25], Н. Фризена [9], Р. Шоу [23], М. Петерса³ и др. [16] уже положено начало феноменологическому осмыслению электронных образовательных технологий. Предлагаемое нами исследование представляет собой конкретизацию и углубление данных познавательных начинаний. Используя методы феноменологической рефлексии и дескрипции, мы постараемся показать, как электронные образовательные технологии обостряют такие философские темы, как «сознание и время», «сознание и понимание», «сознание и тело».

Результаты исследования

В современной научной литературе часто звучит мысль о том, что электронные технологии и в частности, дистанционные курсы, онлайн-университеты предоставили учащимся возможности более эффективного управления своим временем. Соглашаясь с этой мыслью, полагаем, что будет уместным

обратить внимание на замечание Р. Шоу о том, что для философского осмысления электронных образовательных технологий в их связи с феноменом образования представление о времени как физической, измеряемой сущности недостаточно [23]. Необходимость философского понятия времени становится особенно острой при обращении к одной из самых распространенных сегодня в образовательном процессе технологий – электронной презентации. Как правило, презентация представляет собой последовательность сменяющих друг друга слайдов с графическими изображениями и текстовыми врезками. Каким бы тривиальным ни казался данный факт, он открывает одну из важнейших феноменологических истин, а именно: сознание и время не находятся во внешних друг с другом отношениях; время – это определенный способ организации сознания как синтетической деятельности. Предлагая воспринимать следующие друг за другом слайды, презентация подразумевает синтез, упорядочивающий восприятия в единство последовательности, а также синтез, который объединяет все восприятия в одно представление, удерживает их в качестве существующих вместе, т. е. одновременно. Последовательность и одновременность – это временные характеристики, лежащие в основе сознания. В этом смысле, всякий раз, когда мы обращаемся к технологии презентации, мы сталкиваемся с феноменом времени и сама технология презентации есть такая проекция бытия сознания, для которого время является формой конституирования этого бытия. Добавим к сказанному еще один момент. С одной стороны, технология презентации предлагает воспринимать учебный материал в том порядке, в котором он представлен на слайдах,

³ Peters M. A. Technologising pedagogy: The internet, nihilism, and phenomenology of learning // SIMILE: Studies

in Media and Information Literacy Education. – 2003. – Vol. 3 (1). – P. 1–10.

но, с другой – эта же технология зачастую демонстрирует расхождение логики восприятия и понимания с запрограммированной последовательностью слайдов. В данном случае это свидетельствует о том, что время как способ организации сознания выступает условием возможности феномена презентации, и дано пользователю этой технологии не в виде изолированных, а проникающих друг в друга моментов. И действительно, с феноменологической точки зрения настоящее, из которого осуществляется восприятие слайдов, всегда разомкнуто для модифицирующего участия в нем прошлого и будущего. В связи с этим смысл воспринимаемого всегда может отклониться от намеченной линии под влиянием ретенций – уже состоявшихся, но удерживаемых восприятий и протенций – ожидаемых, предвосхищаемых восприятий.

Обращает на себя внимание при рассмотрении технологии презентации разница между видением и пониманием. Прежде всего, у ученика, готовящегося к восприятию презентации, имеет место реакция на светящийся экран и ожидание движения на нем. Тот факт, что взгляд оказывается буквально захвачен динамикой происходящего на экране, свидетельствует об активизации презентацией неких глубинных психологических механизмов, заложенных, по-видимому, еще в эволюционном прошлом человека, когда реакция на движущийся объект обладала высокой адаптивной значимостью. Это спонтанное, почти безотчетное внимание к движению, сталкивается с требованием вникать в содержание слайдов, что в свою очередь предполагает организацию учащимися работы своего сознания в режиме рефлексии. И здесь мы сталкиваемся с любопытным обстоятельством. Дело в том, что для совершения акта рефлексии человеку необходимо приостановить внешнее

зрение. Учащимся приходится прерывать провоцируемую презентацией общедоступную очевидность и переходить к внутреннему самодистанцированию, умозрению. К сожалению, в действительности этот переход происходит не часто. В самом деле, если в глазах философов, педагогов презентация подразумевает создание пространства понимания на пересечении внешней динамики изображений и внутренней, фиксированной опоры рефлексии, то для учащихся данное пространство представляется предуготовленным и воплощенным в самой презентации, о чем, например, свидетельствует тот факт, что многие ученики воспринимают презентационные слайды как законченное и достаточное средство для подготовки к экзамену [4; 5; 12]. Логика студентов такова, что, если на слайдах чего-то нет, то, следовательно, это не имеет существенного значения.

В целом, подразумеваемый функционированием презентации зазор между видением и пониманием имеет отношение не только к ученику, но и учителю. Наблюдение за ходом учебного занятия позволяет выделить в качестве типичной следующую ситуацию: в процессе демонстрации презентации ученик задает вопрос, а учитель, ограниченный порядком демонстрации слайдов, оставляет этот вопрос без внимания или говорит, что вернется к нему позже. В подобного рода случаях сам момент понимания учащимся того, что его заинтересовало, часто оказывается упущен. Учитель, например, не возвращается к заданному вопросу, забывает его, или ученик замечает, что уже не может сформулировать то, что его занимало [1]. На примере таких ситуаций становится очевидным, что событие понимания не вмещается в заранее созданную, запланированную последовательность слайдов и требует от учителя того, что М. ван Манен

назвал «педагогическим тактом» – готовностью допустить, что нечто может пойти «не так», предположить непредвиденное как возможность и сознать, что может потребоваться импровизация⁴.

Далее обратим внимание на еще одно обстоятельство. Развертывающаяся перед глазами учащегося презентация являет собой такую последовательность слайдов, в которой некая содержательно-тематическая целостность дана аспектуально. Это связано с тем, что интенциональность как базовое свойство сознания придает восприятию избирательный характер. Речь идет о том, что любое восприятие вещи обладает ореолом фоновых созерцаний. Это означает, что в любом восприятии всегда есть предметное содержание, которое явлено, но не схвачено, т. е. субъект еще не направлен на него своим «духовным взглядом». Таким образом, интенциональность как бы структурирует поле восприятия на фигуру и фон, центр и периферию. Исходя из сказанного, можно заметить, что презентационный слайд, как и кинокадр, фотоснимок демонстрирует не сам по себе некий предмет, который в данном случае является интеллигибельным, а точку зрения на него, и последняя всегда ограничена, аспектуальна. Тот факт, что эта точка зрения наделяет смыслом какой-то один содержательный момент, не означает, что другие моменты не существуют. Они также неявно присутствуют и незримо обрамляют смонтированный слайд. Речь педагога, его диалог с учащимися может актуализировать эту неявную информацию и тем самым расширить смысловую полноту непосредственно видимого, читаемого на слайде, а то и вообще сделать ее впервые доступной для уча-

щегося. В этом отношении выглядит любопытной мотивация студентов записываться на тот или иной учебный курс в зависимости от того, предоставляет ли лектор презентацию своего курса слушателям. Среди различных интерпретаций данной мотивации допустима, видимо, и такая, согласно которой в сознании учащихся (по крайней мере, некоторых) учитель воспринимается просто как часть технологической системы, выводящая изображение на экран и поэтому легко дублируемая и в принципе сепарируемая без ущерба для усвоения того смысла, который транслируется этой системой.

До сих пор, говоря о технологии презентаций, мы обращались, прежде всего, к феноменологическому понятию сознания. Между тем для более глубокого ее понимания было бы резонно расширить перспективу и в частности соотнести эту технологию с феноменологическим понятием тела как габитуса. Понятие габитуса говорит о том, что, привыкая взаимодействовать, обращаться с некой вещью, человек как бы проецирует в эту вещь себя, свои действия, а она, соответственно, становится продолжением его тела. Габитусом является инкорпорированная в тело и ставшая бессознательной, т. е. автоматически действующей, совокупность умений, навыков, благодаря которой человек обретает мир в себе и себя в мире⁵. По-видимому, стержнем того габитуса, который оформляется у пользователей технологии презентации, оказывается привычка к схематизированному, фрагментированному видению, пониманию предмета. «На прошлой неделе я поймал себя на мысли, что подбираю в голове слайды, которые бы потребовались мне, чтобы объяснить жене, почему

⁴ van Manen M. The tact of teaching: The meaning of pedagogical thoughtfulness. – London, Ontario, 1991. – P. 88.

⁵ Шюес К. Анонимные силы габитуса // Логос. – 1999. – № 10. – С. 4–15.

мы не сможем отправиться в этом году в отпуск» [3, с. 394]. Несмотря на шуточный характер данного высказывания, оно довольно точно отображает формируемое электронными технологиями «клиповое сознание» – сознание, направленное при организации и передачи знания на критерии краткости и эффективности. В той мере, в какой технология презентации ориентирует своих пользователей на восприятие сокращенных, предельно сжатых и поименованных блоков информации, она воспроизводит и прививает восприятие в логике того, что М. Хайдеггер назвал «онтологией наличного». В рамках последней всякое сущее полагается как некий предмет, имеющий определенный, выражаемый в определении «вид». С точки зрения М. Хайдеггера, окружающие человека вещи выступают изначально не как объекты теоретического созерцания, но как средства, которые человек так или иначе использует, с которыми он имеет дело, поэтому и более глубокой, фундаментальной является «онтология подручного». В онтологии подручного сущее явлено не в виде самотождественного, завершенного предмета, а как открытое многообразие отсылов, где знак указывает на другой знак и т. д., так, что от человека требуется понимающе-толкующее – герменевтическое восприятие⁶. Технология презентаций существенно ограничивает возможности герменевтического восприятия. Более того, даже следование онтологии наличного, программирующей на восприятие некоего завершенного, себе-тождественного смысла, является для учащихся, контактирующих с презентацией, непростой задачей. В самом деле, как уже говорилось, пространство понимания оформляется на пересечении нескольких составляющих: презентационных слайдов, восприятия ученика и комментариев

учителя. При этом процесс оформления смысла может быть нарушен быстрым движением слайдов, прерван в силу переключения внимания ученика с изображения на ремарки учителя, или, наоборот, в результате смещения внимания со слов на изображение. В итоге восприятию, барражирующему от изображения к речи (и обратно), периодически уходящему вглубь себя, приходится иметь дело с логикой нестабильного, текучего смысла.

Безусловно, с еще большей очевидностью данная логика заявляет о себе при работе с интернет-ресурсом, когда само внимание учащегося не центрировано на каком-то одном фрагменте, а скользит за счет технологии гиперссылок от одного фрагмента к другому. Это движение по гиперссылкам напоминает прыжки, так что линейное, последовательное восприятие информации становится затруднительным. Взгляд ухватывает несколько строк из текста и спешит перейти по ссылке к еще более интересной странице. Свою лепту вносит и такой элемент Интернета, как видеоконтент. Замечено, что чтение и письмо интенсифицируют чувство «Я», создавая переживание глубины его внутреннего пространства [17; 19]. Данное обстоятельство не противоречит тому, что в процессе чтения субъект может испытывать поглощающее влияние со стороны текста. Скорее, наоборот, растворение в тексте есть следствие интенсивной работы воображения. Связанная с распространением компьютерных, интернет-технологий ориентация на видеоконтент приводит к тому, что воображение уступает место визуальному восприятию, а внутреннее пространство человеческого «Я» утрачивает глубину и вырождается в нечто поверхностное. В целом технология гиперссылок втягивает субъекта образования в доста-

⁶ Хайдеггер М. Бытие и время. – М., 1997. – С. 149.

точно специфический опыт сознания. В «Феноменологии внутреннего сознания времени» Э. Гуссерль утверждает, что переживания становятся «различенными», «выделенными» благодаря рефлексивному повороту к ним⁷. Но поскольку этот рефлексивный поворот как раз и проблематизируется технологией гиперссылок, то восприятия, переживания приобретают аморфный, трудноуловимый для их носителей характер. Отрефлексировать эти восприятия в слове становится непростой задачей для субъекта цифрового поколения [2; 15]. В связи с этим неудивительно, что, пытаясь, например, выступить на учебном занятии, современный учащийся, оказывается в ситуации, когда означающие отрываются от своих означаемых, т. е. произносимые слова «переодевают» обозначаемые ими мысли. Распространенным способом избегания подобных ситуаций оказывается попытка апеллировать к неким готовым структурам, которые бы избавляли от необходимости рефлексивного опыта. Примером такой готовой структуры является информация. В отличие от знания информация не является выстраданной истиной и в пределах стремится быть безучастной к личностному опыту ее носителей. Между тем, отсутствие необходимости рефлексии является иллюзией, поэтому считывание, озвучивание информации с электронного гаджета – практика, которую сегодня часто можно наблюдать на учебном занятии, свидетельствует о диссеминировании субъекта знания – превращении его в анонимный, трансляционный механизм, некое ответвление поисковой системы *Google* или *Yandex*.

Сказанное заставляет обратить внимание и на фигуру учителя. Используя технологию презентаций учителя говорят, что им

необходимо синхронизировать свою речь с динамикой слайдов. Самый простой и, по-видимому, распространенный способ для этого – «сделаться» частью самой технологии, выступая в роли озвучивателя визуального ряда так, чтобы слайды, вызываемые кликом мыши, сами подсказывали, что необходимо говорить. В принципе возникновение подобной гибридной системы, в которой сращены человек и технология, начинается уже в процессе подготовки презентации, когда учитель стремится представить учеников, сидящих перед презентацией, когда он пытается предвосхитить их вопросы. Между тем всякий раз, когда это предвосхищение не срабатывает и смысл в сознании учащихся не раскрывается по запланированным в презентации линиям, то педагог испытывает некую противоречивость своего «Я»: одна часть склоняет его остаться в рамках сконструированного им аудиовизуального порядка презентации, а другая требует выйти из-под диктата этого порядка. Каким бы психологически болезненным не было это переживание, но, по-видимому, освоение опыта расщепленного субъекта является неизбежным для пользователей электронными технологиями.

Теперь обратим внимание на еще один важный момент. Электронные технологии, как правило, освобождают учащихся от выполнения таких телесных действий, как записывание, перерисовывание вслед за учителем некоего учебного материала в рабочую тетрадь. Среди учащихся сегодня стала распространенной практика фотографирования презентационных слайдов на мобильный телефон, айпад и т. п. Посмотрим на эту ситуацию феноменологически. Примечательно, что если

⁷ Гуссерль Э. Феноменология внутреннего сознания времени. – М., 1994. – С. 154.

отталкиваться, как это и делает феноменология, от опыта непосредственно переживаемой данности, то в нем мы не найдем отдельно друг от друга сознания как интернациональности и тела как совокупности органов. Вместо этого мы обнаруживаем единство сознания и тела, опыт воплощенного присутствия. Этот опыт воплощенного присутствия говорит о том, что субъект восприятия – это не некая неподвижная среда, испытывающая воздействие извне, а как бы выход навстречу ощущаемому, принятие на себя определенной моторной установки. Таким образом, можно предположить, что провоцируемое электронными технологиями сужение моторной активности учащихся обернется как следствие деформированием, обеднением их перцептивных способностей.

В контексте сказанного представляет особый интерес феномен компьютерной симуляции [9; 21]. Сегодня, например, перед студентами медико-биологических курсов открываются возможности участия в виртуальном препарировании. В ситуации нехватки лабораторий или этической сомнительности некоторых действий в отношении живого, виртуальная симуляция выглядит полезным средством. В то же время было бы интересно взглянуть на ту конфигурацию сознательного опыта, которая формируется в этих виртуальных симуляциях. Наблюдаемое студентом на экране движение скальпеля, осуществляющего надрез на теле лягушки, есть следствие его манипуляций с компьютерной клавиатурой и мышкой. При этом в процессе тактильного взаимодействия с этими компьютерными средствами едва ли возможно прочувствовать, пережить степень нажима на хирургический инструмент, глубину его погружения, меру твердости, неподатливости препарированной материи. Кроме того, использование команд «назад», «отме-

нить», «удалить» позволяет вернуть в исходное состояние некую ситуацию и тем самым купирует переживание риска совершения необратимого действия. Как следствие этого в виртуальном препарировании уровень эмоциональной вовлеченности исполнителя в действие уменьшается. Наконец, участник компьютерной симуляции изначально контактирует с виртуальным объектом как неживой материей, тогда как в опыте участника реального препарирования объект переживается как «бывший живым», что добавляет процессу эмоциональной насыщенности.

Наконец, ограниченными в рамках виртуальной коммуникации оказываются и возможности усвоения, трансляции и порождения смыслов с помощью жестов, а между тем включение жестикуляции в процедуры обучения оптимизирует последние. Речь идет о том, что жестикуляция, используемая учениками, способствует снижению нагрузки на их когнитивные способности. Замечено, что когда школьников после решения ими математической задачи просят вспомнить и объяснить, как они пришли к решению, то успешней с этим справляются, прежде всего, те ученики, которым было разрешено использовать жесты во время реконструкции своего объяснения [13; 22]. Далее, как правило, жесты и жестикуляция сопровождают процессы объяснения и усвоения смысла тех или иных научных понятий, даже в том случае, когда они подразумевают абстракции. Например, на уроке, посвященном усвоению таких физико-технических понятий как «сила», «мощность», учащиеся демонстрируют сконструированные ими модели различных построек: мостов, зданий и т. д. В процессе урока, отвечая на вопрос о прочности моста, один из учеников несколько раз совершает движение рукой по поверхности сделанной им модели моста, указывая тем са-

мым на «силу» как на нечто невидимо присутствующее и распределенное внутри сооружения [6; 20]. Наконец, о важной роли жестов говорит их функция связующего звена между речью педагога и теми визуальными средствами (презентациями), которые он использует. Безусловно, вербальные средства имеют существенное значение при ориентации внимания аудитории на детали изображения, но использование дейкических (указательных) терминов порождает и определенную двойственность, размытость. Нейтрализация этой неопределенности, а соответственно и сужение диапазона возможных способов восприятия изображения, связана именно с использованием жестикуляции. Все сказанное, таким образом, в очередной раз возвращает к мысли французского философа М. Мерло-Понти о том, что восприятие и познание мира осуществляется на основе воплощенного присутствия, а не с позиции «чистого», изолированного от тела разума⁸.

Заключение

Итак, обобщая сказанное, подведем итоги. Предпринятый нами анализ онтологических и гносеологических оснований взаимодействия электронных технологий и субъектов образовательного процесса показал, что специфике электронных образовательных тех-

нологий отвечает феноменологическая трактовка сознания, а главным требованием, предъявляемым данными технологиями к обучающимся, является освоение ими опыта интенционально-рефлексивной, синтетической жизни сознания. Было выявлено, что в той мере, в какой пользователи электронных технологий (ученик и учитель) отказываются от необходимости культивировать данный сознательный опыт, они сами становятся частью технологических систем – устройствами, воспроизводящими и считывающими информацию. Было показано, что опыт диссеминированного, расщепленного субъекта оказывается наиболее частым антропологическим коррелятом электронных образовательных технологий. Развоплощенное присутствие субъектов виртуальных коммуникаций блокирует роль жестов в качестве важного связующего звена между вербальными и визуальными средствами в учебном процессе. Таким образом, феноменологический анализ показал всю важность не только электронно-дистанционных, но личных контактов и встреч, т. е. именно в них и через них становится ясно, что понимание предполагает своего рода «синхронизацию бытия», при которой интеллектуально-теоретическое освоение мысли сопровождается и дополняется освоением ее в опыте эмоционально-волевых решений, поступков, т. е. телесно.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Abdelrahman L. A. M., Attaran M., Hai-Leng C.** What does PowerPoint mean to you? A Phenomenological Study // *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. – 2013. – Vol. 103. – P. 1319–1326. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2013.10.462>
2. **Aagaard J.** Media multitasking, attention, and distraction: A critical discussion // *Phenomenology and the Cognitive Sciences*. – 2015. – Vol. 14 (4). – P. 885–896. DOI: <http://dx.doi.org/10.1007/s11097-014-9375-x>
3. **Adams C.** PowerPoint, habits of mind, and classroom culture // *Journal of Curriculum Studies*. – 2006. – Vol. 38 (4). – P. 389–411. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/00220270600579141>

⁸ Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. – СПб., 1999. – 603 с.

4. **Adams C.** PowerPoint's Pedagogy // Phenomenology and Practice. – 2008. – Vol. 2 (1). – P. 63–79. DOI: <http://dx.doi.org/10.7939/R37W67K18>
5. **Adams C., Yin Y., Madriz L. F. V., Mullen C. S.** A phenomenology of learning large: the tutorial sphere of xMOOC video lectures // Distance Education. – 2014. – Vol. 35 (2). – P. 202–216. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/01587919.2014.917701>
6. **Atit K., Gagnier K., Shipley T. F.** Student Gestures Aid Penetrative Thinking // Journal of Geoscience Education. – 2015. – Vol. 63 (1). – P. 66–72. DOI: <http://dx.doi.org/10.5408/14-008.1>
7. (Re)Inventing the Internet: Critical Case Studies / Eds Feenberg A., Friesen N. – Rotterdam, Netherlands: Sense Publishers, 2012. – 135 p. DOI: <http://dx.doi.org/10.1007/978-94-6091-734-9>
8. **Flavin M.** Disruptive Technology Enhanced Learning: The Use and Misuse of Digital Technologies in Higher Education. – London: Palgrave Macmillan, 2017. – 150 p. DOI: <http://dx.doi.org/10.1057/978-1-137-57284-4>
9. **Friesen N.** Dissection and Simulation: Brilliance and Transparency, or Encumbrance and Disruption? // Techne: Research in Philosophy and Technology. – 2011. – Vol. 15 (3). – P. 185–200. DOI: <http://dx.doi.org/10.5840/techne201115320>
10. **Hall M., Harrow M., Estelle L.** Digital Futures: Expert Briefings on Digital Technologies for Education and Research. – Elsevier, 2015. – 68 p. DOI: <https://doi.org/10.1016/B978-0-08-100384-8.00014-5>
11. **Holmes J. D.** Great Myths of Education and Learning. – UK: Wiley Blackwell, 2016. – 224 p. DOI: <https://doi.org/10.1002/9781118760499>
12. **Kernbach S., Bresciani S., Eppler M.** Slip-sliding away: a review of the literature on the constraining qualities of PowerPoint // Business and Professional Communication Quarterly. – 2015. – Vol. 78 (3). – P. 292–313. DOI: <https://doi.org/10.1177/2329490615595499>
13. **Kim M., Roth W.-M., Thom J.** Children's gestures and the embodied knowledge of geometry // International Journal of Science and Mathematics education. – 2011. – Vol. 9 (1). – P. 207–238. DOI: <http://dx.doi.org/10.1007/s10763-010-9240-5>
14. **Murray J.-A.** Participants' perceptions of a MOOC // Insights. – 2014. – Vol. 27 (2). – P. 154–159. DOI: <http://dx.doi.org/10.1629/2048-7754.154>
15. **O'Donnell A.** Contemplative Pedagogy and Mindfulness: Developing Creative Attention in an Age of Distraction // Journal of Philosophy of Education. – 2015. – Vol. 49 (2). – P. 187–202. DOI: <https://doi.org/10.1111/1467-9752.12136>
16. **Prestridge S.** The beliefs behind the teacher that influences their ICT practices // Computers & Education. – 2012. – Vol. 58, Issue 1. – P. 449–458. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.compedu.2011.08.028>
17. **Peters M. A.** The university in the epoch of digital reason: Fast knowledge in the circuits of cybernetic capitalism // Analysis and Metaphysics. – 2015. – Vol. 14. – P. 38–58. URL: <https://researchcommons.waikato.ac.nz/bitstream/handle/10289/10959/2-Peters%281%29.pdf?sequence=2&isAllowed=y>
18. **Peters M. A., Jandric P.** Dewey's Democracy and Education in the age of digital reason: the global, ecological and digital turns // Open Review of Educational Research. – 2017. – Vol. 4 (1). – P. 205–218. DOI: <https://doi.org/10.1080/23265507.2017.1395290>
19. **Peters M. A., Jandric P.** Philosophy of education in the age of digital reason // Review of Contemporary Philosophy. – 2015. – Vol. 14. – P. 162–181. URL: <https://researchcommons.waikato.ac.nz/bitstream/handle/10289/9561/14-Peters%26Jandric-1.pdf.pdf?sequence=6&isAllowed=y>

20. **Pozzer-Ardenghi L., Roth W.-M.** On performing concepts during science lectures // Science Education. – 2007. – Vol. 91 (1). – P. 96–114. DOI: <http://dx.doi.org/10.1002/sce.20172>
21. **Rosenberger R.** Technologies of Education: Classrooms and Chat Rooms, Scalpels, and Screens // Human Studies. – 2013. – Vol. 36 (2). – P. 307–313. DOI: <http://dx.doi.org/10.1007/s10746-013-9266-0>
22. **Roth W.-M.** On the pregnancy of bodily movement and geometrical objects: A post-constructivist account of the origin of mathematical knowledge // Journal of Pedagogy. – 2014. – Vol. 5 (1). – P. 65–89. DOI: <http://dx.doi.org/10.2478/jped-2014-0004>
23. **Shaw R.** Heidegger and E-Learning: Overthrowing the Traditions of Pedagogy // E-Learning and Digital Media. – 2014. – Vol. 11 (2). – P. 123–134. DOI: <http://dx.doi.org/10.2304/elea.2014.11.2.123>
24. **Walsh C. S.** Digital culture & education (DCE) embraces ‘slow citizenship’ into the future // Digital Culture & Education. – 2014. – Vol. 6 (4). – P. 388–392. URL: http://www.digitalculture-andeducation.com/cms/wp-content/uploads/2014/12/walsh_editorial_6_4_2014.pdf
25. **Yin Y., Adams C., Goble E., Madriz L. F. V.** A classroom at home: children and the lived world of MOOCs // Educational Media International. – 2015. – Vol. 52 (2). – P. 88–99. DOI: <https://doi.org/10.1080/09523987.2015.1053287>

DOI: [10.15293/2226-3365.1801.06](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1801.06)

Svetlana Vladimirovna Volkova, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Philosophy and Cultural Studies Department, Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Doctoral Student of the Philosophical Anthropology Department in St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-8463-100X>

E-mail: svetavolkov@ya.ru

Phenomenology of digital educational technologies

Abstract

Introduction. *The ontological and epistemological aspects of digital technologies are significant but currently poorly investigated areas in educational philosophy. The purpose of the article is to clarify the concept of conscience with reference to the specificity of e-learning digital technologies and its challenges for education and to conduct analysis of the requirements imposed on conscience experience of stakeholders in education by digital technologies.*

Materials and Methods. *Based on the phenomenological philosophy, the article argues that modern digital technologies, such as power-point presentation, computer simulation, virtual communication, raise issues about conscience, body and time. The necessity for estimation of the phenomenological reflection and description is in facilitating the identification of such relevant research concepts as “conscience and time”, “conscience and comprehension”, and “conscience and body”.*

Results. *The author argues that power-point technology is based on a phenomenological approach to understanding the concepts of conscience and time, and considers time as inherent form of structuring human conscience. The author shows that digital technologies provoke students to understand what they see in the clip-like manner. As a consequence, the possibilities of hermeneutic perception and communicative competences of students are suppressed. The disembodied character of stakeholders (students and teachers) in the context of virtual communication may constrain to see personal identity of human being and preclude the development of pedagogical tact. The study suggests that teachers can help their students when they take into account not only verbal, written languages and presentations but also gestures and body orientations, and relationships between these different modalities.*

Conclusions. *In accordance with the purpose of the article, the author concludes that phenomenological concept of conscience is appropriate to the specificities of e-learning educational technologies and simultaneously points out that gaining intentional-reflective, synthetic and lived conscious experience should be the main requirement for students. Without this understanding students and teachers’ being transforms into mere functions of machinery – devices for recognition and translation of information, while the experience of the “divided subject” turns out to be the most frequent anthropological correlate of digital educational technologies.*

Keywords

Phenomenological approach to consciousness; Intentionality; Inner time consciousness; Embodiment; Divided subject; Gesture; Education; PowerPoint presentation.

REFERENCES

1. Abdelrahman L. A. M., Attaran M., Hai-Leng C. What does PowerPoint mean to you? A Phenomenological Study. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, 2013, vol. 103, pp. 1319–1326. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2013.10.462>
2. Aagaard J. Media multitasking, attention, and distraction: A critical discussion. *Phenomenology and the Cognitive Sciences*, 2015, vol. 14 (4), pp. 885–896. DOI: <http://dx.doi.org/10.1007/s11097-014-9375-x>
3. Adams C. PowerPoint, habits of mind, and classroom culture. *Journal of Curriculum Studies*, 2006, vol. 38 (4), pp. 389–411. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/00220270600579141>
4. Adams C. PowerPoint's Pedagogy. *Phenomenology and Practice*, 2008, vol. 2 (1), pp. 63–79. DOI: <http://dx.doi.org/10.7939/R37W67K18>
5. Adams C., Yin Y., Madriz L. F. V., Mullen C. S. A phenomenology of learning large: the tutorial sphere of xMOOC video lectures. *Distance Education*, 2014, vol. 35 (2), pp. 202–216. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/01587919.2014.917701>
6. Atit K., Gagnier K., Shipley T. F. Student Gestures Aid Penetrative Thinking. *Journal of Geoscience Education*, 2015, vol. 63 (1), pp. 66–72. DOI: <http://dx.doi.org/10.5408/14-008.1>
7. Feenberg A., Friesen N. (eds) *(Re)Inventing the Internet: Critical Case Studies*. Rotterdam, Netherlands, Sense Publ., 2012, 135 p. DOI: <http://dx.doi.org/10.1007/978-94-6091-734-9>
8. Flavin M. *Disruptive Technology Enhanced Learning: The Use and Misuse of Digital Technologies in Higher Education*. London, Palgrave Macmillan Publ., 2017, 150 p. DOI: <http://dx.doi.org/10.1057/978-1-137-57284-4>
9. Friesen N. Dissection and Simulation: Brilliance and Transparency, or Encumbrance and Disruption?. *Techne: Research in Philosophy and Technology*, 2011, vol. 15 (3), pp. 185–200. DOI: <http://dx.doi.org/10.5840/techne201115320>
10. Hall M., Harrow M., Estelle L. *Digital Futures: Expert Briefings on Digital Technologies for Education and Research*, Elsevier Publ., 2015, 68 p. DOI: <https://doi.org/10.1016/B978-0-08-100384-8.00014-5>
11. Holmes J. D. *Great Myths of Education and Learning*. UK, Wiley Blackwell Publ., 2016, 224 p. DOI: <https://doi.org/10.1002/9781118760499>
12. Kernbach S., Bresciani S., Eppler M. Slip-sliding away: a review of the literature on the constraining qualities of PowerPoint. *Business and Professional Communication Quarterly*, 2015, vol. 78 (3), pp. 292–313. DOI: <https://doi.org/10.1177/2329490615595499>
13. Kim M., Roth W.-M., Thom J. Children's gestures and the embodied knowledge of geometry. *International Journal of Science and Mathematics education*, 2011, vol. 9 (1), pp. 207–238. DOI: <http://dx.doi.org/10.1007/s10763-010-9240-5>
14. Murray J.-A. Participants' perceptions of a MOOC. *Insights*, 2014, vol. 27 (2), pp. 154–159. DOI: <http://dx.doi.org/10.1629/2048-7754.154>
15. O'Donnell A. Contemplative Pedagogy and Mindfulness: Developing Creative Attention in an Age of Distraction. *Journal of Philosophy of Education*, 2015, vol. 49 (2), pp. 187–202. DOI: <https://doi.org/10.1111/1467-9752.12136>
16. Prestridge S. The beliefs behind the teacher that influences their ICT practices. *Computers & Education*, 2012, vol. 58, issue 1, pp. 449–458 DOI: <https://doi.org/10.1016/j.compedu.2011.08.028>
17. Peters M. A. The university in the epoch of digital reason: Fast knowledge in the circuits of cybernetic capitalism. *Analysis and Metaphysics*, 2015, vol. 14, pp. 38–58. URL:

- <https://researchcommons.waikato.ac.nz/bitstream/handle/10289/10959/2-Peters%281%29.pdf?sequence=2&isAllowed=y>
18. Peters M. A., Jandric P. Dewey's Democracy and Education in the age of digital reason: the global, ecological and digital turns. *Open Review of Educational Research*, 2017, vol. 4 (1), pp. 205–218. DOI: <https://doi.org/10.1080/23265507.2017.1395290>
 19. Peters M. A., Jandric P. Philosophy of education in the age of digital reason. *Review of Contemporary Philosophy*, 2015, vol. 14, pp. 162–181. URL: <https://researchcommons.waikato.ac.nz/bitstream/handle/10289/9561/14-Peters%26Jandric-1.pdf.pdf?sequence=6&isAllowed=y>
 20. Pozzer-Ardenghi L., Roth W.-M. On performing concepts during science lectures. *Science Education*, 2007, vol. 91 (1), pp. 96–114. DOI: <http://dx.doi.org/10.1002/sce.20172>
 21. Rosenberger R. Technologies of Education: Classrooms and Chat Rooms, Scalpels, and Screens. *Human Studies*, 2013, vol. 36 (2), pp. 307–313. DOI: <http://dx.doi.org/10.1007/s10746-013-9266-0>
 22. Roth W.-M. On the pregnancy of bodily movement and geometrical objects: A post-constructivist account of the origin of mathematical knowledge. *Journal of Pedagogy*, 2014, vol. 5 (1), pp. 65–89. DOI: <http://dx.doi.org/10.2478/jped-2014-0004>
 23. Shaw R. Heidegger and E-Learning: Overthrowing the Traditions of Pedagogy. *E-Learning and Digital Media*, 2014, vol. 11 (2), pp. 123–134. DOI: <http://dx.doi.org/10.2304/elea.2014.11.2.123>
 24. Walsh C. S. Digital culture & education (DCE) embraces 'slow citizenship' into the future. *Digital Culture & Education*, 2014, vol. 6 (4), pp. 388–392. URL: http://www.digitalcultureandeducation.com/cms/wp-content/uploads/2014/12/walsh_editorial_6_4_2014.pdf
 25. Yin Y., Adams C., Goble E., Madriz L. F. V. A classroom at home: children and the lived world of MOOCs. *Educational Media International*, 2015, vol. 52 (2), pp. 88–99. DOI: <https://doi.org/10.1080/09523987.2015.1053287>

Submitted: 01 November 2017

Accepted: 09 January 2018

Published: 28 February 2018

This is an open access article distributed under the [Creative Commons Attribution License](#) which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work is properly cited. (CC BY 4.0).

© Г. А. Илларионов

DOI: [10.15293/2226-3365.1801.07](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1801.07)

УДК 165.8+316.4.06

АКТУАЛЬНЫЕ ФОРМЫ КОНЦЕПТА ТРАДИЦИИ И ЕГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ

Г. А. Илларионов (Красноярск, Россия)

Проблема и цель. В статье рассматривается проблема концептуализации понятия «традиции» в современной науке. Проблема вызвана плюрализмом и релятивизмом использования понятия «традиции». Разная оценка традиции и традиционности служит источником общественных конфликтов. Проблема обуславливает исследовательскую цель – обобщение концептуальной основы понятия традиции через выделение антиномичности ее атрибутов и функций, посредством анализа форм использования концепта в англоязычной научной литературе.

Методология. Исследование опирается на методы концептуального и структурного анализа, раскрывая концепт через исследования его элементов, выделяя основные структурные отношения и оппозиции в нем. Материалом для анализа являются работы зарубежных исследователей традиции, публиковавших работы на английском языке, С. Бадик, Э. Гидденс, С. Броннер, М. Бевир, Я. Ядгар, М. Бекитейн, Г. Кеглер и другие.

Результаты. В результате работы автором были обобщены основные формы использования концепта «традиции» в англоязычной научной литературе. Выдвинут подход к традиции, базирующийся на дополнительности двух пониманий традиции. Выявлено, что традиция может быть рассмотрена как объективное неизменное ядро культуры, передаваемое через поколения. Одновременно традиция может рассматриваться как семиотический конструкт, формируемый в настоящем времени субъектом на основании его восприятия прошлого. Автором предложен взгляд на концепт традиции в виде модульной системы, состоящей из субконцептов, используемых в зависимости от контекста.

Заключение. Построение обобщенной единой теории социального наследования, непротиворечиво концептуализирующей традицию, подразумевает преодоление антиномий ее атрибутов и функций. Путь к преодолению проблемы лежит в использовании методологии, основанной на принципе дополнительности. Причиной, препятствующей распространению такого подхода, являются социокультурные основания изучения концепта «традиции». В связи с этим именно философия представляется наиболее удачной дисциплиной для разработки единой теории традиции, позволяя, насколько возможно, преодолеть рамки конкретно-исторических особенностей субъекта и объекта исследования традиции.

Ключевые слова: традиция; концепт традиции; атрибуты традиции; функция традиции; объективизм; конструктивизм; посттрадиционное общество.

Илларионов Григорий Андреевич – кандидат философских наук, доцент кафедры философии, Гуманитарный институт, Сибирский федеральный университет.

E-mail: bromov1917@yandex.ru

Постановка проблемы

Концепт «традиции» является широко распространенным и используемым в философии и гуманитарных науках инструментом познания социальности. Концепт крайне актуален в социологии, этнографии, культурологии, политологии, юриспруденции, экономике, социальной философии и других научных направлениях. Важность концепта подтверждает также тот факт, что «традиция» является термином, используемым в науках на различных языках. «Традиция» является частью дискурсов различных форм познания, социальной практики и даже обыденности большинства (если не всех) обществ современности.

При этом «традиция» остается проблематизированным предметом как в науке, так и в политике, публицистике, религиозной сфере, искусстве и всем остальном культурном поле. Научные и философские дискуссии о природе традиции; использование ссылок на традицию как инструмент политики, юриспруденции и экономики; сакрализация традиции в религии – все это является известной частью общественной жизни.

Именно тотальность концепта «традиции» является источником его проблематизации. Контекст использования порождает бесчисленное количество смысловых оттенков и трактовок, в зависимости от области использования, когнитивной или эмоциональной окраски.

В таких условиях важной становится работа по исследованию и упорядочиванию динамики проблематики концепта «традиции». Для русскоязычной науки это обусловлено необходимостью широкого выхода за пределы собственных языковых рамок и погружения в более широкие, иноязычные контексты – для соотнесения их с собственными.

В последние годы проблеме традиции был посвящен ряд научных работ. В статье М. Бекштейн «Концепт «живой традиции» анализируется проблема изменчивости традиции [1]. Автор изучает соотношение изменчивости и неизменности в системе воспроизводства традиции, делая вывод о том, что продолжение традиции предполагает не идентичное воспроизводство содержания традиции, а создание соотносимых ценностных позиций. Значение этой работы заключается в создании картины традиции, совмещающей плюрализм противоборствующих традиций с неизменностью, предполагаемой самим определением традиции.

Более специализированной форме традиционности – проблеме научной традиции – посвящена статья Д. Фостера, А. Ржецкого, Д. Эванса «Традиции и новации в научных исследовательских стратегиях». Авторы анализируют соотношение традиции и новации в научном познании на примере биомедицинских наук. Авторы устанавливают соотношение побудительных мотивов ученого, основанных на традиции, т. е. улучшении уже имеющегося и основанного на стремлении к новому, к преодолению традиции. Схожая тематика рассматривается в очерке С. Уайта «Поддержание и обогащение традиции» [24].

Интерес представляет статья Б. Ледвига «Против суверенитета диких животных: критика Зоополиса», в которой проблема традиции затронута в юридическом и политическом контексте вопроса о правах животных, активно разрабатываемой на Западе. Статья представляет интерес позицией автора относительно прагматической концепции соотношения традиции и новации в данной проблеме [14].

В исследовании Д. О'Коллинза и Д. Брейтвейта «Традиция как коллективная

память: решение теологической проблемы» изучается теологический подход к проблеме традиции. На богословском материале традиция определяется как «коллективная память», изучение которой необходимо проводить в рамках синтеза богословия с иными науками: антропологии, нейробиологии, психологии, социологии, философии [18].

В статье С. Уола «Политическая моральность и авторитет традиции» традиция анализируется с точки зрения ее места в политических, этических и аксиологических структурах общества. Изучается вопрос соотношения свободы и традиции, заключающийся в проблеме детерминации действий субъекта внешними структурами [23].

Степень разработанности проблемы традиции в полной мере отражает саму проблему – мы можем наблюдать релятивизм и дисциплинарную дифференциацию. Традиция рассматривается в рамках различных дисциплин: социологии, политологии, философии, юриспруденции, что затрудняет поиск единой основы концепта традиции.

Проблемой, стоящей перед нами, является, таким образом, релятивизм концепта традиции, его неопределенность. Полюсами противоречий выступают модернизм, ориентированный на преодоление традиции, и традиционализм, предполагающий восстановление традиционных структур общества. Противоречия являются конфликтогенным фактором социокультурной практики, когда группы и индивиды, оперируя одним пониманием традиции, совершают социальные акты, нежелательные или неприемлемые в рамках иных пониманий.

Цель работы – обобщение концептуальной основы понятия традиции через выделение

антиномичности ее атрибутов и функций, посредством анализа форм использования концепта в англоязычной научной литературе. Предметом нашего исследования выступит концепт «традиции» в англоязычной научной литературе.

Методология исследования

Методологически наша работа будет опираться на методы концептуального и структурного анализа. Посредством анализа научных текстов мы выстроим вариативную структуру концепта традиции в англоязычной научной литературе. Для актуализации нашего исследования предпочтение будет отдаваться текстам, написанным в последние десятилетия. Использоваться будут научные статьи, монографии и сборники, относящиеся к гуманитарным и естественным наукам. Особо следует оговорить, что речь будет идти о текстах, где затрагиваются вопросы общего понятия «традиции», а не какого-либо из ее конкретно-исторических проявлений. Концептуальный анализ предполагается проводить по трем направлениям: дефиниция традиции, ее атрибуты и функции.

В работе мы анализируем англоязычную научную литературу, посвященную исследованию концепта «традиции» с различных методологических и научных подходов. Английский выбран как наиболее широко распространенный язык современной науки.

В течении последнего десятилетия различные аспекты концептуализации традиции разрабатываются во многих частных областях англоязычной науки и философии. В рамках социологии и социальной философии традиция как структура социального наследования исследуется в работах М. Бекштейна [1], Д. Бирнера [3], С. Баддика [5], Ф. Девина [6], Э. Гидденса [8], Д. О'Коллинза, Д. Брейтвейта [18]. В политических исследованиях традицию как политический фактор рассматривают

С. Уолл [25], Д. Рубен [21], Н. Лазарус [15], Б. Лэдвиг [14]. В рамках фольклористики традицию изучают Г. Гласси [9], С. Баддик [5], С. Броннер [4]. В рамках естественных и технических наук тему традиции затрагивают Л. Хоппер, А. Спирети, С. Ламберт, С. Шапиро [10], Н. Никифоров [17].

Результаты исследования

В результате концептуального анализа использования понятия традиции в англоязычной литературе можно выделить три междисциплинарных топика. Первый из них – проблема дефиниции традиции. В силу того, что концепт традиции используется в разных контекстах различных направлений науки, дефиниции традиции предстают разнородными и часто противоречивыми.

Этому вопросу посвящена статья американского историка и фольклориста С. Броннера «Определение традиции: значение и политика «удобного концепта» [4, с. 22]. В ней он выделяет восемь основных дефиниций понятия, используемых в различных современных науках. Автор придерживается инструментального подхода, исходя из области применения понятия. Каждое из определений автор рассматривает как отсылку к определенному инструментальному пониманию социального бытия, типу практического понимания действительности. Автор отмечает значительную политизацию концепта, причиной чего видит связь традиции с корнями любой культуры этот концепт выдвигающей.

Отличный от инструментального подхода С. Броннера предлагает израильский исследователь Я. Ядгар в статье «Традиция» [25]. Он предлагает рассматривать традицию в трех основных формах – как язык, как narra-

тив, как «горизонт» культуры, границу культурного пространства [25, с. 455]. Таким образом, автор стремится уйти от дихотомий концепта традиции, таких как противопоставление традиции и новации, традиции и современности, традиции и рациональности.

Скандинавский правовед К. Туори¹ в работе «Право и его традиции» разграничивает философские и историко-социологическое понимание концепта традиции. Философское понимание традиции он рассматривает как объективистско-структуралистское, видящее в традиции очищенную от субъективности самовоспроизводящуюся структуру отношений. Историко-социологическое определение, напротив, является в большей степени конструктивистским, делающим акцент на роли индивидов в традиции, ее генезисе и передаче.

Схожее понимание высказывает исследователь М. Бефир в статье «К традиции» [2]. В статье рассматривается концепт традиции в контексте противопоставления объективистского и конструктивистского подходов. М. Бефир критикует структуралистско-объективистский подход к традиции, который видит в ней только передаваемую, независимую от субъекта реальность. Вместе с тем он критикует и противоположный конструктивистский подход, рассматривающий традиции как взгляд субъекта на прошлое, формирующий свой «конструкт традиции» из доступных ему элементов социального бытия. Первый подход, по мнению М. Бефира, безосновательно лишает субъект роли в традиции, второй – абсолютизирует ее [2, с. 45]. Перспективу автор видит в преодолении дихотомии этих подходов.

Следует отметить большой разрыв в использовании понятия традиции в обыденных и

¹ Tuori K. The Law and its Traditions // Scandinavian Studies in Law. – 2005. – Vol. 48. – P. 489–504.

научных англоязычных дискурсах. Этой проблеме посвящена статья С. Броннера «Американский концепт традиции: фольклор в дискурсе традиционных ценностей» [4, с. 143]. На материале современного американского фольклора автор показывает разделение между учеными и обывателями в понимании концепта традиции. В обыденном американском дискурсе под традицией и соответствующими ей традиционными ценностями принято понимать неизменное передаваемое социокультурное содержание, не подлежащее рефлексии, слепо ориентированную в прошлое консервативную форму социального бытия. В американской науке, напротив, исследуется изменчивость традиции, ее адаптивность, ее способность к гибкому приспособлению общества к изменяющимся условиям. Автор отмечает, что обыденный дискурс ставит вопрос о необходимости «сломать» традицию, как мешающую позитивным социальным изменениям, наука же, напротив, оценивает традицию как один из компонентов прогресса. Автор делает вывод о конфликтогенности подобной ситуации.

Анализ авторских позиций показывает, что основной трудностью в дефиниции традиции является дисциплинарный релятивизм. В силу того, что концепт традиции используется в большом количестве частных научных дисциплин, авторами разрабатываются прежде всего инструментальные подходы, применимые в рамках их проблематик. Определяемая по-разному, в зависимости от контекста использования, традиция как концепт теряет четкость и становится противоречива. Эта проблема осознаваема наукой.

Основные противоречия в концепте традиции касаются двух аспектов традиции – ее атрибутов и функций. Именно они образуют два оставшихся топика обсуждения концепта.

По результатам анализа раскрытия вопроса атрибутов традиции может быть выделено две антиномичные позиции. Первая – это объективизм, предполагающий взгляд на традицию, как на транслируемую во времени структуру культуры. Второй позицией является конструктивизм, описывающий традицию, как рефлексивное отношение последующих поколений к социальному бытию предыдущих.

Объективистская позиция относительно традиции заключается в представлении о том, что традиция является передаваемым через поколения неизменным содержанием, которое должно быть очищено от ситуативных исторических изменений.

Крайнюю объективистскую позицию занимают ученые и философы религиозной ориентированности. Примером может служить монография «Традиция: Концепт и Требование» немецкого католического философа Д. Пипера [20]. Будучи неотомистом, Д. Пипер рассматривает традицию как живую сакральную реальность. В работе Д. Пипер исследует историю философии, поясняя, как именно различные крупные философы – от Платона до Паскаля – проникали в эту реальность и чем обогащали наше понимание традиции. В условиях изменчивой современности Д. Пипер настаивает на сохранении неизменного, сакрального статуса традиции, полагая, что изменчивость – это симптом потери связи с реальным миром традиции, а не перемены в ней самой.

Синтетическую позицию относительно вопроса объективизма и конструктивизма традиции занимает британский филолог С. Бадик. В монографии «Западная теория традиции» С. Бадик исследует этические и эстетические аспекты работ деятелей различных эпох и направлений мысли и творчества – Гомера, Вергилия, Рембрандта, Бодлера, Фрейда,

Сартра и многих других [5]. Он связывает процесс получения и воспроизводства традиции с экзистенциальной реализацией свободы через «культурное возвышение», приобщение индивидуальной свободы к свободе онтологической. В такой позиции признается и объективная традиция, которая в трактовке С. Бадики представляет собой высшие формы культуры, наследуемые человеком, и конструктивистскую свободу субъекта, заключающуюся в возможности приобщения к этому наследию и посредством конструирования себя.

Конструктивистский подход к концепту традиции может быть обнаружен в работах американского культуролога и фольклориста Г. Гласси в статье «Традиция». Он выдвигает следующее определение: «Традиция – это культурный продукт, созданный или продолженный прошлыми поколениями, который, будучи принят и переосмыслен последующими поколениями, дошел до настоящего времени» [9, с. 395]. Преимуществом для Г. Гласси – это не трансляция через поколения некоего содержания, а постоянное переосмысление прошлого предков в том виде, в каком информация о нем доступна. Для Г. Гласси традиция – это постоянное преодоление разрыва между прошлым и настоящим, опытом социальной жизни и изменяющимися условиями, динамичный контекст социального бытия.

Свою вариацию взгляда на соотношение объективизма и конструктивизма выдвигает известный британский социолог Э. Гидденс [8]. В своей теории «позднего модерна» Г. Гидденс рассматривает два состояния традиции в обществе – традиционность и посттрадиционность. Традиционность, по мнению Г. Гидденса, это состояние наследования форм социального бытия, воспроизводство последующими поколениями социального опыта предшествующих. В ней слабо выражена роль

субъекта, который только безальтернативно перенимает доступный ему социальный опыт. В обществе «позднего модерна» субъект оказывается в ситуации посттрадиционности, когда развитие коммуникаций представляет ему многочисленные альтернативные варианты форм социального бытия, идентичности [8, с. 107–118]. Традиция становится предметом выбора субъекта, мозаичным конструктом, который индивид подбирает в ходе социального бытия. Рефлексия субъекта становится главным фактором функционирования социального наследования, а традиция теряет четкую структуру. Таким образом, Г. Гидденс представляет концепт традиции, как динамичный, развивающийся от объективизма к конструктивизму, по мере развития общества.

Распад традиции, ее фрагментация, о которой пишет Г. Гидденс, анализируется в статье Ф. Девина «Концепт традиции: исследование проблемы у Макинтайра» [6], посвященной изучению творчеству американского политолога А. Макинтайра. Автор, анализируя работы А. Макинтайра, выделяет основные проблемы современной традиции – ее фрагментации, прерывистости ее передачи. Отсутствие наследования, отрицание традиции ведет к конфликтности в обществе, которое распадается, теряя единую систему нравственных, религиозных и идентичностных координат.

Примечательно, что Э. Гидденс оценивает посттрадиционность, абсолютный конструктивизм традиции как конструктивное явление, позволяющее ускорять развитие общества через его совершенствующуюся рациональную адаптацию, чему способствует свобода новаций, не скованных опытом прошлого. Ф. Девин, напротив, оценивает распад традиции как явление деструктивное, лишаящее общество главной адаптивной характеристики – устойчивости. Он ставит вопрос о

необходимости восстановления межпоколенческой передачи традиции, хотя и с необходимой долей модернизации.

Анализируя раскрытие проблемы, можно сделать вывод о принципиальном противоречии двух позиций. Вопрос в том, с чем мы имеем дело в социальном наследии – объективной социальной структурой или знаковой системой? Идет ли речь о свободно ориентирующемся в социальном наследии субъекте, или объективной, определяющей субъекта форме социального наследования? Объективизм и конструктивизм предстают в таком контексте антиномией, исследующей традицию с разных сторон, оставаясь принципиально несовместимы.

Смежной проблемой определения ключевых атрибутов традиции является проблема изменчивости традиции. Попытку примирить представления о «неизменной объективной» и «изменчивой» традиции предпринимаются в англоязычной науке с 1960-х гг. Эта работа продолжается и в настоящее время. В главе «Традиция» сборника К. Негус и М. Пикринга «Творчество, коммуникация и культурные ценности» критикуется противопоставление традиции и новации как противоположных отношений общественного развития [16]. На культурологическом материале авторы стремятся показать взаимную обусловленность обоих процессов. Главным аргументом служит тот факт, что инновации невозможны без определенной устойчивой среды традиции, которая позволяет создавать и воплощать новые проекты и концепты. Традиция, в свою очередь, теряет всякий адаптивный потенциал и погибает в изменяющихся

условиях, не имея возможности инновационных изменений в собственных рамках.

В этом же направлении ведут работу итальянские исследователи экономики предприятий А. Петруцелли и В. Альбино. В статье «Стратегия инновации, основанная на традиции» авторы пишут о сложном балансе, который необходимо соблюдать для успешной реализации стратегии управления, которая предполагает расширенное воспроизводство традиционной структуры [19]. Традиционные элементы обеспечивают устойчивость и управляемость структуры, служа источником ценностей и авторитетов. В производстве и дизайне традиция также является залогом надежности, за счет опытной отработанности традиционных элементов. Инкорпорируя новые элементы в традиционные продукты и соединяя это с традициями самого предприятия, его идентичностью, стратегия решает основные задачи управления фирмой. Вместе с тем авторы отмечают сложность поиска баланса между традиционными элементами и новациями.

Примером попыток примирить концепты «неизменной» и «изменчивой» традиции служит статья Д. Свенунгсон² «Традиция и трансформация. К мессианской критике религии», посвященная этическим «мессианским» концепциям французского философа Э. Левинаса. Неизменность традиции в рассматриваемой концепции заключается в стабильности целенаправленного этического развития обществ (в данном случае монотеистических), при изменчивости возможных культурных частных по мере этого развития. Та-

² Svenungsson J. Tradition and Transformation: Towards a Messianic Critique of Religion // Phenomenology and Religion: New Frontiers / Ed. J. Bornemark, H. Ruin. – Huddinge: Södertörn University, 2010. – P. 205–222.

URL: <https://rafhladan.is/bitstream/handle/10802/12898/Phenomenology%20and%20religion.pdf?sequence=1>

кая традиция есть в большей степени неизменное имплицитное этическое стремление, нежели конкретная форма социального бытия.

Большое внимание в англоязычной научной литературе уделяется вопросам функциональности традиции. Помимо очевидных, хорошо изученных аспектов, связанных с функцией социального наследования и воспроизводства культуры, внимание уделяется более частным или практическим вопросам.

Популярным как в англоязычной, так и русскоязычной научной литературе, посвященной концепту традиции, является понятие «изобретение традиции». Оно было введено в оборот исследователями Э. Хобсбаумом и Е. Ренджером в одноименной статье [11]. Предметом статьи стал феномен возврата к традиции, распространенный в XX в. среди ирландцев и шотландцев. Анализируя большой материал, Э. Хобсбаум и Е. Ренджер приходят к выводу, что в действительности эти «традиции» имеют мало общего с реальным историческим наследием данных народов. Это новации, которые копируют ряд внешних качеств – атрибутику, эстетику реальных традиций прошлого. Воспроизводится не социальный опыт предков, а некое представление о нем, причем слабо связанное с реальным прошлым. «Изобретенная традиция» функционально несет те же задачи, что и любая другая – она формирует идентичность, ценности, служит «системой координат» в социальном бытии. Основная цель формирования «изобретенной традиции» – легитимизация политических и общественных институтов и структур, в связи с чем государства часто оказывают поддержку «стремлению к традиции». Копируя никогда не существовавшее прошлое можно с уверенностью назвать «изобретенную традицию» симулякром. Таким образом, «изобретенная традиция» – это средство придания устойчивости социальному бытию, что

служит достижению двух целей – практически-политической и гносеологически-мировоззренческой. Первая означает интеграцию общества и укрепление суверенитета через определенную идентичность, вторая – построение идентичности как устойчивой мировоззренческой «системы координат» для тех, кто ее ищет.

Концепт «изобретения традиции» одновременно популярен и критикуем. Он корректен только с позиции объективизма, если мы признаем традицию передаваемым содержанием или структурой. С позиции конструктивизма некорректно противопоставление «истинной» и «изобретенной» традиции, любая традиция есть рефлексия над прошлым, и соответствующее этой рефлексии поведение, но не воспроизведение самого прошлого. Однако все это не мешает «изобретению традиции» быть крайне популярным термином, касающимся исследований традиции.

Помимо социальной проблематики концепт традиции используется также в естественно-научной литературе. Примером этого может служить статья Л. Хоппер, А. Спитери, С. Ламберт, С. Шапиро, В. Хорнер, А. Уитена «Экспериментальные исследования традиции и базовые процессы передачи опыта у шимпанзе» [10]. В публикации описано эмпирическое исследование механизмов передачи традиции у шимпанзе. Исследуются причины различий в использовании орудий труда у разных популяций одного вида шимпанзе, раскрывается социальный механизм формирования традиций шимпанзе через обучение. Концепт традиции используется как обозначение системы передаваемых и закрепляемых в популяции способов использования орудий труда, закрепляемые через систему обучения, что приводит к формированию в разных группах приматов различных «традиций» их использова-

ния, закрепленные в их группах и отсутствующие в иных, не принимающих участие в процессе передачи опыта.

Особо интересным представляется концепт «ненависти к традиции», описанный в книге Н. Лазаруса «Национализм и культурные практики в постколониальном мире», в предисловии под названием «Правильно ненавидеть традицию», отсылающем к цитате Т. Адорно «Человек должен иметь традицию, чтобы правильно ее ненавидеть» [15]. На материале исследований постколониальных карибских и африканских обществ выдвигается взгляд на «ненависть к традиции», т. е. ее социальную критику, исходящую из самой традиции. Речь идет о жестком столкновении модернистских и традиционных форм социального бытия, когда этническая культура становится носителем критики собственной традиции. Будучи марксистом Н. Лазарус рассматривает вопрос о концептуальном подходе к традиции в постколониальных социальных исследованиях и возможности рассмотрения традиции «извне» и «изнутри».

Таким образом, в вопросе изменчивости и неизменности традиции мы можем видеть схожую с предыдущим атрибутом ситуацию. Мы наблюдаем антиномичное противопоставление двух атрибутов традиции – ее адаптивности и ее неизменности. С одной стороны, традиция рассматривается авторами как способ воспроизводства неизменного объекта, что делает ее стабилизатором общественных отношений. С другой стороны, она же изменчива, адаптивна, служит способом реакции культуры на изменения, механизмом приспособления.

Из этой антиномии следует принципиально разное понимание функций традиции, при котором в последние десятилетия активизировались исследования именно адаптивной

функции традиции. По итогам изучения выборки текстов мы можем выделить основные концептуальные положения, характерные для актуальных англоязычных исследований концепта «традиция».

1. Проблема дефиниции понятия «традиция» заключается в большом релятивизме использования понятия в повседневных и научных дискурсах, а также специфике использования понятия в различных науках (например, восемь определений, выделяемых С. Броннером).

2. Антиномия «объективизма» и «конструктивизма» в определении традиции. Проблема заключается в двух противоположных позициях относительно вопроса механизма воспроизводства традиции: является ли она передаваемой системой, структурой или знаковой системой, или традиция представляет собой рефлексивное восприятие прошлого, перманентно формирующийся конструкт, отражающий взгляд настоящего в прошлое. В той или иной форме эту проблему затрагивает большинство исследований концепта традиции. В свою очередь, большинство современных авторских систем концепта «традиции» в том или ином виде сочетают оба подхода.

3. Напрямую связанная с предыдущей – антиномия «неизменности» и «изменчивости» традиции. Вопрос состоит в том, насколько традиция стабильна в своем содержании, и возможно ли говорить о традиции как неизменном, кристаллизованном социальном бытии, или же традиция адаптивна, изменчива. Этот теоретический вопрос часто возникает в связи с социально-культурной практикой, когда заходит речь о том, насколько традиция противоречит позитивным общественным изменениям, или может способствовать им.

4. Концепт «Изобретение традиции». Выдвинутый еще в середине прошлого века не

теряет своей популярности, будучи используем для описания широкого ряда явлений социального бытия современности, прежде всего в рамках культурологии, политологии, социологии, экономике, юриспруденции. Речь идет о распространённом подходе относительно исследования общественных объектов и явлений, претендующих на традиционность и укорененность в культуре рассматриваемого социума, но несущих в себе слишком обширные нетрадиционные элементы. Их рассматривают как «искусственную традицию», которая в целях легитимации собственного существования прибегает к приему отсылок к прошлому, используя его внешние атрибуты, понятие, имитируя традиционные формы социального бытия. «Изобретение традиции» – один из наиболее популярных концептов как англоязычных, так и русскоязычных исследований традиционности.

5. Теория посттрадиционности. Многие авторы XX в. – от М. Вебера до представителей Франкфуртской школы – рассматривали традицию как отходящую в прошлое форму организации социума, которая будет заменена рациональным целеполаганием. Посттрадиционность – это попытки описания возможного состояния общества без традиции, где передача и воспроизводство социального опыта прошлого существует в принципиально иных формах. Э. Гидденс описывает такое общество как общество тотального рефлексивного выбора, где нет преемственности из прошлого – каждый индивид сам выбирает, какие элементы прошлого какого общества принимать или не принимать. Близкий посттрадиционности концепт – «общество риска».

6. Отмечаемый англоязычными авторами разрыв в научном и обыденном использовании понятия «традиция». В современной науке взгляд на традицию как омертвевший,

формализовавшийся социальный опыт не является актуальным и, наоборот, предметом чаще становится изменчивость, адаптивность и через это полезность традиции. В обыденном же использовании понятия, напротив, доминирует подход начала XX в., который видит традицию как иррациональный формализованный опыт, а потому – препятствие любой новации, которое должно быть преодолено в целях позитивного развития общества.

Подводя итог, мы можем обозначить концепт «традиция» следующим образом: традиция есть форма функционирования культуры, способ ее самовоспроизводства. В этом аспекте англоязычная мысль не отличается от советской и российской, где схожие определения давали Э. С. Маркарян, К. В. Чистов, В. М. Каиров и многие другие.

Атрибуты традиции являются наиболее проблемной частью концепта. По мере его складывания выделился антиномизм в вопросе атрибутов концепта, заключающийся в двух взаимосвязанных дихотомиях, между которыми так или иначе балансирует любая исследовательская попытка выстроить целостную систему понимания традиции. Первая из дихотомий – является ли традиция объектом передачи во времени, воспроизводимой формой (объективизм), или конструктом, каждый раз формируемым субъектом настоящего в его взгляде на прошлое, структурирующим его текущее социальное бытие через рефлексивное отношение к предшествующему (конструктивизм). Вторая из них – это дихотомия изменчивости/неизменности традиции, заключающаяся в позициях, согласно которым атрибутом традиции является ее устойчивость, неизменность, сохранение себя сквозь время, или напротив – адаптивность, динамика, способность и функция приспособления себя и субъекта к среде.

Следует сказать, что антиномизм предполагаемых атрибутов традиции не обуславливает их взаимоисключения в рамках отдельных систем, использующих концепт «традиция». Их рассмотрение ведется преимущественно в рамках попыток найти и обосновать их соотношение, чем отдать предпочтение одному из атрибутов.

Функциональную природу традиции в рамках концепта рассматривают в англоязычной литературе с самых различных, прежде всего, прагматических позиций. Исследуются социальные компоненты, способные быть полезными в области политических технологий, управленческих методов, юридических наук. Традиция исследуется в натуралистическом аспекте как механизм создания и закрепления адаптивных механизмов в биологической популяции. Основной функцией, признаваемой за традицией, остается стабилизация, укрепления любой социальной системы. При этом все чаще традиция рассматривается как инструмент реформирования, позволяющий контролируемо актуализировать и закреплять полезные и необходимые механизмы, уже существующие в том или ином виде в системе.

Наконец, важной дискуссией в рамках концептуальных обсуждений традиции остается вопрос о дальнейшем существовании концепта. С одной стороны, часть авторов вслед за М. Вебером, К. Леви-Строссом, Э. Гидденсом, Н. Элиасом и другими утверждают преодолимость традиции как социального феномена, и в том или ином виде предполагают существование «посттрадиционности» общества с принципиально иными механизмами социального наследования. К посттрадиционным явлениям относят: рационализацию социального бытия, десакрализацию, фрагментацию общественной системы; нетра-

диционные системы морали и права, порывающие с разделением на «высокое» и «низкое», субъективизацию и прагматизацию ценностей; консенсуализацию отношений личности и общества; сжатие социального пространства, стирание традиционных пониманий модусов времени. С другой стороны, критики «посттрадиционности» указывают на мнимую нетрадиционность этих явлений, относя их к кризису конкретно-исторической буржуазной традиции, а не традиции вообще; рационализация критикуется как ложный тезис на примере постоянно возникающих случаев иррациональности общественного экономического или политического поведения; указывается на сохранение большинства традиционных структурных отношений при изменении общественных систем, в которые они вписаны.

Построение единой теории традиции, на наш взгляд, является полезной, но трудноразрешимой задачей. Препятствия лежат в двух сферах – методологические антиномии концепта традиции, обозначенные выше, и социокультурные основания исследований традиции, продиктованные противостоящими друг другу мировоззренческими и ценностными ориентациями.

Способом преодоления антиномии атрибутов концепта традиции лежит в использовании методологии, основанной на принципе дополнительности. Описывая традицию двойственно, с одной стороны, как объективную реальность, с другой – как реальность знаковую, подход подразумевает холистическое совмещение методов диалектики и аналитической философии в анализе традиции как объекта, и семиологию и феноменологию в ее изучении как конструкта.

Примером такого синтетического подхода может выступить обнаруживаемая комплиментарность антиномичных подходов. Так, Э. Гидденс [8], Ф. Девин [6], Д. Пипер

[20], Л. Хоппер и А. Спитери [10] создают объективированную картину структуры традиции, рассматривая ее в контексте социологии и естествознания. Эта картина редуцирует традицию до механизма передачи социокультурного наследия. При этом Г. Гласси [9], С. Броннер [4], С. Бадик [5], М. Бекштейн [1] создают знаковую картину реальности, феноменологически и семиологически анализируя опыт социального наследия. Таким образом, мы видим две картины традиции: традиция как социальная структура и традиция как знаковая структура. Мы не можем непротиворечиво полагать традицию знаком и объективным процессом одновременно. Обозначив одну из реальностей первичным феноменом, мы автоматически относим другую к эпифеноменам.

Комплиментарность подходов обнаруживается в контексте концепта «изобретения традиции» Э. Хобсбаума. Обесценивание знаковой реальности традиционности в эпоху модерна оказывает влияние на объективное социальное наследование. Объективная структура вырабатывает «изобретенную» знаковую реальность, оказывающую обратное влияние на социальную структуру. Характер и направление влияния при этом обусловлены не столько влиянием их друг на друга, сколько их взаимодействием с прочими элементами социального мира – объективными и знаковыми.

Таким образом, мы можем представить общую методологию построения единого концепта традиции через холистическое совмещение методов анализа взаимной связи объективной структуры социального наследования и ее субъективной феноменологической стороны, подразумевая что характер этой взаимной связи обусловлен условиями их осуществления. Совмещение социологических теорий традиции с метафоричностью конструк-

тивистских исследований подразумевает взаимное соотнесение метафорического и объективного в традиции, что позволит выстраивать синтетические исследовательские стратегии.

Причинами, препятствующими построению такого метода, являются социокультурные основания изучения концепта традиции. Любое исследование традиции ведется в рамках одной из социокультурных парадигм понимания традиции, например, тех, которые выделяет С. Броннер [4]. Научная дисциплина, в рамках которой исследуется традиция, предполагает метод, например, социолог будет в большей степени объективистом, фольклорист – конструктивистом. В связи с этим именно философия представляется наиболее удачной дисциплиной для разработки единой теории традиции, позволяя насколько возможно преодолеть рамки конкретно-исторических особенностей субъекта и объекта исследования традиции.

Заключение

Таким образом, анализ концепта традиции в англоязычной науке позволяет сделать выводы.

1. Обобщая англоязычные исследования проблематики, можно сделать вывод о том, что концептуализацию традиции характеризуют различия ее дефиниции в частнонаучных дисциплинах. Социология и социальная философия, юриспруденция, политические науки, фольклористика вырабатывают инструментальные подходы к традиции, полезные в их рамках, но противоречивые по отношению друг к другу в общем контексте. Общая картина концепта традиции предстает в виде модульной системы, состоящей из субконцептов, иногда комплементарных, иногда противоречащих, используемых в зависимости от кон-

текста. Одним из наиболее популярных суб-концептов в последние десятилетия является «изобретение традиции» Э. Хобсбаума.

2. Причиной релятивизма концепта традиции является антиномизм ее атрибутов. Традиция может быть рассмотрена как объективное неизменное ядро культуры, способ ее воспроизводства, передаваемый через поколения. Одновременно традиция может рассматриваться как семиотический конструкт, формируемый в настоящем субъектом на основании его восприятия прошлого. Антиномичность распространяется и на функциональность традиции. С одной стороны, она может выступать как фактор сохранения общественной структуры во времени, с другой – как фактор его изменчивости и адаптации.

3. Большинство авторов стремится преодолеть антиномизм концепта, создав синтетический подход к нему, однако данные по-

пытки остаются безуспешными, поскольку соотношение объективного и семиотического в традиции не удастся установить. Неопределенность концепта традиции является одновременно и социокультурной проблемой, когда разные подходы к традиции обуславливают социальные акты, нежелательные или неприемлемые в рамках иных пониманий.

Путь к преодолению проблемы, на наш взгляд, лежит в использовании методологии, основанной на принципе дополнительности. Описывая традицию двойственно, с одной стороны, как объективную реальность, с другой – как реальность знаковую, подход подразумевает холистическое совмещение методов диалектики и аналитической философии в анализе традиции как объекта, и семиологию и феноменологию в ее изучении как конструкта. Причиной, препятствующими построению такого метода, являются социокультурные основания изучения концепта традиции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Beckstein M.** The concept of a living tradition // *European Journal of Social Theory*. – 2017. – Vol. 20, Issue 4. – P. 491–510. DOI: <https://doi.org/10.1177/1368431016668185>
2. **Bevir M.** On tradition // *Humanitas*. – 2000. – Vol. 13, Issue 2. – P. 28–53. URL: <https://search.proquest.com/openview/bb69d22b182ac3bca791279f45da3cc2/1?pq-origsite=gscholar&cbl=30185>
3. **Birner J.** Popper and Hayek on Reason and Tradition // *Philosophy of the Social Sciences*. – 2014. – Vol. 44, Issue 3. – P. 263–281. DOI: <https://doi.org/10.1177/0048393112452793>
4. **Bronner S. J.** Explaining Traditions: Folk Behavior in Modern Culture. – Lexington: University Press of Kentucky, 2011. – 546 p. URL: <http://www.jstor.org/stable/j.ctt2jcn8m>
5. **Budick S.** The Western Theory of Tradition: Terms and Paradigms of the Cultural Sublime. – Yale University Press, 2000. – 293 p. DOI: <https://doi.org/10.5860/choice.38-3726>
6. **Devine P.** The Concept of Tradition: A Problem Out of MacIntyre // *Reason Papers*. – 2013. – Vol. 35, № 1. – P. 107–123. URL: https://reasonpapers.com/pdf/351/rp_351.pdf
7. **Foster J. G., Rzhetsky A., Evans J. A.** Tradition and Innovation in Scientists Research Strategies // *American Sociological Review*. – 2015. – Vol. 80, Issue 5. – P. 875–908. DOI: <https://doi.org/10.1177/0003122415601618>
8. **Faucheux C.** Giddens, Anthony. 1994. Beyond Left and Right – The Future of Radical Politics // *Concepts and Transformation*. – 1997. – Vol. 2, Issue 1. – P. 107–118. DOI: <https://doi.org/10.1075/cat.2.1.08fau>
9. **Glassie H.** Tradition // *Journal of American Folklore*. – 1995. – Vol. 108, № 430. – P. 395–412. DOI: <https://doi.org/10.2307/541653>

10. **Hoppera L. M., Spiteria A., Lambethb S. P., Schapiro S. J., Hornera V., Whiten A.** Experimental studies of traditions and underlying transmission processes in chimpanzees // *Animal Behaviour*. – 2007. – Vol. 73, Issue 6. – P. 1021–1032. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.anbehav.2006.07.016>
11. **The Invention of Tradition** / Eds E. Hobsbawm, T. Ranger. – New-York: Cambridge University Press, 1983. – 323 p. URL: <https://books.google.ru/books?id=sfvnNdVY3KIC&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false>
12. **Jacobs S., Tregenza I.** Rationalism and tradition: The Popper–Oakeshott conversation // *European Journal of Political Theory*. – 2014. – Vol. 13, Issue 1. – P. 3–24. DOI: <https://doi.org/10.1177/1474885112471274>
13. **Kögler H.-H.** Dialogue and Community: The Ethical Claim of Tradition // *Journal of the Philosophy of History*. – 2014. – Vol. 8, Issue 3. – P. 380–406. DOI: <http://dx.doi.org/10.1163/18722636-12341281>
14. **Ladwig B.** Against Wild Animal Sovereignty: An Interest-based Critique of Zoopolis // *Journal of Political Philosophy*. – 2015. – Vol. 23, Issue 3. – P. 282–301. DOI: <https://doi.org/10.1111/jopp.12068>
15. **Lazarus N.** Nationalism and Cultural Practice in the Postcolonial World. – Cambridge University Press, 2009. – 295 p. DOI: <https://doi.org/10.1017/CBO9780511585678>
16. **Negus K., Pickring M.** Creativity, Communication and Cultural Value. Chapter 5: Tradition – London: SAGE, 2012. – 192 p. DOI: <http://dx.doi.org/10.4135/9781446220740>
17. **Nikiforova N.** The Concept of Technology and the Russian Cultural Research Tradition // *Technology and Culture*. – 2015. – Vol. 56, № 1. – P. 184–203. DOI: <https://doi.org/10.1353/tech.2015.0009>
18. **O’Collins G., Braithwaite D.** Tradition as Collective Memory: A Theological Task to Be Tackled // *Theological Studies*. – 2015. – Vol. 76, Issue 1. – P. 29–42. DOI: <https://doi.org/10.1177/0040563914565300>
19. **Petrizzelli A. M., Albino V.** A tradition-based innovation strategy // *When Tradition Turns into Innovation: How Firms Can Create and Appropriate Value Through Tradition*. – Sawston: Woodhead, 2012. – P. 33–47. DOI: <https://doi.org/10.1016/B978-1-84334-664-7.50009-4>
20. **Pieper J.** Über den Begriff der Tradition. Tradition: Concept and Claim, trans. E. Christian Kopff – Wilmington – Wiesbaden: Springer, 1958. – 64 p. DOI <https://doi.org/10.1007/978-3-663-04297-6>
21. **Ruben D.-H.** Traditions and True Successors // *Social Epistemology*. – 2013. – Vol. 27, Issue 1. – P. 32–46. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/02691728.2012.760661>
22. **Smith A. P.** Against Tradition to liberate tradition: weaponized apophaticism and gnostic refusal // *Angelaki*. – 2014. – Vol. 19, Issue 2. – P. 145–159. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/0969725X.2014.950870>
23. **Wall S.** Political Morality and the Authority of Tradition // *Journal of Political Philosophy*. – 2016. – Vol. 24, Issue 2. – P. 137–161. DOI: <https://doi.org/10.1111/jopp.12058>
24. **White S. K.** Maintaining and enriching a tradition // *Philosophy & Social Criticism*. – 2017. – Vol. 43, Issue 3. – P. 280–281. DOI: <https://doi.org/10.1177/0191453716666634>
25. **Yadgar Y.** Tradition // *Human Studies*. – 2013. – Vol. 36, Issue 4. – P. 451–470. DOI: <http://dx.doi.org/10.1007/s10746-013-9294-9>

DOI: [10.15293/2226-3365.1801.07](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1801.07)

Grigory Andreevich Illarionov, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Philosophy Department, Humanitarian Institute, Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russian Federation.

ORCID ID: <http://orcid.org/0000-0002-1676-3796>

Email: bromov1917@yandex.ru

The concept of tradition in contemporary western academic discourse

Abstract

Introduction. *The article is devoted to solving the problem of definition of concept of tradition. The problem is caused by pluralism and relativism in using this concept. Different approaches to tradition serves as a source of social conflict. The research goal is to summarize conceptual foundations of the notion of tradition through a consideration of the antinomies of its attributes and functions through the analysis of the use of the concept in the Western literature.*

Materials and Methods. *The study is based on methods of conceptual and structural analysis, revealing the concept through exploration of its elements, emphasizing the main structural relations and the opposition in it. The material for the analysis includes the works of the following foreign researchers of the tradition, published in the English language: C. Badik, A. Giddens and S. Bronner, M. Bevir, Y. Yadgar, M. Beckstein, G. Kegler, etc.*

Results. *As the result of the research, the author has summarized the main forms of using the concept of tradition in English academic literature. An approach to tradition based on the complementarity of two understandings of the concept is proposed. Tradition can be considered as objective, immutable core of culture, transmitted through the generations. At the same time, tradition may be seen as a semiotic construct, generated in real time by people based on their perception of the past. The overall picture of tradition appears in the form of a modular system, consisting of subconcepts.*

Conclusions. *The construction of the generalized unified theory of social inheritance, consistent with the conceptualizing of tradition, implies the overcoming of the antinomies of its attributes and functions. The way to overcome the problem lies in the use of methodology based on the principle of complementarity. The reasons for preventing the spread of such approach are socio-cultural bases of studying the concept of tradition.*

Keywords

Tradition; Concept of tradition; Attributes of tradition; Function of tradition; Objectivism; Constructivism; Posttraditional society.

REFERENCES

1. Beckstein M. The concept of a living tradition. *European Journal of Social Theory*, 2017, vol. 20, issue 4, pp. 491–510. DOI: <https://doi.org/10.1177/1368431016668185>
2. Bevir M. On tradition. *Humanitas*, 2000, vol. 13, issue 2, pp. 28–53. URL: <https://search.proquest.com/openview/bb69d22b182ac3bca791279f45da3cc2/1?pq-origsite=gscholar&cbl=30185>
3. Birner J. Popper and Hayek on Reason and Tradition. *Philosophy of the Social Sciences*, 2014, vol. 44, issue 3, pp. 263–281. DOI: <https://doi.org/10.1177/0048393112452793>

4. Bronner S. J. *Explaining Traditions: Folk Behavior in Modern Culture*. Lexington, University Press of Kentucky Publ., 2011, 546 p. URL: <http://www.jstor.org/stable/j.ctt2jcn8m>
5. Budick S. *The Western Theory of Tradition: Terms and Paradigms of the Cultural Sublime*. Yale University Press Publ., 2000, 293 p. DOI: <https://doi.org/10.5860/choice.38-3726>
6. Devine P. The Concept of Tradition: A Problem Out of MacIntyre. *Reason Papers*, 2013, vol. 35, no. 1, pp. 107–123. URL: https://reasonpapers.com/pdf/351/rp_351.pdf
7. Foster J. G., Rzhetsky A., Evans J. A. Tradition and Innovation in Scientists Research Strategies. *American Sociological Review*, 2015, vol. 80, issue 5, pp. 875–908. DOI: <https://doi.org/10.1177/0003122415601618>
8. Faucheux C. Giddens, Anthony. 1994. Beyond Left and Right – The Future of Radical Politics. *Concepts and Transformation*, 1997, vol. 2, issue 1, pp. 107–118. DOI: <https://doi.org/10.1075/cat.2.1.08fau>
9. Glassie H. Tradition. *Journal of American Folklore*, 1995, vol. 108, no. 430, pp. 395–412. DOI: <https://doi.org/10.2307/541653>
10. Hoppera L. M., Spiteria A., Lambethb S. P., Schapirob S. J., Hornera V., Whiten A. Experimental studies of traditions and underlying transmission processes in chimpanzees. *Animal Behaviour*, 2007, vol. 73, issue 6, pp. 1021–1032. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.anbehav.2006.07.016>
11. Hobsbawm E., Ranger T. (eds) *The Invention of Tradition*. New-York, Cambridge University Press Publ., 1983, 323 p. URL: <https://books.google.ru/books?id=sfvnNdVY3KIC&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false>
12. Jacobs S., Tregenza I. Rationalism and tradition: The Popper–Oakeshott conversation. *European Journal of Political Theory*, 2014, vol. 13, issue 1, pp. 3–24. DOI: <https://doi.org/10.1177/1474885112471274>
13. Kögler H.-H. Dialogue and Community: The Ethical Claim of Tradition. *Journal of the Philosophy of History*, 2014, vol. 8, issue 3, pp. 380–406. DOI: <http://dx.doi.org/10.1163/18722636-12341281>
14. Ladwig B. Against Wild Animal Sovereignty: An Interest-based Critique of Zoopolis. *Journal of Political Philosophy*, 2015, vol. 23, issue 3, pp. 282–301. DOI: <https://doi.org/10.1111/jopp.12068>
15. Lazarus N. *Nationalism and Cultural Practice in the Postcolonial World*. Cambridge University Press Publ., 2009, 295 p. DOI: <https://doi.org/10.1017/CBO9780511585678>
16. Negus K., Pickring M. *Creativity, Communication and Cultural Value*. Chapter 5: Tradition London, SAGE Publ., 2012, 192 p. DOI: <http://dx.doi.org/10.4135/9781446220740>
17. Nikiforova N. The Concept of Technology and the Russian Cultural Research Tradition. *Technology and Culture*, 2015, vol. 56, no. 1, pp. 184–203. DOI: <https://doi.org/10.1353/tech.2015.0009>
18. O'Collins G., Braithwaite D. Tradition as Collective Memory: A Theological Task to be Tackled. *Theological Studies*, 2015, vol. 76, issue 1, pp. 29–42. DOI: <https://doi.org/10.1177/0040563914565300>
19. Petruzzelli A. M., Albino V. A tradition-based innovation strategy. *When Tradition Turns Into Innovation: How Firms Can Create and Appropriate Value Through Tradition*. Sawston, Woodhead Publ., 2012, pp. 33–47. DOI: <https://doi.org/10.1016/B978-1-84334-664-7.50009-4>
20. Pieper J. *About the concept of tradition*. Wiesbaden, Springer Publ., 1958, 64 p. (In German) DOI: <https://doi.org/10.1007/978-3-663-04297-6>
21. Ruben D.-H. Traditions and True Successors. *Social Epistemology*, 2013, vol. 27, issue 1, pp. 32–46. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/02691728.2012.760661>

22. Smith A. P. Against Tradition to liberate tradition: weaponized apophaticism and gnostic refusal. *Angelaki*, 2014, vol. 19, issue 2, pp. 145–159. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/0969725X.2014.950870>
23. Wall S. Political Morality and the Authority of Tradition. *Journal of Political Philosophy*, 2016, vol. 24, issue 2, pp. 137–161. DOI: <https://doi.org/10.1111/jopp.12058>
24. White S. K. Maintaining and enriching a tradition. *Philosophy & Social Criticism*, 2017, vol. 43, issue 3, pp. 280–281. DOI: <https://doi.org/10.1177/0191453716666634>
25. Yadgar Y. Tradition. *Human Studies*, 2013, vol. 36, issue 4, pp. 451–470. DOI: <http://dx.doi.org/10.1007/s10746-013-9294-9>

Submitted: 13 October 2017 Accepted: 09 January 2018 Published: 28 February 2018

This is an open access article distributed under the [Creative Commons Attribution License](#) which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work is properly cited. (CC BY 4.0).

© М. В. Логинова

DOI: [10.15293/2226-3365.1801.08](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1801.08)

УДК 001.8+111.1+7.01

МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ОНТОЛОГИЧЕСКОГО ПОДХОДА ДЛЯ ФИЛОСОФИИ ИСКУССТВА

М. В. Логинова (Саранск, Россия)

Проблема и цель. Статья посвящена определению значения онтологического подхода в философии искусства как новой отрасли знания, становление которой связано с изменениями в стиле философствования XX в. Цель статьи – выделить и охарактеризовать онтологический подход к изучению философии искусства, определить его методологическое значение для искусства.

Методология. В ходе написания статьи автор использовал системно-синергетический подход, преимущества которого состоят в возможностях сочетания исследовательской работы над материалом, накопленным искусствоведением, с аналитикой современных практик искусства, широко представленной в философии и эстетике. Этот подход переосмысливает теорию художественного творчества и восприятия с позиций феноменологического анализа произведений искусства, как следствие, выводя их новые концепты.

Результаты. Выделены следующие актуальные проблемы онтологического подхода в философии искусства: соотношение классического и неклассического в философии и искусстве; становление философии искусства как науки; сущностное определение подхода. Автор выявил, что современная философия искусства не только связана с неклассической эстетикой, но имеет свою специфику, состоящую в онтологическом подходе к искусству как форме бытия человека. Акцентировано значение субстратного анализа сущности искусства для философии искусства в контексте современной культуры. С позиций онтологического подхода автор обосновал философию искусства как встречу (диалог) человека и мира, посредством которой выявляется новое отношение к бытию, его выражению и восприятию.

Заключение. Автором определено значение онтологического подхода в философии искусства, который не только интегрирует художественный материал «вопрошания» о смысле бытия, но изучает новые формы взаимодействия различных форм бытия (инобытия), проявляющиеся в сфере искусства. Анализируя философию искусства как сферу бытия человека, автор заключает, что методологическое значение онтологического подхода состоит в определении сущностной взаимосвязи искусства с общим философским контекстом эпохи.

Ключевые слова: неклассическая эстетика; онтология; онтологический подход; онтология искусства; современное искусство; философия искусства; эстетика; художественное творчество.

Логинова Марина Васильевна – доктор философских наук, профессор кафедры культурологии и библиотечно-информационных ресурсов, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева.

E-mail: marina919@mail.ru

Постановка проблемы

Обсуждение вопроса о значении онтологического подхода следует начать с определения предметного поля философии искусства. Формирование и развитие ее как самостоятельной науки связано с Новым временем, хотя философское осмысление искусства свойственно всем этапам его развития. Авторская позиция заключается в том, что философско-мировоззренческие изменения, характерные для эпохи Нового времени, способствуют формированию новой области знания – философии искусства, специфической чертой которой является поиск и выражение глубинных основ бытия в сфере искусства. Считаем, что определение значения онтологического подхода в философии искусства является актуальным для анализа теории и практики современного искусства, позволяет понять и осмыслить меняющуюся художественную реальность XXI в.

Другой аспект проблемы заключается в определении специфики предмета исследования эстетики и философии искусства. Задача этой статьи – обосновать философию искусства как самостоятельную область знания и определить онтологический подход в качестве ее методологического основания.

Для характеристики современной культурно-исторической эпохи Ю. Хабермас предложил использовать термин «незавершенный проект модерна», подчеркивая тем самым становящийся характер современности и ее выражения в различных формах деятельности, включая искусство¹.

Логика осмысления проблемы философии искусства приводит к необходимости

обоснования специфического стиля мышления, выраженного в искусстве. Современная философия искусства не является законченной системой взглядов, т. к. она, соответствуя определенному стилю мышления, носит становящийся характер и является отражением бытия искусства в общественном сознании, данного в новых исторических условиях.

Вопрос о соотношении эстетики и философии искусства стал активно обсуждаться в XX в. Приведем мнение Х. Ортеги-и-Гассета о роли эстетики в современной ситуации, которая «соприкоснувшись с произведением искусства, ... неизменно оказывается несостоятельной». Философ объясняет это стремлением науки «уловить сеть определений неистощимую, многоцветную суть художественности»². Известный польский эстетик Б. Дземидок отмечает, что современные теоретики искусства предпочитают называть себя не эстетиками, а философами искусства³.

Негативная оценка связана, как нам видится, с отношением классической эстетики к современным художественным практикам. Именно искусство в начале прошлого века, оказавшись в центре парадигмального сдвига, стало не только объяснять, но и создавать собственный мир, аналогов которого нет в объективном мире [1]. Возникает вопрос относительно определения вектора развития современного искусства в самом важном аспекте его рассмотрения, а именно: в том, каким образом будет развиваться теоретическая позиция, способная отражать трансформации искусства в изменяющемся мире? В исследованиях отечественных эстетиков В. В. Бычкова⁴,

¹Хабермас Ю. Политические работы. – М.: Праксис, 2005. – 679 с.

²Ортега-и-Гассет Х. Эстетика. Философия культуры. – М.: Искусство, 1991. – С. 65.

³Американская философия искусства: основные концепции второй половины XX века – антиэссенциализм, перцептуализм, институционализм. Антология: пер. с англ. / под ред. Б. Дземидока и Б. Орлова. – Екатеринбург: Деловая книга, 1997. – С. 14.

⁴Бычков В. В. Проблемы и «болевы точки» современной эстетики // Эстетика: Вчера. Сегодня. Всегда. – М.: ИФ РАН, 2005. – С. 3–38.

С. А. Дзикевича [2], Л. А. Закса [3], Н. Б. Маньковской⁵, А. С. Мигунова и С. В. Ерохина [4], А. Е. Радеева [5] и зарубежных теоретиков искусства D. Jacquette [6], L. Luks [7], F. J. Potgieter [8] определяется проблемное поле современной эстетики и намечаются векторы ее обновления. Однако вопрос о соотношении эстетики и философии искусства остается открытым.

Анализ научной литературы, раскрывающей различные аспекты соотношений ключевых элементов в системе «эстетика – философия искусства», позволяет выделить исследовательские направления, которые условно можно обозначить как: *эстетическое* (полное или частичное отождествление с эстетикой, применение эстетических категорий и принципов для философского анализа искусства) [9]⁶; *искусствоведческое* (определение философии искусства как теории искусства) [10]⁷; *собственно философское* (обоснование онтологии искусства) [11; 12]⁸.

Подчеркнем, что, органично сочетая философскую проблематику с новаторскими художественными практиками, философия ис-

кусства представляет собой наиболее адекватный способ философского исследования природы искусства. Интеграция современного искусства с философией, социологией, психологией, позволяющая осуществить междисциплинарный анализ традиционных и новаторских проблем, существенно обогатила проблемное поле философии искусства [13]. Междисциплинарный ракурс рассмотрения содержится в работах современных отечественных⁹ и зарубежных исследователей¹⁰.

Для теоретической мысли последнего характерно осмысление заинтересованного движения навстречу философии и искусства, выявление связи которых способствует пониманию основ бытия. Философия и искусство вносят в понимание бытия свое сознание, попытку упорядочивания взаимовлияний, сохраняя при этом определенное единство и общность фундаментальных мировоззренческих представлений, принципов, черт. При всей вариативности решения проблемы связи философии и искусства главным является поиск человеческих основ бытия. Процесс диалога смыслов философии и искусства максимально расширяет возможности философии как

⁵ Маньковская Н. Б. Саморефлексия неклассической эстетики // Эстетика на переломе культурных традиций. – М.: ИФ РАН, 2002. С. 5–24.

⁶ Грэм Г. Философия искусства. Введение в эстетику. – М.: Слово, 2004. – 256 с.; Кондаков И. В. Эстетика как философия искусства // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. – 2007. – № 1. – С. 114–119.; Юровская Э. П. Искусство, эстетика и философия // Журнал Петербургского философского общества. – 2000. – Т. 4, № 1. – С. 261–264.

⁷ Современная эстетика: от «философии жизни» до постмодернизма / отв. ред. Н. А. Хренов и А. С. Мигунов. – М.: Прогресс-Традиция, 2005. – 520 с.; Современное искусствоведение в системе гуманитарного знания. – СПб.: СПбГУП, 2012. – 356 с.

⁸ Онтология искусства: сб. научн. ст. / Урал. гос. ун-т им. А. М. Горького; Гуманитар. ун-т. – Екатеринбург: Гуманитар. ун-т, 2005. – 268 с.

⁹ Бранский В. П. Искусство и философия. – Калининград: Янтарный сказ, 2000. – 704 с.; Никитина И. П. Философия искусства. – М.: Омега-Л, 2010. – 559 с.; Очерки эстетики и теории искусства / отв. ред. Н. А. Хренов, А. С. Мигунов. – М.: Канон+, 2013. – 448 с.; Сакральное искусство Востока и Запада. Принципы и методы. – М.: Новый акрополь, 2014. – 216 с.

¹⁰ Лиссман Л. П. Философия современного искусства. Введение / пер. с нем. А. В. Белобратова. – СПб.: Гиперион, 2011. – 248 с.; Art in Theory 1900-2000: An Anthology of Changing Ideas / Ed. by Charles Harrison & Paul Wood. – 2nd ed. – London: Blackwell Publishing, 2012. – 1258 p.; D'Alleva Anne. Method & Theories of Art History. Second Edition. London: Laurence king Publishing, 2012. – 186 p.

науки, дополняя процесс смыслообразования присущими искусству специфическими содержаниями.

Таким образом, содержание и смысл философии искусства перестает быть сугубо эпистемологическим или семантическим, выходит за рамки философской рефлексии и получает дополнительные основания в сфере искусства, позволяет раскрыть общепhilosophическое измерение поисков искусства, зачастую парадоксальных, но всегда отражающих существенные сдвиги в миропонимании.

В предмете философии искусства выделяются задачи изучения собственно художественного творчества и объясняющих его концепций, выявляется значение культурного контекста для функционирования искусства. Однако основной смысл предмета заключается в том, что философия искусства постулирует искусство как сферу бытия человека.

Методология

Вопросы методологии являются не только составной частью исследования, но и определяют вектор его развития, объективируя результат самопознания науки. В большинстве справочных изданий отсутствует термин «философия искусства», хотя он достаточно часто используется для обозначения философских проблем в искусстве.

Теоретическое осмысление философии искусства связано с междисциплинарным подходом, разработанным применительно к философии культуры и эстетике М. С. Каганом¹¹. Значение методологии системно-синергетического подхода заключается в объединении исследовательского материала, накопленного различными областями науки (философии, культурологии, эстетики и др.), в отражении

парадигмальных изменений, которые произошли в современном гуманитарном знании.

По отношению к анализу философии искусства системно-синергетический подход заключается: в выявлении философско-онтологических закономерностей, проявляющихся в сфере искусства; определении взаимосвязи различных форм выражения в искусстве с общим контекстом развития современной культуры; возможности операционально интерпретировать смыслы философии искусства и в определении трех направлений исследования: предметного, исторического и функционального.

Особенностью предметной (или субстратно-структурной) области исследования является переход от поверхностных моделей исследования искусства к многомерным, что отражает качественные изменения образа мира. Исторический план исследования объединяет принципы синхронии и диахронии, предполагая обобщение опыта искусства. Функциональное направление рассматривает развитие искусства в качестве открытой системы, которая изменяет структурно-статическую модель на процессуальную. На основе общих направлений системно-синергетического подхода определим основные методы: сравнительно-исторический, состоящий в сопоставлении художественных практик с общим контекстом развития современной культуры; интерпретационный, обращающийся к специфике современного выражения в искусстве; интертекстуальный, позволяющий выявить глубинные основы текстов искусства.

Результаты исследования

Решение вопроса о методологическом значении онтологического подхода к философии

¹¹Каган М. С. Эстетика как философская наука. – СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1997. – 544 с.

фии искусства будет зависеть от теоретической аргументации нескольких взаимосвязанных, но и самостоятельных проблем. Рассматриваемые проблемы: соотношение классики и неклассики в философии, эстетике и искусстве; становление философии искусства как самостоятельной науки; содержание и значение онтологического подхода в искусстве.

1. Соотношение проблем *классики и неклассики* в культурном контексте XX–XXI вв. позволяет выделить эти феномены не только как оппозицию, но и определить вектор развития современной философии искусства.

Именно в прошлом столетии произошло формирование новой гуманитарной парадигмы культуры, связанной с обращением к онтологической проблематике [14]¹². Многочисленные работы посвящены диалектике классического и неклассического типов философствования [15–17]. Этот вопрос важен для нашего исследования, т. к. формирование неклассической эстетики (близкой, но не равной по своему содержанию философии искусства), является ответом на парадигмальные изменения в стиле мышления, произошедшие в гуманитарных науках. Оппозиция «*классика – неклассика*» позволяет раскрыть сущностные моменты становления парадигмы современной культуры [18].

Отметим, что различные проявления классического стиля мышления в философии

и искусстве изначально ориентированы на де-субъективацию опыта, который позволяет рассматривать мир в его исходной данности «как он есть». Неклассическая рефлексия ориентирована, во-первых, на субъективность и целостные внутренние переживания и, во-вторых, на то, что без онтологических оснований невозможно представить модель развития искусства, т. к. будет потеряно его место в бытии, что приведет к дезориентации в культуре. Таким образом, без учета современного опыта неклассического искусства, эстетики невозможно сформировать новый этап в гуманитарном знании.

Исследования феномена неклассической эстетики способствовали решению актуальных для современности проблем экоэстетики, симулякра, эстетизации науки и постмодернизма¹³.

Современная философия искусства, безусловно, связана с неклассической эстетикой, дающей, как философская наука, методологию и инструментарий исследования. Однако специфика философии искусства заключается в онтологическом подходе, который рассматривает искусство в качестве особой формы бытия человека в сфере художественного творчества. М. С. Каган в своих исследованиях указывает на соотношение эстетического и художественного¹⁴. Речь идет о разделении областей исследования – философия искус-

¹² Павлов П. В. Онтологическая идея истины в философии и культуре. – М.: Вузовская книга, 2013. – 152 с.; Степин В. С. Классика, неклассика, постнеклассика: критерии различия // Постнеклассика: философия, наука, культура. – СПб.: Мирь, 2009. – С. 249–295; Степин В. С. Теоретическое знание. – М.: ИФ РАН, 2000. – 743 с.

¹³ Бычков В. В., Маньковская Н. Б., Иванов В. В. Триалог. Живая эстетика и современная философия искусства. – М.: Прогресс-Традиция. 2012. – 840 с.; Лексикон неклассики. Художественно-эстетическая

культура XX века / под ред. В. В. Быčkova. – М.: РОС-СПЭН, 2003. – 607 с.; Маньковская Н. Б. Эстетика постмодернизма. – СПб.: Алетейя, 2000. – 347 с.; Философия современного искусства: материалы VI Овсянниковской междунар. эстетической конф., Москва, 13–15 нояб. 2014 г. / Философский ф-т МГУ им. М. В. Ломоносова. – М.: Издатель Воробьев А. В., 2014. – 408 с.

¹⁴ Каган М. С. Избранные труды: в 7 т. Т. V. Кн. 2. Проблемы теоретического искусствознания и эстетики. – СПб.: Петрополис, 2008. – 903 с.

ства является субстратным анализом сущности искусства в его бытийном измерении, связанном с современными изменениями культуры.

В XX в. художественная практика, будучи объектом исследования для эстетики и философии искусства, оказалась под влиянием процесса взаимодействия традиционных и новаторских способов осмысления в сфере искусства [19–21].

Неклассический стиль мышления в философии и искусстве означал переход от гносеологического понимания искусства (Г. Гегель, И. Тэн и др.) к онтологическому (М. М. Бахтин, Г.-Г. Гадамер, М. Хайдеггер и др.), позволяющему рассматривать искусство в зависимости от различных контекстов его существования. С этим связан так называемый кризис классической эстетики, абсолютизовавшей познавательную функцию искусства.

В рамках неклассической парадигмы искусства происходит отказ от отражения (мимезиса), т. к. художник претендует на создание ментального пространства, подчиненного идее свободной самореализации личности и художественной реальности, которая не имеет аналогов в объективном мире. Таким образом, неклассический стиль мышления способствовал новому определению эстетических категорий и понятий, формированию философии искусства как отдельной области философского знания, определяющей бытийный статус искусства во всей его полноте.

2. Содержание неклассического стиля мышления в философии и искусстве связано с *проблемой становления*, получившей теоретическое развитие в XX в. Учение А. Бергсона о

длительности было переосмыслено в феноменологии Э. Гуссерля, фундаментальной онтологии М. Хайдеггера, постмодернистской ризоматике Ж. Делеза и др. Эти философы понимают становление как основополагающий принцип потенциального выражения бытия. Процесс становления – это постоянное различие и дифференциация опыта, а в сфере искусства он означает не только отказ от статичности в понимании мира, но и признание возможности самовыражения этого мира.

Говоря о творчестве А. Бергсона, Ж. Делез выделяет различие по природе и степени¹⁵. Если различие по природе будет относиться к области становления, то различие по степени указывает на утилитарно-ориентированный интеллект, являющийся источником иллюзий. Здесь Ж. Делез вводит концепт виртуальности, значимый для современной философии искусства. Становление в искусстве является процессом и виртуальным и реальным, позволяя дистанцироваться от классического противопоставления категорий «пространство» и «время». Ж. Делезу принадлежит идея объединения двух аспектов становления, объясняющих онтологическое понимание длительности у А. Бергсона.

В концепции М. М. Бахтина становление предполагает со-бытийный характер. Главный вопрос философии М. М. Бахтина заключается в определении амбивалентного характера «заданного» и «данного», «испытании человека в человеке»¹⁶. Философ обозначает «отрыв, отъединение, замыкание в себе» в качестве основной причины потери самого себя и, говоря о прекращении процесса становления самознания, акцентирует «не то, что происходит

¹⁵Делез Ж. Бергсонизм // Эмпиризм и субъективность: опыт о человеческой природе по Юму. Критическая философия Канта: учение о способностях. Бергсонизм. Спиноза. – М.: ПЕРСЭ, 2000. – С. 93–192.

¹⁶Бахтин М. М. Проблемы творчества Достоевского. – Киев: Next, 1994. – С. 313.

внутри, а то, что происходит на *границе* своего и чужого сознания, на *пороге*...»¹⁷.

Ориентация на трансформацию статичного бытия, его процессуальность является значимой для современной философии искусства, отражающей «онтологические сдвиги» в образе мира, в котором представление статичного бытия замещается на подвижное различие, линейное время классической философии и искусства – на «нелинейное» различие. Экзистенциальный план перехода от ставшего к становящемуся бытию открывает новые возможности для самовыражения и самопонимания человека в искусстве, определяет новые горизонты художественного творчества.

3. Становление философии искусства как самостоятельной науки с необходимостью задает вопрос *о содержании и значении онтологического подхода*.

Среди перспективных подходов к изучению искусства обратимся к онтологическому, переосмыслившему теорию художественного творчества и определившего феноменолого-онтологическую традицию анализа произведений искусства [22]. Проект «новой онтологии» Н. Гартман определяет через «модальный анализ» как основу для анализа онтологии. «Само бытие, – пишет он, – нельзя ни определить, ни объяснить. Но можно отличать виды бытия и анализировать их модусы...»¹⁸. Философ выделяет душевный мир в качестве основного идеального бытия, включающего такие формы, как язык, мораль, искусство, религию и др. Таким образом, бытие искусства

является модальностью душевного мира, в котором проявляется «несводимое разнообразие бытия». Идеи Н. Гартмана оказались созвучными философии М. Хайдеггера, определившего «онтологический поворот» культуры и искусства XX в. [23].

В своей знаменитой работе о сущности художественного творчества М. Хайдеггер утверждает: «Художественное творение раскрывает присущим ему способом бытие сущего... В художественном творении истина сущего полагает себя в творение»¹⁹. Учение М. Хайдеггера о художественном творчестве связано с феноменологией Э. Гуссерля, влиятельным философским учением, определяющим поток переживаний интенциональной редукцией сознания. В учении М. Хайдеггера восприятие прекрасного связано с «открытием-обнаружением» бытия. Вопрос о бытийной сущности прекрасного определяется тем, что открыто для созерцания как «мирская открытость бытия»²⁰. Феноменолого-онтологический подход к явлениям искусства означает «открытость» этого специфического мира для восприятия. Произведения искусства становятся предметом видения человека.

Г. Т. Маргвелашвили предлагает термин «зримостность» как открытость бытия для обозрения и созерцания. Это понятие имеет общеонтологический характер открытости истины бытия через творчество и восприятие произведений искусства. «Мир есть разверзающаяся разверстость», – отмечает М. Хайдеггер, поэтому художественное произведение –

¹⁷Бахтин М. М. К переработке книги о Достоевском // Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1979. – С. 311.

¹⁸Гартман Н. Старая и новая онтология // Историко-философский ежегодник, 88. – М.: Наука, 1988. – С. 322.

¹⁹Хайдеггер М. Исток художественного творения // Западная эстетика и теория культуры XIX–XX вв.

Трактаты, статьи, эссе. – М.: МГУ, 1987. – С. 280–281.

²⁰Маргвелашвили Г. Т. Труды. – Тбилиси: Центр культурных взаимосвязей Грузии «Кавказский Дом», 1999. – С. 22.

это место, «зазор», в котором сущее «несокрыто».

Благодаря тезису феноменологической философии о том, что предмет существует в рефлексивном опыте в границах своей данности, а его восприятие – лишь акт признания этой данности, возникла основа для более четкого обозначения основных критериев объекта исследования в философии искусства. Таким образом, онтологический подход, разработанный философией XX в., признает за каждым произведением искусства открытие сущего, которое в нем выражается и становится предметом видения человеком сущего.

Теория «видения», позволяющая раскрыть сущностное в искусстве, становится методологической базой для его философского осмысления. В отличие от классической системы эстетики, в основу которой был положен механизм опознания или узнавания предметов реальности в изображении, видение произведения искусства – результат творческого акта мышления художника. Совершая обратный путь от первичного опознания к постижению художественного опыта, в процессе анализа произведения искусства возможно «прочитать» содержание художественного изображения, глубоко проникая в смысл произведения. Причем такой способ позволяет оперировать смыслом, не всегда соотносимым с обозримой формой, а значит, не всегда явным для наблюдателя. По мнению П. А. Флоренского, зачастую этот способ представления реальности в искусстве «говорит нам и дает больше, чем она есть чувственно и непосредственно», поскольку такая реальность сама

«есть нечто изображающее и вместе с тем дает нечто изображаемое»²¹.

В отечественной науке подобный подход становится основой для исследований в области интерпретации произведений искусства. Достаточно отметить ставшие уже классическими исследования В. Подороги²², М. Тупицыной²³, М. Б. Ямпольского²⁴ и др. Традиция, сложившаяся вокруг этих исследований, на наш взгляд, может послужить основой для выработки навыков системы чтения и истолкования искусства с позиции философии.

Онтологический подход к искусству представлен в исследованиях отечественных [24; 25] и зарубежных ученых [26; 27]. Во всех работах, так или иначе, звучит мысль о том, что на языке вопросов онтологии (смысл бытия, сокрытость и открытость сущего) выражено «предельное вопрошание» о человеке. Его суть заключается не в ответе на вопрос, а в удержании напряженности вопроса, остающегося открытым для дальнейших интерпретаций.

Для онтологического подхода важна не столько констатация бытия и небытия как основных проблем онтологии, сколько их взаимные превращения, характеризующие современное состояние философии искусства. К числу таких категорий относится инобытие как результат «превращенных форм сознания» (М. К. Мамардашвили). Исследуя диалектический характер бытия, М. С. Каган отмечает, что в культуре инобытие «получает самую широкую реализацию, ибо все ее предметное бытие – от одежды человека и его дома до художественных образов, и машин – есть не что

²¹Флоренский П. А. Статьи и исследования по истории и философии искусства и археологии. – М.: Мысль, 2000. – С. 361.

²²Подорога В. Феноменология тела: Введение в философскую антропологию. – М., 1995. – 341 с.

²³Тупицына М. Критическое оптическое. Статьи о современном русском искусстве. – М.: Admarginem, 1997. – 224 с.

²⁴Ямпольский М. Б. Наблюдатель: Очерки истории видения. – М.: Admarginem, 2000. – 287 с.

иное как *инобытие человека*»²⁵. Это положение позволяет рассматривать искусство как свойство реального мира, принцип ценностного, эмоционально-чувственного освоения мира. По сути, философия искусства как инобытийная форма культуры сущностно (онтологически) определяет человека и формы его выражения.

Как уже отмечалось, принципиальная новизна философии искусства начала XX столетия заключалась в изучении феноменов искусства в их динамическом развитии и становлении, а не в качестве конечного результата художественной деятельности. Целью анализа художественного произведения стал поиск способов, с помощью которых произведение было организовано в пространстве и во времени [28–30]. При этом на первое место выходит стремление постичь глубину, заключенную в образе, являющемся результатом открытия бытия художником.

Значение онтологического подхода в философии искусства заключается, во-первых, в том, что искусство как модус проявления бытия является носителем определенной художественной ценности; во-вторых, художественное выражение бытия доступно для созерцания и переживания; в-третьих, выявление значения художественных событий связано со сферой бытия человека.

В этой связи онтологический подход в философии искусства рассматривает произведение как встречу (диалог) человека и мира, посредством которой выявляется новое отношение к бытию. Основная задача философии искусства заключается в том, чтобы «вещную среду, воздействующую механически на личность, заставить заговорить, то есть раскрыть в ней потенциальное слово и тон, превратить

ее в смысловой контекст мыслящей, говорящей и поступающей (в том числе и творящей) личности»²⁶.

Заключение

С точки зрения онтологического подхода изучение философии искусства оказывается многоаспектной проблемой. Речь здесь ведется не столько о замене эстетики, сколько об обретении философией искусства самостоятельного статуса, обусловленного необходимостью осмысления «предельных» вопросов, поставленных и выраженных в современном искусстве. Изучение философии искусства как становящейся науки позволяет расширить ее смысловое поле, не замыкаясь на готовых концептуальных моделях.

Методология изучения философии искусства, на наш взгляд, является междисциплинарной и базируется на фундаментальных подходах современной эстетики, философии искусства и искусствознания. Прежде всего, подчеркнем, что проблема философии искусства связана с формированием представлений о новой онтологии как открытости и «зримости» сущностных черт художественного произведения. Онтологический подход формирует понимание восприятия, обладающего активной направленностью на произведение искусства.

В этой связи философия искусства, в отличие от эстетики, сфокусирована на объяснении бытийного статуса искусства, позволяющего вводить новые концепты и определять «новый словарь» науки [31].

Новое видение в философии искусства как «онтология взгляда» воспринимающего предполагает наличие Другого, обладающего

²⁵Каган М. С. Метаморфозы бытия и небытия. К постановке вопроса // Вопросы философии. – 2001. – № 6. – С. 57.

²⁶Бахтин М. М. К методологии гуманитарных наук // Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1979. – С. 366.

своим взглядом. Из их встречи рождается новая трактовка бытия художественного произведения как постоянной напряженности созерцания. Такая постановка вопроса в восприятии произведений искусства предполагает, что Другие обладают собственным, отличным от меня, видением мира. «Онтология взгляда» разворачивается как сосуществование различных взглядов, и поэтому бытие искусства, в котором скрыто сущее, связано со «взглядом» Другого.

Таким образом, онтологический подход не только интегрирует художественный материал «вопрошания» о смысле бытия, но изу-

чает новые аспекты взаимодействия различных форм бытия (инобытия), проявляющиеся в сфере искусства. Следствием такого взаимодействия являются новые феномены искусства, изменяющие смысловую наполненность художественного произведения, изучением которых занимается философия искусства. Методологическое значение онтологического подхода в философии искусства заключается в бытийной интерпретации самой сути художественного творчества и процессов его восприятия, в выявлении и определении взаимосвязей художественных произведений с общим философским контекстом эпохи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Железняк В. Н., Столбова Н. А., Мусеев Н. А. Онтология прекрасного: методологический аспект // Культура и искусство. – 2017. – № 3. – С. 31–40. DOI: <https://doi.org/10.7256/2454-0625.2017.3.23146>
2. Дзикевиц С. А. Мировой эстетический процесс сегодня (XX Международный эстетический конгресс, Сеул, 24-26 июля, 2016) // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. – 2016. – № 6. – С. 114–123.
3. Закс Л. А. Эстезис: базовые вещи // Studia Culturae. – 2014. – № 19. – С. 84–91.
4. Мигунов А. С., Ерохин С. В. Два вектора обновления эстетики // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. – 2016. – № 5. – С. 87–107.
5. Радеев А. Е. Спор об эстетическом отношении: история и проблема // Вопросы философии. – 2017. – № 5. – С. 35–44.
6. Jacquette D. Art, Expression, Perception and Intentionality // Journal of Aesthetics and Phenomenology. – 2014. – Vol. 1, Issue 1. – P. 63–90. DOI: <http://dx.doi.org/10.2752/20539339XX14005942183973>
7. Luks L. Art as the Silence of the World. An Attempt at a Phenomenological Interpretation // Journal of the British Society for Phenomenology. – 2017. – Vol. 48, Issue 4. – P. 275–286. DOI: <https://doi.org/10.1080/00071773.2017.1362779>
8. Potgieter F. J. On thinking about the nexus between art and everyday aesthetics // Critical Arts. – 2016. – Vol. 30, Issue 5. – P. 655–671. DOI: <https://doi.org/10.1080/02560046.2016.1262444>
9. Липский В. Н. Эстетика – это не только философия искусства // Философские науки. – 2006. – № 6. – С. 151–158.
10. Давыденко М. В. Концепции художественности в современной отечественной философии искусства и эстетике // Известия Алтайского государственного университета. – 2015. – Т. 1, № 3. – С. 111–115.
11. Духан И. Н. Философия классического искусства в проектной культуре модернизма // Вопросы философии. – 2009. – № 6. – С. 47–59.
12. Логинова М. В. Бытие выразительности в неклассической культуре: монография. – Саранск, 2010. – 266 с.

13. **Hérubel J. P. V. M.** Observations on revised art history dissertations published by university presses // *Journal of Scholarly Publishing*. – 2016. – Vol. 47, Issue 4. – P. 336–346. DOI: <https://doi.org/10.3138/jsp.47.4.336>
14. **Смирнов С. А.** Форсайт человека. Опыты по неклассической философии: монография. – Новосибирск: Офсет, 2015. – 660 с.
15. **Кузнецов В. Ю.** Преодоление метафизики как проблема современной философии // *Вопросы философии*. – 2012. – № 1. – С. 28–38.
16. **Лекторский В. А., Аршинов В. И., Кузнецов В. Ю., Пружинин Б. И.** Постнеклассическая наука и социокультурный контекст // *Вестник Российской академии наук*. – 2016. – Т. 86, № 8. – С. 745–753.
17. **Логинова М. В.** Феномен «неклассичности» современной культуры и искусства // *Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств*. – 2007. – № 1. – С. 54–61.
18. **Логинова М. В.** Методологическое значение неклассической эстетики в гуманитарном знании // *Интеграция образования*. – 2003. – № 1. – С. 123–127.
19. **Инишев И. Н.** Диапазон эстетического: от дискурса до текстуры // *Философский журнал*. – 2014. – № 2 (13). – С. 121–134.
20. **Dukhan I.** Controversies and Transfigurations: Views on Russian Twentieth-Century Arts and Architecture // *Art in Translation*. – 2016. – Vol. 8, Issue 2. – P. 129–136. DOI: <https://doi.org/10.1080/17561310.2016.1216044>
21. **Barker T.** Experiments with time: the technical image in video art, new media and the digital humanities // *Visual Communication*. – 2017. – Vol. 16, Issue 4. – P. 375–394. DOI: <https://doi.org/10.1177/1470357217702360>
22. **Пикеринг Э.** Новые онтологии // *Философско-литературный журнал Логос*. – 2017. – Т. 27, № 3 (118). – С. 153–172.
23. **Zembylas M.** The contribution of the ontological turn in education: Some methodological and political implications // *Educational Philosophy and Theory*. – 2017. – Vol. 49, Issue 14. – P. 1401–1414. DOI: <https://doi.org/10.1080/00131857.2017.1309636>
24. **Логинова М. В.** Онтология выразительных форм в культуре // *Вестник Мордовского университета*. – 2014. – № 4. – С. 207–215. DOI: <https://doi.org/10.15507/VMU.024.201403.207>
25. **Рендл М. В.** Супрематическая онтология и ее философские аспекты в творчестве К. Малевича // *Вестник Московского университета. Серия 7: Философия*. – 2015. – № 5. – С. 105–114.
26. **Murchadha F. Ó.** Speaking after the Phenomenon: the Promise of Things and the Future of Phenomenology // *Journal of the British Society for Phenomenology*. – 2017. – Vol. 48, Issue 2. – P. 99–115. DOI: <https://doi.org/10.1080/00071773.2016.1272256>
27. **Hainge G.** Art Matters: Philosophy, Art History and Art's Material Presence // *Culture, Theory and Critique*. – 2016. – Vol. 57, Issue 2. – P. 137–141. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/14735784.2016.1161903>
28. **Evnine S. J.** Ready-Mades: Ontology and Aesthetics // *The British Journal of Aesthetics*. – 2013. – Vol. 53, № 4. – P. 407–423. DOI: <https://doi.org/10.1093/aesthj/ayt033>
29. **Grierson E.** Activating Aesthetics: Working with Heidegger and Bourdieu for engaged pedagogy // *Educational Philosophy and Theory*. – 2015. – Vol. 47, № 6. – P. 546–562. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/00131857.2015.1026303>
30. **Rutten K.** Art, ethnography and practice-led research // *Critical Arts*. – 2016. – Vol. 30, Issue 3. – P. 295–306. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/02560046.2016.1205317>
31. **Орлов Б. В.** Методологические парадигмы и синтагмы современной эстетики: к проекту словаря по философии художественности // *Дискурс-Пи*. – 2015. – Т. 12, № 3–4. – С. 32–41.

DOI: [10.15293/2226-3365.1801.08](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1801.08)

Marina Vasilievna Loginova, Doctor of Philosophical Sciences,
Professor of Cultural Studies Department, Library and Information
Resources, Ogarev Mordovia State University, Saransk, Russian
Federation.

ORCID ID: <http://orcid.org/0000-0003-1405-0976>

E-mail: marina919@mail.ru

Methodological concern of ontological approach towards philosophy of art

Abstract

Introduction. *The article deals with defining the concern of the ontological approach towards philosophy of art as a new branch whose genesis is linked to the way philosophy changed over the 20th century. The purpose of the article is to identify and characterize the ontological approach to philosophy of arts, and describe its methodological value for art.*

Materials and Methods. *The author applied the system-synergetic approach whose advantages consist in combining researches over information accumulated by art studies with analytics of modern art experiences featured in philosophy and aesthetics. The actual approach reexamines the artwork and perception theory from the perspective of phenomenal analysis of art work, subsequently drawing their new concepts.*

Results. *The main results of the research consist in emphasizing the following actual problems concerning the ontological approach towards philosophy of art: relation between classic and non-classic in philosophy and art, genesis of philosophy of art as a science, and ontological definition of the approach. The author found out that the modern philosophy of art is not only linked to non-classical aesthetics, but has its own particularities as well, which consist in ontological approach towards art as a form of human being. The author emphasized the concern of substrate analysis of art entity for philosophy of art within modern culture. According to ontological approach, the author explained the philosophy of art as a dialogue between a human and the world, through which a new attitude towards being, its expression and perception were revealed.*

Conclusions. *In conclusion, the author defines the concern of the ontological approach in philosophy of art, which integrates art material of “questioning” about reason for being and studies new forms of interaction of different forms of being (otherness) manifested in art. Analyzing the philosophy of arts as a field of human being, the author deduces that methodological concern of the ontological approach consists in identifying the interconnection between art and general philosophical context of the era.*

Keywords

Non-classic aesthetics; Ontology; Ontological approach; Ontology of art; Modern art; Philosophy of art; Aesthetic; Art creation.

REFERENCES

1. Zhelezniak V. N., Stolbova N. A., Museev N. A. The ontology of the splendid: methodological aspect. *Culture and Art*, 2017, no. 3, pp. 31–40. (In Russian) DOI: <https://doi.org/10.7256/2454-0625.2017.3.23146>

2. Dzikevich C. A. The world aesthetical process today (20th International Congress of Aesthetics. Seoul, July 24-26, 2016). *Moscow University Bulletin. Series 7. Philosophy*, 2016, no. 6, pp. 114–123. (In Russian) URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=28098868>
3. Zaks L. A. Esthesia: basics. *Studia Culturae*, 2014, no. 19, pp. 84–91. (In Russian) URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=22952398>
4. Migunov A. S., Erohine S. V. Two ways of the renewal of aesthetics. *Moscow University Bulletin. Series 7. Philosophy*, 2016, no. 5, pp. 87–107. (In Russian) URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=28084221>
5. Radeev A. E. Debates on Aesthetic Attitude: History and Problem. *Voprosy Filosofii*, 2017, no. 5, pp. 35–44. (In Russian) URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29229211>
6. Jacquette D. Art, Expression, Perception and Intentionality. *Journal of Aesthetics and Phenomenology*, 2014, vol. 1, issue 1, pp. 63–90. DOI: <http://dx.doi.org/10.2752/20539339XX14005942183973>
7. Luks L. Art as the Silence of the World. An Attempt at a Phenomenological Interpretation. *Journal of the British Society for Phenomenology*, 2017, vol. 48, issue 4, pp. 275–286. DOI: <https://doi.org/10.1080/00071773.2017.1362779>
8. Potgieter F. J. On thinking about the nexus between art and everyday aesthetics. *Critical Arts*, 2016, vol. 30, issue 5, pp. 655–671. DOI: <https://doi.org/10.1080/02560046.2016.1262444>
9. Lipsky V. N. Aesthetics is not only the philosophy of art. *Philosophical Sciences*, 2006, no. 6, pp. 151–158. (In Russian) URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=9244166>
10. Davydenko, M. V. Concepts of artistry in modern domestic philosophy of art and aesthetics. *News of Altai State University*, 2015, vol. 1, no. 3, pp. 111–115. (In Russian) URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23754713>
11. Dukhan I. N. Philosophy of classical art in the project culture of modernism. *Voprosy Filosofii*, 2009, no. 6, pp. 47–59. (In Russian) URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=12448063>
12. Loginova M. V. *The Genesis of expression in non-classical culture*. Monograph. Saransk, 2010. 266 p (In Russian) URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=20057141>
13. Hérubel J. P. V. M. Observations on revised art history dissertations published by university presses. *Journal of Scholarly Publishing*, 2016, vol. 47, issue 4, pp. 336–346. DOI: <https://doi.org/10.3138/jsp.47.4.336>
14. Smirnov S. A. *The foresight of the person. Experiments on non-classical philosophy*. Monograph. Novosibirsk, Offset Publ., 2015, 660 p. (In Russian) URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=24194753>
15. Kuznetsov V. Y. Overcoming metaphysics as a problem of modern philosophy. *Voprosy Filosofii*, 2012, no. 1, pp. 28–38. (In Russian) URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=17357050>
16. Lektorsky V. A., Arshinov V. I., Kuznetsov V. Y., Pruzhinin B. I. Postnonclassical science and sociocultural context. *Herald of the Russian Academy of Sciences*, 2016, vol. 86, no. 8, pp. 745–753. (In Russian) URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26502735>
17. Loginova M. V. Phenomenon of “non-classic” status of modern culture and art. *Bulletin of Kazan State University of Culture and Arts*, 2007, no. 1, pp. 54–61. (In Russian) URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=13362736>
18. Loginova M. V. Methodological importance of non-classical aesthetics in humanitarian knowledge. *Integration of Education*, 2003, no. 1, pp. 123–127. (In Russian) URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=18258946>
19. Inishev I. N. The range of the aesthetical: from discourse to texture. *Philosophy Journal*, 2014, no. 2, pp. 121–134. (In Russian) URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=22838283>

20. Dukhan I. Controversies and Transfigurations: Views on Russian Twentieth-Century Arts and Architecture. *Art in Translation*, 2016, vol. 8, issue 2, pp. 129–136. DOI: <https://doi.org/10.1080/17561310.2016.1216044>
21. Barker T. Experiments with time: the technical image in video art, new media and the digital humanities. *Visual Communication*, 2017, vol. 16, issue 4, pp. 375–394. DOI: <https://doi.org/10.1177/1470357217702360>
22. Pickering A. New Ontologies. *Logos*, 2017, vol. 27, no. 3, pp. 153–172. (In Russian) URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29077886>
23. Zembylas M. The contribution of the ontological turn in education: Some methodological and political implications. *Educational Philosophy and Theory*, 2017, vol. 49, issue 14, pp. 1401–1414. DOI: <https://doi.org/10.1080/00131857.2017.1309636>
24. Loginova M. V. Ontology of expressive forms in culture. *Mordovia University Bulletin*, 2014, no. 4, pp. 207–215. (In Russian) DOI: <https://doi.org/10.15507/VMU.024.201403.207>
25. Rendl M. V. Suprematist ontology and its philosophical aspects in the works of K. Malevich. *Moscow University Bulletin. Series 7. Philosophy*, 2015, no. 5, pp. 105–114. (In Russian) URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25580743>
26. Murchadha F. Ó. Speaking after the Phenomenon: the Promise of Things and the Future of Phenomenology. *Journal of the British Society for Phenomenology*, 2017, vol. 48, issue 2, pp. 99–115. DOI: <https://doi.org/10.1080/00071773.2016.1272256>
27. Hainge G. Art Matters: Philosophy, Art History and Art's Material Presence. *Culture, Theory and Critique*, 2016, vol. 57, issue 2, pp. 137–141. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/14735784.2016.1161903>
28. Evnine S. J. Ready-Mades: Ontology and Aesthetics. *British Journal of Aesthetics*, 2013, vol. 53, no. 4, pp. 407–423. DOI: <https://doi.org/10.1093/aesthj/ayt033>
29. Grierson E. Activating Aesthetics: Working with Heidegger and Bourdieu for engaged pedagogy. *Educational Philosophy and Theory*, 2015, vol. 47, no. 6, pp. 546–562. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/00131857.2015.1026303>
30. Rutten K. Art, ethnography and practice-led research. *Critical Arts*, 2016, vol. 30, issue 3, pp. 295–306. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/02560046.2016.1205317>
31. Orlov B. V. Methodological Paradigms and Syntagma of Modern Aesthetics: To Project of Dictionary of Philosophy of Artistry. *Discourse-Pi*, 2015, vol. 12, no. 3–4, pp. 32–41. (In Russian) URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25470098>

Submitted: 09 September 2017 Accepted: 09 January 2018 Published: 28 February 2018

This is an open access article distributed under the [Creative Commons Attribution License](#) which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work is properly cited. (CC BY 4.0).

© В. П. Беркут, В. А. Песоцкий, В. П. Майкова, Э. М. Молчан, Я. В. Бондарева

DOI: [10.15293/2226-3365.1801.09](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1801.09)

УДК 130.3

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К РЕШЕНИЮ ПРОБЛЕМ КОНСОЛИДАЦИИ ОБЩЕСТВА В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

В. П. Беркут (Балашиха, Россия), В. А. Песоцкий (Москва, Россия), В. П. Майкова (Мытищи, Россия),
Э. М. Молчан (Сергиев Посад, Россия), Я. В. Бондарева (Москва, Россия)

Проблема и цель. Решение проблемы консолидации современного общества и преодоления кризиса общественного сознания возможно через повышение роли духовно-нравственных ценностей и гармонизацию социально-природного бытия.

Методология. Методологией и основным методом исследования выступает социально-философский анализ актуальных проблем современного общественного сознания, консолидации общества и обеспечения устойчивости социально-природного бытия.

Результаты. Раскрыты понятие и признаки духовно-нравственных ценностей, обеспечивающих модель оптимальной взаимосвязи компонентов общественного сознания и устойчивость социально-природной системы. Представлены признаки современного общественного сознания: новые смыслы, изменившиеся формы его существования и механизмы движения в обществе; обострение противоречий между космополитизмом и религиозностью, прогрессивным либерализмом и моральным кризисом, желанием успешности и безысходного смирения, поиском нового и регрессом во всех сферах жизнедеятельности, свободой и безвыходностью, декларацией деидеологизации и стремлением к идеологии потребителя; виртуализацией объективной реальности и самого общественного сознания. Акцентируется внимание на обострении существующих противоречий рациональности и нравственности, виртуальности и реальности,

Беркут Виктор Петрович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой гуманитарных дисциплин, Военная академия Ракетных войск стратегического назначения имени Петра Великого.

E-mail: v_berkut@mail.ru

Песоцкий Владислав Анатольевич – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии, Московский государственный областной университет.

E-mail: vlad2008@yandex.ru

Майкова Валентина Петровна – доктор философских наук, профессор, кафедра философии, Московский государственный областной университет.

E-mail: valmaykova@mail.ru

Молчан Эдуард Михайлович – кандидат педагогических наук, Сергиев-Посадский филиал Высшей школы народных искусств (институт), заместитель директора по научно-исследовательской работе и информатизации.

E-mail: ed.molchan2015@yandex.ru

Бондарева Яна Васильевна – доктор философских наук, доцент, профессор, кафедра философии, Московский государственный областной университет.

E-mail: bondareva.iana@yandex.ru

транснационального глобализма и национальных культур, приводящих к конфликтам и кризисам, влекущим глобальные следствия. Представлена модель общественного сознания как открытой системы. Обоснована необходимость формирования положительных обратных связей, которые в рамках разработанной модели конкретизируются в связи, консолидирующие общество и обеспечивающие гармоничное взаимодействие общества и природы.

Заключение. Решение проблем консолидации современного общества, преодоление существующего кризиса общественного сознания и обеспечение устойчивости социально-природной системы возможно через признание и реализацию ведущей роли духовно-нравственных ценностей и гармонизацию социально-природного бытия.

Ключевые слова: глобальные проблемы; глобализация; общественное сознание; духовно-нравственные ценности; модель; устойчивое развитие; положительная обратная связь; социально-природное бытие.

Введение

Начало XXI в. знаменуется периодом кардинальных преобразований в обществе, связанных с переоценкой государственных и мировых стратегий развития, сменой вектора модернизации социальных систем на их глобализацию, возникновением феноменов «расширенной», «гибридной», виртуальной реальности, кардинальным изменением сознания как эпицентра глобальных проблем целеполагающей и целереализующей силы, формирующей и определяющей будущее социально-природной реальности. Процессы глобализации обозначили два сценария развития: полицентрический и моноцентрический: первый связан с усилением межгосударственных системных связей и сохранением суверенитета стран, второй ориентирован на усиление позиций одной из сторон с уничтожением государственных суверенитетов остальных. Понятие «толерантность» переосмыслено и понимается как терпимость к любым взглядам, ценностям, человеческим качествам и устремлениям вместо уважения к самой личности. Многочисленные толкования слова «демократия» сводятся к оправданию и реализации различных проектов, направленных, в конечном счете, на ущемление и исчезновение народов, языков, этнонационального разнообразия, подрыв мо-

рально-нравственных категорий, продвижение разного рода бизнес-планов и проектов, служащих ширмой для реализации целей олигархических структур в мировом пространстве. Своевременен и основательно нужно говорить о нравственной ответственности ученых за свои открытия, педагогов за результаты своего труда по обучению и воспитанию подрастающего поколения [1], о социальной ответственности мирового сообщества и большого бизнеса за сохранение планеты Земля, за человечество в планетарном масштабе, а это означает, за каждого человека в отдельности, за семью, за будущие поколения.

Общественное сознание современного мира характеризуется следующими признаками:

– новые смыслы, изменившиеся формы его существования и механизмы движения в обществе: переход от закрытого внутригосударственного общественного сознания к открытому мировому, от сознания созидателя к сознанию потребителя; обращение к пограничному состоянию жизни человечества, включая понятия «конечности», «смертности»;

– обострение противоречий: космополитизм и религиозность, прогрессивный либерализм и моральный кризис, желание успешности и безысходное смирение, поиск нового и

регресс во всех сферах жизнедеятельности, свобода и безвыходность, декларация деидеологизации и стремление к принятию идеологии потребителя;

– виртуализация: сетевыми технологиями создана новая виртуальная реальность, где существуют свои формы общественного сознания, включающие элементы реального и виртуального мира, в системе которого оказались объединенными все усилия и достижения человечества.

Человек в виртуальном пространстве выступает творцом реальности, наделенным неисчерпаемыми возможностями, позволяющими не просто строить некий «параллельный» по отношению к объективно существующему мир, но и преобразовывать его. В этом обществе тем больше скорость жизни, чем менее люди движутся. Это не скорость движения, а скорость решений, скорость транзакций и трансформаций. Лавинообразный рост объемов информации и множество ее источников (живые журналы, твиттер, микроблоги и др.), трансформировавших скорость движений, делают возможным ситуации сетевого эффекта. Увеличивающийся поток информации дает эффект усиления ее воздействия или, так называемый синергетический, нелинейный эффект, который, с одной стороны, может привести к непредсказуемым глобальным проблемам и их следствиям, с другой – делает возможным развитие общественного сознания как открытой социальной системы на основе взаимодействия индивидуального, национального и глобального [2].

В эпоху глобализации образ жизни и мышления меняется столь стремительно, что полученная сегодня информация уже завтра становится бесполезной. В современном мире стало естественным несколько раз менять карьеру (профессию) и место жительства в течение

жизни. Самые невероятные фантазии многих поколений вдруг становятся обыденными вещами. Однако научно-технический прогресс, успехи в медицине и биологии, нанотехнологические проекты и многое другое, в основном служащее бизнес-задачам, создают множество духовно-нравственных проблем.

Ценность человека обусловлена его пользой для других, поэтому ценность человеческой жизни и личности становится субъективной, относительной. Все корпорации нацелены на использование человека по принципу «выжатой губки», получению от него максимально возможной прибыли. Их основная забота состоит в дискредитации индивидуального мышления и ценности личности. Человек, самостоятельно мыслящий, рассматривается корпорациями как опасное явление, угроза существующему порядку вещей и мыслей. Естественно, что формируемый ими социальный заказ выстраивает соответствующую систему образования [3].

Нарастает ценностный разрыв, который постепенно перерастает в непреодолимую духовно-нравственную пропасть, столкновение транснационального глобализма с национальными культурами. Эта граница проходит и внутри стран как конфронтация противоположных взглядов. В общественном сознании увеличивается опасность проявления глобальных рисков – у них больше возможностей перехода из разряда потенциальных в реальные опасности и угрозы [4]. Как вызов проявлению разрушительных тенденций можно рассматривать рост исламского радикализма, оправдывающего, как заявил патриарх Кирилл на XX Всемирном Русском соборе, кровопролитную политику «агрессивной секулярной поли-

тикой и духовной беспринципностью враждебного в их представлении западного общества»¹.

Актуальной проблемой стали мировые миграционные процессы, в результате чего почти во всех развитых странах легально или нелегально проживают и работают миллионы иностранцев, слабо адаптированных к социально-культурным условиям страны пребывания. Если раньше национальные вопросы решались государственными органами, то сейчас их пытается регулировать (пока мало эффективно) мировое (европейское) сообщество.

Общественное сознание являлось предметом научных исследований Э. Трельча², Ф. Фукуямы³, Э. Ильенкова⁴, С. Кара-Мурзы⁵, К. Момджяна⁶, Ж. Тощенко⁷ и др.⁸ Их результаты показывают, что существуют технологии интеллектуального развития на основе активно-адаптивных сетей, многоуровневой системы управления сознанием, распределения и потребления информации, использования цифровых технологий, направленные на изменение сознания масс, создания кастового образования⁹ и новых моральных ценностей [5], что позволяет детально изучать отдельные компоненты процесса формирования современного общественного сознания как открытой системы.

Понятие «открытая система» достаточно условно: уровни и формы общественного сознания ограничены историческими рамками, социокультурными традициями, политическими приоритетами. Открытая система определяется способностью и возможностью приобретать свойства других социальных систем, передавать свои качественные характеристики, быть включенной непосредственно в глобальную социальную сеть. К числу основных достоинств развития общественного сознания как открытой системы относится улучшение качества жизни человека через приумножение возможностей пользования материальными и духовными благами, уменьшение затраченного для этого времени, снижение потерь и затрат при получении необходимой информации, повышение ее достоверности и др. [6].

Расширившееся до глобального масштаба социальное пространство изменило и функции общественного сознания. Освоение мирового социокультурного опыта определило мировоззренческую и воспитательную функции общественного сознания как специфически человеческой формы социальной памяти, выработанных обществом норм сознательного поведения, создания общественного мнения на основании понимания пользы в гло-

¹ Доклад Святейшего Патриарха Кирилла на XX Всемирном русском народном соборе [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/4656175.html> (дата обращения 9.10.2017).

² Трельч Э. [Электронный ресурс]. – URL: <http://ortlib.ru/perso/perso143.htm> (дата обращения 09.09.2011)

³ Фукуяма Ф. Великий разрыв [Электронный ресурс]. – URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/fuku/ (дата обращения 19.12.2016).

⁴ Ильенков Э. В. Истоки мышления. Диалектика идеального. – М.: Либроком, 2011. – 208 с.

⁵ Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. – М.: Алгоритм-ЭКМО, 2006. – 868 с.

⁶ Момджян К. Х. Социум. Общество. История. – М., 1994. – 129 с.

⁷ Тощенко Ж. Т. Фантомы российского общества. – М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2015. – 668 с.

⁸ Право и национальные традиции. Материалы «круглого стола» // Вопросы философии. – 2016. – № 12. – С. 5–41.

⁹ «Реалистический поворот» в современной эпистемологии, философии сознания и философии науки? Материалы «круглого стола» // Вопросы философии. – 2017. – № 1. – С. 5–38.

бальном масштабе. По мере увеличения интеграционных процессов в политике, экономике, духовной жизни все большее число социальных проблем интернационализируется.

Основу нового концептуального подхода составляют представления об исторической незавершённости процесса консолидации в борьбе с терроризмом, экологическими катастрофами и другими глобальными проблемами. Отсюда еще одна функция современного общественного сознания – формирование межнационального согласия и оптимизация межэтнического взаимодействия [7].

Целью работы является обоснование *возможности решения* проблем консолидации современного общества и преодоления кризиса общественного сознания посредством повышения роли духовно-нравственных ценностей и гармонизации социально-природного бытия.

Материалы и методы

Методологией и основным методом нашего исследования выступает социально-философский анализ актуальных проблем социальной реальности – противоречий современного общественного сознания и дисгармонии во взаимоотношениях общества и природы [8]. При этом акцентируется внимание на постоянно изменяющейся действительности общественной жизни в единстве и разнообразии отношений людей с соответствующими формами организации совместной деятельности, социальными интересами и потребностями в сохранении окружающей среды обитания [9], сложно переплетенных случайных и закономерных причинных факторов, следствий [10]; на противоречиях рациональности и нравственности, виртуальности и реальности, транснационального глобализма и национальных культур, приводящих к конфликтам и кризисам [11].

Результаты исследования

Наблюдения и исследования ценностных оснований общественного сознания через изучение нравственной природы жизни человека начались в глубокой древности. Великие религиозно-философские системы Древнего Востока уже содержат обширные сведения, глубоко продуманные мысли и обобщения относительно доброго и злого в действиях людей. Таковы системы брахмизма, буддизма, философских течений, созданных на их почве, конфуцианства, даосизма и др. Иудаизм, христианство, ислам также имеют духовно-нравственную основу. Древнегреческая философия с разных сторон освещает проблемы ценностных оснований жизни социума. Ныне ученые также не оставляют без внимания эти вопросы. Исследования основ добра и зла привели к убеждению, что их содержание не дается в готовом виде, оно возникает, развивается и совершенствуется благодаря собственной деятельности человека.

По утверждениям психологов, нравственный закон, выработанный жизненным опытом, вытекает из бессознательного стремления к сохранению и совершенствованию человеческого сообщества, есть сложное выражение родового инстинкта. Добром считается то, что способствует благу целого рода, общества, а злом – то, что вредит ему, хотя бы косвенным и отдаленным способом. В содержании ценностного основания открывается сознанию идея возвышения, силы, совершенства действия или наоборот – идея падения, безнравственности.

Оценка и различение действий делает человека нравственной личностью [12]. При этом чувство долга, свободы, одобрения или возмущения совести, чувство справедливости возникают в душе так быстро, что сливаются с сознанием в одно целое. Этот быстрый, но

сложный духовный процесс или способность открывает новые качества человека и отношения в его собственной жизни и в целой Вселенной, из которых складывается духовно-нравственный мир индивида и общества. Большинство исследователей отождествляют этот мир с актом различения и восприятия добра и зла¹⁰. К этим актам и накопленным знаниям о действиях, осуществляющих и нарушающих нравственный закон, присоединяется осознание нравственных качеств и нравственной ответственности¹¹.

В современных условиях сложно доказать обоснованность той или иной морали с точки зрения добра или зла, как истинной или ложной¹². Искать неоспоримые основы морали в естественных науках, например, в биологии, экологии, теории эволюции, или в гуманитарных – истории, филологии и других, – означает идти по ложному пути. Отсюда возникает вопрос, какими ценностями нужно руководствоваться? Такая ситуация приносит риск обращения к новым чуждым ценностям или необходимо возрождать ценности старые [13].

В утопических учениях, начиная с эпохи Античности, Возрождения и заканчивая коммунистической идеологией, присутствует утопическая мечта о Золотом Веке (или Рае), где всего в изобилии, однако реальность совсем другая. Это противоречие лежит во внутреннем конфликте самого человека, поскольку человеческая реальность состоит из соединения противоположностей: жизни и смерти, добра и зла, горя и счастья, дня и ночи и т. д.

С. Ф. Анисимов правомерно считает, что абсолютных духовно-нравственных ценностей немного: жизнь, здоровье, знание, труд, талант, красота, справедливость, любовь и т. п.; также, как и антиценностей: смерть, невежество, лень, бездарность, безобразие, несправедливость, ненависть и пр.¹³

Чтобы появились идеи добра как стремление к возвышению, совершенству и зла как стремление к несовершенству, падению, у человека должно возникнуть смысловое понимание духовной высоты, совершенства личности и, соответственно, несовершенства. Так, при помощи внутреннего видения становится возможной моментальная оценка всякого действия, как осознание тепла и холода, состояния болезни и здоровья, природного и культурного бытия [14].

Таким образом, процесс возникновения идеи добра может ускоряться или тормозиться на основе самосознания. Благодаря этим особенностям, ценностное основание есть начало, дающее силу всем гражданским и политическим законам. Сознание необходимости и обязанности по мере сил осуществлять идеал и вместе с тем достигать совершенства и счастья исключает всякое принуждение и насилие. Источником его является естественное стремление человека к лучшему. Это и есть духовный инстинкт.

Направления формирования современного сознания

Современные установки, ориентированные на получение сверхприбылей на рынках

¹⁰ Шелер М. Формализм в этике и материальная этика ценностей // Избранные произведения. – М.: Гнозис, 1994. – 490 с.

¹¹ Анисимов С. Ф. Мораль и поведение. – М.: Москва, 1979. – 140 с.

¹² Бондарева Я. В. Мировоззренческие основы научного познания // Молодой исследователь: вызовы,

поиски и перспективы развития российского образования: сборник материалов XX Международной научно-практической конференции аспирантов и молодых исследователей. – М., 2017. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29928800>

¹³ Анисимов С. Ф. Мораль и поведение. – М.: Москва, 1979. – С. 104.

сбыта, предопределили главенство «потребительского» сознания у граждан, которое продолжает воспроизводиться посредством навязывания человеку ценностей потребления и формирования сознания «раба-потребителя». Под маской гуманизма и заботы о человеке основными ценностями декларируются успех, деньги и власть [15]. Завуалированный, узко понятый экономический рационализм стал вытеснять на периферию внимания всё то, что не укладывается в рамки глобального потребления на фоне обнищания большинства населения.

Интернет и другие средства интеграции мирового сообщества сформировали тенденцию к образованию глобального государства со своей массовой культурой потребления и единого мирового языка с размытыми национальными характеристиками, превращая общественное сознание в массовое. Для нее характерны общая мировая (западная) либерально-рыночная идеология, единство научно-технического развития, научного сознания, образования, размывание половых различий, формирование множества идентичных профессий, унификация всех сторон жизни¹⁴. Компьютеризация создает благоприятные условия для распространения потребительской идеологии и развития бизнеса [16]. Бизнес формирует картину мира. Все, что этому не способствует, отвергается. Отсутствие причинной предсказуемости развития общественного сознания допускает три сценария: пессимистический, нейтральный, оптимистический.

Пессимистический вариант заключается в проявлениях глобальных рисков на основе разрушающегося индивидуального сознания, свободного мышления, истинной свободы.

Проявление глобальных проблем в своей совокупности уничтожат не только общественное сознание, но и индивидуальное сознание через разрушение личности и человека вообще. Не случайно тема фронта, отождествляемого с современным человеком, стала актуальной в биоэтике, антропологии, социальной философии и др. Уничтожение природы – неизбежное следствие господствующей ныне философии потребления и современной модели хозяйствования.

Нейтральный сценарий не предполагает кардинальных изменений в общественном бытии, общественном сознании и базируется на чертах, характерных для современности: увеличение глобальных рисков, терроризма, эпидемий и болезней, различных форм дискриминации, продолжающегося неограниченного разграбления окружающей среды, расширение и преумножение зон вооруженных конфликтов. Феномен глобализации придает вышеперечисленным проблемам новое измерение, их масштабкратно увеличивается, а информированность о них становится почти повсеместной. Условия нестабильности в этом случае не только сохраняются, но и нарастают.

Оптимистический сценарий развития общественного сознания связан с сохранением культурного многообразия на основе территориально-географической целостности общественного бытия и культурно-исторической, духовно-нравственной, экзистенциальной целостности общественного сознания, обращенного к фундаментальным основаниям жизни человечества через гармонизацию с природой, устойчивое развитие сельского хозяйства, провинциальной культуры, каждой личности в отдельности и общества в целом, открытого

¹⁴ Шеннон К. Работы по теории информации и кибернетике. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1963. – 830 с.

для диалога и сотрудничества между странами и народами. Не случайно проблема формирования экологического сознания гармонического типа, представляющего собой познавательно-ценностную форму социального отражения взаимодействия общества и природы, основанную на их гармонизации, стала актуальной проблемой современности¹⁵.

Таким образом, фактором консолидации современного общества для решения глобальных проблем должны стать ценностные ориентиры, связанные с основополагающими источниками смысла, где каждая личность объединена с окружающей социальной и природной средой, из которой черпается смысл Космоса, физического мира, биосферы, культуры, религии, местной исторической общности, семьи.

Изменение особенностей социального пространства требует актуализации консолидирующей функции общественного сознания в борьбе с засильем массовой культуры, а также с причинами терроризма, экологических катастроф и других глобальных проблем.

Существующие подходы к формированию общественного сознания

Рассмотрим процесс формирования современного сознания с двух позиций: как вектор, формирующий идею добра, и противоположный, воплощающий идею зла. В обоих случаях противоположные содержания соединяются в одно: сознание – это вектор, создающий бытие, где сознание является и производным, и производящим себя, формируемым бытием, которое также становится и производным, и производящим [17].

Процесс формирования сознания в рамках этого двуединого подхода выступает как

деятельность бытия, а бытие – как деятельность сознания. Признавая относительность сознания в зависимости от выбранной шкалы фундаментальных ценностей, рассмотрим сознание с позиций «положительного» и «отрицательного».

Поскольку бытие каждого народа обладает совокупностью внешних и внутренних свойств, то формирование его сознания под воздействием бытия, а также изменение бытия под влиянием сознания и поведения отдельного человека или социальной группы могут иметь произвольную траекторию движения и, не имея устойчивого ценностно-нравственного основания, быть направленными и ко злу, и к добру.

Это не только поиск гармонии, формирования гуманистического отношения к миру, где высоконравственные, эстетические, религиозные ценности согласуются с правовым сознанием, ответственностью за свою жизнь, семью, страну и даже мир в условиях реальных глобальных проблем, это сам процесс разрешения всех проблем социального бытия.

Развитие сознания – проблема сложная. Для его предсказуемого формирования, способствующего сохранению и процветанию страны и планеты в целом, необходимы совместные усилия профессионалов разных отраслей знаний. Перспективным может быть социально-философский и системно-структурный анализ проблемы с выделением и формализацией основных параметров. Такой подход оказался успешным при исследовании массовой коммуникации с использованием математической модели передачи информации в сложных системах, где появилось поня-

¹⁵ Беркут В. П. *Феномен экологического сознания (социально-философский анализ)*: дис. ... д.ф.н. – М., 2002.

тие системы (центра) управления определенными величинами К. Шеннона¹⁶, и кибернетической модели Н. Винера, в которой было введено понятие обратной связи¹⁷.

Развивая идеи К. Шеннона, С. Бир раскрыл понятие обратной связи, увидев в ней взаимообмен входных и выходных сигналов, выделив положительную и отрицательную направленность. Положительная вызывает позитивную реакцию, а отрицательная – негативную¹⁸.

Методику и модель изучения политических процессов предложил М. Н. Грачев, который исследовал такие субъекты политики, как индивиды, социально-политические общности, социальные институты¹⁹ [18].

Работы этих ученых доказали возможность построения содержательных и поддающихся исследованию моделей при относительно небольших допущениях. Результаты моделирования позволили интерпретировать исследовательские проблемы.

В качестве основных параметров определены три социальные структуры: властная как государственная, внутренняя как негосударственная (семья, разнообразные социальные общности, профессиональные коллективы, политические партии и др.) и внешняя как иностранная. Каждая социальная структура ставит целью формирование желаемого (выгодного) для нее группового сознания, совокупность которых представляет срез реального общественного сознания. Оно соединенное, в свою очередь, влияет на сознание людей во всех структурах.

В результате оказались возможными следующие сценарии.

1. Если велико влияние внешних структур, а внутренних и властных – слабо, то траекторию развития общественного сознания будут определять другие страны. В качестве примера можно привести интервенцию западных стран против Ирака, Ливии и других стран, вмешательство во внутренние дела Украины с целью создания там, так называемого, демократического общества с формируемым извне общественным сознанием. Результатом стали гражданские войны, анархия, массовые человеческие жертвы. Демократические ценности остались не реализованы.

Примером развития подобного сценария может рассматриваться отказ России от проведения самостоятельной внешней политики после распада СССР (1990-е гг.), идя навстречу пожеланиям «партнеров». Результат – отказ от государственной идеологии и утрата национальных интересов, колоссальные потери в численности народонаселения, обнищание народа, спад промышленного и сельскохозяйственного производства.

2. Если в социальной системе преобладают властные структуры, а влияние остальных пренебрежимо мало, институты гражданского общества только декларируются, но реального влияния не имеют, то это ведет к диктатуре.

3. Если влияние негосударственных структур оказывается выше остальных, а векторы направленности общественного сознания, формируемого этими структурами, ориентированы в разные стороны, то возможны два сценария: первый – усиление нескольких групп и возможные варианты – анархия или

¹⁶Шеннон К. Работы по теории информации и кибернетике. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1963. – 830 с.

¹⁷Винер Н. Кибернетика. – М.: Советское радио, 1968. – 325 с.

¹⁸Бир С. Мозг фирмы. – М.: Радио и связь, 1993. – 416 с.

¹⁹Рыбаков А. В. Рецензия на монографию: Грачев М. Н. Политическая коммуникация: теоретические концепции, модели, векторы развития. – М.: Прометей, 2004. – 328 с. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2006. – № 6. – С. 109–114.

федерализация, но оба неизбежно влекут распад государства (СССР, Грузия, Молдова) и возникновение новых государственных образований; второй – дальнейшее усиление одной из групп с подавлением влияния остальных и переход опять же к диктатуре с формированием новых властных структур. Представленная схема позволяет рассмотреть направления развития общественного сознания и его траекторий по времени²⁰.

Наиболее консервативным, но исторически апробированным, является вектор государственных структур (например, процедуры принятия законов, проведение выборов и т. д.), но он требует значительных временных затрат. При возникновении противоречий между государственными и негосударственными структурами за счет обратной связи может происходить антигосударственная консолидация групп из-за своей мобильности (малые масштабы времени). Резкое увеличение отрицательного влияния (в теории управления – отрицательный резонанс) приводит к существенной неустойчивости, результатом которой является изменение вектора направленности общественного сознания от анархии или демократии к диктатуре.

Таким образом, в эпоху глобализации наиболее вероятным выступает сценарий приоритета внешнего управления в ущерб национальным культурам и интересам, что мы видим на примере миграционного кризиса в Европе (2015–2016 гг.), который стал настоящим испытанием для Европейского союза и, как ни странно, для российско-европейских отношений. Если в первом случае речь шла о провале политики мультикультурализма, угрозе для

европейской цивилизации и дестабилизации общественной безопасности, то во втором – в общественное сознание европейских стран активно внедрялась идея внешнего врага – о том, что Россия подрывает мировой порядок, усугубляет миграционный кризис в Европе посредством военной операции в Сирии.

Обсуждение результатов

Таким образом, устойчивый путь развития общества предполагает введение в систему положительной обратной связи в дополнение к отрицательной²¹. В чем её смысл? При всем многообразии векторов развития сознания различных групп существуют общие направления: общечеловеческие, традиционные элементы сознания, передаваемые из поколения в поколения, близкие по духу всем народам и культурам [19]. Это элементы, аналогичные гармонии в природе, ритму в музыке, размеру в стихах.

При сочетании множества форм уместно вспомнить, так называемое, золотое сечение или золотое правило нравственности, которое позволяет развиваться миру людей как человеческому обществу. Оно гласит: «Целое должно относиться к большей части своей, как эта последняя к меньшей»; или «Относись к людям так, как хочешь, чтобы относились к тебе». Принцип золотого сечения – высшее проявление структурного и функционального совершенства целого и его частей в искусстве, науке, технике, природе, сознании.

Факты, подтверждающие существование золотых S -сечений в природе, приводит белорусский ученый Э. М. Сороко²², который

²⁰ Майкова В. П. Социально-философские проблемы динамики общественного сознания в современной философии. – М.: МГУЛ, 2013. – 385 с.

²¹ Майков И. Л., Директор Л. Б. Решение задач оптимизации и управления гибридными энергетическими

комплексами в структуре распределенной генерации // Управление большими системами. – М.: ИПУ РАН, 2011. – Выпуск 35. – С. 250–264.

²² Сороко Э. М. Структурная гармония систем. – Минск: Наука и техника, 1984. – 264 с.

выдвинул гипотезу о том, что золотые S -сечения есть числовые инварианты самоорганизующихся систем. Подтвержденная экспериментально, эта гипотеза имеет фундаментальное значение для синергетики – науки, изучающей процессы в самоорганизующихся системах, к которым относится и общественное сознание как *духовная составляющая бытия общества*, целостное духовное образование, обладающее определённой внутренней структурой.

Как в естественных, так и в искусственных системах, отличающихся красотой форм, гармония сводится именно к этому сочетанию в одно целое. Так, физическая красота, например, тело человека, с одной стороны, двусторонне симметрично, с другой – оно пропорционально и построено по золотому правилу. Всякое нарушение порядка в ту или иную сторону делает человека физически безобразным. Симметрия и пропорциональность частей, соединённых общей идеей, составляет физическую красоту лица. Нарушение ее в том или ином отношении делает лицо некрасивым, например, отсутствие глаза, перекошенная щека и т. д.

Развитие общества и общественного сознания представляет собой сочетание множества форм, число которых не безгранично, а вполне исчислимо, как соединение частей любого организма, отличающегося красотой, гармонией. Это соединение не произвольное, а спаянное одной идеей – стремлением к совершенству.

Чтобы общество, устремляясь к идеалу, было положительным, необходима идея совершенства, которая на уровне государства должна представлять собой тренд общественного развития, предполагающий возможность корреляции на основе диалога (нахождения общего вектора развития для большинства социальных групп) как условия ее устойчивости.

Методология развития общественного сознания как императив решения глобальных проблем соотнесена с народной идеей самовывживания, идеей сохранения планеты Земля. Возникновение смысла и сила ощущения ответственности за себя и мир, ими вызываемый и дополняющий только земную, а значит, временную жизнь, находится в содержании духовно-нравственных проблем. Этот смысл проявляется на всех уровнях: личности, социальной группы, нации, человечества. Заключается он в слиянии природы и человека, собственной жизни и истории своего народа, стремлению к творческой самореализации [20]. Если общественное сознание лишается выразительности народного духа, то его социальная основа будто оголяется, утрачивает духовную наполняемость.

Таким образом, возникает необходимость придерживаться традиционного, фундаментального, сосредоточенного в духовном опыте народа, выстраданного и потому общепризнанного. Различия в социокультурных традициях, выражающих разные типы цивилизационных изменений, не исключают взаимодействия, а, наоборот, предполагают, как факторы, способствующие саморазвитию народов, их взаимообогащению. Следовательно, каждый народ имеет традиции, которые основываются на общечеловеческих ценностях, способствующих сохранению человечества в планетарном масштабе, преумножению духовных и материальных благ, представленных в самых разных аспектах: национальных, исторических, культурных, политических, экологических и т. п., затрагивающих базисные вопросы социального развития, обеспечивающих устойчивость и потому имеющих возможность выступать в качестве основополагающего и объединяющего начала в динамике современного общественного сознания. Изменения, происходящие во всех сферах

жизни социума, ставят проблему устойчивости общественного сознания и его фундамента – ценностей. Эта устойчивость предполагает согласование базисных основ жизни общества и природы с фундаментальными ценностями народов, определенными идеалами будущего.

По мнению М. Шелера²³, М. Хайдеггера²⁴, Н. Гартмана²⁵, высшими, общечеловеческими являются духовные ценности, т. к. в отличие от материальных, они неделимы. Ценностными основаниями консолидации общества выступают духовно-нравственные ценности, которые являются фундаментом культуры и проявляются во всех сферах жизни социума, поскольку они объективны по своей природе и содержанию, не зависят от субъективного сознания. Они субъективны лишь в том смысле, что в своем продуцировании и движении отталкиваются от субъективной (общечеловеческой) оценки. Духовно-нравственным ценностям свойственна трансцендентность индивидуального сознания, т. к. они способны исполнять организационные функции с помощью символических форм.

В учении Н. О. Лосского духовно «насыщенная» личность – это «существо, осознавшее абсолютные духовно-нравственные ценности и долженствующее руководствоваться ими в своем поведении, откуда и идет интенсивный духовный рост личности». Он утверждает, что «духовность проявляется в стремлении к добру, истине, красоте»²⁶.

Мир ценностей предполагает особенный порядок, состоящий в отношениях ценностей друг к другу, что способствует образованию некоей иерархии, в которой одна ценность определяется как «более высокая» или «более

низкая», по сравнению с другой. По иерархической значимости расположил ценности М. Шелер. Пытаясь определить критерии высоты ценностей, он установил признаки, показывающие, что они являются тем более «высокими», чем они долговечнее, чем менее делимы, чем хуже обоснованы другими ценностями, чем глубже удовлетворение, которое они нам доставляют, наконец, – чем менее они относительны.

Согласно М. Шелеру, высшие ценности «вечны», а низшие – кратковременны. На первом, низшем, ряду располагаются ценности временные, наиболее делимые, относительные и зависимые от других ценностей, дающие поверхностное удовлетворение. Это ценности приятного и неприятного. Следующий ряд составляют ценности, связанные с чувствованием жизни, которые предполагают противоположности благородного и низкого, хорошего и дурного, производными от которых являются ценности, соотносимые с понятиями благополучия и неблагополучия. Третий, более высокий, ряд составляют ценности духовные, связанные с эстетикой (прекрасного и безобразного); областью естественного устройства жизни в области правопорядка (справедливого и несправедливого); с философией и наукой – так называемые ценности познания истины. Самый высший ряд состоит из абсолютных ценностей – святости и божественности, которые отличаются вечностью, целостностью, независимостью. Их постижение возможно только целостным духовным чувством любви [21].

Эти ценности личностны, поскольку определяют отношения между людьми как

²³ Шелер М. Формализм в этике и материальная этика ценностей // Избранные произведения. – М.: Гнозис, 1994. – С. 259–338.

²⁴ Хайдеггер М. Время и бытие. – М.: Республика, 1993. – 448 с.

²⁵ Гартман Н. Этика. – СПб.: Владимир Даль, 2002. – 708 с.

²⁶ Лосский Н. О. Условия абсолютного добра. Основы этики. Характер русского народа. – М.: Политиздат, 1991. – 386 с.

личностями; между человеком и Абсолютом – Богом, как личностью. Ценность личности занимает самостоятельное место в данном ряду. Для человека значима не его собственная польза: пусть предмет удовольствия будет не в его власти, пусть человек не может располагать им, но дорого для него, чтобы существовал прекрасный предмет. Вообще в привязанности духа к прекрасному есть поиск общей стройности жизни.

Эта стройная, целостная жизнь есть высший идеал красоты, который направляет нравственных существ к созерцанию прекрасных предметов в природе и, особенно, в жизни. Истинное уважение и любовь основываются на открытии человеком и признании в другом уважаемом и любимом лице достоинств, истинных совершенств. Когда уважают кого-либо по корыстным расчетам, то человек сознает несправедливость такого уважения. Самое большое право на уважение имеют нравственные совершенства, но чтобы их чувствовать, необходимо сознавать в себе идею такого совершенства [22].

Духовно-нравственные ценности являются живым воплощением особого соотношения душевной деятельности народа. В слиянии духовного и нравственного, в гармонии материального и духовного, как явления народного мировоззрения, духа, где жизненная правда и сама жизнь всегда спаяны, как результат народного духа, духовно-нравственные ценности способствуют возбуждению благожелательных и возвышенных волнений по закону гармонии и системности [23].

При участии духовно-нравственных ценностей формируются обязанность совершать то, что признается добром без какого-либо анализа и осознания того, почему и как доброе – добро и т. д. Понятие о добром и злом в действиях превращается в поведение и неосознан-

ный запрет. Так формируется внутренний императив – делать доброе, а не злое [24]. Распространяясь на все сферы человеческой деятельности, это общее осознание превращается во внутреннее предписание, ориентир в различных видах деятельности, получающий форму внутреннего закона, определяющего деятельность человека вообще, как гражданский закон или закон природы. Постепенно приходит осознание того, что без обсуждения вопросов, которые считаются метафизическими и которые связаны с осмыслением того, что является реальным и как к нему относится познание, нельзя понять устройства последнего, как работает наука, каков сам человек и его место в мире [25].

Духовно-нравственные ценности – это осознание себя причиной своих действий, их виновником. Чем отчетливее и яснее сознается, что сам человек господин своих действий, тем он больше чувствует ответственность и воздерживается от зла [26].

Высокая причинность связей в цепочке: «духовно-нравственные ценности – индивидуальное сознание – общественное сознание», при всей внешней сложности соотношения, возникает моментально и существует как одно целое. Здесь происходит, прежде всего:

1) процесс оценки с какой-то особой точки зрения с атрибутами прекрасного и безобразного, доброго и злого, которые преломляются только в этой связи: «духовно-нравственные ценности – индивидуальное сознание – общественное сознание», что способствует зарождению нравственного чувства;

2) превращение этих идей в совокупность частных обобщений и правил деятельности – правил поведения в обществе (этикета);

3) процесс внутреннего одобрения и порицания до и после – зарождение совести [27];

4) осознание себя причиной действий – зарождение чувства свободы и ответственности.

Духовно-нравственные ценности как консолидирующая идея способны обеспечить развитие внутренней пассионарности через идею телесно-духовного здоровья, где абсолютной ценностью является человеческая жизнь. Как фактор консолидации общества в эпоху глобализации, духовно-нравственные ценности формируют общественное сознание в двух смыслах: в широком и узком. Узкий смысл предполагает гармонизацию внешнего и внутреннего мира людей, осознание ими себя и своего места в этом мире через обретение смысла бытия и его реализации. Предельной единицей выступает личность, формируемая в процессе образования [28].

Широкий смысл включает осознание человеческой жизни в масштабе планеты Земля, в условиях, когда человек может не только понимать, но и влиять на общественное бытие планетарно, что априори предполагает рассмотрение объектов с точки зрения их глобальной значимости. Предельной единицей здесь выступает человечество планеты Земля. Социальные общности, государства, объединения (профессиональные, религиозные и др.) можно рассматривать с двух этих позиций.

Таким образом, духовно-нравственные ценности – это способ гармонизации духовного мира граждан, ориентации в будущее, утверждения в сознании мысли о возможностях гармонизации и нашего общества, и самого человека. Духовно-нравственные ценности – это не только поиск гармонии, формирования гуманистического отношения к миру, где высоконравственные, эстетические, религиозные ценности согласуются с правовым сознанием, ответственностью за свою жизнь, жизнь семьи, страны и даже мира в условиях реальных глобальных проблем, это ведущий

фактор процесса разрешения всех проблем социально-природного бытия.

Заключение

В статье рассмотрены духовно-нравственные ценности, связанные с этническими и национальными традициями, в качестве базовых для современного общественного сознания. На основе учета их системной связи выявлены консолидирующие функции современного общественного сознания в рамках той или иной исторически сложившейся культуры.

Авторы обосновали вывод, что решение проблем консолидации современного общества, преодоление существующего кризиса общественного сознания и обеспечение устойчивости социально-природной системы возможно через признание и реализацию ведущей роли духовно-нравственных ценностей и гармонизацию взаимоотношений в системе «общество – природа».

Существуют различные варианты решения проблем развития общественного сознания как открытой системы, отвечающих современным требованиям, с учетом достижений научно-технического прогресса. Однако на современном этапе развития человеческой цивилизации именно духовно-нравственные ценности могут выступить катализатором формирования здоровой духовной среды, оптимально удовлетворяющей требованиям, предъявляемым к общественному сознанию: гарантированной и надежной жизнеспособности человеческого общества, высокой социальной ответственности каждого человека, формированию в обществе правопорядка, осуществлению согласований усилий индивидов, различных социальных групп в решении проблем общественного развития, соответствии социальным переменам, формированию согласованной общественной позиции граждан,

участию в формировании ключевых вопросов политики, экономики, культуры, экологии, международной жизни, позитивному влиянию на социально-природный прогресс.

Духовно-нравственные ценности могут реально выступить фактором консолидации

современного общества, поскольку позволяют выразить происходящие общественные процессы как нелинейные, взятые в гармоничном сочетании их внешней и внутренней динамики с окружающей природной действительностью.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Пушкарёва Е. А.** Непрерывное образование в развитии изменяющихся общества и личности: интеграция исследовательских позиций в России и за рубежом // Интеграция образования. – 2016. – Т. 20, № 4. – С. 438–445. DOI: <http://dx.doi.org/10.15507/1991-9468.085.020.201604.438-445>
2. **Nasibulina A.** Education for Sustainable Development and Environmental Ethics // Procedia – Social and Behavioral Sciences. – 2015. – Vol. 214. – P. 1077–1082. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.sbspro.2015.11.708>
3. **Yachina N.** The Problem of Spiritual and Moral Formation of Personality // Procedia – Social and Behavioral Sciences. – 2015. – Vol. 197. – P. 1575–1579. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2015.07.113>
4. **Drouin E., Drouin A.-S. Jean Lhermitte on Consciousness** // L'Encéphale. – 2017. – Vol. 43, Issue 5. – P. 407–408. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.encep.2017.03.007>
5. **Tan B. P., Naidu N. B. M., Osman Z. J.** Moral values and good citizens in a multi-ethnic society: A content analysis of moral education textbooks in Malaysia // The Journal of Social Studies Research. – 2017. – In Press. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.jssr.2017.05.004>
6. **Kudashov V. I., Chernykh S. I., Yatsenko M. P., Grigoreva L. I., Pfanenshtil I. A., Rakhinsky D. V.** Historical reflection in the educational process: an axiological approach // Analele universitatii din craiova – seria istorie. – 2017. – Vol. 22, № 1. – P. 139–147.
7. **Cooper N., Brady E., Steen H., Bryce R.** Aesthetic and spiritual values of ecosystems: Recognising the ontological and axiological plurality of cultural ecosystem 'services' // Ecosystem Services. – 2016. – Vol. 21, Part B. – P. 218–229. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.ecoser.2016.07.014>
8. **Беркут В. П.** Социально-философский анализ в методологии научного познания // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. – 2016. – № 1. – С. 14–23. DOI: <http://dx.doi.org/10.18384/2310-7227-2016-1-14-23>
9. **Rudolph A., Figge L.** Determinants of Ecological Footprints: What is the role of globalization? // Ecological Indicators. – 2017. – Vol. 81. – P. 348–361. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.ecolind.2017.04.060>
10. **Kostyukova T. A., Petrova G. I., Sklyarova T. V., Simakova T. P.** Self-determination of Youth and Traditional Moral Values: The Role of Russian Literature // Procedia – Social and Behavioral Sciences. – 2015. – Vol. 200. – P. 261–266. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.sbspro.2015.08.062>
11. **Yilmaz O., Saribay A.** Activating analytic thinking enhances the value given to individualizing moral foundations // Cognition. – 2017. – Vol. 165. – P. 88–96. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.cognition.2017.05.009>
12. **Mareš J.** Moral distress: Terminology, theories and models // Kontakt. – 2016. – Vol. 18, Issue 3. – P. e137–e144. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.kontakt.2016.07.001>
13. **Šmajs J.** The philosophical conception of a constitution for the Earth // Human Affairs. – 2015. – Vol. 25, Issue 3. – P. 342–361. DOI: <http://dx.doi.org/10.1515/humaff-2015-0028>

14. **Kekulawala M., Johnson T. R. B.** Ethical issues in global health engagemen // Seminars in Fetal and Neonatal Medicine. – 2017. – In Press. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.siny.2017.09.004>
15. **Kantola J., Liu Y., Peura P., Leeuw T., Zhang Y., Naaranoja M., Segev A., Huisinigh D.** Innovative products and services for sustainable societal development: Current reality, future potential and challenges // Journal of Cleaner Production. – 2017. – Vol. 162, Supplement. – P. S1–S10. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.jclepro.2017.07.091>
16. **Бондарева Я. В., Завьялов А. С.** Цифровое инфопространство и его характеристики // Сибирский учитель. – 2016. – № 3 (106). – С. 35–38.
17. **Майкова В. П., Молчан Э. М.** Духовность как фактор устойчивости социальных систем // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. – 2017. – № 1. – С. 46–53. DOI: <http://dx.doi.org/10.18384/2310-7227-2017-1-46-53>
18. **Грачев М. Н.** Политическая коммуникация: теоретические концепции, модели, векторы развития: монография. – М.: Прометей, 2004. – 327 с.
19. **Shapiro D., Hobdari B., Oh C. H.** Natural resources, multinational enterprises and sustainable development // Journal of World Business. – 2018. – Vol. 53, Issue 1. – P. 1–14. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.jwb.2017.09.005>
20. **Uwizeye A., Gerber P. J., Groen E. A., Dolman M. A., Schulte R. P. O., de Boer I. J. M.** Selective improvement of global datasets for the computation of locally relevant environmental indicators: A method based on global sensitivity analysis // Environmental Modelling & Software. – 2017. – Vol. 96. – P. 58–67. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.envsoft.2017.06.041>
21. **Молчан Э. М.** Формирование духовно-нравственных ценностей в системе профессионального образования как условие духовной безопасности общества // Гуманитарный вестник Военной академии Ракетных войск стратегического назначения. – 2016. – № 4-2 (4). – С. 85–89.
22. **Бондарева Я. В.** К вопросу о предмете исследования философии образования // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. – 2016. – № 2. – С. 6–12. DOI: <http://dx.doi.org/10.18384/2310-7227-2016-2-6-12>
23. **Cano-Kollmann M., Hannigan T. J., Mudambi R.** Global Innovation Networks – Organizations and People // Journal of International Management. – 2017. – In Press. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.intman.2017.09.008>
24. **Пушкарёва Е. А.** Ценностные основания современного взаимодействия образования и науки: монография. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2014. – 172 с.
25. **Reid A. J., Brooks J. L., Dolgova L., Laurich B., Sullivan B. G., Szekeres P., Wood S. L. R., Bennett J. R., Cooke S. J.** Post-2015 Sustainable Development Goals still neglecting their environmental roots in the Anthropocene // Environmental Science & Policy. – 2017. – Vol. 77. – P. 179–184. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.envsci.2017.07.006>
26. **Песоцкий В. А.** Философема в структуре философского знания: опыт классификации философем // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. – 2016. – № 2. – С. 22–35. DOI: <http://dx.doi.org/10.18384/2310-7227-2016-2-22-35>
27. **Нестик Т. А.** Социальная психология времени: состояние и перспективы исследований // Психологический журнал. – 2014. – Т. 35, № 3. – С. 5–19.
28. **Sharpe M. E.** The principles of science education in today's schools: A roundtable // Russian Education and Society. – 2006. – Vol. 48, № 1. – P. 37–71. DOI: <http://dx.doi.org/10.2753/RES1060-9393480103>

DOI: [10.15293/2226-3365.1801.09](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1801.09)

Viktor Petrovich Berkut, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Head of the Humanitarian Disciplines Department, The Military Academy of Strategic Rocket Troops after Peter the Great, Balashiha, Russian Federation.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-1900-6579>

E-mail: v_berkut@mail.ru

Vladislav Anatolyevich Pesotsky, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Head of Philosophy Department, Moscow Region State University, Moscow, Russian Federation.

ORCID ID: <http://orcid.org/0000-0003-3900-6461>

E-mail: vlad2008@yandex.ru

Valentina Petrovna Maikova, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Philosophy Department, Moscow Region State University, Moscow, Russian Federation.

ORCID ID: <http://orcid.org/0000-0002-4076-0894>

E-mail: valmaykova@mail.ru

Eduard Mikhailovich Molchan, Candidate of Pedagogical Sciences, Deputy Director for Research and Informatization, Sergiuev Posad branch of Federal State Budgetary Educational of Higher Education "High school of folk arts (academy)", Sergiev Posad, Russian Federation.

ORCID ID: <http://orcid.org/0000-0002-6257-8030>

E-mail: ed.molchan2015@yandex.ru

Yana Vasilievna Bondareva, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Associate Professor, Philosophy Department, Moscow Region State University, Moscow, Russian Federation.

ORCID ID: <http://orcid.org/0000-0002-0438-4035>

E-mail: bondareva.iana@yandex.ru

Methodological and axiological approaches to solving the problems of consolidation of society in the era of globalization

Abstract

Introduction. *The problems of consolidation of the modern society and overcoming the crisis of public consciousness can be solved through enhancing the role of spiritual and moral values and harmonization of social and natural existence.*

Materials and Methods. *The methodology and the main research method is socio-philosophical analysis of the topical problems of modern public consciousness, the consolidation of society and sustainability of socio-natural life.*

Results. *The concept and attributes of the spiritual and moral values which provide the model of the optimal interconnection of components of public consciousness and stability of the socio-natural system are disclosed. The authors present the following attributes of modern social consciousness: new meanings, changed forms of its existence and mechanisms of movement in society; the aggravation of the contradictions between cosmopolitanism and religiosity, progressive liberalism and moral crisis,*

desire for success and desperate humility, search for innovations and regress in all spheres of life, freedom and hopelessness, declaration of de-ideologization and desire for consumer ideology, and virtualization of objective reality and public consciousness itself. The attention is focused on exacerbating existing contradictions of rationality and morality, virtuality and reality, transnational globalism and national cultures, leading to conflicts and crises which lead to global consequences. A model of public consciousness as an open system is presented. The authors substantiate the necessity of formation of positive feedbacks, which are aimed at consolidating the society and ensuring harmonious interaction of society and nature within the framework of the developed model.

Conclusions. *Solving the problems of consolidation of modern society, overcoming the current crisis of social consciousness and sustainability in socio-natural systems is possible through recognition and implementation of the leading role of spiritual and moral values and harmonization of social and natural existence.*

Keywords

Global problems; Globalization; Public consciousness; Spiritual and moral values; Model; Sustainable development; Positive feedback; Socio-natural genesis.

REFERENCES

1. Pushkareva E. A. Continuing Education in the Development of Changing Society and Personality: The Integration of Research Positions in Russia and Foreign Countries. *Integration of Education*, 2016, vol. 20, no. 4, pp. 438–445. (In Russian) DOI: <http://dx.doi.org/10.15507/1991-9468.085.020.201604.438-445>
2. Nasibulina A. Education for Sustainable Development and Environmental Ethics. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, 2015, vol. 214, pp. 1077–1082. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.sbspro.2015.11.708>
3. Yachina N. The Problem of Spiritual and Moral Formation of Personality. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, 2015, vol. 197, pp. 1575–1579. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2015.07.113>
4. Drouin E., Drouin A.-S. Jean Lhermitte on Consciousness. *L'Encéphale*, 2017, vol. 43, issue 5, pp. 407–408. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.encep.2017.03.007>
5. Tan B. P., Naidu N. B. M., Osman Z. J. Moral values and good citizens in a multi-ethnic society: A content analysis of moral education textbooks in Malaysia. *Journal of Social Studies Research*, 2017, in press. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.jssr.2017.05.004>
6. Kudashov V. I., Chernykh S. I., Yatsenko M. P., Grigoreva L. I., Pfanenshtil I. A., Rakhinsky D. V. Historical reflection in the educational process: an axiological approach. *Analele Universitatii Din Craiova – Seria Istorie*, 2017, vol. 22, no. 1, pp. 139–147. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29056360>
7. Cooper N., Brady E., Steen H., Bryce R. Aesthetic and spiritual values of ecosystems: Recognising the ontological and axiological plurality of cultural ecosystem 'services'. *Ecosystem Services*, 2016, vol. 21, part B, pp. 218–229. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.ecoser.2016.07.014>
8. Berkut V. P. Socio-Philosophical Analysis in of Scientific Knowledge Methodology. *Bulletin MSRU. Series: Philosophy*, 2016, no. 1, pp. 14–23. (In Russian) DOI: <http://dx.doi.org/10.18384/2310-7227-2016-1-14-23>
9. Rudolph A., Figge L. Determinants of Ecological Footprints: What is the role of globalization?. *Ecological Indicators*, 2017, vol. 81, pp. 348–361. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.ecolind.2017.04.060>

10. Kostyukova T. A., Petrova G. I., Sklyarova T. V., Simakova T. P. Self-determination of Youth and Traditional *Moral Values*: The Role of Russian Literature. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, 2015, vol. 200, pp. 261–266. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.sbspro.2015.08.062>
11. Yilmaz O., Saribay A. Activating analytic thinking enhances the value given to individualizing moral foundations. *Cognition*, 2017, vol. 165, pp. 88–96. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.cognition.2017.05.009>
12. Mareš J. *Moral* distress: Terminology, theories and models. *Kontakt*, 2016, vol. 18, issue 3, pp. e137–e144. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.kontakt.2016.07.001>
13. Šmajš J. The philosophical conception of a constitution for the Earth. *Human Affairs*, 2015, vol. 25, issue 3, pp. 342–361. DOI: <http://dx.doi.org/10.1515/humaff-2015-0028>
14. Kekulawala M., Johnson T. R. B. *Ethical issues in global health engagemen*. *Seminars in Fetal and Neonatal Medicine*, 2017, in press. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.siny.2017.09.004>
15. Kantola J., Liu Y., Peura P., Leeuw T., Zhang Y., Naaranoja M., Segev A., Huisinigh D. Innovative products and services for sustainable societal development: Current reality, future potential and challenges. *Journal of Cleaner Production*, 2017, vol. 162, supplement, pp. S1–S10. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.jclepro.2017.07.091>
16. Bondareva J. V., Zavyalov A. S. Digital InfoSpace and its characteristics. *Siberian Teacher*, 2016, no. 3, pp. 35–38. (In Russian) URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27156141>
17. Maikova V. P., Molchan E. Spirituality as a Factor of Stability of Social Systems. *Bulletin MSRU. Series: Philosophy*, 2017, no. 1, pp. 46–53. (In Russian) <http://dx.doi.org/10.18384/2310-7227-2017-1-46-53>
18. Grachev M. N. *Political communication: theoretical concepts, models, development vectors*. Monograph. Moscow, Prometey Publ., 2004, 328 p. (In Russian) URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=19657264>
19. Shapiro D., Hobdari B., Oh C. H. Natural resources, multinational enterprises and sustainable development. *Journal of World Business*, 2018, vol. 53, issue 1, pp. 1–14. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.jwb.2017.09.005>
20. Uwizeye A., Gerber P. J., Groen E. A., Dolman M. A., Schulte R. P. O., de Boer I. J. M. Selective improvement of global datasets for the computation of locally relevant environmental indicators: A method based on global sensitivity analysis. *Environmental Modelling & Software*, 2017, vol. 96, pp. 58–67. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.envsoft.2017.06.041>
21. Molchan E. M. Formation of spiritually-moral values in vocational education as a condition of spiritual safety of the public system. *Humanitarian Bulletin PGSM TA*, 2016, no. 4-2, pp. 85–89. (In Russian) URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=28200041>
22. Bondareva J. V. To the Issue of the Subject Matter of Philosophy of Education. *Bulletin MSRU. Series: Philosophy*, 2016, no. 2, pp. 6–12. (In Russian) DOI: <http://dx.doi.org/10.18384/2310-7227-2016-2-6-12>
23. Cano-Kollmann M., Hannigan T. J., Mudambi R. Global Innovation Networks – Organizations and People. *Journal of International Management*, 2017, in press. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.intman.2017.09.008>
24. Pushkareva E. A. *Axiological Foundations of Modern Interaction of Science and Education*. Monograph. Novosibirsk, Novosibirsk State Pedagogical University Publ., 2014, 172 p. (In Russian) URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=24960640>
25. Reid A. J., Brooks J. L., Dolgova L., Laurich B., Sullivan B. G., Szekeres P., Wood S. L. R., Bennett J. R., Cooke S. J. Post-2015 Sustainable Development Goals still neglecting their environmental roots in

- the Anthropocene. *Environmental Science & Policy*, 2017, vol. 77, pp. 179–184. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.envsci.2017.07.006>
26. Pesockij V. A. Philosopheme in the Structure of Philosophical Knowledge: An Experience in Classification of Philosophemes. *Bulletin MSRU. Series: Philosophy*, 2016, no. 2, pp. 22–35. (In Russian) DOI: <http://dx.doi.org/10.18384/2310-7227-2016-2-22-35>
27. Nestik T. A. Social psychology of time: actual state and prospects of researches. *Psychological Journal*, 2014, vol. 35, no. 3, pp. 5–19. (In Russian) URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=21672711>
28. Sharpe M. E. The principles of science education in today's schools: A roundtable. *Russian Education and Society*, 2006, vol. 48, no. 1, pp. 37–71. DOI: <http://dx.doi.org/10.2753/RES1060-9393480103>

Submitted: 17 October 2017 Accepted: 09 January 2018 Published: 28 February 2018

This is an open access article distributed under the [Creative Commons Attribution License](#) which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work is properly cited. (CC BY 4.0).

© М. Н. Чистанов, С. С. Чистанова, Т. Маслова, И. С. Кудряшов

DOI: [10.15293/2226-3365.1801.10](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1801.10)

УДК 101+930

ПРОБЛЕМА ПОСТРОЕНИЯ НОВЫХ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В КОНТЕКСТЕ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОЕКТА «НОВОГО ШЕЛКОВОГО ПУТИ»*

М. Н. Чистанов, С. С. Чистанова (Абакан, Россия), Т. Маслова (Далонег, Джорджия, США),
И. С. Кудряшов (Новосибирск, Россия)

Проблема и цель. Констатируя трудности в политике мультикультурализма, авторы выявляют слабые места моделей этнокультурной идентичности, господствовавших в социальных исследованиях последние несколько десятилетий, но одновременно с этим указывают на возможные теоретические ограничения альтернативных моделей межкультурного взаимодействия, построенных на других онтологических принципах.

Методология. Методология исследования базируется на идеях нового постмультикультурного подхода к анализу взаимодействия культур, реализующего описательную, объяснительную и прогнозирующую функции социального знания на базе методологии системного, деятельностного и культурно-исторического подходов в современных условиях. Методическую базу исследования составляют методы феноменологического описания, интерпретации, сопоставления, проблемного и сравнительного анализа трудов отечественных и зарубежных исследователей в сфере этнокультурной идентичности.

Результаты. Анализируется эволюция представлений о природе этнической идентичности и способах разрешения межэтнических и межконфессиональных конфликтов. В условиях кризиса идеи мультикультурализма и диалога культур рассматриваются возможные альтернативные модели межкультурного взаимодействия: концепции 'melting pot' и 'nice salad', а

*Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки РФ по Проекту «Повышение конкурентоспособности ведущих российских университетов среди ведущих мировых научно-образовательных центров (5-100)» в рамках комплексного плана исследований Центра анализа и прогнозирования интеграционных процессов современной Евразии ИФП НГУ в 2017 г.

Чистанов Марат Николаевич – доктор философских наук, заведующий кафедрой философии и культурологии, Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова.

E-mail: maratchistanov@gmail.com

Чистанова Светлана Сергеевна – кандидат культурологии, доцент кафедры иностранных языков и методики преподавания, Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова.

E-mail: totyschewa@mail.ru

Маслова Татьяна – преподаватель, Университет Северной Джорджии (Далонег, Джорджия, США).

E-mail: Tatiana.Maslova@ung.edu

Кудряшов Иван Сергеевич – кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры гносеологии и истории философии, Новосибирский государственный университет.

E-mail: ioann1983@yandex.ru

также их недостатки и ограничения. Авторами выявлено, что считавшаяся устаревшей концепция географического детерминизма неожиданным образом оказывается актуальной для понимания механизмов межкультурного и межконфессионального взаимодействия в современных условиях.

Заключение. Авторы считают, что в условиях реализации трансконтинентальных проектов типа «Нового шелкового пути» место скомпрометировавшей себя модели мультикультурализма может занять китаецентристская модель межкультурного взаимодействия, оставляющая этническую составляющую культуры вне сферы внимания. Это в свою очередь приводит к потере интереса к этнической проблематике в социальных исследованиях, а это означает, что традиционная для европейской философской традиции связь гражданского согласия и благоденствия с построением диалога этнических культур рискует оказаться совершенно невостребованной в условиях вызовов XXI века.

Ключевые слова: мультикультурализм; постмультикультурализм; глобализация; этническая идентичность; культурная идентичность; межкультурное взаимодействие; географический детерминизм; культурный ландшафт; Новый Шелковый путь.

Постановка проблемы

Термин «межкультурная коммуникация» был введен американским антропологом Э. Холлом для обоснования новых стратегий поведения американских дипломатов в изменившихся международных условиях [10]. С возникновением неолиберализма границы применения термина максимально расширились и стали обозначать в целом возможность установления взаимопонимания между людьми различных рас, национальностей, конфессий, социальных групп и интеллектуальных традиций [2; 6; 14; 15].

Стоит отметить, что на первом этапе развития мультикультурализма в качестве субъекта коммуникации рассматриваются культуры и цивилизации (в форме национальных государств), а на втором этапе в качестве таких субъектов рассматриваются уже сами конкретные люди, которые в обычной жизни, чаще всего в результате добровольной или насильственной миграции, сталкиваются с проявлениями иного языка, поведения, хозяйственной деятельности. Именно такая трансформация проблемы стала предпосылкой последующего кризиса мультикультурализма: внутреннее неустраимое противоречие

между политическим устройством современного мира в форме национальных государств и индивидуальным характером межкультурной коммуникации в современном глобализирующемся мире. В современных условиях многоэтнические общности встречаются редко, поэтому право этнических групп на автономию в полной мере неосуществимо (это показывает опыт бывшей Югославии), а отрицание этого права ведет к дискриминации и ущемлению прав различных меньшинств. Указанное противоречие делает актуальным вопрос о построении альтернативных теоретических моделей межкультурного взаимодействия, которые, с одной стороны, были бы более совместимы с либеральной концепцией личной свободы, а с другой – позволили бы сохранить уникальность существующих этнических и конфессиональных общностей.

В практическом плане необходимость полного отказа или радикального переосмысления методологии мультикультурализма и диалога культур стала очевидной после трагедии 11 сентября 2001 года, когда группа радикальных исламистов атаковала ряд правительственных и общественных зданий в Нью-Йорке и Вашингтоне. Именно это событие

считается поворотным пунктом, изменившим отношение современного либерального общества и либеральной социальной науки. Это событие не повлекло немедленного сворачивания всех мультикультуралистских проектов, этого не происходит и сейчас, но социальные исследователи говорят о неактуальности мультикультурализма и необходимости разрабатывать новые теоретические модели социокультурного взаимодействия в глобализированном мире.

Так, Т. Модуд (Tariq Modood) из University of Bristol указывает, что первые признаки неактуальности мультикультурализма относятся еще к 1989 г., когда мусульмане Европы вышли на улицы, чтобы выразить негодование по поводу публикации «Сатанинских стихов» Салмана Рушди [25, р. 137]. Впрочем, по мнению авторитетного британского исследователя, никакой реальной альтернативы мультикультурализму у Запада все равно нет.

Канадский исследователь О. Флерас (Augie Fleras) из University of Waterloo говорит о том, что даже в сравнительно благополучной в плане межэтнических конфликтов Канаде политика мультикультурализма приводит скорее к разобщению этнических диаспор, нежели к их единению. Внутренняя напряженность в отношениях диаспор растет, и лишь излишняя политизированность проблемы мешает правительству признать фактический провал миграционной политики [21; 22].

В условиях глобализации сохранение этнических культур вовсе не гарантирует их равноправного существования, поскольку расовые, этнические, конфессиональные и иные виды угнетения настолько трансформируются, что теряют свою узнаваемую форму, считает У. Брэдли (William Bradley) из Ryukoku University. Он фиксирует такие странные формы дискриминации, как «расизм

без расизма» и «национализм без национализма» [19, р. 7–8]. В таких условиях этнический эссенциализм, характерный для мультикультуральной теории, оказывается не в состоянии отразить сущность современных конфликтов.

Видный российский исследователь А. Куропятник считает, что в современных условиях нужно и должно говорить о постмультикультуральном повороте в социальных науках, «который будучи сопряженным с социокультурным многообразием, предлагает национальному государству и его институтам переосмыслить себя в постмультикультуральной перспективе» [11, с. 146]. Для него постмультикультуралистская методология – уже свершившийся факт. Как и все прочие методологии с приставкой «пост-», этот подход является скорее переосмыслением, преобразованием и включением предшествующих подходов, в том числе и мультикультурализма, нежели их полным отрицанием.

Цель статьи – выявить слабые места моделей этнокультурной идентичности, основанных на методологии мультикультурализма и диалога культур, господствовавших в социальных исследованиях последние несколько десятилетий, и одновременно с этим проанализировать возможные теоретические и практические ограничения альтернативных моделей межкультурного взаимодействия, построенных на других онтологических принципах.

Методология

Методология исследования базируется на идеях нового постмультикультурного подхода к анализу взаимодействия культур, реализующего описательную, объяснительную и прогнозирующую функции социального знания на базе методологии системного, деятельностного и культурно-исторического подходов в совре-

менных условиях. Методическую базу исследования составляют методы феноменологического описания, интерпретации, сопоставления, проблемного и сравнительного анализа трудов отечественных и зарубежных исследователей в сфере этнокультурной идентичности и межкультурного взаимодействия.

Результаты исследования

Презентация проекта «Один пояс – один путь» состоялась осенью 2013 г. в ходе визита Председателя КНР Си Цзиньпина в Индонезию. Этот проект более известен как «Евразийский сухопутный мост, или Новый Шелковый путь». Это масштабный инфраструктурный проект, который свяжет страны Южной и Юго-Восточной Азии с Европой через сеть сухопутных транспортных коридоров. Очевидна заинтересованность Китая в реализации проекта: развитие Западного Китая, отсталого в экономическом отношении, и диверсификация торговых путей, независимость в торговле от политической ситуации в арабском мире и на постсоветском пространстве.

Можно утверждать, что речь идет не только о восстановлении древнего торгового пути, но и о строительстве сети новых маршрутов: “The authoritative Vision and Actions on Jointly Building Silk Road Economic Belt and 21st-Century Maritime Silk Road (National Development and Reform Commission – NDRC 2015), identifies five ‘roads’, ‘connecting the vibrant East Asia economic circle at one end and developed European economic circle at the other, and encompassing countries with huge potential for economic development’. Two of the five are land and sea routes connecting China and Europe: one through Central Asia and Russia; the other via the South China Sea and Indian Ocean. A third road connects China to the Middle East via Central Asia; while a fourth takes in China, Southeast Asia, South Asia and the Indian Ocean. The fifth

route branches out from China through the South China Sea and into the South Pacific. Then there are the six economic corridors: the Eurasian Land Bridge; China – Mongolia – Russia; China – Central Asia – West Asia; China – Indochina Peninsula; China – Pakistan; and Bangladesh – China – India – Myanmar” [20, p. 228]. («Уставные документы проекта определяют пять маршрутов, которые должны соединить развивающиеся рынки Восточной Азии, с одной стороны, и развитые рынки Европы, с другой, а также охватить страны с огромным потенциалом экономического развития. Два из этих маршрутов: сухопутный и морской пути, соединяющие Китай и Европу: один через Среднюю Азию и Россию; другой через Южно-Китайское море и Индийский океан. Третий путь соединяет Китай с Ближним Востоком через Среднюю Азию; в то время как четвертый объединяет Китай, Юго-Восточную Азию, Южную Азию и бассейн Индийского океана. Пятый маршрут идет из Китая через Южно-Китайское море в Южную часть Тихого океана. Фактически выделяется шесть экономических коридоров: Евразийский сухопутный мост (Китай – Европа); Китай – Монголия – Россия; Китай – Центральная Азия – Западная Азия; Китай – Индокитай; Китай – Пакистан; и Бангладеш – Китай – Индия – Мьянма» – *перевод авторов*).

Основным выгодоприобретателем является Китай, но аналогичные мотивы наверняка присутствуют у стран Западной Европы и Юго-Восточной Азии: экспортеры смогут выйти на новые для себя рынки, не вкладывая больших денег в создание инфраструктуры, а импортеры получают возможность ускорить доставку грузов, минуя процедуры погрузки и разгрузки в морских портах.

Рассмотрим положение и мотивы стран-транзитеров, в первую очередь России, Казахстана и стран Центральной Азии. Наряду с

транзитными пошлинами экономика указанных регионов получит конкурентов со стороны производителей из Восточной и Юго-Восточной Азии более дешевых и не менее качественных товаров. Но нас больше интересуют социальные и духовные последствия этого масштабного и неоднозначного начинания. Существует вероятность, что эти процессы будут глобальными, ведь речь идет о гигантском транснациональном и кросскультурном проекте, который напрямую свяжет регионы, до этого не имевшие близких контактов. Несомненно, это приведет к тесному взаимодействию народов и культур друг другу чужих, не имеющих опыта длительного соседства. Здесь и возникает потенциальная опасность межэтнических и межконфессиональных конфликтов, кризис самоидентификации людей, оказавшихся в фокусе кросскультурного взаимодействия.

Появление идеи «Один пояс – один путь» совпадает по времени со значительными трудностями в реализации принципа мультикультурализма, который появился в международной политике в середине XX в. и связан своим происхождением с развитием всей европейской философской и политической мысли.

Мультикультурализм подразумевает признание одинаковой ценности культур (в частном случае, этнических) и необходимости их сохранения и защиты, в том числе в полиэтническом сообществе, а также призывает к диалогу культур как признанию автономии различных культур и признанию их естественного права на самостоятельное развитие. Этот подход в свое время был безоговорочным достижением цивилизации, однако современное состояние этой методологии и практики вызывает серьезные опасения. Практические воплощения мультикультурализма в современном мире из здоровой метатеории с очевидностью превратились в идеологические штампы

и манифестации, часто скрывающие как этнический и культурный сепаратизм, так и лицемерную политику двойных стандартов. Многочисленные нарушения принципов сосуществования различных культур даже в самых развитых и цивилизованных странах, международный терроризм, акты вандализма и ответные жестокие полицейские операции властей, множество личных трагедий простых людей каждый раз требуют от нас обратить внимание на проблему межкультурной коммуникации. Закрывать глаза на эту реальность и руководствоваться видимостью межэтнической и межконфессиональной идиллии может только очень наивный человек или ханжа.

Необходимость установления диалога культур впервые возникла в трудах европейских философов и социологов середины XIX – начала XX в. Концепция исторического прогресса, которая возникла в работах просветителей и впоследствии породила великие социально-исторические системы Г. Гегеля и К. Маркса, и утверждавшая поступательный ход мировой истории, на заре эпохи модерна оказалась сильно скомпрометированной. Эта концепция выглядела немодно на фоне всеобщего нигилизма и релятивизма исследователей. В основе новой методологии лежит идея культуры как органической целостности, уникальной комбинации множества факторов. Истоки подхода были заложены еще немецкими романтиками и противостояли примитивным представлениям о неизбежности общемирового прогресса.

Особенное звучание этот релятивизм приобретает в контексте окончания формирования европейской политической карты. Уже

в работах Н. Я. Данилевского¹ и О. Шпенглера² указывается на неприменимость одной мерки для сравнения различных цивилизаций и культур. Разные культуры и цивилизации не только имеют различную природу, но даже не могут быть объектом оценки, поскольку каждая культура является безусловной ценностью сама для себя. Культурцентризм как методологический принцип потребовал указания на носитель, некоторый атом или самостоятельную единицу. Такой единицей была провозглашена нация как специфическая общность, истоки которой еще со времен В. Гумбольдта ищутся в языке³. Наряду с продекларированным правом наций на самоопределение, утверждением автономности культур и необходимостью понимания как особой познавательной процедуры для постижения сущности иной цивилизации, целью этой стратегии стал подрыв гегемонии старых колониальных империй (Испании, Англии и Франции) и выход новых политических сил (в первую очередь Германии и Италии) на политическую арену.

Нужно отметить, что первый этап развития мультикультурной доктрины привел к неоднозначным социальным последствиям: двум мировым войнам, а после их окончания – к краху мировой колониальной системы. Невозможность адекватной оценки последствий этих событий породила к новой волне споров о мультикультурализме и формулировке вопроса о межкультурной коммуникации в его современной форме.

Вместе с тем многочисленные инциденты с мигрантами в Европе, война на Ближнем Востоке и попытки сохранить видимость гражданского согласия в большинстве цивилизованных стран заставляют нас в очередной

раз задуматься о внутренних основаниях этнической культуры и глубинных причинах межэтнических конфликтов. На наш взгляд, проблема в том, что власти, поддерживая относительную стабильность в сфере отношений между разными этническими и религиозными группами, оказываются заложниками однобокого понимания самой сущности таких конфликтов. Расхожее представление о том, что в основе конфликтной ситуации лежит проявление экстремистских настроений отдельных личностей или социальных групп создает иллюзию того, что эту проблему можно решить, применяя жестокие полицейские меры или методы антитеррористических войсковых операций. Однако религиозный и этнический экстремизм – всего лишь верхушка айсберга, а увеличение количества актов жестокости и вандализма в межэтнических и межкультурных отношениях ясно указывает на системность проблемы.

Существует две теоретических модели, которые можно считать альтернативами мультикультурализму.

1. Концепция «плавильного котла» (melting pot) – наиболее давняя из ныне существующих, предполагает, что снятие межкультурных противоречий возможно через активное перемешивание культур, нивелирование расовых, этнических и конфессиональных различий. У В. Маяковского это называлось

¹ Данилевский Н. Я. Россия и Европа. – М.: Книга, 1991. – 574 с.

² Шпенглер О. Закат Западного мира. Очерки морфологии мировой истории. – в 2-х кн. – М.: Академический проект, 2009. – 1424 с.

³ Гумбольдт В. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человеческого рода. // Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1984. – С. 37–297.

«жить единым человеческим общежитием»⁴. Несмотря на некоторую архаичность, подход в явном или неявном виде продолжает применяться по всему миру. Самый наглядный результат применения этой модели в современных условиях: Соединенные Штаты Америки, для которых эта концепция в начале XX в. была предпочтительна. Первоначально речь шла лишь об ассимиляции вновь прибывших по усредненной англо-саксонской модели, в современных условиях можно говорить о процессе транскulturации: “It is proved by a theory of transculturation, formulated by Welsch (1999) which claims that modern cultures are in a big measure characterized by merging, permeation and hybridization. Therefore, exclusive cultures sink into oblivion” [24, p. 139]. («Это подтверждается теорией транскulturации В. Вельша (W. Welsch), который утверждает, что современные культуры находятся в большей мере в состоянии слияния, взаимопроникновения и гибридизации. Поэтому уникальные культуры – скорее прошлое, нежели настоящее» – перевод авторов).

В реальной жизни наряду с интеграционными процессами в обществе всегда присутствуют сепаратистские тенденции. Эти тренды и в обычных условиях способствуют дифференциации внутри единого культурного пространства, а в условиях взаимодействия различных культур могут привести к полной дезинтеграции социальной реальности. Так возникают этнические или религиозные гетто, анклав и прочие места компактного проживания различных меньшинств, в которых опасно появляться стороннему человеку [8; 12; 13; 16; 17].

2. Концепция «салатной чашки» (salad bowl) – более мягкий вариант межкультурного взаимодействия, в котором признается право на существование внутри большой социальной общности множества относительно автономных этнических, конфессиональных и иных сообществ. В этом случае взаимодействие социальных групп уподобляется взаимодействию продуктов в салатной чашке, где вкус всего блюда зависит от сочетания и совместимости всех ингредиентов. Гармония в обществе – результат взаимного сотрудничества и партнерства различных общин. Очевидно, что этот подход свободен от излишней прямолинейности предыдущего и действительно нацелен на достижение согласия через компромисс. В то же время и этот подход не может считаться универсальным, поскольку разработан с целью формирования оптимального соотношения этнических групп в ходе осознанно проводимой миграционной политики. На практике это оказывается возможным лишь в условиях массового целенаправленного заселения пустынных территорий, которых на данный момент на Земле не так много. Неудивительно, что модель получила популярность в Канаде и Австралии, где миграционные потоки регулируются властями. В условиях Европы или России такая продуманная политика заселения становится фикцией, поскольку здесь мы скорее сталкиваемся с последствиями массовых миграций, а не с реализацией некоторого плана: «...география миграционных связей не укладывается в простую схему, согласно которой интенсивность миграционных потоков и выбор страны иммиграции определяется ее социально-экономическими

⁴ Singer M. The Melting Pot: Symbolic Ritual or Total Social Fact? // Symbolizing America / Ed. Herve Verreene. Nebraska: University of Nebraska Press, 1986. – P. 97–118.

параметрами, существующей культурно-исторической (и/или этнолингвистической) общностью, а также удобством транспортного сообщения. Очень часто невозможно определить, что стало начальным толчком к формированию общин выходцев из той или иной страны (региона) мира. Иногда это действительно случайный (?) выбор группы иммигрантов, прослышавших о наличии где-то в Европе ранее не известной им «земли обетованной» [7, с. 83–84]. Поэтому вместо смешивания тщательно продуманных ингредиентов приходится сталкиваться с хаотичным нагромождением различных культур [1; 3; 9; 23; 26].

Как представляется, основным ограничением существующих моделей межкультурной коммуникации является слишком абстрактный, общий подход к культурам, являющимся субъектами взаимодействия. Необходимо отдавать себе отчет в том, что поле межкультурного взаимодействия всегда носит конкретный характер, поэтому выбор стратегии должен зависеть от условий формирования этого поля. Очевидно, что даже в первом приближении таких условий может быть выделено достаточно много.

– Американский вариант – заселение страны происходит почти одновременно различными этническими группами, коренное население большей частью физически уничтожено или ассимилировано. В связи с этим все этнические группировки находятся в относительно равном положении. Отказ от идеи нации как «плавильного котла» приводит к тому, что сосуществование крупных диаспор становится предметом некоторого неявного договора, где общие интересы государства объявляются преобладающими над частными интересами общин. Такая расстановка приоритетов позволяет поддерживать необходимую стабильность в обществе, по возможности не ущемляя интересов отдельных культур.

Некоторую проблему в рамках этой модели представляет инкорпорация в общество социальных групп, ранее занимавших подчиненное положение: афроамериканцев, индейцев, сохранивших традиционный уклад, латиноамериканцев. Эта проблема постепенно решается, хотя и не так быстро, как хотелось бы.

– Европейский вариант – сосуществование культур регулируется политическими границами, сложившимися в XIX–XX вв. (за исключением Балкан). Изменение ситуации связано с крушением мировой колониальной системы, когда жители колоний начинают переселяться на территорию бывших метрополий. Очевидно, что переселенцы занимают узкие социальные ниши, занимаясь тяжелым физическим трудом и иными малопrestiжными видами деятельности. Подобное разделение труда отражает объективные тенденции, но явно противоречит принципам равенства культур. Волна гражданского неповиновения последних лет, прокатившаяся по Европе, – это показатель того, что некоторая критическая точка в этом направлении уже пройдена.

– Российский вариант отчасти напоминает американский за тем исключением, что заселение Кавказа, Средней Азии и Сибири осуществлялось одной этнической группой (русскими), и при этом местный этнический субстрат оставался почти неизменным и даже пользовался определенной автономией. Объясняется это не столько высокой духовностью русского народа, сколько отсутствием достаточного человеческого ресурса для заселения столь обширных территорий. Подобная внутренняя практика характерна как для периода Российской империи, так и для Советской и постсоветской России [4; 5; 18]. Однако в постсоветский период на этот уже традиционный для России фон накладываются элементы европейской стратегии постколониализма, ко-

гда в Россию устремился сначала поток русских из бывших республик Советского Союза, а затем и гастарбайтеров, недавних наших соотечественников, бегущих от экономических и политических проблем своих независимых государств в бывшую метрополию.

Появление проекта «Нового Шелкового пути» сигнализирует нам о выходе на мировую арену четвертого – китайского – варианта. В китаецентристской модели этническая проблематика возможна лишь как проблематика обочины, окраины. Здесь китайцы действуют в традиционной для себя манере «слабого руководства варварами», демонстрируя прагматический подход к решению проблем межнационального и межкультурного взаимодействия. Строго говоря, сама идея этнического эссенциализма (в любой из его форм) китайцам довольно чужда. Собственно китайская идентичность даже не над-этнична, а вне-этнична и связана с географическими, центристскими понятиями. В то же время китайцы снисходительны к проявлениям этнического самосознания у представителей национальных меньшинств при условии сохранения лояльности по отношению к ханьскому гегемону [27]. Трудно ожидать, что в случае реализации

трансконтинентального проекта отношение Китая к партнерам будет принципиально отличаться от тысячелетнего архетипа. Символизируя возвращение Поднебесной на позиции если не мирового, то континентального лидера, «Новый Шелковый путь» одновременно указывает на переход от философии индивидуального человеческого духа к философии культурного ландшафта, от внутреннего пространства – к внешнему пространству.

Заключение

Авторы считают, что в условиях реализации трансконтинентальных проектов типа «Нового шелкового пути» место скомпрометировавшей себя модели мультикультурализма может занять китаецентристская модель межкультурного взаимодействия, оставляющая этническую составляющую культуры вне сферы внимания. Это в свою очередь приведет к потере интереса к этнической проблематике в социальных исследованиях. А значит характерная для европейской философской традиции связь гражданского согласия и благоденствия с построением диалога этнических культур рискует оказаться совершенно неустойчивой в условиях вызовов XXI в.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аксютин Ю. М., Тышта Е. В. Трансформации надэтнической идентичности в условиях становления российского федерализма: региональный аспект // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2013. – № 1-2. – С. 16–20.
2. Ананьева Е. П. Виды и формы функционирования мультикультурализма // Вестник Удмуртского университета. Серия «Философия. Психология. Педагогика». – 2016. – Т. 26, № 4. – С. 7–14.
3. Бельская Ю. В. Экономический человек в либеральном и неолиберальном направлениях экономической теории // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2015. – № 4 (179). – С. 244–249.
4. Борисова М. В. Город и проблема культурного многообразия: от мультикультурализма к интеркультурализму // Вестник российской нации. – 2013. – Т. 6, № 6 (32). – С. 119–129.
5. Борисова М. В. Теория и практики интеркультурализма в современном мире // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2014. – № 2 (44). – С. 367–374.

6. **Головко Н. В.** Неолиберальная концепция науки и эпистемическая модернизация // Сибирский философский журнал. – 2013. – Т. 11, № 2. – С. 24–29.
7. **Житин Д. В., Краснов А. И., Шендрик А. В.** Географические особенности миграционных связей Европы // Балтийский регион. – 2016. – Т. 8, № 3. – С. 75–92. DOI: <http://dx.doi.org/10.5922/2074-9848-2016-3-5>.
8. **Излученко Т. В.** Использование методов интерпретативной антропологии в исследовании исламского экстремизма // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. – 2017. – Т. 19. – С. 165–176.
9. **Крестьянова Л. С.** Межэтнические отношения и миграционные процессы на региональном уровне: проблемы и основные тенденции развития // Экономика региона. – 2016. – Т. 12, № 3. – С. 815–825. DOI: <http://dx.doi.org/10.17059/2016-3-17>
10. **Куropyтник А. И.** Мультикультурализм: идеология и политика социальной стабильности полиэтнических обществ // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2000. – Т. III, № 2. – С. 53–66.
11. **Куropyтник А. И., Куropyтник М. С.** Постмультикультурализм: некоторые подходы к изучению современных социальных и культурных процессов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. – 2017. – Т. 17, № 2. – С. 145–156. DOI: <http://dx.doi.org/10.22363/2313-2272-2017-17-2-145-156>
12. **Лялина А. В.** Опыт наднациональной политики интеграции мигрантов ЕС // Балтийский регион. – 2014. – № 2 (20). – С. 128–145. DOI: <http://dx.doi.org/10.5922/2074-9848-2014-2-8>
13. **Олейник В. И.** «Вертикальная» и «горизонтальная» исламизация Западной Европы в контексте миграционного кризиса // Власть. – 2016. – № 5. – С. 181–184.
14. **Федюнина С. М.** Толерантность в поликультурном обществе XXI века: миф или возможность сохранения цивилизации? // Вестник Поволжского института управления. – 2015. – № 2 (47). – С. 102–109.
15. **Хамидулин В. С.** Теоретические подходы к исследованию проблем инкорпорации иммигрантов в принимающее общество // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – 2016. – № 1 (35). – С. 49–60.
16. **Черняк А. В.** Политика мультикультурализма в Европе – опыт для России // PolitBook. – 2015. – № 2. – С. 133–148.
17. **Altweck L., Marshall T. C.** When You Have Lived in a Different Culture, Does Returning ‘Home’ Not Feel Like Home? Predictors of Psychological Readjustment to the Heritage Culture // PLOS ONE. – 2015. – № 10 (5). – P. e0124393. DOI: <http://dx.doi.org/10.1371/journal.pone.0124393>
18. **Anzhiganova L., Asochakova V., Topoeva M.** Ethno-confessional neotraditionalism in a globalized world: Search for basis of identification // Revista de Humanidades. – 2017. – Vol. 30. – P. 141–154. DOI: <http://dx.doi.org/10.5944/rdh.30.2017.18206>
19. **Bradley W.** Multiculturalism Beyond Culture: Notes On Leaving Race Behind. // Working Paper Series Studies on Multicultural Societies. – 2014. – № 29. – P. 1–18. URL: <http://afrasia.ryukoku.ac.jp/phase2/english/publication/index.html>
20. **Dellios R.** Silk Roads of the Twenty-first Century: The Cultural Dimension // Asia and the Pacific Policy Studies. – 2017. – Vol. 4, № 2. – P. 225–236. DOI: <http://dx.doi.org/10.1002/app5.172>
21. **Fleras A.** Moving positively beyond multiculturalism: Toward a post-multicultural governance of complex diversities in a diversifying Canada // Zeitschrift für Kanada-Studien / Ed. K. Sarkowsky, M. Thunert, D. G. Eibl. – 2015. – Vol. 35, Part 64. – P. 63–89. URL: <https://www.wissner.com/verlagsprogramm/sach-und-fachbuecher/kanadistik/zeitschrift-fuer-kanadastudien/zeitschrift-fur-kanada-studien-11-detail>

22. **Fleras A.** Multicultural Media in a Post-Multicultural Canada? Rethinking Integration // Global Media Journal. – 2015. – Vol. 8, № 2. – P. 25–47. URL: http://www.gmj.uottawa.ca/1502/v8i2_fleras.pdf
23. **Houston S. D., Morse Ch.** The Ordinary and Extraordinary: Producing Migrant Inclusion and Exclusion in US Sanctuary Movements // Studies in Social Justice. – 2017. – Vol. 11, № 1. – P. 27–47. DOI: <http://dx.doi.org/10.26522/ssj.v11i1.1081>
24. **Kulwicka-Kamińska J.** Culture as a distinctive feature of an ethnic group (based on the example of translated handwritten literature of Polish-Lithuanian Tatar) // Journal of Language and Cultural Education. – 2016. – Vol. 4 (2). – P. 138–152. DOI: <http://dx.doi.org/10.1515/jolace-2016-0021>
25. **Modood T.** Part three. The fault lines of multiculturalism: A rejoinder // Critical Social Policy. – 2014. – Vol. 34, Issue 1. – P. 135–139. DOI: <http://dx.doi.org/10.1177/0261018313501828>
26. **Safronov S.** Russian population ethnic structure: trends and transformations // Baltic region. – 2015. – № 3 (25). – P. 106–120. DOI: <http://dx.doi.org/10.5922/2079-8555-2015-3-9>
27. **Yang X.-l., Liu L., Shi Y.-y., Li Y.-s., Tan X., Hu X.-m., Sun X.-m.** The Relationship between Cultural Anxiety and Ethnic Essentialism: The Mediating Role of an Endorsement of Multicultural Ideology // PLOS ONE. – 2015. – Vol. 10 (11). – P. e0141875. DOI: <http://dx.doi.org/10.1371/journal.pone.0141875>

DOI: [10.15293/2226-3365.1801.10](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1801.10)

Marat Nikolaevich Chistanov, Doctor of Philosophical Sciences, Head of the Department of Philosophy and Culturology, Khakass State University, Abakan, Russian Federation.

ORCID ID: <http://orcid.org/0000-0001-9002-5604>

E-mail: maratchistanov@gmail.com

Svetlana Sergeevna Chistanova, Candidate of Culturology, Associate Professor of the Department of foreign languages and language teaching methods, Khakass State University, Abakan, Russian Federation.

ORCID ID: <http://orcid.org/0000-0003-1347-7302>

E-mail: totyschewa@mail.ru

Tatiana Maslova, Lecturer, University of North Georgia, Dahlonega, Georgia, United State of America.

ORCID ID: <http://orcid.org/0000-0002-0784-4906>

E-mail: Tatiana.Maslova@ung.edu

Ivan Sergeevich Kudryashov, Candidate of Philosophical Sciences, Senior Lecturer of the Department of Gnoseology and History of Philosophy, Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russian Federation.

ORCID ID: <http://orcid.org/0000-0001-8491-7104>

E-mail: ioann1983@yandex.ru

Problem of developing new theoretical models of cross-cultural interaction in the context of implementation of *The new silk road* initiative

Abstract

Introduction. The authors identify difficulties in implementation of multiculturalism policy and reveal weak points in ethnic-cultural identity models dominating in social researches over the last several decades but along with it possible theoretical restrictions of the alternative models of cross-cultural interaction constructed on other ontological principles.

Materials and Methods. The research is based on the ideas of new post-multicultural approach to the analysis of the interaction of cultures realizing descriptive, explanatory and predictive functions of social knowledge on the basis of methodology of systemic, activity and cultural- historical approaches in modern conditions. The methodical base of the research consists in methods of phenomenological description, interpretation, comparison, and comparative analysis of works by Russian and Foreign researchers in the sphere of ethnic-cultural identity and interactions.

Results. The authors analyze evolution of ideas of ethnic identity nature and ways of settling inter-ethnic and inter-confessional conflicts. In the conditions of crisis of the idea of multiculturalism it is possible to consider the alternative models of cross-cultural interaction: concepts of 'melting pot' and 'salad bowl', and also their shortcomings and restrictions. The authors reveal that the concept of geographical determinism, which has been considered as outdate, unexpectedly becomes relevant for understanding the mechanisms of cross-cultural and interfaith interaction in modern conditions.

Conclusions. The authors emphasize that within the context of implementation of such transcontinental initiatives as "The New Silk road" the China-centrist model of cross-cultural

interaction could take the place of the multiculturalism model which has compromised itself. This new model leaves an ethnic component of culture out of the sphere of its attention. In conditions of changing paradigms of cross-cultural interaction, dependence of civil harmony and wellbeing on creation of dialogue of ethnic cultures, which is traditional for European philosophy, risks to become absolutely unclaimed.

Keywords

Multiculturalism; Post-multiculturalism; Globalization; Ethnic identity; Cultural identity; Cross-cultural interaction; Geographical determinism; Cultural landscape; New Silk Road.

Acknowledgements

The reported study was supported by the Ministry of Education and Science of the Russian Federation under Russian Academic Excellence Project 5-100 (Novosibirsk State University, Center for Analysis of Integration Processes in Contemporary Eurasia)

REFERENCES

1. Aksyutin Y. M., Tyshta E. V. Transformations of Supra-Ethnic Identity under Conditions of Russian Federalism Formation: Regional Aspect. *Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice*, 2013, no. 1-2, pp. 16–20. (In Russian). URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=20796673>
2. Anan'eva E. P. Types and Forms of Functioning of Multiculturalism. *Bulletin of Udmurt University. Series Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2016, vol. 26, no. 4, pp. 7–14. (In Russian) URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27673768>
3. Belskaya Yu. V. Economic Man in the Liberal and Neo-Liberal Economic Theory. *Bulletin of Orenburg State University*, 2015, no. 4, pp. 244–249. (In Russian). URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=24097629>
4. Borisova M. V. City and problem of cultural diversity: from multiculturalism to inter-culturalism. *Bulletin of Russian Nation*, 2013, vol. 6, no. 6, pp. 119–129. (In Russian). URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=20900836>
5. Borisova M. V. Theory and Practice of Interculturalism in the Modern World. *Journal of Historical, Philological and Cultural Studies*, 2014, no. 2, pp. 367–374. (In Russian). URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=22591906>
6. Golovko N. V. Neoliberal Conception of Science and Epistemic Modernization. *Siberian Journal of Philosophy*, 2013, vol. 11, no. 2, pp. 24–29. (In Russian). URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=19120025>
7. Zhitin D., Krasnov A., Shendrik A. Geography of European Migration. *Baltic Region*, 2016, vol. 8, no. 3, pp. 75–92. (In Russian) DOI: <http://dx.doi.org/10.5922/2074-9848-2016-3-5> URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26683139>
8. Izluchenko T. V. Use of Methods of Symbolic Anthropology in the Study of Islamic Extremism. *Bulletin of Irkutsk State University. Series Political Science and Religion Studies*, 2017, vol. 19, pp. 165–176. (In Russian). URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=28147660>
9. Krestyanova L. S. Interethnic Relationships and Migration Process at the Regional Level: Problems and Main Trends of Development. *Economy of Region*, 2016, vol. 12, no. 3, pp. 815–825. (In Russian) DOI: <http://dx.doi.org/10.17059/2016-3-17> URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26570501>

10. Kuropjatnik A. Multiculturalism: Ideology and Politics of the Social Stability in the Polyethnic Societies. *Journal of Sociology and Social Anthropology*, 2000, vol. III, no. 2, pp. 53–66. (In Russian) URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=17231937>
11. Kuropjatnik A. I., Kuropjatnik M. S. Postmulticulturalism: Some approaches to the study of contemporary social and cultural processes. *RUDN Journal of Sociology*, 2017, vol. 17, no. 2, pp. 145–156. (In Russian) DOI: <http://dx.doi.org/10.22363/2313-2272-2017-17-2-145-156> URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=28998072>
12. Lyalina A. Supranational Policy of Migrant Integration in the EU. *Baltic Region*, 2014, no. 2, pp. 128–145. (In Russian) DOI: <http://dx.doi.org/10.5922/2074-9848-2014-2-8> URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21617568>
13. Oleinik V. I. The Vertical and Horizontal Islamization of Western Europe in the Context of Migration Crisis. *Vlast' (The Authority)*, 2016, no. 5, pp. 181–184. (In Russian) URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26113892>
14. Fedyunina S. M. Tolerance in a Multicultural Society of the XXI Century: Myth or Condition for the Survival of Civilization?. *Bulletin of the Volga Region Institute of Administration*, 2015, no. 2, pp. 102–109. (In Russian) URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23273555>
15. Khamidulin V. S. Theoretical perspectives in immigrant incorporation research. *Humanities Research in the Russian Far East*, 2016, no. 1, pp. 49–60. (In Russian) URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25817352>
16. Chernyak A. Policy of Multiculturalism European Experience for Russia. *PolitBook*, 2015, no. 2, pp. 133–148. (In Russian) URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23828292>
17. Altweck L., Marshall T. C. When You Have Lived in a Different Culture, Does Returning ‘Home’ Not Feel Like Home? Predictors of Psychological Readjustment to the Heritage Culture. *PLOS ONE*, 2015, no. 10 (5), pp. e0124393. DOI: <http://dx.doi.org/10.1371/journal.pone.0124393>
18. Anzhiganova L., Asochakova V., Topoeva M. Ethno-confessional neotraditionalism in a globalized world: Search for basis of identification. *Revista de Humanidades*, 2017, vol. 30, pp. 141–154. DOI: <http://dx.doi.org/10.5944/rdh.30.2017.18206>
19. Bradley W. Multiculturalism Beyond Culture: Notes On Leaving Race Behind. *Working Paper Series Studies on Multicultural Societies*, 2014, no. 29, pp. 1–18. URL: <http://afrasia.ryukoku.ac.jp/phase2/english/publication/index.html>
20. Dellios R. Silk Roads of the Twenty-first Century: The Cultural Dimension. *Asia & the Pacific Policy Studies*, 2017, vol. 4, no. 2, pp. 225–236. DOI: <http://dx.doi.org/10.1002/app5.172>
21. Fleras A. Moving positively beyond multiculturalism: Toward a post-multicultural governance of complex diversities in a diversifying Canada. *Zeitschrift für Kanada-Studien*. Eds K. Sarkowsky, M. Thunert, D. G. Eibl. 2015, vol. 35, part 64, pp. 63–89. URL: <https://www.wissner.com/verlagsprogramm/sach-und-fachbuecher/kanadistik/zeitschrift-fuer-kanadastudien/zeitschrift-fur-kanada-studien-11-detail>
22. Fleras A. Multicultural Media in a Post-Multicultural Canada? Rethinking Integration. *Global Media Journal*, 2015, vol. 8, no. 2, pp. 25–47. URL: http://www.gmj.uottawa.ca/1502/v8i2_fleras.pdf
23. Houston S. D., Morse Ch. The Ordinary and Extraordinary: Producing Migrant Inclusion and Exclusion in US Sanctuary Movements. *Studies in Social Justice*, 2017, vol. 11, no. 1, pp. 27–47. DOI: <http://dx.doi.org/10.26522/ssj.v11i1.1081>
24. Kulwicka-Kamińska J. Culture as a distinctive feature of an ethnic group (based on the example of translated handwritten literature of Polish-Lithuanian Tatar). *Journal of Language and Cultural Education*, 2016, vol. 4 (2), pp. 138–152. DOI: <http://dx.doi.org/10.1515/jolace-2016-0021>

25. Modood T. Part three. The fault lines of multiculturalism: A rejoinder. *Critical Social Policy*, 2014, no. 34, issue 1, pp. 135–139. DOI: <http://dx.doi.org/10.1177/0261018313501828>
26. Safronov S. Russian population ethnic structure: trends and transformations. *Baltic Region*, 2015, no. 3 (25), pp. 106–120. DOI: <http://dx.doi.org/10.5922/2079-8555-2015-3-9>
27. Yang X.-l., Liu L., Shi Y.-y., Li Y.-s., Tan X., Hu X.-m., Sun X.-m. The Relationship between Cultural Anxiety and Ethnic Essentialism: The Mediating Role of an Endorsement of Multicultural Ideology. *PLOS ONE*, 2015, vol. 10 (11), pp. e0141875. DOI: <http://dx.doi.org/10.1371/journal.pone.0141875>

Submitted: 18 November 2017 Accepted: 09 January 2018 Published: 28 February 2018

This is an open access article distributed under the [Creative Commons Attribution License](#) which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work is properly cited. (CC BY 4.0).

© Н. С. Розов

DOI: [10.15293/2226-3365.1801.11](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1801.11)

УДК 911.3:32

КИТАЙСКИЙ ПРОЕКТ «ОДИН ПОЯС – ОДИН ПУТЬ» В КОНТЕКСТЕ ПАРАДИГМ ИСТОРИЧЕСКОЙ МАКРОСОЦИОЛОГИИ*

Н. С. Розов (Новосибирск, Россия)

Проблема и цель. Возможности и следствия заявленного Китаем проекта «Один пояс – один путь» являются крайне неопределенными. Целесообразно рассмотреть проект через призму наиболее релевантных макросоциологических парадигм.

Методология. Идея китайского проекта и сведения о начале его реализации сопоставляются с основными понятиями, моделями, схемами макросоциологических парадигм, позволяющих выявлять вероятные направления динамики и потенциальные локусы напряжений.

Результаты. Понятийные средства каждой парадигмы позволили указать на вероятные причины и локусы напряжений, конфликтов, к которым может привести реализация столь грандиозного проекта, несмотря на широко заявленные благие намерения. Для теоретического анализа использованы такие макросоциологические парадигмы, как реализм и идеализм в теории международных отношений, модель геополитических циклов в пространстве измерений «спрос на порядок/предложение порядка» (Дж. Модельски), базовые принципы геополитической динамики, в частности, факторы экспансии территориального контроля и чрезмерное расширение (Р. Коллинз), геополитическая концепция цивилизаций, трактующая механизмы и закономерности взаимодействия «твердых платформ» и «лимитрофов» (В. Цымбурский), миросистемный анализ (А. Г. Франк, И. Валлерстайн, Дж. Арриги, Кр. Чейз-Данн), факторы миграций и территориальная динамика.

Заключение. Выявленные напряжения могут стать факторами роста социальной нестабильности вплоть до социально-политических кризисов и революций. Здесь нет фатальности, но есть риски и необходимость отслеживать геополитические и геоэкономические сдвиги, миграционные и демографические процессы как следствия реализации проекта.

Ключевые слова: новый шелковый путь; Китай; транспортная интеграция Евразии; экономическая интеграция; транспортная интеграция; геополитика; геоэкономика; миросистемный анализ; международные отношения; политический реализм.

*Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки РФ по Проекту «Повышение конкурентоспособности ведущих российских университетов среди ведущих мировых научно-образовательных центров (5-100)» в рамках комплексного плана исследований Центра анализа и прогнозирования интеграционных процессов современной Евразии ИФП НГУ в 2017 г.

Розов Николай Сергеевич – доктор философских наук, профессор, Институт философии и права Сибирского отделения Российской Академии наук, главный научный сотрудник, Лаборатория анализа и прогнозирования интеграционных процессов современной Евразии, Новосибирский государственный университет, ведущий научный сотрудник, кафедра международных отношений и регионоведения, Новосибирский государственный технический университет, профессор.

E-mail: nrozov@gmail.com

Постановка проблемы

Со времени начального заявления проекта (2013 г.), позже получившего название «Один пояс – один путь», прошло уже несколько лет. По-прежнему сохраняется высокая неопределенность в отношении его успеха, а также следствий для развития включенных в проект стран и всего крупнейшего мирового континента – Евразии. Это неопределенность обуславливают не только дефицит данных о финансовых, политических, экономических, технологических, силовых деталях планирования и организации отдельных этапов и компонентов проекта, но также отсутствие ясности в действительных интересах самого Китая, России, Индии, Турции, Ирана, Пакистана, других крупных государств Азии, а также Европейского союза и США. Проблематичны будущие ответы на вызовы проекта со стороны вовлеченных и не вовлеченных в него обществ с учетом множества областей конфликтов и напряженностей на континенте.

Несмотря на обилие научных (десятки) и публицистических работ (сотни) ход осуществления и перспективы проекта «Один пояс – один путь» остаются весьма неясными. Специалистами обсуждаются возможности и ограничения построения нового международ-

ного порядка в Азии [1; 23], вероятные следствия реализации проекта, угрозы или перспективы включения в проект для крупных держав: Индии и соседних стран Южной Азии [3; 4; 6], Центральной Азии [21], Японии и Кореи [22], России¹ [15; 17], США [15]². Есть интересный анализ новых внешних стратегий Китая [16–18; 21], положения его финансовой системы [16], изменений в китайском морском праве в связи с масштабными транспортными проектами [27], ценностных сдвигов в публицистике и в сознании современных китайцев [12], меняющихся представления о Китае в России [11], отношений этих стран, складывающихся в XXI в. [24]. Не менее значимыми для целей нашей работы являются общие исследования истории Евразии [9], геополитические³ [10; 14; 21–23] и геоэкономические модели [2; 10], системные представления об исторических процессах⁴ [6; 10], анализ демографических, миграционных закономерностей, их связи с социально-политическими напряжениями, в том числе, трансграничными [5; 8], риски, связанные с новыми потенциальными маршрутами для наркотрафика [25; 26]; наконец, методологические идеи и разработки в сфере социально-исторического познания⁵.

¹ Лузянин С. Г. КНР: внешнеполитический транзит. Обновление теории и практики // Полис. Политические исследования. – 2013. – Т. 6. – С. 97–107. URL: <http://www.politstudies.ru/article/4783>

² Bandow D. One Belt, One Road: Why Trump should get behind China's economic growth plan // National Interest. – 2017. – Vol. 12. URL: <http://nationalinterest.org/blog/the-skeptics/one-belt-one-road-why-trump-should-get-behind-chinas-21126?page=show>; Khalilzad Z. The Case for Congagement with China // National Interest. – 2017. – July-August. URL: <http://nationalinterest.org/feature/the-case-congagement-china-21232?page=show>; Miller Ch. One Belt, One Road, One Bluff // American Interest. – 2017. –

May 23. URL: <https://www.the-american-interest.com/2017/05/23/one-belt-one-road-one-bluff>.

³ Коллинз Р. Макроистория. Очерки социологии большой длительности. – М.: УРСС, 2015. – 499 с.

⁴ Wallerstein I. World-systems analysis // Social Theory Today / Ed. by A. Giddens, J. H. Turner. – Stanford, California: Stanford University Press, 1988. – P. 309–325. URL: <http://mills-soc116.wdfiles.com/local-files/soc116:samplers-secondary-sources/Giddens%20Turner%20347-383.pdf>.

⁵ Little D. On the scope and limits of generalizations in the social sciences // Synthese. – 1993. – Vol. 97, Issue 2. – P. 183–207. URL: <https://link.springer.com/article/10.1007%2F001064114?LI=true>

Методология

Подход данной работы состоит в помещении проекта «Один пояс – один путь», сведений о релевантных аспектах развития современного Китая [18–21] и о самом проекте [1; 3; 7; 13; 21] в рамки, понятийные каркасы наиболее релевантных макросоциологических парадигм, представленных, в частности, в работах [2; 5; 7; 9; 10; 19], для широкого осмысления происходящего, указания на точки и параметры фокусирования внимания.

Результаты исследования

РЕАЛИЗМ И ИДЕАЛИЗМ В ТЕОРИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Долгая битва между реализмом и идеализмом в теории международных отношений, кажется, уже завершилась или, по крайней мере, близка к завершению. Почти не осталось представителей крайних, полярных позиций, кто полностью отрицал бы роль идей, ценностей, принципов, или роль экономических, геополитических, престижных интересов во взаимодействии и общении между государствами. Здравая синтетическая позиция состоит в том, что в каждой ситуации, в каждом взаимодействии потенциально фигурируют оба аспекта – идеалистические и реалистические, хотя доля и значение их разнятся в широких пределах [10; 14]. Поэтому идеализм и реализм здесь выступают не как отрицающие друг друга антагонистические взгляды, а как взаимодопол-

нительные точки зрения, позволяющие получить целостную, «стереоскопическую» картину происходящего.

Сам проект в речах китайского лидера Си Цзиньпина, посла в России Ли Хуэя, в официальных китайских документах, в том числе партийных, подается сугубо в идеалистическом ключе [1; 4; 14; 15]. Здесь фигурируют «путь взаимопонимания», «прекрасные далекие края, где царят счастье, спокойствие и гармония», «традиционные дружественные связи с соседями», «преимущества сотрудничества и устойчивого роста», «расширение пространства для развития», «политическое взаимодействие», «экономическая интеграция», «культурная толерантность», «пробуждение чувства общей судьбы» и т. д.⁶

Нет особых причин сомневаться в искренности добрых намерений зачинателей проекта «Один пояс – один путь». Также нет сомнений в том, что сам проект направлен прежде всего на экономическую, технологическую и культурную экспансию китайского могущества в Евразии [1; 3; 4; 6], что предполагает также новые возможности доставки грузов (логистика)⁷, расселения китайцев (демография) и распространения китайской военной силы (геополитика). Учтем также, что новые дороги, призванные возить товары и пассажиров, всегда облегчают и многократно удешевляют переброску войск. Те места, которые раньше были затрудненными для проникновения, становятся уязвимыми.

⁶ Академик Н. Моисеев и автор этих строк более 20 лет назад предлагали схожие проекты по связыванию Восточной и Юго-Восточной Азии с Западной Европой, но по территории России [20]. Следует признать, что не только смелее и масштабнее, но также гораздо солиднее обеспечен и в каком-то виде будет реализован, в отличие от упущенной Россией возможности.

⁷ «Фактически в концепцию Нового “шелкового пути” механически вложена задача, которую правители

страны пытаются решить на протяжении последних полутора сотен лет: обеспечить провинциям Хэйлунцзян и Цилинь, а также Внутренней Монголии выход к портам Японского моря. Закономерно, что власти этих приграничных с Россией территорий пытаются аккуратно внедрить идею о приграничном взаимодействии с РФ в грандиозный проект евразийской экономической интеграции “Один пояс – один путь”» [13, с. 74].

Это не означает роста одностороннего преимущества только Китая. Сквозные дороги, пересекающие континент, дают возможности распространения могущества каждой крупной державе. В проигрыше оказываются близкие к новым путям малые государства, которые раньше были защищены недоступностью. При этом окраинные этнические провинции с сепаратистскими настроениями могут получить новый импульс для своей борьбы, поскольку дороги дают новые возможности для внешней поддержки, в том числе, для поставок оружия.

Не следует закрывать глаза также на такой печальный аспект как наркотрафик. Центральная Азия, наряду с севером Южной Америки, является главным мировым регионом производства наркотиков, в том числе, тяжелых. Наивно было бы надеяться, что новыми транспортными возможностями не захотят воспользоваться международные подпольные синдикаты, производящие и перевозящие дорогое и смертоносное зелье [25; 26]. Устрожение контроля грузов всегда затратное, занимает много времени, что ставит под вопрос выгоды от высокоскоростного транспорта.

С учетом крайне жесткого неприятия распространения наркотиков со стороны Китая, следует ожидать политического и силового давления на те страны и территории, где наркотики производятся. Разовые акции в этой сфере бесполезны. Контроль могут обеспечить только силовые контингенты, расположенные в проблемной местности на постоянной основе, т. е. имеющие свои базы и систематическое снабжение. Понятно, что любые силы, введенные для одной цели, вполне могут использоваться для самых разных иных целей, что означает рост тревог и геополитических напряжений.

В конце концов, ключ к пониманию и разрешению проблем реалистской парадигмы лежит за ее пределами – в сфере принципов

международного сотрудничества. Много будет зависеть от способности наиболее крупных и сильных держав Евразии (прежде всего, Китая, России, Индии, Ирана, Турции, ЕС) установить порядок обсуждения и снятия напряжений и опасений, которые неизбежно будут возникать в процессе реализации проекта.

СПРОС НА ПОРЯДОК И ПРЕДЛОЖЕНИЕ ПОРЯДКА

Эта остроумная модель, предложенная Дж. Модельски, позволяет структурировать динамику роста и упадка гегемоний, лидерства, связанных с ними систем безопасности [10].

Спрос на порядок остается низким при долгом мирном периоде, когда траты на безопасность (собственную обороноспособность или взносы в фонды защищающей коалиции, ее лидера) представляются излишними. Спрос на порядок растет при возобновлении конфликтов и войн, обычно ведет к росту *предложения порядка* – установления системы безопасности с лидерством или гегемонией сильнейшей державы. Рано или поздно эта система переживает *делегитимацию*, спрос на порядок падает, происходит *деконцентрация* силы, предложение сокращается, появляются новые *державы-претенденты* (challengers), провоцирующие новые конфликты и войны, после чего цикл повторяется (рис.).

Модель превосходно описывает циклы европейской политики с XVI по XIX вв., а также мировой политики с участием США в XX в. К геополитике Евразии данная схема до сих пор не применялась и не случайно. Главные события здесь всегда происходили в больших окраинных регионах Евразии: в Европе, на Ближнем и Среднем Востоке, на Дальнем Востоке и в Юго-Восточной Азии. Они же всегда были частью геополитической динамики с

участием великих европейских держав (включая Россию – СССР), а также США, Турции и Японии [9–11]. Грандиозный проект «Один пояс – один путь», призванный объединить транспортными, экономическими и культур-

ными связями великий континент, также неизбежно будет формировать единое геополитическое пространство Евразии. Значит, динамика спроса на порядок и предложения порядка будет уже не только региональной, но и панъевразийской.

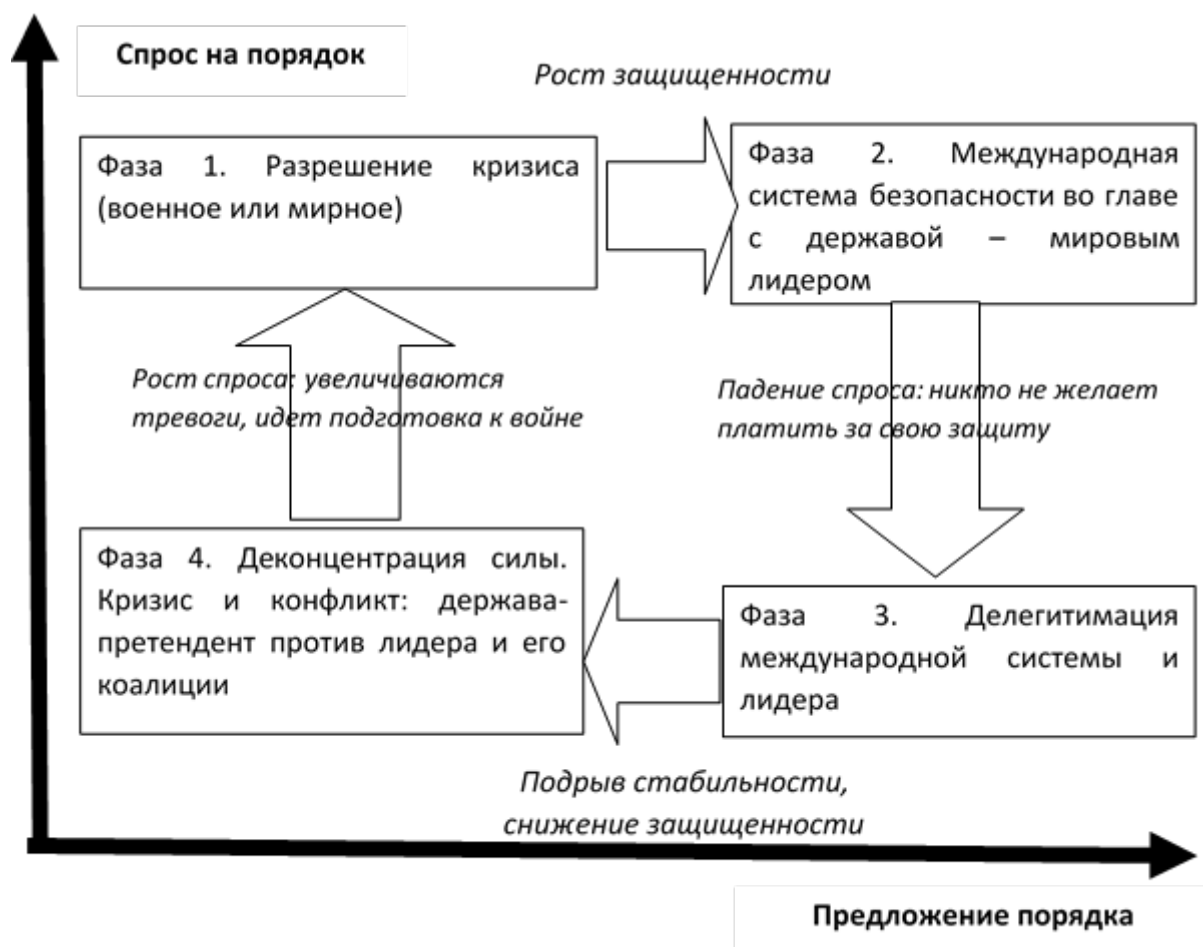

Рис. Циклическая модель ослабления, разрушения и восстановления систем и порядков безопасности

Fig. Cyclic model of weakening, destruction and restoration of systems and safety procedures

Будем исходить из наиболее благоприятного сценария реализации грандиозного китайского проекта евразийской интеграции: никаких серьезных конфликтов и напряжений не возникнет, скоростные поезда будут насквозь пересекать континент, вокруг дорог и транспортных узлов начнется экономический и социальный рост.

Вряд ли можно будет даже в таком случае говорить о единой для Евразии системе безопасности: в Европе продолжит доминировать НАТО, возможно с усилением самостоятельной мощи Евросоюза, на севере – Россия, на Ближнем и Среднем Востоке продолжится конфликтное противостояние Израиля и с му-

сультманским окружением, с Саудовской Аравией и Ираном при попытках Турции увеличить свое влияние. США будут по-прежнему оказывать поддержку Японии и Южной Корее, на Юге, как и раньше, будут доминировать Индия с Пакистаном. Сомнительно, чтобы важнейшие для мировой торговли восточные и южные моря, омывающие Азию, а также Средиземноморье, остались вне пристального внимания Америки и ее готовности применить могущество своих военно-морских, военно-воздушных и космических сил.

При успешной реализации проекта китайское влияние распространится, прежде всего, на внутренние регионы Евразии: Монголию, Непал, Бутан, Лаос, Афганистан, Пакистан, Узбекистан, Таджикистан, Казахстан, Кыргызстан, Туркменистан, вплоть до Азербайджана, Армении, Грузии. Экономическое, технологическое и социальное, демографическое проникновение Китая по всем линиям строящихся коммуникаций непременно будет сопровождаться и расширением китайского могущества, особенно в регионы с разреженным населением, ранее труднодоступные и находящиеся на периферии внимания крупных держав. Таковы Восточная Сибирь, Памир, Гималаи, горные и пустынные районы государств Средней Азии. Развивая южный морской путь как важную часть проекта, Китай будет стремиться нарастить свою долю в морских перевозках, а значит, будет существенно вкладываться в безопасность морских путей, препятствуя росту пиратства. В этой сфере столкнутся интересы США, Индии, Китая, Южной Кореи, Индонезии, мусульманских государств Залива. При благоприятном сценарии некий консенсус будет достигнут, но при существенно выросшем китайском влиянии.

Согласно данной модели долгий мир приводит к делегитимации системы безопасности и лидерства. Бурное развитие ранее отсталых регионов вовсе не обязано всех радовать. Ресентимент почувствуют, прежде всего, правители и элиты авторитарных государств, когда рядом будет идти интенсивный экономический и технологический рост, нивелирующий их прежние авторитет и влияние.

Кроме того, возникнут как воображаемые, так и реальные угрозы национальным суверенитетам. Развитие коммуникаций, торговли, культурных обменов также всегда бросает вызов традиционным культурным формам, особенно в сфере религии, положения женщин, моральных норм, образа жизни, культурного потребления [5].

Трудно сказать, кто возьмет на себя роль главного *челленджера* (державы-претендента), скорее, следует ожидать множества очаговых вызовов и конфликтов. Как и прежде, первыми претендентами на роль челленджера являются идеократические исламистские государства, а также сети фундаменталистского ислама. При дальнейшем развитии авторитарных тенденций в таких странах, как Турция, Россия, Пакистан, Иран, они также могут инициировать и поддерживать конфликты, благодаря которым утверждать свои интересы и приоритеты.

Ту же модель можно повернуть и иным образом. Если считать наше время продолжением эпохи Вашингтонско-Брюссельского консенсуса, то США в альянсе с Канадой, Великобританией и ЕС (НАТО), а также Японией, сохраняют глобальное лидерство, вызов которому, пусть и мирный, бросает Китай со своим амбициозным проектом евразийской интеграции⁸. Многое будет зависеть от отно-

⁸ Bandow D. One Belt, One Road: Why Trump should get behind China's economic growth plan // National Inter-

est. – 2017. – Vol. 12. URL: <http://nationalinterest.org/blog/the-skeptics/one-belt-one-road-why-trump-should-get-behind-chinas-21126?page=show>

шения Америки, ее крупнейших транснациональных компаний к проекту «Один пояс – один путь», а также от того, насколько благоприятные условия предоставит им Китай для проникновения в недра Евразии.

При положительном ответе китаизация будет идти рука об руку с американизацией⁹, которая обычно сопровождается известными напряжениями, особенно в странах Ислама. При отрицательном ответе США будут воспринимать китайский проект как враждебный и активизировать противостоящие ему силы, что вновь чревато напряжениями и конфликтами¹⁰.

Сильный довод в пользу морального и политического прогресса на планете состоит в том, что глобальная «горячая» война с середины XX в. уже не стала необходимым способом разрешения накопивших дисбалансов и конфликтных отношений [9; 10]. Однако до сих пор нет и надежных способов, структур, институтов, обеспечивающих устойчивое разрешение международных конфликтов. Бесконечные двусторонние и многосторонние переговоры могут снижать интенсивность конфликтов, замораживать их, но не разрешают их. Прорывом было бы учреждение системы международных судов, подкрепленных авторитетом и мощью крупнейших и сильнейших держав Евразии, однако непонятно, когда правители и элиты дозреют до решений такого рода.

ПРИНЦИПЫ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ ДИНАМИКИ: ЭКСПАНСИЯ И СВЕРХРАСШИРЕНИЕ

Перечислим наиболее релевантные для нашей задачи принципы.

1. Более населенные и богатые государства имеют тенденцию расширяться мирным

или военным путем за счет менее населенных и бедных соседей.

2. Центральные государства с большой долей опасных границ склонны к распаду, потере провинций, которые присоединяют окраинные государства, имеющие преимущественно безопасные границы.

3. Государства, теряющие суверенитет и престиж на внешней арене, теряют также внутреннюю легитимность, что усиливает сепаратистские настроения потенциально мятежных провинций. Последние становятся также склонны к *ирредентизму* – присоединению к более могущественным и престижным соседям.

4. Чрезмерно расширившиеся государства склонны к распаду, поскольку несут слишком большие издержки по доставке военной силы в свои отдаленные провинции, народы которых испытывают все большее отчуждение к такому государству и стремятся к отделению от него.

Собственно, сам проект представляет собой мягкую мирную версию реализации первого принципа. Населенный и богатый Китай расширяет свои дороги, коммуникации, экономическую и политическую активность, влияние на более бедные и менее населенные территории. Здесь пока нет речи о переделке границ и захвате территорий. Такая опасность возникает только вместе с социально-политическим кризисом бедного и малонаселенного государства, особенно когда обстоятельства складываются так, что начинают действовать также второй (распад центральных государств), третий (утрача суверенитета, престижа,

⁹ Khalilzad Z. The Case for Congagement with China // National Interest. – 2017. – July-August. URL: <http://nationalinterest.org/feature/the-case-congagement-china-21232?page=show>

¹⁰ Miller Ch. One Belt, One Road, One Bluff // American Interest. – 2017. – May 23. URL: <https://www.the-american-interest.com/2017/05/23/one-belt-one-road-one-bluff/>

иррендентизм провинций) и четвертый (эффекты сверхрасширения) принципы.

Следует отметить, что проблемы с внутренним престижем придется испытать всем участникам проекта, разве что за исключением самого Китая и стран ЕС. Связанность международными договорами как необходимая составляющая проекта всегда в какой-то мере ограничивает суверенитет государств. Многие государства внутренней Азии являются центральными – от Монголии до Азербайджана и Армении. Однако при росте китайского присутствия в южных морях, даже открытые к морю страны, такие как Южная Корея, Вьетнам, Камбоджа, Таиланд, Малайзия, Сингапур, Индонезия, Филиппины, Бангладеш, Мьянма, Индия, Пакистан, Иран обретают свойства центральных государств.

Каковы риски сверхрасширения для самого Китая? Они прямо зависят от того, насколько гибкой и разумной будет его политика в обеспечении защиты своих интересов, которые потенциально расширятся на значительную часть континента. Попытки ввязываться в тлеющие конфликты и горячие точки (Кашмир, Афганистан, Южный Кыргызстан, Карабах, Сирия, Йемен), а также создание баз китайского военного присутствия для защиты морских и сухопутных путей, транспортных узлов, зон особых интересов и инвестирования могут оказаться чрезмерно затратными даже для такой богатой страны, как Китай¹¹.

Судя по лозунгам и ныне реализуемой политике проекта, стратегия будет более разумной и гибкой, с опорой, прежде всего, на местные силы и межгосударственные договоры. При таком подходе опасность сверхрасширения уже не грозит Китаю, но оборотной

стороной такого преимущества является гораздо более низкая надежность обеспечения безопасности его вложений¹².

ПЛАТФОРМЫ И ЛИМИТРОФЫ

Концепция «твердых платформ» и «лимитрофов» Вадима Цымбурского существенно развивает упрощенную модель «столкновения цивилизаций» Хантингтона. Под «платформами» Цымбурский понимал крупные державы, обладающие одновременно единой историко-культурной идентичностью и значительной военной силой, способной распространяться за пределы национальных границ.

В Евразии такими платформами являются Европейский союз, Россия, Турция, Иран, Саудовская Аравия, Пакистан, Индия, Китай. Зону лимитрофа образуют малые государства и народы, примыкающие то к одной, то к другой платформе, а также окраины крупных держав, имеющие этнокультурную специфику и ослабленную солидарность со своим хартлендом.

Платформы обычно располагаются на обширных плодородных равнинах, тогда как к лимитрофам относятся большей частью горные и пустынные местности, либо промежутки между горными кряжами. Как правило, именно такие районы не охвачены сетью дорог.

Проект «Один пояс – один путь» во многом направлен, таким образом, на соединение платформ между собой посредством «прорезания» дорогами лимитрофных территорий. Соответственно, импульс социального, экономического, технологического развития при реализации проекта должны получить, прежде всего, государства и народы лимитрофов.

¹¹ Большая китайская игра: Путь к империи. Forexpf.ru по материалам The Financial Times, 14.10.2015. URL: <http://www.inozpress.kg/news/view/id/47113>

¹² Miller Ch. One Belt, One Road, One Bluff // American Interest. – 2017. – May 23. URL: <https://www.the-american-interest.com/2017/05/23/one-belt-one-road-one-bluff/>

Здесь следует учитывать, что каждая платформа, естественным образом, считает окружающий ее лимитроф своей законной зоной влияния. Развитие и рост самостоятельности лимитрофа всегда представляет собой вызов для платформы. Но ослабление и усиление платформы также является вызовом для самих народов лимитрофа. Как отвечают они на такие вызовы?

Так, при ослаблении России как платформы в конце XX в. типовыми ответами были такие:

- примкнуть к иной платформе, если мала опасность подчинения с ее стороны, культурной ассимиляции, а также имеется высокий геокультурный престиж новой платформы (Прибалтика, страны Центральной Европы, Грузия, с 2014 г. – Украина);

- лавировать, получая выгоду от обеих платформ, если платформа отдалена, есть большие внутренние и внешние препятствия присоединения (Украина до 2014 г., Азербайджан, страны Средней Азии);

- пытаться выстроить свою «ось» (Польша).

Вызовы усиления платформы (например, России, Турции, объединенной Европы или Китая) приводят к иным ответам:

- присоединиться, если есть конфессиональное, культурное родство, геокультурный престиж платформы и мала опасность ассимиляции (присоединение Грузии и Армении к России в нач. XIX в.);

- если высока опасность подчинения, то искать защиты у чужой платформы, или выстраивать свою идентичность (ламаизм монголов против китайской экспансии).

Нет сомнений, что страны лимитрофа, вошедшие в проект, попадут под большее влияние Китая, причем, не только экономическое, но также геокультурное и геополитическое. Для Кремля особенно болезненным является вопрос внешнеполитической ориентации стран Средней Азии.

Как пишет К. Миллер: «Россия, которая сама надеется участвовать в проекте “Пояс и Путь” взирает на Центральную Азию с нервозностью. Кремль давно надеялся, что сумеет так разделить влияние на этот регион, что Россия здесь будет заведовать политикой и безопасностью, тогда Китай будет помогать этим странам экономически. Но по мере увеличения роли Китая такое разделение труда все труднее выдерживать»¹³.

Каковы будут вызовы и ответы платформ и народов лимитрофа при реализации китайского проекта евразийской интеграции – это предмет конкретного анализа событий и процессов в каждом задействованном регионе континента. Пока же можно только предполагать, что гладкой и бесконфликтной реализация проекта вряд ли получится. Облегчение и удешевление связи между странами способствует не только торговле и культурному обмену, но также распространению протестных настроений и революционных волн [4; 5].

МИРОСИСТЕМНЫЙ АНАЛИЗ

Главным концептом данной парадигмы является мир-экономика с взаимодействием составляющих ее трех ярусов: страны ядра во главе с гегемоном, который, пользуясь превосходством в накоплении капитала, технологиях, коммерческой инициативы образуют

¹³ Miller Ch. One Belt, One Road, One Bluff // American Interest. – 2017. – May 23. URL: <https://www.the-american-interest.com/2017/05/23/one-belt-one-road-one-bluff/>

182

Согласятся ли на подчиненную роль бывшие соперники Китая в ярусе полупериферии – Россия и Индия? Для России такая ситуация особенно болезненна, поскольку здесь еще не забыли эпоху, когда СССР был «старшим братом» в отношении отсталого и бедного постреволюционного Китая. Индия имеет давний и глубокий конфликт с Китаем, она уже выражала свое недовольство проектом¹⁶. Ее положение в Южной Азии, население и потенциал развития, авторитет и влияние на соседние страны так велики, что игнорировать отношение Индии к проекту никак не удастся.

Пока что можно сказать только, что все эти трудности станут серьезными испытаниями для способности Китая к действительному лидерству, дипломатической гибкости и воли к достижению успеха.

ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ДИНАМИКА И МИГРАЦИИ

Люди всегда меняют территорию, на которой проживают, делая ее более привлекательной или менее привлекательной для жизни, что ведет к миграциям, когда одни территории опустошаются, тогда как другие начинают испытывать давление перенаселенности.

Многое определяется легкостью добычи и вывоза ресурсов. Соблазн быстрой прибыли при отсутствии сдерживающих институтов ведет к хищнической эксплуатации территории и снижению ее привлекательности для жизни и заселения¹⁷. Транспортные узлы становятся центрами деловой активности, привлекают банки и страховые компании, здесь развиваются строительство и промышленность, растет потребность в рабочей силе, поэтому такие территории становятся привлекательными, сюда устремляются миграционные потоки.

Транспортная интеграция Евразии непременно приведет к существенным сдвигам в доступе к природным ресурсам, в интересах к их эксплуатации, в привлекательности территорий и значительно активизирует миграционные процессы. Доступность разнообразного дешевого привозного продовольствия поставит под вопрос многие отрасли местного сельского хозяйства, поэтому следует ожидать их кризиса, упадка, исхода деревенских жителей в города, особенно растущие вокруг пересечения транспортных артерий.

Быстрая урбанизация при сохранении в первом поколении переселенцев прежних тра-

¹⁶ «Индия (государство БРИКС и вторая по численности населения страна мира) отказалась участвовать в мероприятии. Формально потому, что часть Шелкового пути будет пролегать по индийской территории, оккупированной Китаем в ходе войны 1962 года, а также по занятой Пакистаном части Кашмира. “Ни одна страна не примет проект, который игнорирует важнейшие проблемы, касающиеся ее суверенитета и территориальной целостности”, – заявил представитель индийского МИД Гопал Баглай. Китайцы тут могут только развести руками (никто эту территорию добровольно Индии не вернет, поскольку тогда КНР лишится границы с Пакистаном и выхода к пакистанскому порту Гвадар), а российские чиновники – сделать соответствующие выводы о крепости и перспективности многостороннего сотрудничества

в рамках БРИКС». Мирзаян Г. *Новый китайский папа: Пекин собирается стать ведущей силой в Евразии* (Россия сегодня, 15.05.2017. URL: <https://ria.ru/world/20170515/1494297708.html>).

¹⁷ «...критики отмечают, что нечувствительные политики, присутствие структур безопасности и экономические стратегии, которые ориентированы исключительно на повышение благосостояния китайского общества за счет местного населения пока лишь ведут к эскалации напряженности в районе Синьдзян – в пустыне, где находится 22 % всей китайской нефти и 40 % всего угля». *Большая китайская игра: Путь к империи, 2015.* (URL: <http://www.inozpress.kg/news/view/id/47113>).

диционных паттернов воспроизводства (многодетности) приводит через 18–25 лет к скоплению в городах избытка молодых людей («молодежного бугра»), для которых еще нет достаточного числа рабочих мест [7]. Такое положение дел является одним из типичных базовых факторов роста социальной нестабильности вплоть до политических кризисов и революций. Здесь нет фатальности, но есть риски и необходимость отслеживать миграционные и демографические процессы как следствия реализации проекта.

Заключение

Понятийные средства каждой парадигмы позволили указать на вероятные причины и локусы напряжений, конфликтов, к ко-

торым может привести реализация масштабного проекта. К этим напряжениям относятся риски невозврата инвестиций; негативные следствия возросших объемов дешевого импорта, угнетающие местное производство ранее труднодоступных местностей; негативные следствия ускоренной урбанизации, в частности, избыток не нашедшей работы молодежи в городах; обострение территориальных конфликтов; борьба крупных держав за влияние на малые соседние (лимитрофные) государства; риски увеличения наркотрафика и напряжения в связи с необходимостью контроля над ним; облегчение миграций, что приводит к демографическим перекосам. Указанные конфликты могут стать факторами роста социальной нестабильности вплоть до социально-политических кризисов и революций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Callahan W. A.** China's "Asia Dream". The Belt Road Initiative and the new regional order // *Asian Journal of Comparative Politics*. – 2016. – Vol. 1, Issue 3. – P. 226–243. DOI: <https://doi.org/10.1177/2057891116647806>
2. **Chase-Dunn Ch.** Continuities and transformations in the evolution of world-systems // *Journal of Globalization Studies*. – 2014. – Vol. 5, № 1. – P. 11–31.
3. **China's One Belt One Road. Initiative, Challenges and Prospects** / Ed. By Bal Kishan Sharma and Nivedita Das Kundu. – Delhi: Vidj Books, 2016. URL: https://catalyst.library.jhu.edu/catalog/bib_6268997
4. **Das K. Ch.** The making of One Belt, One Road and dilemmas in South Asia // *China Report*. – 2017. – Vol. 53, Issue 2. – P. 125–142. DOI: <https://doi.org/10.1177/0009445517696624>
5. **della Porta D., Tarrow S.** Interactive diffusion: the coevolution of police and protest behavior with an application to transnational contention // *Comparative Political Studies*. – 2012. – Vol. 45, Issue 1. – P. 119–152. DOI: <https://doi.org/10.1177/0010414011425665>
6. **Ermakoff I.** The structure of contingency // *American Journal of Sociology*. – 2015. – Vol. 121, № 1. – P. 64–125. DOI: <https://doi.org/10.1086/682026>
7. **Hu R. W.** China's 'One Belt One Road' Strategy. Opportunity or challenge for India? // *China Report*. – 2017. – Vol. 53, Issue 2. – P. 107–124. DOI: <https://doi.org/10.1177/0009445517696619>
8. **Goldstone J. A.** Population and security: how demographic change can lead to violent conflict // *Journal of International Affairs*. – 2002. – Vol. 56, № 1. – P. 3–21. URL: <http://www.jstor.org/stable/24357881>
9. **McNeill W. H.** The changing shape of world history // *History and Theory*. – 1995. – Vol. 34, № 2. – P. 8–26. DOI: <https://doi.org/10.2307/2505432>
10. **Modelska G.** Is world politics evolutionary learning? // *International Organization*. – 1990. – Vol. 44, Issue 1. – P. 1–24. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0020818300004628>

11. **Бляхер Л. Е., Григоричев К. В.** Вглядываясь в зеркала: смысловые трансформации образа Китая в российском социум // *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз* (журнал политической философии и социологии политики). – 2015. – № 1 (76). – С. 24–38.
12. **Денисов И. Е.** Китайские и западные ценности в современном политическом дискурсе КНР // *Полис. Политические исследования*. – 2015. – № 6. – С. 35–44. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2015.06.06>
13. **Ларин В. Л.** Российско-китайское трансграничье в контексте проектов евразийской интеграции // *Мировая экономика и международные отношения*. – 2016. – Т. 60, № 12. – С. 69–81. DOI: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2016-60-12-69-81>
14. **Михеев В. В., Луконин С. А.** Китай: новые тренды развития на рубеже 2015–2016 гг. // *Мировая экономика и международные отношения*. – 2016. – Т. 60, № 6. – С. 24–34. DOI: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2016-60-6-24-34>
15. **Михеев В. В., Луконин С. А., Игнатьев С. В.** Китай: фактор съезда и фактор Трампа // *Мировая экономика и международные отношения*. – 2017. – Т. 61, № 6. – С. 23–32.
16. **Ноздрев С. В.** Китай в системе мировых финансов // *Мировая экономика и международные отношения*. – 2016. – Т. 60, № 10. – С. 29–40. DOI: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2016-60-10-29-40>
17. **Розов Н. С.** Национальная идея как императив разума (эскиз геоэкономической и социокультурной стратегии России для XXI века) // *Вопросы философии*. – 1997. – № 10. – С. 13–28.
18. **Розов Н. С.** Геополитика как наука: отменить нельзя развивать // *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз* (журнал политической философии и социологии политики). – 2016. – № 3 (82). – С. 130–148.
19. **Симония Н. А., Торкунов А. В.** Новый мировой порядок: от биполярности к многополюсности // *Полис. Политические исследования*. – 2015. – № 3. – С. 27–37. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2015.03.03>
20. **Хатунцев С. В.** Запад и “Евразийская квадрига” (Россия, Китай, Индия, Иран) // *Полис. Политические исследования*. – 2015. – № 6. – С. 45–52. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2015.06.07>
21. **Contessi N. P.** Central Asia in Asia: Charting growing trans-regional linkages // *Journal of Eurasian Studies*. – 2016. – Vol. 7, Issue 1. – P. 3–13. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.euras.2015.11.001>
22. **Dadabaev T.** “Silk Road” as foreign policy discourse: The construction of Chinese, Japanese and Korean engagement strategies in Central Asia // *Journal of Eurasian Studies*. – 2017. – In Press. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.euras.2017.12.003>
23. **Gu Ho Eom.** Silk roads again: Revisiting roads connecting Eurasia // *Journal of Eurasian Studies*. – 2017. – Vol. 8, Issue 1. – P. 1–2. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.euras.2016.12.002>
24. **Malle S.** Russia and China in the 21st century. Moving towards cooperative behaviour // *Journal of Eurasian Studies*. – 2017. – Vol. 8, Issue 2. – P. 136–150. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.euras.2017.02.003>
25. **Marsden M.** Actually existing silk roads // *Journal of Eurasian Studies*. – 2017. – Vol. 8, Issue 1. – P. 22–30. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.euras.2016.11.006>
26. **Dolliver D. S.** Evaluating drug trafficking on the Tor Network: Silk Road 2, the sequel // *International Journal of Drug Policy*. – 2015. – Vol. 26, Issue 11. – P. 1113–1123. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.drugpo.2015.01.008>
27. **Yaodong Yu, Yen-Chiang Chang.** The ‘One Belt One Road’ Initiative and its impact on shipping law in China // *Marine Policy*. – 2018. – Vol. 87. – P. 291–294. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.marpol.2017.11.003>

DOI: [10.15293/2226-3365.1801.11](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1801.11)

Nikolai Sergeyevich Rozov, Doctor of Philosophy Sciences, Professor, Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Leading Researcher, Laboratory of Analysis and Forecasting of Integration Processes in Modern Eurasia, Novosibirsk State University, Leading Researcher, Chair for International Relations and Regional Studies, Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russian Federation.

ORCID ID: <http://orcid.org/0000-0003-2362-541X>

E-mail: nrozov@gmail.com

China's *One Belt, One Road* initiative and the paradigms of historical macrosociology

Abstract

Introduction. *The opportunities and outcomes of One Belt, One Road initiative (OBOR), declared by China, are extremely vague. It is reasonable to consider the initiative through the prism of the following macrosociological paradigms: realism and idealism in the theory of international relations, supply and demand model, the principles of geopolitical dynamics, solid platforms and limitotrophs, migration and territorial dynamics, and the world-system analysis.*

Materials and Methods. *The idea of China's One Belt, One Road initiative and information on its implementation are compared with the basic concepts, models, and schemes of the above paradigms.*

Results. *The conceptual means of each paradigm allow to identify the probable causes and loci of tensions and conflicts in implementing such an ambitious initiative. These strains include the following: risks of non-return of investments, the negative consequences of the inflow of cheap food products, depressing local production of previously inaccessible areas, negative outcomes of accelerated urbanization, in particular the "youth bubble" in cities, the aggravation of territorial conflicts, the struggle of big powers for influence on small neighboring (limitrophic) states, increased opportunities for drug trafficking and stress due to the need to control it, facilitating migration, which leads to the devastation of some loci and demographic pressure in others.*

Conclusions. *The identified tensions can become factors increasing social instability up to socio-political crises and revolutions. There is no fatality, but there are risks and the need to monitor geopolitical and geo-economic changes, migration and demographic processes as consequences of One Belt, One Road initiative implementation.*

Keywords

New Silk Road; China; Transport integration of Eurasia; Economic integration; Transport integration; Geopolitics; Geo-economics; World analysis; International relations; Realism and idealism.

Acknowledgements

The reported study was supported by the Ministry of Education and Science of the Russian Federation under Russian Academic Excellence Project 5-100 (Novosibirsk State University, Center for Analysis of Integration Processes in Contemporary Eurasia)

REFERENCES

1. Callahan W. A. China's "Asia Dream". The Belt Road Initiative and the new regional order. *Asian Journal of Comparative Politics*, 2016, vol. 1, issue 3, pp. 226–243. DOI: <https://doi.org/10.1177/2057891116647806>
2. Chase-Dunn Ch. Continuities and transformations in the evolution of world-systems. *Journal of Globalization Studies*, 2014, vol. 5, no. 1, pp. 11–31. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21689949>
3. *China's One Belt One Road. Initiative, Challenges and Prospects*. Ed. By Bal Kishan Sharma and Nivedita Das Kundu. Delhi, Vidj Books Publ., 2016. URL: https://catalyst.library.jhu.edu/catalog/bib_6268997
4. Das K. Ch. The making of One Belt, One Road and dilemmas in South Asia. *China Report*, 2017, vol. 53, issue 2, pp. 125–142. DOI: <https://doi.org/10.1177/0009445517696624>
5. della Porta D., Tarrow S. Interactive diffusion: the coevolution of police and protest behavior with an application to transnational contention. *Comparative Political Studies*, 2012, vol. 45, issue 1, pp. 119–152. DOI: <https://doi.org/10.1177/0010414011425665>
6. Ermakoff I. The structure of contingency. *American Journal of Sociology*, 2015, vol. 121, no. 1, pp. 64–125. DOI: <https://doi.org/10.1086/682026>
7. Hu R. W. China's 'One Belt One Road' Strategy. Opportunity or challenge for India?. *China Report*, 2017, vol. 53, issue 2, pp. 107–124. DOI: <https://doi.org/10.1177/0009445517696619>
8. Goldstone J. A. Population and security: how demographic change can lead to violent conflict. *Journal of International Affairs*, 2002, vol. 56, no. 1, pp. 3–21. URL: <http://www.jstor.org/stable/24357881>
9. McNeill W. H. The changing shape of world history. *History and Theory*, 1995, vol. 34, no. 2, pp. 8–26. DOI: <https://doi.org/10.2307/2505432>
10. Modelski G. Is world politics evolutionary learning?. *International Organization*, 1990, vol. 44, issue 1, pp. 1–24. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0020818300004628>
11. Blyakher L. E., Grigorichev K. V. Looking at the mirrors: the semantic transformations of the image of China in the Russian society. *Politeia*, 2015, no. 1, pp. 24–38. (In Russian) URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=28104642>
12. Denisov I. E. Chinese and Western Values in the Modern Political Discourse of China. *Polis. Political Studies*, 2015, no. 6, pp. 35–44. (In Russian) DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2015.06.06>
13. Larin V. Russia-China Transboundary Region from the Perspective of Eurasian Projects. *World Economy and International Relations*, 2016, vol. 60, no. 12, pp. 69–81. (In Russian) DOI: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2016-60-12-69-81>
14. Mikheev V., Lukonin S. China: New Development Trends in 2015–2016. *World Economy and International Relations*, 2016, vol. 60, no. 6, pp. 24–34. (In Russian) DOI: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2016-60-6-24-34>
15. Mikheev V., Lukonin S., Ignatev S. China: Congress Factor and Trump Factor. *World Economy and International Relations*, 2017, no. 6, vol. 61, pp. 23–32. (In Russian) URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29332894>
16. Nozdryov S. China in Global Financial System. *World Economics and International Relations*, 2016, vol. 60, no. 10, pp. 29–40. (In Russian) DOI: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2016-60-10-29-40>

17. Rozov N. S. The national idea as the imperative of reason: A sketch of the geoeconomic and socio-cultural strategy of Russia for the 21st century. *Problems of Philosophy*, 1997, no. 10, pp. 13–28. (In Russian) URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29453969>
18. Rozov N. S. Geopolitics as a science: to develop not allowed to be canceled. *Politeia*, 2016, no. 3, pp. 130–148. (In Russian) URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=28103505>
19. Simonia N. A., Torkunov A. V. New World Order: from Bipolarity to Multipolarity. *Polis. Political Studies*, 2015, no. 3, pp. 27–37. (In Russian) DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2015.03.03>
20. Khatuntzev S. V. The West and the “Eurasian Quadriga” (Russia, China, India, Iran). *Polis. Political Studies*, 2015, no. 6, pp. 45–52. (In Russian) DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2015.06.07>.
21. Contessi N. P. Central Asia in Asia: Charting growing trans-regional linkages. *Journal of Eurasian Studies*, 2016, vol. 7, issue 1, pp. 3–13. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.euras.2015.11.001>
22. Dadabaev T. “Silk Road” as foreign policy discourse: The construction of Chinese, Japanese and Korean engagement strategies in Central Asia. *Journal of Eurasian Studies*, 2017, in press. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.euras.2017.12.003>
23. Gu Ho Eom. Silk roads again: Revisiting roads connecting Eurasia. *Journal of Eurasian Studies*, 2017, vol. 8, issue 1, pp. 1–2. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.euras.2016.12.002>
24. Malle S. Russia and China in the 21st century. Moving towards cooperative behavior. *Journal of Eurasian Studies*, 2017, vol. 8, issue 2, pp. 136–150. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.euras.2017.02.003>
25. Marsden M. Actually existing silk roads. *Journal of Eurasian Studies*, 2017, vol. 8, issue 1, pp. 22–30. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.euras.2016.11.006>
26. Dolliver D. S. Evaluating drug trafficking on the Tor Network: Silk Road 2, the sequel. *International Journal of Drug Policy*, 2015, vol. 26, issue 11, pp. 1113–1123. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.drugpo.2015.01.008>
27. Yaodong Yu, Yen-Chiang Chang. The ‘One Belt One Road’ Initiative and its impact on shipping law in China. *Marine Policy*, 2018, vol. 87, pp. 291–294. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.marpol.2017.11.003>

Submitted: 01 November 2017

Accepted: 09 January 2018

Published: 28 February 2018

This is an open access article distributed under the [Creative Commons Attribution License](#) which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work is properly cited. (CC BY 4.0).

www.vestnik.nspu.ru

БИОЛОГИЯ И МЕДИЦИНА

BIOLOGY AND MEDICINE

© С. И. Трухина, А. Н. Трухин, В. И. Циркин, Е. Г. Шушканова, С. В. Хлыбова

DOI: [10.15293/2226-3365.1801.12](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1801.12)

УДК 612.6+612.825.8-81

УСПЕШНОСТЬ ОБУЧЕНИЯ ДЕТЕЙ 1–8 КЛАССОВ, РОЖДЕННЫХ У МАТЕРЕЙ С АНЕМИЕЙ БЕРЕМЕННОСТИ

С. И. Трухина, А. Н. Трухин, В. И. Циркин, Е. Г. Шушканова, С. В. Хлыбова (Киров, Россия)

Аннотация

Проблема и цель. В статье рассматривается проблема академической успеваемости детей в зависимости от особенностей течения их внутриутробного периода развития. Цель статьи – выявить зависимость успешности обучения в школе детей (с учетом их пола), рожденных у матерей, беременность которых была осложнена анемией легкой степени.

Методология. Проведено ретроспективное исследование влияния течения пренатального периода на развитие и успешность обучения в 1–8 классах общеобразовательной школы 228 детей, в том числе 113 детей (62 девочки и 51 мальчик), рожденных у матерей с физиологически протекающей беременностью и родами (группа 1), и 115 детей (64 девочки и 51 мальчик), рожденных у матерей с анемией легкой степени (группа 2).

Результаты. Впервые выявлено, что осложненное течение пренатального периода, обусловленное, главным образом, наличием у матери анемии легкой степени (содержание гемоглобина в крови в пределах 90–105 г/л, количество эритроцитов – $3,2\text{--}3,6 \times 10^{12}/\text{л}$), имеет отдаленные негативные последствия для потомства, что проявляется в снижении потенциальных возможностей интеллекта, особенно, у мальчиков. Об этом свидетельствует более низкая успешность

Трухина Светлана Ивановна – кандидат биологических наук, доцент, кафедра биологии и методики обучения биологии, Институт биологии и биотехнологии, Вятский государственный университет.

E-mail: trukhinasvetlana@yandex.ru

Трухин Андрей Николаевич – кандидат биологических наук, доцент, кафедра биологии и методики обучения биологии, Институт биологии и биотехнологии, Вятский государственный университет.

E-mail: trukhinandrey@rambler.ru

Циркин Виктор Иванович – доктор медицинских наук, профессор, кафедра биологии и методики обучения биологии, Институт биологии и биотехнологии, Вятский государственный университет.

E-mail: tsirkin@list.ru

Шушканова Елена Геннадьевна – кандидат биологических наук, доцент, кафедра биологии и методики обучения биологии, Институт биологии и биотехнологии, Вятский государственный университет.

E-mail: el.s90@mail.ru

Хлыбова Светлана Вячеславовна – доктор медицинских наук, доцент, кафедра акушерства и гинекологии, Кировский государственный медицинский университет.

E-mail: svekhlybova@yandex.ru

обучения в общеобразовательной школе девочек (с 1 по 3 классы) и мальчиков (с 1 по 8 класс). С учетом данных литературы сделано заключение, что основной причиной негативного влияния осложненного течения пренатального периода является гипоксия мозга, нарушающая нормальное развитие нейронов неокортекса в пренатальном и постнатальном периодах. Способность эстрогенов препятствовать негативному влиянию гипоксии указывает на возможность медикаментозной и немедикаментозной (психолого-педагогической) коррекции нарушений развития функций неокортекса.

Заключение. Наличие у матери анемии легкой степени оказывает негативное влияние на интеллектуальное развитие детей (особенно, мальчиков), что требует разработки методов профилактики нарушений развития неокортекса и коррекции методов обучения детей в семье и школе.

Ключевые слова: анемия беременных; хроническая гипоксия плода; осложнения беременности; состояние новорожденного; школьники; половые различия; успешность обучения.

Постановка проблемы

Анемия беременных до настоящего времени является одним из распространенных осложнений беременности и оказывает негативное влияние на течение беременности, родов, состояние плода, новорожденного и детей первого года жизни [1–6]. Анемия во время беременности приводит к развитию плацентарной недостаточности, хронической внутриутробной гипоксии и гипотрофии плода, усугубляет течение преэклампсии, увеличивает частоту преждевременных родов и кровотечений во время родового акта и в послеродовом периоде [1; 2; 6–8]. Согласно данным М. Ю. Галактионовой и других исследователей, с увеличением степени тяжести анемии беременных нарастает частота рождения детей с гипотрофией [8]. Дети, рожденные у матерей с анемией, чаще имеют нарушения ЦНС, что в дальнейшем может привести к задержке психомоторного и речевого развития [7; 8]. Показано, что на протяжении первого года жизни у детей от матерей с анемией снижены адаптационно-резервные возможности, изменена активность симпатического отдела вегетативной нервной системы и деятельность сердечно-сосудистой системы [4]. Наличие у

матери анемии приводит к тому, что у детей ранних лет жизни в результате дефицита железа нарушается деятельность периферической нервной системы, процессы терморегуляции, снижается умственная работоспособность, в том числе способность к обучению, познавательные способности, снижается толерантность к физическим нагрузкам¹ [9–11]. Кроме того, недостаточное депонирование железа в антенатальном периоде является одной из причин развития дефицита железа и анемии у грудных детей, отставания в психомоторном и умственном развитии детей ранних лет жизни² [10; 12–13]. До настоящего времени не исследовалось отдаленное влияние анемии у матери во время беременности на интеллектуальное развитие детей и подростков. Это и послужило основой для постановки цели исследования. *Цель исследования* – выявить зависимость успешности обучения в школе детей (с учетом их пола), рожденных у матерей, беременность которых была осложнена анемией легкой степени.

Материалы и методы

Объектом исследования были 649 учащихся одиннадцати общеобразовательных

¹ Серов В. Н., Шаповаленко С. А. Диагностика и лечение железодефицитных анемий у беременных // Русский

медицинский журнал. – 2005. – Т. 13, № 17. – С. 1143–1145.

² Там же.

школ г. Кирова, обучавшиеся в 2010/2011 учебном году в восьмых классах. Сведения об их перинатальном периоде развития и школьной успеваемости (годовые отметки по учебным дисциплинам каждого из 8 классов) содержались в базе данных, которая формировалась нами с 2001 по 2012 годы на основе медицинских документов (формы № 112-У и 026-У) и школьных документов, включая школьные журналы. Сведения были получены с согласия родителей, разрешения администраций детских поликлиник, школ и управления образования и здравоохранения г. Кирова. На основе этой базы данных выделены: группа 2 (основная группа) – дети, рожденные у матерей с анемией легкой степени (содержание гемоглобина в крови в пределах 90–105 г/л, количество эритроцитов – $3,2\text{--}3,6 \times 10^{12}/\text{л}$) и группа 1 (контрольная группа), которая формировалась методом случайной выборки. В нее включали такое же количество девочек и мальчиков, как в основной группе, при условии, что они были рождены с нормальной массой тела (2,6–3,9 кг) у матерей с неосложненным течением беременности и родов. Проведен анализ данных, характеризующих беременность и роды у матерей обеих групп, а также состояние новорожденного по шкале Апгар на первой и пятой минутах, массу и длину тела при рождении. Успешность обучения как интегральную характеристику интеллектуального развития оценивали за период обучения детей с 1 по 8 класс по годовым отметкам по основным дисциплинам и по среднему баллу успеваемости (среднее арифметическое по дисциплинам каждого года). Результаты исследования подвергнуты статистической обработке^{3 1}. Различия количественных показателей оценивали по *t*-критерию Стьюдента (основанием к его использованию был

объем выборки и нормальный, судя по значениям критерия Шапиро–Уилка, характер распределения значений показателей), а качественных показателей – по критерию χ^2 -квадрат с поправкой Йейтса, или по точному критерию Фишера, если ожидаемое число было меньше 5. Различия во всех случаях считали статистически значимыми при $p < 0,05$. В тексте и таблицах статьи часть результатов представлена в виде средней арифметической и ее ошибки ($M \pm m$).

Результаты исследования, обсуждение

Установлено, что среди 115 детей (17,7 % от всех обследуемых), рожденных у матерей с анемией легкой степени, было 64 девочки (21,7 % от всех девочек) и 51 мальчик (14,4 % от всех мальчиков). Средний возраст матерей девочек и матерей мальчиков статистически значимо не различался и составил соответственно $24,4 \pm 0,65$ и $23,9 \pm 0,74$ лет. Помимо анемии легкой степени, в группе 2 имелись и другие акушерские осложнения, которые встречались статистически значимо чаще, чем в группе 1 (табл. 1), среди них – умеренная преэклампсия, плацентарная недостаточность, угроза прерывания беременности, артериальная гипертензия (у матерей мальчиков), инфекционные заболевания, преждевременное излитие околоплодных вод, слабость родовой деятельности, обвитие пуповины, хроническая гипоксия плода, асфиксия новорожденного, преждевременные роды, рождение детей с низкой массой тела, рождение детей с большой массой тела (статистически значимо для мальчиков), родоразрешение путем кесарева сечения. В группе 2 и мальчики и девочки при рождении имели более низкую оценку по шкале Апгар на первой и на пятой минутах, чем в группе 1 (табл. 1).

³ Гланц С. Медико-биологическая статистика. – М.: Практика, 1999. – 459 с.

Таблица 1

Показатели, характеризующие перинатальный период развития девочек и мальчиков групп 1 и 2

Table 1

Indicators characterizing the perinatal development of girls and boys in groups 1 and 2

Показатели	Девочки				Мальчики			
	Группа 1, n = 62		Группа 2, n = 64		Группа 1, n = 51		Группа 2, n = 51	
	Абс	%	Абс	%	Абс	%	Абс	%
Артериальная гипертензия	0	0,0	5	7,81	0	0,0	8	15,69*
Инфекционные заболевания	0	0,0	32	50,0*	0	0,0	20	39,22*
Умеренная преэклампсия	0	0,0	23	35,94*	0	0,0	15	29,41*
Плацентарная недостаточность	0	0,0	18	28,13*	0	0,0	7	13,73*
Угроза преждевременных родов	0	0,0	20	31,25*	0	0,0	21	41,18*
Слабость родовой деятельности	0	0,0	18	28,13*	0	0,0	17	33,33*
Преждевременное излитие около- плодных вод	0	0,0	14	21,88*	0	0,0	12	23,53*
Преждевременные роды	0	0,0	7	10,94*	0	0,0	5	9,80
Кесарево сечение	0	0,0	13	20,31*	0	0,0	14	27,45*
Хроническая гипоксия плода	0	0,0	12	18,75*	0	0,0	10	19,61*
Асфиксия новорожденного	0	0,0	6	9,38*	0	0,0	5	9,80*
Родовая травма	0	0,0	9	14,06*	0	0,0	11	21,57*
Обвитие пуповины	0	0,0	10	15,63*	0	0,0	13	25,49*
Незрелый плод	0	0,0	4	6,25	0	0,0	5	9,80*
Количество детей с массой тела при рождении								
2,6–3,9 кг	62	100	53	82,81	51	100	37	72,55
2,5 кг и меньше	0	0,0	7	10,94*	0	0,0	6	11,76*
4,0 кг и больше	0	0,0	4	6,25	0	0,0	8	15,69*
Состояние новорожденного, в баллах по шкале Апгар ($M \pm m$)								
На первой минуте	7,72 \pm 0,15		6,91 \pm 0,14*		7,47 \pm 0,19		6,86 \pm 0,11*	
На пятой минуте	8,46 \pm 0,14		7,92 \pm 0,09*		8,29 \pm 0,14		7,88 \pm 0,09*	
Примечание. * – различие с группой 1 статистически значимо ($p < 0,05$) по критерию χ -квадрат, точному крите- рию Фишера и по t -критерию Стьюдента								
Note. * – the difference with group 1 is statistically significant ($p < 0,05$) by the χ -square test, the exact Fisher test and the Student's t-test								

Анализ успеваемости детей с 1 по 8 классы выявил, что мальчики группы 2 в сравнении с мальчиками группы 1 имели статистически значимо более низкие отметки в 1 и 2 классах по математике и низкие значения среднего балла успеваемости (СБУ), в 3 классе – по письму, математике, природоведению и СБУ, в 4 классе – по всем дисциплинам и СБУ, в 5 классе – по русскому языку, литературе, математике, биологии и СБУ, в 6 классе – по

русскому языку, математике, истории (значение СБУ было ниже, но статистически незначимо), в 7 классе – по русскому языку, геометрии, физике и СБУ, в 8 классе – по всем дисциплинам (за исключением иностранного языка) и СБУ (табл. 2). Таким образом, во всех классах, за исключением 6 класса, мальчики группы 2 имели более низкие значения СБУ, чем мальчики группы 1 (рис. 1).

Рис. 1. Средний балл успеваемости детей, родившихся у матерей с физиологически протекающей беременностью (контрольная группа, первые столбцы), и у матерей с анемией легкой степени тяжести (группа 2, вторые столбцы)

Примечание. * – различие с контрольной группой и # – с девочками статистически значимо ($p < 0,05$) по t -критерию Стьюдента.

Fig. 1. The average score for the achievement of children born to mothers with a physiologically occurring pregnancy (control group, first columns), and in mothers with mild-grade anemia (group 2, second columns)

Note. * – the difference with the control group and # – with the girls is statistically significant ($p < 0,05$) according to Student's t -test.

Показано, что девочки группы 2 по сравнению с их сверстницами из группы 1, имели статистически значимо более низкие отметки в 1 классе по математике и низкое значение СБУ, во 2 классе – по письму, математике и СБУ, в 3 классе – по природоведению и СБУ, в 4 классе – по письму, в 6 и 7 классах – по биологии (табл. 2). В 8 классе все различия были статистически незначимы. Таким образом, наличие у матери анемии легкой степени негативно влияло на успешность обучения девочек в общеобразовательной школе, но это влияние было выражено в меньшей степени, чем у мальчиков.

Подтверждены ранее полученные данные о том, что в начальных классах [14; 15] и в течение восьми лет обучения в общеобразовательной школе [16; 17] успеваемость мальчиков обеих групп, в том числе у матерей с неосложненным течением беременности, судя по СБУ (рис. 1) и по отметкам по большинству учебных дисциплин, была статистически значимо ниже, чем у девочек (табл. 2), а также данные [16; 18] о том, что у всех подростков, независимо от пола и наличия проблемного течения антенатального периода развития, успешность обучения в старших классах школы была ниже, чем в младших классах.

Таблица 2

Годовые отметки по учебным дисциплинам и средний балл успеваемости
девочек и мальчиков групп 1 и 2 в 1–8 классах

Table 2

Annual grades in academic subjects and average score of girls and boys
in groups 1 and 2 in grades 1–8

Классы	Учебные дисциплины и средний балл успеваемости	Группы детей			
		Девочки		Мальчики	
		Группа 1 (n = 62)	Группа 2 (n = 64)	Группа 1 (n = 51)	Группа 2 (n = 51)
1	1. Письмо	4,10 ± 0,08	3,95 ± 0,07	3,76 ± 0,09 [#]	3,57 ± 0,09 [#]
	2. Чтение	4,45 ± 0,08	4,36 ± 0,08	4,22 ± 0,09	4,10 ± 0,10 [#]
	3. Математика	4,24 ± 0,06	3,91 ± 0,08 [*]	4,06 ± 0,08	3,71 ± 0,09 [*]
	Средний балл	4,26 ± 0,06	4,07 ± 0,07 [*]	4,01 ± 0,07 [#]	3,79 ± 0,08 ^{*#}
2	1. Письмо	4,16 ± 0,08	3,92 ± 0,07 [*]	3,88 ± 0,08 [#]	3,57 ± 0,09 [#]
	2. Чтение	4,52 ± 0,07	4,34 ± 0,09	4,27 ± 0,09 [#]	4,02 ± 0,09 [#]
	3. Математика	4,19 ± 0,08	3,91 ± 0,07 [*]	4,08 ± 0,08	3,80 ± 0,09 [*]
	Средний балл	4,29 ± 0,07	4,06 ± 0,07 [*]	4,08 ± 0,07 [#]	3,80 ± 0,08 ^{*#}
3	1. Письмо	4,11 ± 0,08	3,91 ± 0,07	3,84 ± 0,08 [#]	3,53 ± 0,08 ^{*#}
	2. Чтение	4,50 ± 0,07	4,34 ± 0,09	4,22 ± 0,08 [#]	4,04 ± 0,10 [#]
	3. Математика	4,05 ± 0,07	3,91 ± 0,08	4,04 ± 0,08	3,73 ± 0,09 [*]
	4. Природоведение	4,40 ± 0,08	4,08 ± 0,08 [*]	4,27 ± 0,09	3,84 ± 0,11 ^{*#}
	Средний балл	4,27 ± 0,06	4,06 ± 0,07 [*]	4,09 ± 0,08	3,79 ± 0,08 ^{*#}
4	1. Письмо	4,13 ± 0,07	3,89 ± 0,07 [*]	3,93 ± 0,07 [#]	3,61 ± 0,08 ^{*#}
	2. Чтение	4,55 ± 0,07	4,37 ± 0,09	4,29 ± 0,08 [#]	3,98 ± 0,10 ^{*#}
	3. Математика	3,95 ± 0,06	3,97 ± 0,08	4,06 ± 0,08	3,75 ± 0,10 [*]
	4. Природоведение	4,39 ± 0,08	4,17 ± 0,08	4,18 ± 0,08	3,84 ± 0,09 ^{*#}
	Средний балл	4,25 ± 0,06	4,11 ± 0,07	4,07 ± 0,06 [#]	3,79 ± 0,08 ^{*#}
5	1. Русский язык	3,94 ± 0,07	3,86 ± 0,08	3,78 ± 0,08	3,53 ± 0,09 ^{*#}
	2. Литература	4,40 ± 0,07	4,27 ± 0,09	4,02 ± 0,08 [#]	3,75 ± 0,08 ^{*#}
	3. Математика	4,06 ± 0,08	3,97 ± 0,07	3,84 ± 0,08	3,59 ± 0,08 ^{*#}
	4. История	4,23 ± 0,08	4,08 ± 0,09	3,96 ± 0,09 [#]	3,75 ± 0,09 [#]
	5. Биология	4,24 ± 0,07	4,17 ± 0,09	4,06 ± 0,09	3,75 ± 0,09 ^{*#}
	6. Иностранный язык	4,10 ± 0,08	4,08 ± 0,08	3,90 ± 0,11	3,84 ± 0,11 [#]
	Средний балл	4,16 ± 0,06	4,07 ± 0,07	3,91 ± 0,07 [#]	3,69 ± 0,08 ^{*#}
6	1. Русский язык	3,85 ± 0,06	3,84 ± 0,08	3,79 ± 0,08	3,51 ± 0,09 ^{*#}
	2. Литература	4,32 ± 0,08	4,19 ± 0,09	3,92 ± 0,09 [#]	3,78 ± 0,08 [#]
	3. Математика	3,90 ± 0,08	3,77 ± 0,08	3,77 ± 0,08	3,53 ± 0,09 ^{*#}
	4. История	4,11 ± 0,07	4,00 ± 0,08	3,78 ± 0,08 [#]	3,49 ± 0,09 ^{*#}
	5. Биология	4,16 ± 0,08	3,92 ± 0,08 [*]	3,80 ± 0,08 [#]	3,59 ± 0,08 [#]
	6. Иностранный язык	4,23 ± 0,08	4,00 ± 0,09	3,69 ± 0,09 [#]	3,61 ± 0,10 [#]
	Средний балл	4,10 ± 0,06	3,95 ± 0,07	3,77 ± 0,07 [#]	3,62 ± 0,07 [#]
7	1. Русский язык	3,79 ± 0,07	3,70 ± 0,08	3,59 ± 0,08	3,37 ± 0,07 ^{*#}
	2. Литература	4,08 ± 0,07	4,00 ± 0,08	3,88 ± 0,08	3,65 ± 0,09 [#]

	3. Алгебра	3,77 ± 0,08	3,67 ± 0,08	3,64 ± 0,07	3,43 ± 0,08 [#]
	4. Геометрия	3,76 ± 0,07	3,59 ± 0,08	3,57 ± 0,08	3,35 ± 0,07 ^{*#}
	5. История	4,11 ± 0,08	3,98 ± 0,08	3,71 ± 0,08 [#]	3,71 ± 0,08 [#]
	6. Биология	4,15 ± 0,07	3,92 ± 0,08 [*]	3,71 ± 0,08 [#]	3,59 ± 0,09 [#]
	7. Физика	3,89 ± 0,06	3,81 ± 0,08	3,65 ± 0,07 [#]	3,43 ± 0,08 ^{*#}
	8. Иностранный язык	4,00 ± 0,08	3,95 ± 0,09	3,71 ± 0,08 [#]	3,59 ± 0,09 [#]
	Средний балл	3,94 ± 0,06	3,81 ± 0,07	3,73 ± 0,06 [#]	3,52 ± 0,06 ^{*#}
8	1. Русский язык	3,79 ± 0,07	3,67 ± 0,08	3,51 ± 0,07 [#]	3,20 ± 0,06 ^{*#}
	2. Литература	4,18 ± 0,08	4,06 ± 0,09	3,73 ± 0,08 [#]	3,49 ± 0,09 ^{*#}
	3. Алгебра	3,73 ± 0,08	3,58 ± 0,08	3,56 ± 0,07	3,29 ± 0,06 ^{*#}
	4. Геометрия	3,79 ± 0,10	3,58 ± 0,08	3,59 ± 0,08	3,31 ± 0,08 ^{*#}
	5. История	3,90 ± 0,07	3,91 ± 0,08	3,69 ± 0,08	3,49 ± 0,09 [#]
	6. Биология	4,10 ± 0,08	3,88 ± 0,08	3,78 ± 0,09 [#]	3,45 ± 0,07 ^{*#}
	7. Физика	3,82 ± 0,07	3,77 ± 0,08	3,65 ± 0,09	3,37 ± 0,07 ^{*#}
	8. Химия	3,89 ± 0,08	3,81 ± 0,08	3,69 ± 0,10	3,41 ± 0,08 ^{*#}
	9. Иностранный язык	3,82 ± 0,08	3,92 ± 0,08	3,73 ± 0,09	3,53 ± 0,09 [#]
	Средний балл	3,93 ± 0,07	3,80 ± 0,07	3,63 ± 0,06 [#]	3,38 ± 0,06 ^{*#}
<p>Примечание. * – различие с группой 1 и # – с девочками статистически значимо ($p < 0,05$) по t-критерию Стьюдента</p> <p>Note. * – the difference with group 1 and # – with girls is statistically significant ($p < 0,05$) according to Student's t-test</p>					

Наши данные согласуются с представлением о том, что наличие анемии легкой степени во время беременности повышает вероятность развития таких осложнений беременности и родов, как умеренная преэклампсия, угроза прерывания беременности, плацентарная недостаточность, преждевременное излитие околоплодных вод, преждевременные роды, слабость родовой деятельности и оперативное родоразрешение [1; 2; 4–8]. Подтверждено представление ряда авторов о том, что анемия во время беременности приводит к формированию хронической гипоксии и гипотрофии плода, а состояние новорожденного, оцениваемое по шкале Апгар на первой и пятой минутах, ниже, чем у новорожденных матерей без анемии [2; 7; 8].

Нами впервые установлено, что у мальчиков, рожденных от матерей с анемией легкой степени, ниже успешность обучения с 1 по 8 класс общеобразовательной школы, чем у

сверстников контрольной группы. Аналогичная ситуация характерна и для девочек, но у них различия с контрольной группой выражены меньше, чем у мальчиков. Ранее нами было показано [16], что наличие хронической артериальной гипертензии у матери во время беременности снижает успешность обучения у мальчиков в период их обучения со 2 по 8 класс общеобразовательной школы, но не влияет на успешность обучения у девочек. Аналогично, у мальчиков (с 1 по 8 класс) и у девочек (с 1 по 6 класс), рожденных у матерей с плацентарной недостаточностью, успешность обучения была снижена [17]. Также нами установлено [18], что у мальчиков и, в меньшей степени, у девочек, родившихся с низкой массой тела, успешность обучения в школе с 1 по 8 класс ниже, чем у их сверстников, родившихся с нормальной массой тела.

Это говорит о том, что наличие у матери осложнений во время беременности, нарушает

интеллектуальное развитие ребенка, особенно мальчиков, и указывает на длительное сохранение негативного влияния акушерских осложнений на неокортикальные структуры мозга. Касаясь возможной природы и механизмов, лежащих в основе этих нарушений, полагаем, что их основу составляет гипоксия. По мнению ряда авторов, под влиянием хронической гипоксии в плаценте развивается окислительный стресс, продукты которого повреждают нейроны, что вызывает структурные и функциональные отклонения в развитии коры головного мозга, приводящие к нарушению формирования памяти, познавательных процессов и двигательных навыков у школьников [19–21]. Следовательно, имеется основание утверждать, что плоды мужского пола более уязвимы по отношению к различным осложнениям беременности, в том числе, возможно, и к продуктам плацентарного окислительного стресса, чем плоды женского пола. Наш вывод подтверждается и тем, что успеваемость девочек, в том числе от матерей с неосложненным течением беременности и родов, выше, чем у мальчиков. Высокую толерантность плодов женского пола к внутриутробному нарушению гомеостаза можно объяснить тем, что у них нет характерного для плодов мужского пола внутриутробного подъема уровня тестостерона, а, скорее всего, для них присущ, в том числе на постнатальном периоде развития, относительно высокий уровень содержания эстрогенов. Эти гормоны, как известно, повышают жизнеспособность нейронов, улучшают их трофику и способствуют процессу миелинизации⁴ [22–24]. В частности, в опытах на крысах показано, что высокий уровень эстрогенов в крови самки во время беременности, обусловленный высокой

активностью ферментов яичников и надпочечников, участвующих в синтезе эстрогенов, способствует более быстрому развитию мозга⁵. Согласно М. Bondesson et al., эстрогены влияют на развитие мозга у человека, и поэтому генетические дефекты генов, контролирующих синтез эстрогеновых рецепторов и ферментов, участвующих в синтезе этих рецепторов, могут отражаться на развитии мозга [25]. Очевидно, что наше предположение о важной роли половых гормонов в развитии мозга в пренатальном и постнатальном периодах онтогенеза требует дополнительного подтверждения. Но уже сегодня можно утверждать, что мальчики, рожденные у матерей с осложненным течением беременности и родов, являются группой риска по нарушению интеллектуального развития. Можно полагать, что они в большей степени предрасположены к формированию школьных трудностей, чем мальчики, рожденные у матерей с неосложненным течением беременности и родов. По этой причине перед исследователями стоит задача найти методы медикаментозной и немедикаментозной профилактики нарушений развития неокортекса при осложненном течении беременности. Ряд авторов [21; 26] также указывают на возможность ранней профилактики нарушений развития мозга плода, которые приводят к развитию в пожилом возрасте таких нейродегенеративных заболеваний, как болезнь Паркинсона и болезнь Альцгеймера, для чего, по их мнению, перспективно однократное введение матери митохондриального антиоксиданта MitoQ [20].

Кроме того, необходимо внести коррективы в известные методы воспитания и обучения детей в семье и школе, учитывающие ха-

⁴ Рыжавский Б. Я., Рудман Ю. Б., Учакина Р. В. Особенности гистофизиологии яичников и надпочечников у самок крыс, рожающих потомство с ускоренным

развитием мозга у потомства // Морфология. – 2005. – Т. 128, № 4. – С. 101–104.

⁵ Там же.

рактар течения внутриутробного периода развития и пол ребенка. Это можно рассматривать как одну из перспективных и реально выполнимых задач превентивной медицины и психологии.

Заключение

1. Наличие анемии легкой степени повышает риск развития плацентарной недостаточности, преэклампсии, угрозы преждевременных родов, хронической гипоксии плода, слабости родовой деятельности, преждевременного излития околоплодных вод, асфиксии новорожденного, преждевременных родов и рождения детей с низкой массой тела.

2. Наличие у матери анемии легкой степени снижает успешность обучения мальчи-

ков (с 1 по 8 класс) и, в меньшей степени, девочек (с 1 по 3 класс). Это объясняется более низкой толерантностью плодов мужского пола к нарушениям гомеостаза в период внутриутробного развития.

3. Успешность обучения мальчиков в общеобразовательной школе ниже, чем у девочек, независимо от характера течения антенатального периода развития детей.

4. Необходима разработка методов профилактики нарушений развития неокортекса при осложненном течении беременности и коррекция известных методов воспитания и обучения детей в семье и школе с учетом характера течения внутриутробного периода развития и пола ребенка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Таюпова И. М.** Влияние железодефицитной анемии на течение беременности, состояние плода и новорожденного // Здоровье и образование в XXI веке. – 2007. – Т. 9, № 3. – С. 280–280.
2. **Логотова Л. С., Ахведиани К. Н., Петрухин В. А., Павлова Т. В., Мельников А. П., Башакин Н. Ф., Жилиева О. Д., Коваленко Т. С., Магилевская Е. В.** Фетоплацентарная недостаточность и перинатальные осложнения у беременных с железодефицитной анемией // Русский медицинский журнал. – 2010. – Т. 18, № 19. – С. 1215–1219.
3. **Barroso F., Allard S., Kahan B. C., Connolly C., Smethurst H., Choo L., Khan K., Stanworth S.** Prevalence of maternal anaemia and its predictors: a multi-centre study // European Journal of Obstetrics & Gynecology and Reproductive Biology. – 2011. – Vol. 159, № 1. – P. 99–105. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ejogrb.2011.07.041>
4. **Деревцов В. В.** Функциональное состояние вегетативной нервной системы в динамике первого года жизни у детей от матерей с анемиями // Педиатрия. Журнал им. Г. Н. Сперанского. – 2010. – Т. 89, № 3. – С. 159–160.
5. **Menon K., Ferguson E., Thomson C., Gray A., Zodpey S., Saraf A., Das P. K., Skeaff S.** Effects of anemia at different stages of gestation on infant outcomes // Nutrition Journal. – 2016. – Vol. 32, № 1. – P. 61–65. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.nut.2015.07.009>
6. **Rahman M. M., Abe S., Rahman M. S., Kanda M., Narita S., Bilano V., Ota E., Gilmour S., Shibuya K.** Maternal anemia and risk of adverse birth and health outcomes in low- and middle-income countries: systematic review and meta-analysis // The American Journal of Clinical Nutrition. – 2016. – Vol. 103, № 2. – P. 495–504. DOI: <https://doi.org/10.3945/ajcn.115.107896>
7. **Суплотова Л. А., Макарова О. Б., Якубова Е. Г., Ковальжина Л. С.** Ранняя диагностика и профилактика дефицита микронутриентов (йода и железа) в период гестации // Лечение и профилактика. – 2013. – № 2 (6). – С. 138–142.
8. **Галактионова М. Ю., Маисеенко Д. А., Капитонов В. Ф., Шурова О. А., Павлов А. В.** Влияние анемии беременных на раннюю адаптацию новорожденных детей // Российский

- вестник перинатологии и педиатрии. – 2016. – Т. 61, № 6. – С. 49–53. DOI: <https://doi.org/10.21508/1027-4065-2016-61-6-49-53>
9. **Breymann C., Honegger C., Holzgreve W., Surbek D.** Diagnosis and treatment of iron-deficiency anaemia during pregnancy and postpartum // *Archives of Gynecology and Obstetrics*. – 2010. – Vol. 282, № 5. – P. 577–580. DOI: <https://doi.org/10.1007/s00404-010-1532-z>
 10. **Коноводова Е. Н., Бурлев В. А.** Эффективность применения препарата Ферро-Фольгамма у беременных и родильниц с железодефицитной анемией // *Русский медицинский журнал*. – 2003. – Т. 11, № 16. – С. 899–901.
 11. **Коноводова Е. Н., Якунина Н. А.** Железодефицитные состояния и беременность // *Русский медицинский журнал*. – 2010. – Т. 18, № 19. – С. 1174–1178.
 12. **Lozoff B.** Iron deficiency and child development // *Food and Nutrition Bulletin*. – 2007. – Vol. 28, Issue 4_suppl4. – P. S560–S571. DOI: <https://doi.org/10.1177/15648265070284S409>
 13. **de Sá S. A., Willner E., Pereira T. A. D., de Souza V. R., Boaventura G. T., de Azeredo V. B.** Anemia in pregnancy: impact on weight and in the development of anemia in newborn // *Nutricion Hospitalaria*. – 2015. – Vol. 32, № 5. – P. 2071–2079. DOI: <https://doi.org/10.3305/nh.2015.32.5.9186>
 14. **Ясюкова Л. А.** Гендерные особенности интеллектуального развития учащихся начальных классов // *Ученые записки Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы*. – 2011. – Т. 16, № 2. – С. 53–58.
 15. **Wei W., Lu H., Zhao H., Chen C., Dong Q., Zhou X.** Gender differences in children's arithmetic performance are accounted for by gender differences in language abilities // *Psychological Science*. – 2012. – Vol. 23, № 3. – P. 320–330. DOI: <https://doi.org/10.1177/0956797611427168>
 16. **Трухина С. И., Циркин В. И., Трухин А. Н., Хлыбова С. В.** Влияние хронической артериальной гипертензии матери на развитие детей // *Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Медико-биологические науки*. – 2013. – № 1. – С. 64–76.
 17. **Трухина С. И., Циркин В. И., Трухин А. Н., Шушканова Е. Г., Хлыбова С. В.** Влияние плацентарной недостаточности матери на развитие детей // *Медицинский альманах*. – 2014. – № 5 (35). – С. 59–63.
 18. **Трухина С. И., Циркин В. И., Трухин А. Н., Четверикова Е. В.** Успешность учебной деятельности детей и подростков, рожденных с большой или низкой массой тела // *Вестник Вятского государственного гуманитарного университета*. – 2013. – № 2 (3). – С. 33–41.
 19. **Curtis D., Sood A., Phillips T., Leinster V., Nishiguchi A., Coyle C., Lacharme-Lora L., Beaumont O., Kemp H., Goodall R., Cornes L., Giugliano M., Barone R., Matsusaki M., Akashi M., Tanaka H., Kano M., McGarvey J., Halemani N., Simon K., Keehan R., Ind W., Masters T., Grant S., Athwal S., Collett G., Tannetta D., Sargent I., Scull-Brown E., Liu X., Aquilina K., Cohen N., Lane J., Thoresen M., Hanley J., Randall A., Case C.** Secretions from placenta, after hypoxia/reoxygenation, can damage developing neurones of brain under experimental conditions // *Experimental Neurology*. – 2014. – Vol. 261. – P. 386–395. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.expneurol.2014.05.003>
 20. **Phillips T., Scott H., Menassa D., Bignell A., Sood A., Morton J., Akagi T., Azuma K., Rogers M., Gilmore C., Inman G., Grant S., Chung Y., Aljunaidy M., Cooke C., Steinkraus B., Pocklington A., Logan A., Collett G., Kemp H., Holmans P., Murphy M., Fulga T., Coney A., Akashi M., Davidge S., Case C.** Treating the placenta to prevent adverse effects of gestational hypoxia on fetal brain development // *Scientific reports*. – 2017. – Vol. 7. – Article number: 9079. DOI: <https://doi.org/10.1038/s41598-017-06300-1>

21. **Miller S., Huppi P., Mallard C.** The consequences of fetal growth restriction on brain structure and neurodevelopmental outcome // *The Journal of Physiology*. – 2016. – Vol. 594, № 4. – P. 807–823. DOI: <https://doi.org/10.1113/JP271402>
22. **Bora S., Liu Z., Kecojevic A., Merchenthaler I., Koliatsos V.** Direct, complex effects of estrogens on basal forebrain cholinergic neurons // *Experimental Neurology*. – 2005. – Vol. 194, № 2. – P. 506–522. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.expneurol.2005.03.015>
23. **Krause D., Duckles S., Pelligrino D.** Influence of sex steroid hormones on cerebrovascular function // *Journal of Applied Physiology*. – 2006. – Vol. 101, № 4. – P. 1252–1261. DOI: <https://doi.org/10.1152/japplphysiol.01095.2005>
24. **Carroll J., Rosario E.** The potential use of hormone-based therapeutics for the treatment of Alzheimer's disease // *Current Alzheimer Research*. – 2012. – Vol. 9, № 1. – P. 18–34. DOI: <https://doi.org/10.2174/156720512799015109>
25. **Bondesson M., Hao R., Lin C., Williams C., Gustafsson J.** Estrogen receptor signaling during vertebrate development // *Biochimica et Biophysica Acta (BBA) – Gene Regulatory Mechanisms*. – 2015. – Vol. 1849, № 2. – P. 142–151. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.bbagr.2014.06.005>
26. **Faa G., Marcialis M., Ravarino A., Piras M., Pintus M., Fanos V.** Fetal programming of the human brain: is there a link with insurgence of neurodegenerative disorders in adulthood? // *Current Medicinal Chemistry*. – 2014. – Vol. 21, № 33. – P. 3854–3876. DOI: <https://doi.org/10.2174/0929867321666140601163658>

DOI: [10.15293/2226-3365.1801.12](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1801.12)

Svetlana Ivanovna Trukhina, Candidate of Biological Sciences, Associated Professor, Biology and Methods of Teaching Biology Department, Institute of Biology and Biotechnology, Vyatka State University, Kirov, Russian Federation.

ORCID ID: <http://orcid.org/0000-0003-3888-1993>

E-mail: trukhinasvetlana@yandex.ru

Andrey Nikolaevich Trukhin, Candidate of Biological Sciences, Associated Professor, Biology and Methods of Teaching Biology Department, Institute of Biology and Biotechnology, Vyatka State University, Kirov, Russian Federation.

ORCID ID: <http://orcid.org/0000-0001-7259-7078>

E-mail: trukhinandrey@rambler.ru

Viktor Ivanovich Tsirkin, Doctor of Medical Sciences, Professor, Biology and Methods of Teaching Biology Department, Institute of Biology and Biotechnology, Vyatka State University, Kirov, Russian Federation.

ORCID ID: <http://orcid.org/0000-0003-3467-3919>

E-mail: tsirkin@list.ru

Elena Gennadyevna Shushkanova, Candidate of Biological Sciences, Associated Professor, Biology and Methods of Teaching Biology Department, Institute of Biology and Biotechnology, Vyatka State University, Kirov, Russian Federation.

ORCID ID: <http://orcid.org/0000-0002-4588-604X>

E-mail: el.s90@mail.ru

Svetlana Vyacheslavovna Khlybova, Doctor of Medical Sciences, Associated Professor, Obstetrics and Gynecology Department, Kirov State Medical University, Kirov, Russian Federation.

ORCID ID: <http://orcid.org/0000-0003-4421-4775>

E-mail: svekhlybova@yandex.ru

Learning achievements of schoolchildren in grades 1-8 born to mothers with anemia complicating pregnancy

Abstract

Introduction. The article studies how learning achievement of schoolchildren are influenced by characteristics of their intrauterine development period. The purpose of the article is to investigate learning achievements of schoolchildren born to mothers whose pregnancy was complicated by mild anemia (taking into account their gender).

Materials and Methods. The authors conducted a retrospective research on perinatal development and learning achievements of 228 schoolchildren in 1-8 grades, including 113 children (62 girls and 51 boys), born to mothers with physiological pregnancy and childbirth (group 1) and 115 children (64 girls and 51 boys) born to mothers with mild anemia (group 2).

Results. This is the first study reporting that the complicated prenatal period, mainly due to the maternal anemia of a mild degree (hemoglobin content in the blood is 90–105 g/l, the number of erythrocytes is $3,2\text{--}3,6 \times 10^{12}/l$), has long-term negative consequences on offspring, which is manifested in a decrease in intellectual potential, especially in boys. This is evidenced by a lower learning achievement rate in schoolgirls (grades 1-3) and schoolboys (grades 1-8). Having analyzed scientific literature, the authors concluded that the main cause leading to negative effect of complicated prenatal period is brain hypoxia, which disrupts the normal development of neocortex neurons in prenatal and postnatal periods. The ability of estrogens to prevent negative effects of hypoxia indicates the possibility of pharmacological and non-pharmacological (psychological and pedagogical) correction of developmental disorders of the neocortex.

Conclusions. Anemia of pregnant women has a negative impact on the intellectual development of children (especially boys), which requires the development of methods for preventing developmental disorders of the neocortex and correcting teaching and methods and nurturing parenting techniques.

Keywords

Anemia of pregnant women; Chronic fetal hypoxia; Complications of pregnancy; Condition of the newborn; Pupils; Sex differences; Success of training.

REFERENCES

1. Tayupova I. M. Influence of iron deficiency anemia on the course of pregnancy, the condition of the fetus and the newborn. *Health & Education Millennium*, 2007, vol. 9, no. 3, pp. 280–280. (In Russian) URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23688237>
2. Logutova L. S., Ahvlediani K. N., Petruhin V. A., Pavlova T. V., Mel'nikov A. P., Bashakin N. F., Zhiljaeva O. D., Kovalenko T. S., Magilevskaja E. V. Fetoplacental failure and perinatal complications in pregnant women with iron deficiency anemia. *Russian Medical Journal*, 2010, vol. 18, no. 19, pp. 1215–1219. (In Russian) URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=18622871>
3. Barroso F., Allard S., Kahan B. C., Connolly C., Smethurst H., Choo L., Khan K., Stanworth S. Prevalence of maternal anaemia and its predictors: a multi-centre study. *European Journal of Obstetrics & Gynecology and Reproductive Biology*, 2011, vol. 159, no. 1, pp. 99–105. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ejogrb.2011.07.041>
4. Derevcov V. V. Functional state of the autonomic nervous system in the dynamics of the first year of life in children from mothers with anemia. *Journal 'Pediatrics' named after G.N. Speransky*, 2010, vol. 89, no. 3, pp. 159–160. (In Russian) URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=18858313>
5. Menon K., Ferguson E., Thomson C., Gray A., Zodey S., Saraf A., Das P. K., Skeaff S. Effects of anemia at different stages of gestation on infant outcomes. *Nutrition Journal*, 2016, vol. 32, no. 1, pp. 61–65. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.nut.2015.07.009>
6. Rahman M. M., Abe S., Rahman M. S., Kanda M., Narita S., Bilano V., Ota E., Gilmour S., Shibuya K. Maternal anemia and risk of adverse birth and health outcomes in low- and middle-income countries: systematic review and meta-analysis. *American Journal of Clinical Nutrition*, 2016, vol. 103, no. 2, pp. 495–504. DOI: <https://doi.org/10.3945/ajcn.115.107896>
7. Suplotova L. A., Makarova O. B., Yakubova Ye. G., Kovalzhina L. S. The early diagnostic and prevention of deficiency of micronutrients (iodine and iron) during period of gestation. *Treatment and Prevention*, 2013, no. 2, pp. 138–142. (In Russian) URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=20296229>
8. Galaktionova M. Yu., Maiseenko D. A., Kapitonov V. F., Shurova O. A., Pavlov A. V. Impact of Anemia in Pregnant Women on Early Neonatal Adaptation. *Russian Bulletin of Perinatology and*

- Pediatrics*, 2016, vol. 61, no. 6, pp. 49–53. DOI: <https://doi.org/10.21508/1027-4065-2016-61-6-49-53> (In Russian)
9. Breymann C., Honegger C., Holzgreve W., Surbek D. Diagnosis and treatment of iron-deficiency anaemia during pregnancy and postpartum. *Archives of Gynecology and Obstetrics*, 2010, vol. 282, no. 5, pp. 577–580. DOI: <https://doi.org/10.1007/s00404-010-1532-z>
 11. Konovodova E. N., Burlev V. A. Effectiveness of Ferro-Folgamma in pregnant women and puerperas with iron-deficiency anemia. *Russian Medical Journal*, 2003, vol. 11, no. 16, pp. 899–901. (In Russian) URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21608025>
 12. Konovodova E. N., Yakunina N. A. Iron deficiency states and pregnancy. *Russian Medical Journal*, 2010, vol. 18, no. 19, pp. 1174–11784. (In Russian) URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=18622849>
 13. Lozoff B. Iron deficiency and child development. *Food and Nutrition Bulletin*, 2007, vol. 28, issue 4_suppl4, pp. S560–S571. DOI: <https://doi.org/10.1177/15648265070284S409>
 14. de Sá S. A., Willner E., Pereira T. A. D., de Souza V. R., Boaventura G. T., de Azeredo V. B. Anemia in pregnancy: impact on weight and in the development of anemia in newborn. *Nutricion Hospitalaria*, 2015, vol. 32, no. 5, pp. 2071–2079. DOI: <https://doi.org/10.3305/nh.2015.32.5.9186>
 15. Yasyukova L. A. Gender -specific features of schoolchildren s intellectual development. *Scientific notes of the St. Petersburg State of Psychology and Social Work*, 2011, vol. 16, no. 2, pp. 53–58. (In Russian) URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=17927575>
 16. Wei W., Lu H., Zhao H., Chen C., Dong Q., Zhou X. Gender differences in children's arithmetic performance are accounted for by gender differences in language abilities. *Psychological Science*, 2012, vol. 23, no. 3, pp. 320–330. DOI: <https://doi.org/10.1177/0956797611427168>
 17. Trukhina S. I., Tsirkin V. I., Trukhin A. N., Khlybova S. V. Influence of Mother's Chronic Arterial Hypertension on the Development of Children. *Bulletin of Northern (Arctic) Federal University*, 2013, no. 1, pp. 64–76. (In Russian) URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=20269303>
 18. Trukhina S. I., Tsirkin V. I., Trukhin A. N., Shushkanova E. G., Khlybova S. V. Influence of placental insufficiency of mother on the development of kids. *Medical Almanac*, 2014, no. 5, pp. 59–63. (In Russian) URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=22578690>
 19. Trukhina S. I., Tsirkin V. I., Trukhin A. N., Chetverikova E. V. Success of educational activity of children and the teenagers born with the big or low weight of the body. *Herald of Vyatka State University*, 2013, no. 2, pp. 33–41. (In Russian) URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21077857>
 20. Curtis D., Sood A., Phillips T., Leinster V., Nishiguchi A., Coyle C., Lacharme-Lora L., Beaumont O., Kemp H., Goodall R., Cornes L., Giugliano M., Barone R., Matsusaki M., Akashi M., Tanaka H., Kano M., McGarvey J., Halemani N., Simon K., Keehan R., Ind W., Masters T., Grant S., Athwal S., Collett G., Tannetta D., Sargent I., Scull-Brown E., Liu X., Aquilina K., Cohen N., Lane J., Thoresen M., Hanley J., Randall A., Case C. Secretions from placenta, after hypoxia/reoxygenation, can damage developing neurones of brain under experimental conditions. *Experimental Neurology*, 2014, vol. 261, pp. 386–395. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.expneurol.2014.05.003>
 21. Phillips T., Scott H., Menassa D., Bignell A., Sood A., Morton J., Akagi T., Azuma K., Rogers M., Gilmore C., Inman G., Grant S., Chung Y., Aljunaidy M., Cooke C., Steinkraus B., Pocklington A., Logan A., Collett G., Kemp H., Holmans P., Murphy M., Fulga T., Coney A., Akashi M., Davidge S., Case C. Treating the placenta to prevent adverse effects of gestational hypoxia on fetal brain development. *Scientific Reports*, 2017, vol. 7, article number 9079. DOI: <https://doi.org/10.1038/s41598-017-06300-1>

22. Miller S., Huppi P., Mallard C. The consequences of fetal growth restriction on brain structure and neurodevelopmental outcome. *Journal of Physiology*, 2016, vol. 594, no. 4, pp. 807–823. DOI: <https://doi.org/10.1113/JP271402>
23. Bora S., Liu Z., Kecojevic A., Merchenthaler I., Koliatsos V. Direct, complex effects of estrogens on basal forebrain cholinergic neurons. *Experimental Neurology*, 2005, vol. 194, no. 2, pp. 506–522. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.expneurol.2005.03.015>
24. Krause D., Duckles S., Pelligrino D. Influence of sex steroid hormones on cerebrovascular function. *Journal of Applied Physiology*, 2006, vol. 101, no. 4, pp. 1252–1261. DOI: <https://doi.org/10.1152/japplphysiol.01095.2005>
25. Carroll J., Rosario E. The potential use of hormone-based therapeutics for the treatment of Alzheimer's disease. *Current Alzheimer Research*, 2012, vol. 9, no. 1, pp. 18–34. DOI: <https://doi.org/10.2174/156720512799015109>
26. Bondesson M., Hao R., Lin C., Williams C., Gustafsson J. Estrogen receptor signaling during vertebrate development. *Biochimica et Biophysica Acta (BBA) – Gene Regulatory Mechanisms*, 2015, vol. 1849, no. 2, pp. 142–151. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.bbagr.2014.06.005>
27. Faa G., Marcialis M., Ravarino A., Piras M., Pintus M., Fanos V. Fetal programming of the human brain: is there a link with insurgence of neurodegenerative disorders in adulthood?. *Current Medicinal Chemistry*, 2014, vol. 21, no. 33, pp. 3854–3876. DOI: <https://doi.org/10.2174/0929867321666140601163658>

Submitted: 14 September 2017 Accepted: 09 January 2018 Published: 28 February 2018

This is an open access article distributed under the [Creative Commons Attribution License](#) which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work is properly cited. (CC BY 4.0).

© Е. Е. Ержанова, Ж. Б. Сабырбек, К. Милашюс

DOI: [10.15293/2226-3365.1801.13](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1801.13)

УДК 612.39

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ОЦЕНКА ФАКТИЧЕСКОГО ПИТАНИЯ И ОБЕСПЕЧЕНИЯ МАКРО- И МИКРОНУТРИЕНТАМИ СПОРТСМЕНОВ РАЗЛИЧНЫХ ВИДОВ СПОРТА

Е. Е. Ержанова, Ж. Б. Сабырбек (Алматы, Республика Казахстан),
К. Милашюс (Вильнюс, Литва)

Проблема и цель. Растущая популярность видов спорта на выносливость, различных стилей борьбы и игровых видов дает возможность спортсменам проявить свои физические качества. Успех спортсменов, участвующих в этих видах спорта, зависит от уровня развития аэробной, анаэробной и алактатной энергетических систем, которые обеспечивают работающие мышцы энергией. От того, как спортсмены питаются, зависит их здоровье, работоспособность, приспособление к различным факторам окружающей среды. В современной системе спортивной подготовки питание рассматривается как один из ведущих факторов, обуславливающий возможность достижения высокой работоспособности и эффективного протекания восстановительных процессов при напряженной мышечной деятельности.

Обзор литературных источников показывает, что при подготовке спортсменов разных видов спорта к ответственным соревнованиям, стараясь избежать неблагоприятных последствий, изучение фактического питания является несомненно актуальным. Только оценив питание спортсменов, можно его согласовать с организованным тренировочным процессом и выступлением на соревнованиях.

В Казахстане результаты исследований питания спортсменов показали, что их питание не всегда соответствует требованиям, предъявляемым к рациональному питанию спортсменов. Актуальность этого вопроса определила цель исследования – оценить и сравнить фактическое питание спортсменов высокого спортивного мастерства различных видов спорта и их обеспечение необходимыми нутриентами.

Методология. В оценке фактического питания в 2017 году приняли участие 15 триатлонистов национальной сборной Казахстана, 15 борцов дзюдо национальной сборной Казахстана и 15 волейболистов команды «Буревестник» г. Алматы. Возраст исследуемых спортсменов был 19–30 лет. Оценка диеты включала сбор информации о питании спортсменов в течение трех

Ержанова Елдана Ержанкызы – докторант, Казахский Национальный университет им. Аль-Фараби, г. Алматы, Республика Казахстан.

E-mail: Eldana_777@mail.ru

Сабырбек Жанна Бекболаткызы – Доктор PhD, Казахский Национальный университет им. Аль-Фараби, г. Алматы, Республика Казахстан.

E-mail: zhanna.sabyrbek@kaznu.kz

Казис Милашюс – профессор, габилитированный доктор биологических наук, заведующий кафедрой методики спорта, Литовский эдукологический университет, г. Вильнюс, Литва.

E-mail: kazys.milasius@leu.lt

дней за 24 часа в сутки методом опроса о фактическом питании. Регистрировались данные о потреблении продуктов и блюд исследуемых спортсменов.

Результаты. Химический состав и энергетическая стоимость потребляемых продуктов оценены по таблице химического состава продуктов Казахстана. Систематический анализ состава пищевых веществ и их энергетической стоимости проводился при помощи программы «Статистический пакет для общественных наук» (SPSS, версия 16) и типового синтаксиса и алгоритмов табулирования, адаптированных для цели нашего исследования.

Заключение. Фактическое питание исследуемых спортсменов высокого спортивного мастерства почти удовлетворяет физиологические потребности в пищевых и биологически активных веществах. У исследуемых спортсменов в средних пищевых рационах основные пищевые вещества недостаточно сбалансированы. Часть энергетической стоимости, приходящей из жиров, завышена и составляет в среднем у триатлонистов 33,44 %, у дзюдоистов – 49,0 %, у волейболистов – 35,20 %, тогда как часть энергии, производимой из углеводов, занижена, и у дзюдоистов составляет лишь 31,70 %, что не соответствует рекомендуемой дневной норме. В пищевых рационах исследуемых спортсменов недостатка витаминов и минеральных веществ нет. При этом количество таких элементов, как натрий, калий, кальций, фосфор, магний, железо, йод, значительно превышает рекомендуемые нормы. Содержание витаминов А, В3, В6, В12, Н и С значительно превышает рекомендуемую дневную норму. В литературных источниках полагается, что спортсменам, выполняющим большие физические нагрузки, требуется повышенное количество витаминов и минеральных веществ, но нет никаких доказательств пользы того, что их увеличение является необходимым.

Ключевые слова: спортсмены; фактическое питание; энергетическая стоимость пищи; углеводы; жиры; белки; витамины; микроэлементы; макроэлементы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Hoffman M.** Physiological comparisons of cross-country skiing techniques // *Medicine and Science in Sports and Exercise*. – 1992. – Vol. 24 (9). – P. 1023–1032. PMID: 1406186. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pubmed/1406186>
2. **Bergh U., Forsberg A.** Influence of body mass on cross-country ski racing performance // *Medicine and Science in Sports and Exercise*. – 1992. – Vol. 24 (9). – P. 1033–1039. PMID: 1406187. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pubmed/1406187>
3. **Jeukendrup A. E.** Nutrition for endurance sports: Marathon, triathlon, and road cycling // *Journal of Sports Sciences*. – 2011. – Vol. 29, Suppl. 1. – P. S91–99. PMID: 21916794. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/02640414.2011.610348>
4. **Saris W. H., van Erp-Baart M. A., Brouns F., Westerterp K. R., ten Hoor F.** Study of food intake and energy expenditure during extreme sustained exercise: the Tour de France // *International Journal of Sports Medicine*. – 1989. – Vol. 10, Suppl. 1. – P. S26–S31. PMID: 2744926. DOI: <http://dx.doi.org/10.1055/s-2007-1024951>
5. **Costill D. L., Hargreaves M.** Carbohydrate nutrition and fatigue // *Sports Medicine*. – 1992. – Vol. 13 (2). – P. 86–92. PMID: 1561511. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pubmed/1561511>
6. **Applegate E. A.** Nutritional considerations for ultra-endurance performance // *International Journal of Sport Nutrition*. – 1991. – Vol. 1 (2). – P. 118–126. PMID: 1844990. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pubmed/1844990>

7. **Degoutte F., Jouanel P., Filaire E.** Energy demands during a judo match and recovery // *British Journal of Sports Medicine*. – 2003. – Vol. 37, № 3. – P. 245–249. DOI: <http://dx.doi.org/10.1136/bjsm.37.3.245>
8. **Jeukendrup A., Jentjens R., Moseley L.** Nutritional considerations in triathlon // *Sports Medicine*. – 2005. – Vol. 35 (2). – P. 163–181. PMID: 15707379. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pubmed/15707379>
9. **Bentley D., Cox G., Green, Laursen P.** Maximizing performance in triathlon: Applied physiological and nutrition aspects of elite and non-elite competitions // *Journal of Science and Medicine in Sport*. – 2008. – Vol. 11 (4). – P. 407–416. PMID: 17869183. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.jsams.2007.07.010>
10. **Filaire E., Maso F., Degoutte F., Jouanel P., Lac G.** Food restriction, performance, psychological state and lipid values in judo athletes // *International Journal of Sports Medicine*. – 2001. – Vol. 22, № 6. – P. 454–459. PMID: 11531040. DOI: <http://dx.doi.org/10.1055/s-2001-16244>
11. **Prouteau S., Benhamou L., Courteix D.** Relationships between serum leptin and bone markers during stable weight, weight reduction and weight regain in male and female judoists // *European Journal of Endocrinology*. – 2006. – Vol. 154 (3). – P. 389–395. PMID: 16498051. DOI: <http://dx.doi.org/10.1530/eje.1.02103>
12. **Lemon P. W.** Do athletes need more dietary protein and amino acids? // *International Journal of Sport Nutrition*. – 1995. – Vol. 5 Suppl. – P. S39–S61. PMID: 7550257. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pubmed/7550257>
13. **Tipton K. D., Wolfe R. R.** Protein and amino acids for athletes // *Journal of Sports Sciences*. – 2004. – Vol. 22, № 1. – P. 65–79. PMID: 14971434. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/0264041031000140554>
14. **Robins A.** Nutritional recommendations for competing in the Ironman triathlon // *Current Sports Medicine Reports*. – 2007. – Vol. 6 (4). – P. 241–248. PMID: 17618000. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pubmed/17618000>
15. **Dolan S. H., Houston M., Martin D. B.** Survey results of the training, nutrition, and mental preparation of triathletes: Practical implications of findings // *Journal of Sports Sciences*. – 2011. – Vol. 29, № 10. – P. 1019–1028. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/02640414.2011.574718>
16. **Burke L. M., Read R. S. D.** Diet patterns of elite Australian male triathletes // *The Physician and Sportsmedicine*. – 1987. – Vol. 15 (2). – P. 140–155. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/00913847.1987.11709287>
17. **Campbell B., Kreider R. B., Ziegenfuss T., La Bounty P., Roberts M., Burke D., Landis J., Lopez H., Antonio J.** International Society of Sports Nutrition position stand: protein and exercise // *Journal of the International Society of Sports Nutrition*. – 2007. – Vol. 4. – P. 8. DOI: <https://doi.org/10.1186/1550-2783-4-8>
18. **Houtkooper L., Abbot J. M., Nimmo M.** Nutrition for throwers, jumpers, and combined events athletes // *Journal of Sports Sciences*. – 2007. – Vol. 25, Issue sup. 1. – P. S39–S47. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pubmed/18049982>
19. **Clarkson P. M.** Nutrition for Improved Sports Performance // *Sports Medicine*. – 1996. – Vol. 21, Issue 6. – P. 393–401. DOI: <https://doi.org/10.2165/00007256-199621060-00001>
20. **Papadopoulou S. K., Papadopoulou S. D., Gallos G. K.** Macro- and micro-nutrient intake of adolescent Greek female volleyball players // *International Journal of Sport Nutrition and Exercise Metabolism*. – 2002. – Vol. 12, № 1. – P. 73–80. PMID: 11993624. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pubmed/11993624>

21. **Naughton R. J., Drust B., O'Boyle A., Morgans R., Abayomi J., Davies I. G., Morton J. P., Mahon E.** Daily distribution of carbohydrate, protein and fat intake in elite youth academy soccer players over a 7-day training period // *International Journal of Sport Nutrition and Exercise Metabolism*. – 2016. – Vol. 26, № 5. – P. 473–480. DOI: <https://doi.org/10.1123/ijsnem.2015-0340>
22. **Yerzhanova E., Sabyrbek Z., Milašius K.** Comparative evaluation of actual nutrition and micronutrients provision of judo wrestlers of various sport performance levels // *Sporto mokslas*. – 2017. – Vol. 3, № 89. – P. 47–53. DOI: <http://dx.doi.org/10.15823/sm.2017.28>
23. **Burke L., Hawley J., Wong S., Jeukendrup A.** Carbohydrates for training and competition // *Journal of Sports Sciences*. – 2011. – Vol. 29, Issue sup. 1. – P. S17–S27. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/02640414.2011.585473>
24. **Phillips S. M., van Loon L. J.** Dietary protein for athletes: from requirements to optimum adaptation // *Journal of Sports Sciences*. – 2011. – Vol. 29, Issue sup. 1. – P. S29–S38. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/02640414.2011.619204>
25. **Nogueira J. A., Da Costa T. H.** Nutrient Intake and Eating Habits of Triathletes on a Brazilian Diet // *International Journal of Sport Nutrition and Exercise Metabolism*. – 2004. – Vol. 14, № 6. – P. 684–697. PMID: 15657473. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pubmed/15657473>
26. **Andreoli A., Monteleone M., Van Loan M., Promenzio L., Tarantino U., De Lorenzo A.** Effects of different sports on bone density and muscle mass in highly trained athletes // *Medicine and Science in Sports and Exercise*. – 2001. – Vol. 33, № 4. – P. 507–511. DOI: <http://dx.doi.org/10.1097/00005768-200104000-00001>
27. **Timpmann S., Ööpik V., Pääsuke M., Medijainen L., Ereline J.** Acute effects of self-selected regimen of rapid body mass loss in combat sport athletes // *Journal of Sports Science and Medicine*. – 2008. – Vol. 7 (2). – P. 210–217. PMID: PMC3761466. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC3761466>
28. **Gillen J. B., Trommelen J., Wardenaar F. C., Brinkmans N. Y. J., Versteegen J. J., Jonvik K. L., Kapp C., de Vries J., van den Borne J. J. G. C., Gibala M. J., van Loon L. J. C.** Dietary protein intake and distribution patterns of well-trained Dutch athletes // *International Journal of Sport Nutrition and Exercise Metabolism*. – 2017. – Vol. 27, № 2. – P. 105–114. DOI: <https://doi.org/10.1123/ijsnem.2016-0154>
29. **Doering T. M., Reaburn P. R., Cox G., Jenkins D. G.** Comparison of postexercise nutrition knowledge and postexercise carbohydrate and protein intake between Australian masters and younger triathletes // *International Journal of Sport Nutrition and Exercise Metabolism*. – 2016. – Vol. 26, № 4. – P. 338–346. DOI: <https://doi.org/10.1123/ijsnem.2015-0289>
30. **Gabbett T., Georgieff B.** Physiological and anthropometric characteristics of Australian junior national, state, and novice volleyball players // *Journal of Strength and Conditioning Research*. – 2007. – Vol. 21, № 3. – P. 902–908. PMID: 17685708. DOI: <http://dx.doi.org/10.1519/R-20616.1>
31. **Anderson L., Naughton R. J., Close G. L., Di Michele R., Morgans R., Drust B., Morton J. P.** Daily distribution of macronutrient intakes of professional soccer players from the English premier league // *International Journal of Sport Nutrition and Exercise Metabolism*. – 2017. – Vol. 27, № 6. – P. 491–498. DOI: <https://doi.org/10.1123/ijsnem.2016-0265>
32. **Silk L. N., Greene D. A., Baker M. K.** The effect of calcium or calcium and vitamin d supplementation on bone mineral density in healthy males: a systematic review and meta-analysis // *International Journal of Sport Nutrition and Exercise Metabolism*. – 2015. – Vol. 25, № 5. – P. 510–524. DOI: <https://doi.org/10.1123/ijsnem.2014-0202>
33. **Dahlquist D. T., Stellingwerff T., Dieter B. P., McKenzie D. C., Koehle M. S.** Effects of macro- and micronutrients on exercise-induced hepcidin response in highly trained endurance athletes //

- Applied Physiology, Nutrition, and Metabolism. – 2017. – Vol. 42, № 10. – P. 1036–1043. DOI: <http://dx.doi.org/10.1139/apnm-2017-0207>
34. **Shirreffs S.** Maintenance of fluid balance in sport and exercises // Nutrition and Sport / Ed D. MacLaren. – Edinburgh: Elsevier, 2007. – P. 137–151. DOI: <https://doi.org/10.1016/B978-0-443-10341-4.50010-2>
35. **Kreider R. B., Wilborn C. D., Taylor L., Campbell B., Almada A. L., Collins R., Cooke M., Earnest C. P., Greenwood M., Kalman D. S., Kerksick C. M., Kleiner S. M., Leutholtz B., Lopez H., Lowery L. M., Mendel R., Smith A., Spano M., Wildman R., Willoughby D. S., Ziegenfuss T. N., Antonio J.** ISSN exercise and sport nutrition review: research and recommendations // Journal of the International Society of Sports Nutrition. – 2010. – Vol. 7. – P. 7. DOI: <http://dx.doi.org/10.1186/1550-2783-7-7>
36. **Backx E., van der Avoort C., Tieland M., Maase K., Kies A., van Loon L., de Groot L., Mensink M.** Seasonal variation in vitamin D status in elite athletes: A longitudinal study // International Journal of Sport Nutrition and Exercise Metabolism. – 2017. – Vol. 27, № 1. – P. 6–10. DOI: <https://doi.org/10.1123/ijsnem.2016-0177>
37. **Van der Beek E. J.** Vitamin supplementation and physical exercise performance // Journal of Sports Sciences. – 1991. – Vol. 9. – P. 77–90. PMID: 1895365. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/02640419108729868>

DOI: [10.15293/2226-3365.1801.13](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1801.13)

Yeldana Yerzhankyzy Yerzhanova, PhD Student, Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Republic of Kazakhstan.

ORCID ID: <http://orcid.org/0000-0003-1304-1824>

E-mail: Eldana_777@mail.ru

Zhanna Bekbolatkyzy Sabymbek, Doctor PhD, Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Republic of Kazakhstan.

ORCID ID: <http://orcid.org/0000-0001-5014-5441>

E-mail: zhanna.sabyrbek@kaznu.kz

Kazys Milašius, Professor, Habilitated Doctor of Biomedical Sciences, Head of Sport Teaching Methods Department, Lithuanian University of Educational Sciences, Vilnius, Lithuania.

ORCID ID: <http://orcid.org/0000-0002-1109-7421>

E-mail: kazys.milasius@leu.lt

Comparative evaluation of actual nutrition practices and macro- and micronutrients consumption of athletes in a range of sport types

Abstract

Introduction. The growing popularity of sports for endurance, various styles of wrestling and game types allows athletes to show their physical qualities. The success of athletes doing these sports depends on the level of development of aerobic, anaerobic and alaktate energy systems which provide muscle energy. Athletes' diets affect their health, performance, and adaptation to various environmental factors. Modern system of sports training recognizes nutrition as one of the leading factors contributing to enhanced sporting performance and increased regenerative processes during intense muscular activities. The literature review shows that study of actual nutrition practices of athletes in a range of sport types is significant during pre-competition training. Only after assessing athletes' nutrition practices, it is possible to develop a planned dietary strategy to satisfy the requirements of training process and to enhance sports performance at competitions. In Kazakhstan, the results of studies on athletes' nutrition practices showed that their actual diet did not always meet the requirements of rational nutrition for athletes. The relevance of this issue has determined the purpose of this study. The objective of the research is to study actual nutrition practices of elite-level athletes and to evaluate the provision of necessary nutrients.

Materials and Methods. The research was carried out in 2017 and involved 15 triathletes of Kazakhstan national team, 15 judo wrestlers of Kazakhstan national team and 15 players of Almaty volleyball team called Burevestnik. The participants were aged between 19 and 30 years. The data were collected via a survey on athletes' actual nutrition for 3 days (24 hours a day). The data on the consumed food and dishes were recorded.

Results. Chemical composition and energy value of consumed food products were estimated according to Dietary Reference Values for chemical composition of Kazakhstan's food products. A systematic analysis of the composition of nutrients and their energy values was carried out using the Statistical Package for Social Sciences software (SPSS, version 16), the typical syntax and tabulation algorithms modified for the purpose of the study.

Conclusions. The research has shown that actual nutrition practices of the elite-level athletes under study satisfy their physiological needs in food and biologically active substances. We observed

that basic nutrients are not sufficiently balanced in athletes' middle food rations. Part of the energy coming from fats is increased and makes up 33.44 per cent on average for triathletes, 49.00 per cent for judo wrestlers, and 35.20 per cent for volleyball players, while part of the energy produced from carbohydrates is understated, and is only 31.70 per cent for judo wrestlers, which does not correspond to the recommended daily rate. There is no shortage in vitamins and minerals detected. At the same time, the content of such elements as sodium, potassium, calcium, phosphorus, magnesium, iron, iodine, significantly exceeds the recommended standards. The content of vitamins A, B3, B6, B12, H and C also significantly exceed the recommended daily allowance. Literature sources believe that athletes performing high physical activity require an increased amount of vitamins and minerals, but there is no scientific evidence justifying it.

Keywords

Sportsmen; Actual diet; Energy value of food; Carbohydrates; Fats; Proteins; Vitamins; Micro elements; Macro elements.

Introduction

The growing popularity of sports for endurance, various styles of wrestling and game types allows athletes to show their physical qualities¹. These sports make great demands on the muscles of the legs and upper body [1; 2]². The success of athletes participating in these sports depends on the level of development of aerobic, anaerobic and alaktate energy systems, which provide working muscles with energy. From the athletes eat affects their health, performance, adaptation to various environmental factors³. In the modern system of sports preparation of food is considered as one of the leading factors that contribute to the possibility of achieving a high performance and efficient flow of regenerative processes during intense muscular activity [3]. The nutrition of athletes covers the general principles of rational nutrition of people, but due to the constant great physical exertion, emotional stress, it acquires specific features⁴.

Triathlon is a sport that requires great endurance and strength. Competitions for triathlonists last 3–4 hours. Consequently, this sport consists of three endurance sports, replacing each other in a continuous sequence, the methodology for building the triathlete training process includes methods for their preparation in the disciplines that make up the types of the triathlon program, taking into account the length of the distance segments⁵. The long-term training process in the form of sport triathlon causes peculiar physiological and psychological changes in the human body. The result adequately built athlete training, specializing in one form or another program on the selected distance, is to improve the body's functions to deliver oxygen and energy substances to the muscles that work, increase the ability to increase energy reserves (in muscles and liver), accelerate the excretion of metabolic byproducts from muscle tissues, improve motor performance⁶. The dominant

¹ Kandrat S. Volleyball. In: Rosenblum K. A. (Ed.) *Nutrition athletes*, 2006, pp. 440–445. (In Russian)

² Bellenger S. Wrestling with wrestling. *Training Conditioning*, 1997, vol. 7, pp. 50–55.

³ Jeukendrup A., Gleeson M. *Sport Nutrition. An introduction to energy production and performance*. Champaign, IL, Human Kinetics Publ., 2010, 473 p.

⁴ Dunford M. *Fundamentals of sport and exercise nutrition*. Champaign, IL: Human Kinetics, 2010.

⁵ Vodlozerov V. E. The planning of training process in triathlon. *Slobozhanskyi Herald of Science and Sport*. 2016, no. 1, pp. 28–33. (In Russian)

⁶ Finch M. Nutrition in triathlon. In: Finch M. (ed.) *Triathlon training*. Champaign, IL: Human Kinetics, 2004, pp. 102–115.

energy system during a load of this duration is aerobic.

Judo is a sport that requires great physical strength, speed and agility. Duel in wrestlers lasts two halves of 5 minutes. During the fight, the energy demand wrestlers changing. The duel saturated with moments during which ATP-CF, glycolytic systems are involved in energy production, and aerobic systems help the fighter recover quickly during less active activities.

Volleyball is a game that requires energy, speed, strength and accuracy. Volleyball players during the game quickly overcome short distances, quickly come into motion, often jump and change the direction of movement. During the game, volleyball players are mainly involved in the anaerobic energy system, which gives about 90 % of the energy produced.

In the energy supply of triathletes, carbohydrates and fats make the main contribution. According to many authors, the energy expenditures of sports representatives developing aerobic capabilities range from 5000–6000 kcal and can depend on gender, age, training period, the complexity of the terrain crossing [4; 5]⁷. The need for triathletes in basic food substances is about the same as for other athletes – 55–60 % should be carbohydrates, 25–30 % fats and 15–20 % proteins⁸. Recommendations E. Applegate (1991) [6] and E. Kolleman⁹ diet for training triathletes the following: 7–10 g

carbohydrates kg-1 per day, 7 g • kg-1 for 1-hour classes per day, 8 g • kg-1 for 2 hours a day, 10 g • kg- 1 for 3-4 hours a day. L. Burke (2007)¹⁰ determined that during the training sessions a triathlete weighing 67.5 kg consumes 9 grams • kg-1 carbohydrates (60 % of the total energy consumption).

The dominant energy production system during judo wrestling is anaerobic. It assumed that for judo wrestlers 70–80 % of the energy produced by the ATP-KF system together with the glycolytic and 10–20 % – aerobic¹¹ [7]. The need for judo wrestlers in basic food substances is about the same as for other athletes – 55–60 % should be carbohydrates, 25–30 % fats and 15–20 % proteins¹².

The need for basic nutrients for volleyball players is slightly different from the general recommendations for athlete nutrition¹³. A diet rich in carbohydrates (60–65 %), moderate in fats (20–30 %) and proteins (12–20 %), should provide players with a balance of essential nutrients. A well-balanced diet based on carbohydrates will provide energy for training sessions and competitions, as well as explosive energy and glycogen for muscle nutrition.

As suggested A. Jeukendrup et al. (2005) [8], D. Bentley et al. (2007) [9] the amount of energy produced from fats in athletes participating in excessively long distances can be 36–45 % of the total energy produced.

⁷ Laursen P. B., Rhodes E. C. Physiological analysis of a high-intensity ultraendurance event. *Strength and Conditioning Journal*, 1999, vol. 21, pp. 26–38.

⁸ Teshima K., Imamura H., Yoshimura Y., Nishimura S., Miyamoto N., Yamauchi Y., Hori H., Moriwaki C., Shirota T. Nutrient intake of highly competitive male and female collegiate karate players. *Journal of Physiological Anthropology and Applied Human Science*, 2002, vol. 21, no. 4, pp. 205–211.

⁹ Kolleman E. Kinds of sport that require superendurance. In: Rosenblum K. A. (Ed.) *Nutrition for athletes*, 2006, pp. 424–431. (In Russian)

¹⁰ Burke L. *Practical sports nutrition*. Champaign, IL: Human Kinetics, 2007.

¹¹ Bellenger S. Wrestling with wrestling. *Training Conditioning*, 1997, vol. 7, pp. 50–55.

¹² Boisseau N., Vera-Perez S., Poortmans J. Food and fluid intake in adolescent female judo athletes before competition. *Pediatric Exercise Science*, 2005, vol. 17, pp. 62–71.

¹³ Rozenblum K. A. *Nutrition for athletes*. Manual for professional work with physically trained people. Kiev, Olympic Literature Publ., 2006, pp. 95–126 (In Russian)

The need for fat in wrestlers of the style of judo varies depending on the nature of the fight. As E. Filaire et al., 2001; S. Proteau et al., 2006; D. Papandreou et al., 2007 [10; 11]¹⁴ the amount of energy produced from fats in them is 36–45 %.

The fat needs of volleyball players vary depending on the individual goals of each player. The energy requirement is determined based on the individual body weight of the athlete, and the average number of calories burned during exercise¹⁵.

Protein supplements for long-term work on endurance, being an additional source of energy, justify themselves, since 5–10 % of energy during such work comes at the expense of protein catabolism [12]. The recommended protein norm for non-athletes per day is 0.8–1.0 g / kg body weight. However, for triathlonists, the need for a protein is greater, increasing to 1.4–1.7 g / kg body weight [13–15]. L. Burke, R. Reed (1987) [16] believe that triathlonists, during training sessions, should consume at least 2 g • kg-1 protein (13 % of energy consumption) and fats – 1.8 g • kg-1 (27 % of energy consumption). For wrestlers, the need for protein is even greater and increases to 1.6–1.8 g / kg body weight [13; 17; 18]¹⁶. It is also important for a volleyball player to obtain a protein for growth and restoration of tissue¹⁷.

A diet rich in nutrients is very important during training sessions and competitions to ensure adequate consumption of vitamins and minerals. P. Clarkson (1996) [19] (2000)¹⁸, S. Papadopoulou (2002) [20], A. Jeukendrup, M. Gleeson (2010)³ found that mainly athletes consume an adequate amount of essential vitamins and minerals during training sessions and at the same time pay attention to the fact that over-hardy athletes can risk their status of vitamins and minerals. During long training sessions and competitions if the amount of vitamins and minerals obtained in the form of tablets and injections is significantly higher than their quantity, which came from food, which can have a negative effect on the body.

Good hydration is the main concern during long competitions, as an athlete who has adequate muscle glycogen stores and blood glucose level can still get a heat stroke. Athletes can achieve very high rates, if the fluid intake will make up for its loss with sweat. Dehydration, equal to 2 % of body weight, improves the function of the cardiovascular system and thermostatic. Good hydration improves stamina and protects against thermal shock¹⁹.

The review of literature sources shows that when training sportsmen of different sports for responsible competitions, trying to avoid adverse consequences, the study of actual nutrition is

¹⁴ Papandreou D., Eystathiadis P., Bouzoukiu V., Hassapidou M., Tsitskaris G., Garefis A. Dietary assessment, anthropometric measurements and nutritional status of Greek Professional athletes. *Nutrition and Food Science*, 2007, vol. 37, no. 5, pp. 338–344.

¹⁵ Bastos D. Avaliacaonutricional, padraoalimentar e conhecimentos de nutricao e alimentacao de jovensatletas de Voleibol. Universidade do Porto. *Faculdade De Ciencias Da Nutricao e Alimentacao*. LicenciaturaemCiências da Nutrição–Dissertação, 2006, pp. 1–76.

¹⁶ Finaud J., Degoutte F., Scislowski V., Rouveix M., Durand D., Filaire E. Competition and food restriction

effects on oxidative stress in judo. *International Journal of Sports Medicine*, 2006, vol. 27, no. 10, pp. 834–841.

¹⁷ Zapolska J., Witczak K., Mańczuk A., Ostrowska L. Assessment of nutrition, supplementation and body composition parameters on the example of professional volleyball players. *Roczniki Państwowego Zakładu Higieny*, 2014, vol. 65, no. 3, pp. 235–242.

¹⁸ Clarkson P. M. Trace Minerals. In: R. J. Maughan (Ed.) *Nutrition in Sport*. Blackwell Science, Oxford Publ., 2000, pp. 339–355.

¹⁹ Murray R. Fluid needs of athletes. In: Berning J. R., Steen S. N. (eds) *Nutrition for Sport and Exercise*. 2nd ed. Gaithersburg, Md: Aspen Publishers, 1998, pp. 143–153.

undoubtedly relevant. Only after assessing the nutrition of athletes, it can be coordinated with the organized training process and performance at competitions²⁰.

In Kazakhstan, the results of studies on nutrition of athletes have shown that their actual nutrition does not always correspond to the requirements for rational nutrition of athletes^{21, 22, 23}. Among scientific researches of nutrition of sportsmen, there are not enough data on the actual nutrition of athletes developing endurance and performing at long and long distances, including triathletes and representatives of speed-power sports. The relevance of this issue determined the purpose of this study.

Purpose of the work – evaluate and compare the actual nutrition of athletes high sports skills of various sports and provision of necessary nutrients.

Methods

The actual nutritional assessment in 2017 was attended by 15 triathletes of the national team of Kazakhstan, who are on training camps during their preparation for the national championship and 15 judo wrestlers of the national team of Kazakhstan of different weight categories, who are on training camps during their preparation for the World Championship and 15 volleyball players of the Burevestnik team in Almaty,

playing in the national championship. The age of the triathletes studied was 21–30 years old, their average height was 180.0 ± 7.2 cm, body weight – on average 65.5 ± 7.1 kg, body mass index (BMI) averaged 20.2. The age of judoists was 20–28 years old; their average height was 174.3 ± 8.3 cm, body weight – on the average 78.0 ± 18.9 kg, BMI was on average 25.74. The age of volleyball players was 19–22 years, their growth averaged 188.0 ± 8.38 cm, body weight – on the average 78.11 ± 7.68 kg, and BMI averaged 22.1.

Evaluation of the diet included collecting information on athlete nutrition for 3 days for 24 hours a day by questioning the actual nutrition. The data on the consumption of products and dishes of the athletes under study recorded.

The chemical composition and energy cost of consumed products estimated from the table of the chemical composition of Kazakhstan's products. When compiling the database, the product loss factors for cold and thermal processing taken into account (an individual computer program created by the programmer Kan E.). In order to determine the Recommended Daily Allowance (RDA) were used recommendations D. Bernardot (2000)²⁴, S. Portugalov (2001)²⁵. A systematic analysis of the composition of nutrients and their energy costs carried out using the Statistical Package for Social Sciences program (SPSS, version 16), the typical syntax and tabulation algorithms adapted for the purpose of this study. To analyze the

²⁰ Papandreou D., Eystathiadis P., Bouzoukiu V., Hassapidou M., Tsitskaris G., Garefis A. Dietary assessment, anthropometric measurements and nutritional status of Greek Professional athletes. *Nutrition and Food Science*, 2007, vol. 37, no. 5, pp. 338–344.

²¹ Mustafin S. K. *Nutrition for athlete*. Almaty, Bastau Publ., 2012, 228 p. (In Russian)

²² Erzhanova E. E., Sabyrbek Zh. B., Milashyus K. M. Actual nutrition and micronutrients provision for volleyball players' evaluation. *Theory and Methodic of*

Physical Culture, 2017, vol. 48, no. 2, pp. 23–28 (In Russian)

²³ Yerzhanova E., Sabyrbek Z., Milašius K. Comparative evaluation of actual nutrition and micronutrients provision of judo wrestlers of various sport performance levels. *Sporto mokslas*, 2017, vol. 89, no. 3, pp. 47–53.

²⁴ Bernardot D. *Nutrition for Serious Athletes*. Champaign, IL: Human Kinetics, 2000, 337 p.

²⁵ Portugalov S. N. Sports nutrition programs. *Athletics*. 2001, vol. 8-9, 48 p. (In Russian)

research data, traditional methods of mathematical statistics are applied – the arithmetic mean (X) and their standard deviations (SD) are calculated.

Results

Results of the study of energy value of the diet of athletes of different sports showed that the resulting energy triathletes high sportsmanship averaged 4967 ± 1009 kcal, judo, members of the national team of Kazakhstan – an average of 6845 ± 605 kcal, and volleyball on average 4033 ± 456 kcal (Table 1). It should note that for 1 kg of body weight, triathletes received on average 75.83 kcal, judoists on average – 87.76 kcal, and volleyball players – on average, only 51.64 kcal. Judoist obtained energy significantly greater than the recommended daily allowance. Evaluating the provision of sportsmen one of the main nutrients is protein; it should note that all of us studied athletes received a sufficient amount of the substance. If the intake of protein by triathlonists and volleyball players was within the norm and averaged 163.62 ± 29.96 g and 162.2 ± 48.2 g, respectively, the number of consumed proteins by judoists was significantly higher than the RDN and was 281.75 ± 45.89 g (3.61 kg / kg). Protein calories in the diet of triathlonists of high sportsmanship amounted to 13.18 ± 2.97 % of the total amount of energy received, in judoists – 16.5 ± 2.5 %, in volleyball players – 16.07 ± 3.8 % (Table 1).

The amount of fat in the food ration consumed by members of the national triathlon team averaged 184.51 ± 43.50 g, which is slightly higher than the recommended daily rate, whereas in judoists the amount of this component of the diet was significantly higher than the RDA and averaged 372.91 ± 55.99 g. In the diet of volleyball players, the amount of fat was within

the RDN. The amount of fat per 1 kg. body weight was as follows: y triathletes – 2.82 g / kg, in judo – 4.78 g / kg, whereas the recommended norm for them should be 1.5–2.6 g / kg. From the total amount of energy produced in the body, the share of fats in triathlonists is 33.4 ± 4.02 %, in judoists 49.0 ± 4.20 %, for volleyball players 35.2 ± 8.2 %. In nutrition of athletes important, not energy, but fulfilling many important functions, the substance is cholesterol. In the ration of athletes, its quantity usually should not exceed 500 mg. In our surveyed triathlonists and volleyball players, the amount of this substance was slightly above the norm and averaged 675.12 ± 288.17 mg and 648.0 ± 250 mg, in judoists the amount of this substance exceeded the RDN more than twice and amounted to 1273.0 ± 814 mg (Table 1).

The results of our study showed that in the diet of the triathlonists studied, the total amount of carbohydrates averaged 646.20 ± 172.11 g, in judo – 542.81 ± 42.55 g, in volleyball players – 472.04 ± 101.02 g, which is an average of 9.87, 6.96 and 6.04 g / kg, respectively. The contribution to the total amount of energy produced by triathletes was on the average 52.04 ± 4.9 %, in judoists – 57.88 ± 2.99 %, and for volleyball players – 47.09 ± 8.56 %.

The average number of dietary fibers in triathlonists and volleyball players was within the norm (33.42 ± 5.53 g and 32.62 ± 5.94 g), whereas in judoists in food rations the amount of this substance was much higher than the RDN and amounted to an average of $95,07 \pm 13.82$ g. They also participate in the production of energy, but their contribution to the total amount of energy in our studied triathlonists is relatively small and amounted to 1.34 ± 0.22 %, for judoists – 2.8 ± 0.5 %, for volleyball players – 1.64 ± 0.37 % (Table 1).

Table 1

**Characteristics of the chemical composition and energy cost
of food rations for athletes in different sports ($X \pm SD$)**

Food substances	Triathletes		Judoists		Volleyball players		Recommended daily allowance
	Total	Ratio kg^{-1}	Total	Ratio, kg^{-1}	Total	Ratio, kg^{-1}	
Proteins, total g	163.62 \pm 29.96	2.50	281.75 \pm 45.89	3.61	162.20 \pm 48.2	2.08	96–176
Protein calories,%	13.18 \pm 2.97		16.50 \pm 2.50		16.07 \pm 3.80		12–20
Proteins, animal, g	105.40 \pm 24.13	1.61	151.00 \pm 49.43	1.94	99.84 \pm 12.63	7.90	75–100
Proteins of animals to total proteins,%	64.20 \pm 7.02		53.95 \pm 8.84		59.38 \pm 12.63		65
Fats, g	184.51 \pm 43.50	2.82	372.91 \pm 55.99	4.78	158.97 \pm 46.31	2.04	144–176
Fat calories,%	33.44 \pm 4.02		49.00 \pm 4.20		35.20 \pm 8.12		20–30
Vegetable fats, g	76.80 \pm 22.08	1.17	84.85 \pm 9.49	1.09	52.80 \pm 18.54	0.67	48–58
Calories of vegetable fats,%	42.52 \pm 12.12		22.80 \pm 4.22		33.91 \pm 10.27		–
Saturated fatty acids (NLC), g	65.74 \pm 26.98	1.00	131.83 \pm 28.21	1.69	63.88 \pm 24.65	0.82	–
Monounsaturated fatty acids (MLSFA), g	62.68 \pm 21.23	0.96	95.96 \pm 21.53	1.23	54.77 \pm 18.77	0.70	–
Polyunsaturated fatty acids (PUFA), g	37.94 \pm 12.58	0.58	50.28 \pm 6.03	0.64	25.41 \pm 9.55	0.33	–
The ratio of PUFA / NLC	0.65 \pm 0.26		0.38 \pm 0.08		0.40 \pm 0.19		–
Cholesterol, mg	675.12 \pm 288.17	10.31	1273.00 \pm 814	16.32	648.00 \pm 250	8.30	300–600
Carbohydrates, g	646.20 \pm 172.11	9.87	542.81 \pm 42.55	6.96	472.04 \pm 101.02	6.04	400–560
Carbohydrate calories,%	52.04 \pm 4.90		31.70 \pm 2.90		47.09 \pm 8.56		60–65
Mono-disaccharides, g	352.21 \pm 161.99	5.38	313.57 \pm 22.29	4.02	142.26 \pm 27.60	1.82	–
Percentage of mono-disaccharides to all carbohydrates, %	52.90 \pm 11.98		57.88 \pm 2.99		30.50 \pm 4.49		–
Dietary fiber, g	33.42 \pm 5.53	0.51	95.07 \pm 13.82	1.22	32.62 \pm 5.94	0.42	25–50
Calories of dietary fiber, %	1.34 \pm 0.22		2.80 \pm 0.50		1.64 \pm 0.37		–
Energy cost, kcal	4 967 \pm 1 009	75.83	6 845 \pm 605	87.76	4 033 \pm 546.1	51.64	3 500–4 000

Vitamins and minerals are involved in many metabolic processes occurring in the body. The main minerals are sodium, potassium, calcium, phosphorus, magnesium, sulfur. It should be noted that we studied athletes consumed quantities of sodium, potassium, phosphorus and magnesium significantly exceeded the recommended rate. The most significant excess of RDN of these elements was noted in judoists, for example, the amount of sodium averaged 12930 \pm 1004 mg, the amount of potassium – on average 15880 \pm 2774 mg, calcium – 4025 \pm 612 mg,

phosphorus – 6102 \pm 900 mg, iron – 32.46 \pm 6.7 mg (Table 2). In triathlons and volleyball players, the amount of these minerals also exceeded the RDN, but less than in judo. The amount of mineral substances of copper, zinc, manganese, selenium was within the limits of the norm or insignificantly it exceeded in all sportsmen of the sports we studied. The amount of iodine in the diet of all study also exceeded the norm.

Our research has shown that all the investigated athlete dietary vitamin deficiency was not (Table 3), and some of them, such as vitamins A,

D, B3, B5, B6, B12, H – higher than normal. Comparatively much studied volleyball consumed vitamin C, in which the average number of daily diet was investigated 86.45 ± 32.05 mg, whereas diet in triathletes found 386.1 ± 43.5 mg, which is significantly higher than

recommended norm. It should be noted that in the diet of athletes we studied, representatives of speed-power sport – judo, found significantly higher than RDA amounts of vitamin E, is an average of 44.65 ± 3.79 mg. A similar situation found with the vitamin B2.

Table 2

The average amount of mineral substances in food rations of athletes in different sports ($X \pm SD$)

Minerals	Triathletes	Judoists	Volleyball players	Recommended daily allowance
Sodium, mg	$10\,983 \pm 3\,666$	$12\,930 \pm 1\,004$	$8\,089 \pm 1\,771$	1 500–4 500
Potassium, mg	$5\,515 \pm 818$	$15\,880 \pm 2\,774$	$5\,159 \pm 922$	2 000–3 500
Calcium, mg	$1\,064 \pm 173$	$4\,025 \pm 612$	918 ± 224	800–1 200
Phosphorus, mg	$2\,117 \pm 320$	$6\,102 \pm 900$	$2\,013 \pm 422$	800–1 200
Magnesium, mg	560 ± 92	$2\,905 \pm 515$	478 ± 61.2	300–400
Iron, mg	23.96 ± 6.82	32.46 ± 6.7	19.59 ± 2.31	10–15
Copper, mg	1.87 ± 0.48	3.26 ± 2.45	2.49 ± 1.86	1.5–3.0
Zinc, mg	16.48 ± 2.25	17.92 ± 4.66	17.77 ± 3.29	10–15
Manganese, mg	13.62 ± 9.69	7.18 ± 1.93	6.18 ± 1.30	5–10
Selenium, μg	89.57 ± 30.20	66.55 ± 23.77	112.08 ± 32.15	50–100
Iodine, μg	503 ± 232	400 ± 41	358 ± 89.8	100–200

Table 3

The average amount of mineral substances in food rations of athletes in different sports ($X \pm SD$)

Vitamins	Triathletes	Judoists	Volleyball players	Recommended daily allowance
Vitamin A, μg	$1\,106 \pm 290$	$2\,649 \pm 1\,620$	$1\,663 \pm 563$	700–900
Vitamin D, μg	2.72 ± 1.80	2.34 ± 1.01	2.90 ± 1.09	1–5
Vitamin E, mg	18.30 ± 7.82	44.65 ± 3.79	15.07 ± 2.91	5–15
Vitamin B1, mg	1.81 ± 0.41	2.58 ± 0.29	1.69 ± 0.35	1.5–2.5
Vitamin B2, mg	2.16 ± 0.32	6.84 ± 1.28	2.17 ± 0.50	1.5–2.0
Vitamin B3, mg	30.91 ± 8.57	71.92 ± 9.44	29.75 ± 15.86	10–18
Vitamin B6, mg	3.59 ± 0.48	3.26 ± 0.66	4.03 ± 1.56	1.6–2.0
Vitamin B12, mg	5.49 ± 1.45	8.46 ± 6.23	8.85 ± 7.56	2–3
Folate, μg	256.40 ± 37.60	210.8 ± 31.2	286.11 ± 43.07	300–400
Pantoic Acid B5 mg	7.73 ± 1.29	7.49 ± 1.46	7.62 ± 1.73	2–4
Biotin H, μg	49.74 ± 8.82	59.41 ± 9.95	48.40 ± 10.15	6–30
Vitamin C, mg	386.10 ± 43.50	192.6 ± 21.31	86.45 ± 32.05	75–90

Discussion

Athletes of different sports consumption of energy should be brought into line with its costs during the training sessions. To satisfy the energy needs of athletes, acting on long distances, often need to eat constantly all day [21]. As many authors point out, in 1/3 of the sportsmen of different sports studied in the diet of their actual nutrition, fats usually exceed the norm and are 36–45 %, whereas the recommended daily rate is 20–30 % [10; (Filaire et al., 2001; Finaud et al., 2006; Papandreou et al., 2007)^{26,27} [21; 30; 35; 40; 41]. It should be noted that in the diet of triathletes we studied the recommended amount of fat daily rate slightly exceeded, but in judo this excess was significant and exceeded the norm by more than two times.

N. Boisseau et al. (2005)¹² indicates that the athletes in the proportion of polyunsaturated acids for 5–10 % of the energy produced, while in our study the representatives of judo at a fraction of the substance is necessary 13,5 % of the energy produced.

In the modern diet of athletes, one of the basic requirements in their diet is the optimal supply of carbohydrates. It proved that a sufficient amount of carbohydrates has a positive effect on performance, helps to alleviate fatigue (Jeukendrup et al., 2010)². It should be noted that in our surveyed athletes the amount of carbohydrates did not correspond to the RDN. According to L. Burke et al. (2011) [23], S. Phillips, L. van Loon (2011) [24] the recommended norm of carbohydrates should be 60–70 % of the total

amount of energy received from food, whereas in our study triathletes the total amount of energy obtained from carbohydrates, averaged 52.04 %, volleyball players – 47.09 %, and in judo – only 31.70 %. J. Nogueira, H. DaKosta (2004) [25] surveyed nutrition of 38 Brazilian triathletes for 24 hours using a questionnaire survey and found that men weighing an average of 71.2 kg per 1 kg of body weight consumed 7.3 g of carbohydrates, 2.0 g of proteins and 1.6 g of fat, and women weighing an average of 55.8 kg – 5.9, 1.6 and 1.3 g, respectively. At the same time, the authors noticed that the amount of food and intake of certain groups of food was inadequate, which led to an inadequate intake of carbohydrates and some microelements. The literature presented data indicate that more than half of the studied representatives of sports of biathlon as there is a lack of carbohydrates in the diet [26–28]^{28,29}. Summarizing the data on the actual nutrition of athletes of various sports, you can see that among them there are more jobs, where it is noted that to increase aerobic capacity, athletes consume more carbohydrates, their meals are more appropriate for RDNs, while representatives of game sports, different types of wrestling – does not match [29].

In the diet, we studied athletes found significantly RDN exceeding the amount of sodium, potassium, calcium, phosphorus. Such a large amount of sodium can have a toxic effect on the athletes' body [20; 30–32]. In sports activities, an important trace element is iron. Athletes more often manifest iron deficiency in endurance sports; it has an ergolic effect on athletic

²⁶ Zimberg I., Crispim C., Juzwiak C. et al. Nutritional intake during a simulated adventure race. *International Journal of Sports Nutrition and Exercise Metabolism*, 2008, vol. 18, pp. 152–168.

²⁷ Clarys P., Ramon K., Hagman F., Deriemaeker P., Zinzen É. Influence of weight reduction on physical performance capacity in judokas. *Journal of Combat Sports and Martial Arts*, 2010, vol. 12, pp. 71–76.

²⁸ Rossi L., Goya R., Matayoshi M., Pereira C., Bernardo da Silva J. Nutritional evaluation of taekwondo athletes. *Brazilian Journal of Biochemistry*, 2009, vol. 3, no. 2, pp. 159–166.

²⁹ Fleming S., Costarelli V. Nutrient intake and body composition in relation to making weight in young male taekwondo players. *Nutrition and Food Science*, 2007, vol. 37, no. 5, pp. 358–366.

performance [33]. Among our study of iron deficiency athletes noted.

Vitamins are involved in many biochemical reactions occurring in the body, but also in reactions associated with exercise and physical activity. Literature data research carried out in recent years show that the food of athletes often manifested a lack of vitamins A, D, folate, at least – of vitamins B6, C [34–36].

Our research has shown that for many of the vitamins in our surveyed athletes there was an excess of RDN. Noteworthy large amounts of vitamins A, E, B3, B6, B12, B5, C. However, according to E. Van der Beck, (1991) [37], athletes with food should receive more vitamins, 2–3 times higher than the recommended level for non-athletes. However, other authors³⁰ believe that consumption of vitamins should balance, since too much consumption of some of them increases the need for other vitamins. Dissatisfaction with this requirement may lead to vitamin deficiency. However, many authors suggest that increasing the amount of one of the vitamins listed above is necessary, since this increases the efficiency of the organism.

Conclusions

1. The actual nutrition of the athletes of high sportsmanship studied satisfies physiological needs in food and biologically active substances.

2. We investigated the athletes in the middle of food rations basic nutrients are not sufficiently balanced. Part of the energy cost coming from fats is overestimated and makes up 33.44 % on average for triathletes, 49.00 % for judoists, 35.20 % for volleyball players, while part of the energy produced from carbohydrates is understated, and for judoists is only 31.70 %, which does not correspond to the recommended daily rate.

3. In food rations, there is no shortage of vitamins and minerals. The number of such elements as sodium, potassium, calcium, phosphorus, magnesium, iron, iodine significantly higher than recommended rates. The content of vitamins A, B3, B6, B12, H and C also significantly exceed the recommended daily allowance. Literature sources believe that athletes performing high physical activity require an increased amount of vitamins and minerals, but there is no evidence that an increase is necessary.

REFERENCES

1. Hoffman M. Physiological comparisons of cross-country skiing techniques. *Medicine and Science in Sports and Exercise*, 1992, vol. 24 (9), pp. 1023–1032. PMID: 1406186. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pubmed/1406186>
2. Bergh U., Forsberg A. Influence of body mass on cross-country ski racing performance. *Medicine and Science in Sports and Exercise*, 1992, vol. 24 (9), pp. 1033–1039. PMID: 1406187. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pubmed/1406187>
3. Jeukendrup A. E. Nutrition for endurance sports: Marathon, triathlon, and road cycling. *Journal of Sports Sciences*, 2011, vol. 29, suppl. 1, pp. S91–99. PMID: 21916794. DOI: <https://dx.doi.org/10.1080/02640414.2011.610348>
4. Saris W. H., van Erp-Baart M. A., Brouns F., Westerterp K. R., ten Hoor F. Study of food intake and energy expenditure during extreme sustained exercise: the Tour de France. *International*

³⁰ Bernardot D. *Nutrition for Serious Athletes*. Champaign, IL: Human Kinetics, 2000, 337 p.

- Journal of Sports Medicine*, 1989, vol. 10, suppl. 1, pp. S26–S31. PMID: 2744926. DOI: <https://dx.doi.org/10.1055/s-2007-1024951>
5. Costill D. L., Hargreaves M. Carbohydrate nutrition and fatigue. *Sports Medicine*, 1992, vol. 13 (2), pp. 86–92. PMID: 1561511. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pubmed/1561511>
 6. Applegate E. A. Nutritional considerations for ultra-endurance performance. *International Journal of Sport Nutrition*, 1991, vol. 1 (2), pp. 118–126. PMID: 1844990. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pubmed/1844990>
 7. Degoutte F., Jouanel P., Filaire E. Energy demands during a judo match and recovery. *British Journal of Sports Medicine*, 2003, vol. 37, no. 3, pp. 245–249. DOI: <https://dx.doi.org/10.1136/bjism.37.3.245>
 8. Jeukendrup A., Jentjens R., Moseley L. Nutritional considerations in triathlon. *Sports Medicine*, 2005, vol. 35 (2), pp. 163–181. PMID: 15707379. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pubmed/15707379>
 9. Bentley D., Cox G., Green, Laursen P. Maximizing performance in triathlon: Applied physiological and nutrition aspects of elite and non-elite competitions. *Journal of Science and Medicine in Sport*, 2008, vol. 11 (4), pp. 407–416. PMID: 17869183. DOI: <https://dx.doi.org/10.1016/j.jsams.2007.07.010>
 10. Filaire E., Maso F., Degoutte F., Jouanel P., Lac G. Food restriction, performance, psychological state and lipid values in judo athletes. *International Journal of Sports Medicine*, 2001, vol. 22, no. 6, pp. 454–459. PMID: 11531040. DOI: <https://dx.doi.org/10.1055/s-2001-16244>
 11. Prouteau S., Benhamou L., Courteix D. Relationships between serum leptin and bone markers during stable weight, weight reduction and weight regain in male and female judoists. *European Journal of Endocrinology*, 2006, vol. 154 (3), pp. 389–395. PMID: 16498051. DOI: <https://dx.doi.org/10.1530/eje.1.02103>
 12. Lemon P. W. Do athletes need more dietary protein and amino acids?. *International Journal of Sport Nutrition*, 1995, vol. 5 suppl., pp. S39–S61. PMID: 7550257. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pubmed/7550257>
 13. Tipton K. D., Wolfe R. R. Protein and amino acids for athletes. *Journal of Sports Sciences*, 2004, vol. 22, no. 1, pp. 65–79. PMID: 14971434. DOI: <https://dx.doi.org/10.1080/0264041031000140554>
 14. Robins A. Nutritional recommendations for competing in the Ironman triathlon. *Current Sports Medicine Reports*, 2007, vol. 6 (4), pp. 241–248. PMID: 17618000. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pubmed/17618000>
 15. Dolan S. H., Houston M., Martin D. B. Survey results of the training, nutrition, and mental preparation of triathletes: Practical implications of findings. *Journal of Sports Sciences*, 2011, vol. 29, no. 10, pp. 1019–1028. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/02640414.2011.574718>
 16. Burke L. M., Read R. S. D. Diet patterns of elite Australian male triathletes. *Physician and Sportsmedicine*, 1987, vol. 15 (2), pp. 140–155. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/00913847.1987.11709287>
 17. Campbell B., Kreider R. B., Ziegenfuss T., La Bounty P., Roberts M., Burke D., Landis J., Lopez H., Antonio J. International Society of Sports Nutrition position stand: protein and exercise. *Journal of the International Society of Sports Nutrition*, 2007, vol. 4, pp. 8. DOI: <https://doi.org/10.1186/1550-2783-4-8>
 18. Houtkooper L., Abbot J. M., Nimmo M. Nutrition for throwers, jumpers, and combined events athletes. *Journal of Sports Sciences*, 2007, vol. 25, issue sup. 1, pp. S39–S47. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pubmed/18049982>
 19. Clarkson P. M. Nutrition for Improved Sports Performance. *Sports Medicine*, 1996, vol. 21, issue 6, pp. 393–401. DOI: <https://doi.org/10.2165/00007256-199621060-00001>

20. Papadopoulou S. K., Papadopoulou S. D., Gallos G. K. Macro- and micro-nutrient intake of adolescent Greek female volleyball players. *International Journal of Sport Nutrition and Exercise Metabolism*, 2002, vol. 12, no. 1, pp. 73–80. PMID: 11993624. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pubmed/11993624>
21. Naughton R. J., Drust B., O'Boyle A., Morgans R., Abayomi J., Davies I. G., Morton J. P., Mahon E. Daily distribution of carbohydrate, protein and fat intake in elite youth academy soccer players over a 7-day training. *International Journal of Sport Nutrition and Exercise Metabolism*, 2016, vol. 26, no. 5, pp. 473–480. DOI: <https://doi.org/10.1123/ijsnem.2015-0340>
22. Yerzhanova E., Sabyrbek Z., Milašius K. Comparative evaluation of actual nutrition and micronutrients provision of judo wrestlers of various sport performance levels. *Sport Science*, 2017, vol. 3, no. 89, pp. 47–53. DOI: <http://dx.doi.org/10.15823/sm.2017.28>
23. Burke L., Hawley J., Wong S., Jeukendrup A. Carbohydrates for training and competition. *Journal of Sports Sciences*, 2011, vol. 29, issue sup. 1, pp. S17–S27. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/02640414.2011.585473>
24. Phillips S. M., van Loon L. J. Dietary protein for athletes: from requirements to optimum adaptation. *Journal of Sports Sciences*, 2011, vol. 29, issue sup. 1, pp. S29–S38. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/02640414.2011.619204>
25. Nogueira J. A., Da Costa T. H. Nutrient Intake and Eating Habits of Triathletes on a Brazilian Diet. *International Journal of Sport Nutrition and Exercise Metabolism*, 2004, vol. 14, no. 6, pp. 684–697. PMID: 15657473. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pubmed/15657473>
26. Andreoli A., Monteleone M., Van Loan M., Promenzio L., Tarantino U., De Lorenzo A. Effects of different sports on bone density and muscle mass in highly trained athletes. *Medicine and Science in Sports and Exercise*, 2001, vol. 33, no. 4, pp. 507–511. DOI: <http://dx.doi.org/10.1097/00005768-200104000-00001>
27. Timpmann S., Ööpik V., Pääsuke M., Medijainen L., Erelne J. Acute effects of self-selected regimen of rapid body mass loss in combat sport athletes. *Journal of Sports Science and Medicine*, 2008, vol. 7 (2), pp. 210–217. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC3761466>
28. Gillen J. B., Trommelen J., Wardenaar F. C., Brinkmans N. Y. J., Versteegen J. J., Jonvik K. L., Kapp C., de Vries J., van den Borne J. J. G. C., Gibala M. J., van Loon L. J. C. Dietary protein intake and distribution patterns of well-trained dutch athletes. *International Journal of Sport Nutrition and Exercise Metabolism*, 2017, vol. 27, no. 2, pp. 105–114. DOI: <https://doi.org/10.1123/ijsnem.2016-0154>
29. Doering T. M., Reaburn P. R., Cox G., Jenkins D. G. Comparison of postexercise nutrition knowledge and postexercise carbohydrate and protein intake between australian masters and younger triathletes. *International Journal of Sport Nutrition and Exercise Metabolism*, 2016, vol. 26, no. 4, pp. 338–346. DOI: <https://doi.org/10.1123/ijsnem.2015-0289>
30. Gabbett T., Georgieff B. Physiological and anthropometric characteristics of Australian junior national, state, and novice volleyball players. *Journal of Strength and Conditioning Research*, 2007, vol. 21, no. 3, pp. 902–908. PMID: 17685708. DOI: <https://dx.doi.org/10.1519/R-20616.1>
31. Anderson L., Naughton R. J., Close G. L., Di Michele R., Morgans R., Drust B., Morton J. P. Daily distribution of macronutrient intakes of professional soccer players from the english premier league. *International Journal of Sport Nutrition and Exercise Metabolism*, 2017, vol. 27, no. 6, pp. 491–498. DOI: <https://doi.org/10.1123/ijsnem.2016-0265>
32. Silk L. N., Greene D. A., Baker M. K. The effect of calcium or calcium and vitamin d supplementation on bone mineral density in healthy males: a systematic review and meta-analysis.

- International Journal of Sport Nutrition and Exercise Metabolism*, 2015, vol. 25, no. 5, pp. 510–524. DOI: <https://doi.org/10.1123/ijsnem.2014-0202>
33. Dahlquist D. T., Stellingwerff T., Dieter B. P., McKenzie D. C., Koehle M. S. Effects of macro- and micronutrients on exercise-induced hepcidin response in highly trained endurance athletes. *Applied Physiology, Nutrition, and Metabolism*, 2017, vol. 42, no. 10, pp. 1036–1043. DOI: <http://dx.doi.org/10.1139/apnm-2017-0207>
34. Shirreffs S. Maintenance of fluid balance in sport and exercises. *Nutrition and Sport*. Ed D. MacLaren. Edinburgh, Elsevier Publ., 2007, pp. 137–151. DOI: <https://doi.org/10.1016/B978-0-443-10341-4.50010-2>
35. Kreider R. B., Wilborn C. D., Taylor L., Campbell B., Almada A. L., Collins R., Cooke M., Earnest C. P., Greenwood M., Kalman D. S., Kerkick C. M., Kleiner S. M., Leutholtz B., Lopez H., Lowery L. M., Mendel R., Smith A., Spano M., Wildman R., Willoughby D. S., Ziegenfuss T. N., Antonio J. ISSN exercise and sport nutrition review: research and recommendations. *Journal of the International Society of Sports Nutrition*, 2010, vol. 7, pp. 7. DOI: <http://dx.doi.org/10.1186/1550-2783-7-7>
36. Backx E., van der Avoort C., Tieland M., Maase K., Kies A., van Loon L., de Groot L., Mensink M. Seasonal variation in vitamin D status in elite athletes: A longitudinal study. *International Journal of Sport Nutrition and Exercise Metabolism*, 2017, vol. 27, no. 1, pp. 6–10. DOI: <https://doi.org/10.1123/ijsnem.2016-0177>
37. Van der Beek E. J. Vitamin supplementation and physical exercise performance. *Journal of Sports Sciences*, 1991, vol. 9, pp. 77–90. PMID: 1895365. DOI: <https://dx.doi.org/10.1080/02640419108729868>

Submitted: 08 November 2017 Accepted: 09 January 2018 Published: 28 February 2018

This is an open access article distributed under the [Creative Commons Attribution License](#) which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work is properly cited. (CC BY 4.0).

© Л. А. Сорокина, Л. Г. Буйнов, Н. Н. Плахов, Р. И. Айзман

DOI: [10.15293/2226-3365.1801.14](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1801.14)

УДК 616.281-085

ИССЛЕДОВАНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ СОЧЕТАННОГО ПРИМЕНЕНИЯ КОРТЕКСИНА И ФИЗИЧЕСКИХ УПРАЖНЕНИЙ В ОПТИМИЗАЦИИ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ СТАТОКИНЕТИЧЕСКОЙ УСТОЙЧИВОСТИ ЧЕЛОВЕКА

Л. А. Сорокина, Л. Г. Буйнов, Н. Н. Плахов (Санкт-Петербург, Россия),
Р. И. Айзман (Новосибирск, Россия)

Проблема и цель. Фундаментальные и прикладные исследования, направленные на оптимизацию деятельности функциональной системы статокINETической устойчивости человека, сейчас являются актуальным направлением в области физиологии труда. Целью работы стало исследование эффективности курсового применения пептидного биорегулятора «Кортексин» в сочетании с активными физическими упражнениями для повышения статокINETической устойчивости человека.

Методология. В исследовании участвовали 28 здоровых мужчин 20–22 лет (17 человек – экспериментальная группа, 11 человек – контрольная). В качестве раздражителя вестибулярного аппарата использовали метод непрерывной кумуляции ускорений Кориолиса (НКУК). Для повышения статокINETической устойчивости применяли кортексин в сочетании с активными физическими тренировками, используя модифицированную пробу А. И. Яроцкого (МПЯ).

Результаты. Показано, что у испытуемых экспериментальной группы, получавших кортексин в сочетании с МПЯ, по сравнению с исходными показателями достоверно увеличилось время переносимости НКУК. Одновременно отмечено уменьшение степени выраженности вестибулосенсорных, вестибуловегетативных, вестибулосоматических реакций, что свидетельствует об улучшении статокINETической переносимости в пробе НКУК испытуемыми

Сорокина Людмила Александровна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры медико-валеологических дисциплин, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена.

E-mail: lux-86@mail.ru

Буйнов Леонид Геннадьевич – доктор медицинских наук, профессор, заведующий кафедрой медико-валеологических дисциплин, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена.

E-mail: buynoff@yandex.ru

Плахов Николай Николаевич – доктор медицинских наук, профессор кафедры медико-валеологических дисциплин, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена.

E-mail: gp.aig@mail.ru

Айзман Роман Иделевич – доктор биологических наук, профессор, директор научно-исследовательского института здоровья и безопасности жизнедеятельности, заведующий кафедрой анатомии, физиологии и безопасности жизнедеятельности, Новосибирский государственный педагогический университет.

E-mail: aizman.roman@yandex.ru

экспериментальной группы. Положительная динамика исследуемых показателей в экспериментальной группе подтверждается данными статического стабилметрического теста комплексной функциональной компьютерной стабильности (КФКС). Так, в пробах с открытыми и закрытыми глазами отмечено уменьшение скорости увеличения длины и площади статокинезиограммы, амплитуды колебаний (АК), проекции общего центра тяжести (ПОЦТ) во фронтальной и сагиттальной плоскостях, коэффициента асимметрии (КА) во фронтальном и сагиттальном направлениях.

Заключение. Полученные результаты позволяют рекомендовать применение пептидного биорегулятора «Кортексин» в сочетании с физическими упражнениями для оптимизации деятельности центральной нервной системы и повышения статокинетической устойчивости человека.

Ключевые слова: статокинетическая устойчивость; компьютерная стабильность; функциональное состояние; профессиональная работоспособность; кортексин.

Постановка проблемы

В связи с постоянным совершенствованием средств передвижения, освоением наземных, водных, воздушных, космических пространств, проблема повышения статокинетической устойчивости человека становится все более актуальной в ряду нерешенных проблем современной медицины и физиологии труда [2; 17]. Так, в работах последних лет убедительно показано, что напряженный ритм жизнедеятельности и усиливающееся воздействие привычных ранее внешних факторов ведет к углублению противоречий между сложностью решаемых человеком задач и его ограниченными психофизиологическими возможностями [1; 3; 20]. В свою очередь, использование скоростных видов транспорта ведет к более выраженному воздействию на организм человека факторов передвижения, влияющих на состояние вестибулярного аппарата [5; 7; 18]. При их чрезмерном воздействии проявляется негативное влияние на самочувствие и функциональ-

ное состояние организма, качество деятельности и профессиональную надежность соответствующих специалистов [30; 37; 38].

Так, в работах Е. Hallgren показано, что напряженный ритм жизнедеятельности все чаще провоцирует у человека повышение уровня нервно-эмоционального напряжения. Это, в свою очередь, приводит к преждевременному развитию утомления, ухудшению самочувствия и качеству профессиональной деятельности [26; 27; 29]. По мнению S. Ohya, одной из причин этого является несостоятельность функциональной системы статокинетической устойчивости человека [6; 35].

Анализ статистических данных свидетельствует о том, что число инцидентов, аварий и катастроф, произошедших по причине нарушения пространственной ориентировки, возникновения иллюзорных ощущений на основе развития симптомокомплекса укачивания, за последние десятилетия имеет выраженную тенденцию к увеличению¹ [34]. Это

¹ Whitney S. L., Hudak T., Marchetti G. F. The dynamic gait index relates to self-reported fall history in individuals with vestibular dysfunction // Journal of Vestibular Research: Equilibrium and Orientation. – 2000. – Vol. 10, № 2. – P. 99–105; Глазников Л. А., Дворянчиков В. В., Егоров В. И., Сыроежкин Ф. А., Буйнов Л. Г., Мельник А. М. Медицинская помощь при травмах лор органов в условиях чрезвычайных ситуаций // Victims In Emergency Situations. Management, Trauma and Ptsd, Pharmacology, Rehabilitation, Innovations. – Нью-Йорк: Xlibris LLC, 2014. – С. 260–320.

обстоятельство требует поиска новых и совершенствования имеющихся подходов к решению проблемы расширения функциональных диапазонов и увеличения резервных возможностей человека, деятельность которого связана с активным перемещением в пространстве [8; 16; 40].

До недавнего времени методологическая концепция функционирования вестибулярного анализатора, антигравитационной и статокINETической устойчивости человека базировалась на чисто рефлекторных механизмах развития вестибулосоматических, вестибуло-вегетативных, вестибулосенсорных реакций и отражала принцип морфофункционального единства, в рамках которого невозможно было объяснить причину и механизм ее снижения [9; 11; 21].

В настоящее время принято считать, что ответная реакция организма на статокINETические воздействия является интегральным ответом всех сенсорных систем организма человека [12; 14; 19]. Признание этого ориентирует специалистов, занимающихся разработкой новых и совершенствованием имеющихся средств и методов повышения статокINETической устойчивости, на применение перспективного методологического подхода с позиции теории функциональных систем П. К. Анохина², который базируется на следующих принципиально новых теоретических положениях:

– целостный подход к оценке реакций организма на действие разнообразных факторов передвижения, в основе которых лежит организующая роль центральной нервной системы (ЦНС) в формировании единой функциональной системы статокINETической устойчивости;

– основной целью формирования единой функциональной системы статокINETической устойчивости является достижение конечного приспособительного результата действия, обеспечивающего оптимальные показатели в пространственной ориентировке, координации управляющих движений, в конечном итоге проявляющейся в высококачественной профессиональной деятельности;

– единая функциональная система статокINETической устойчивости, реализуя принцип доминанты, на основе мультианализаторного афферентного синтеза формирует программу предстоящего действия и на основе афферентной обратной связи контролирует, корректирует действия соподчиненных функциональных систем для достижения полезного приспособительного результата.

Этот методологический подход диктует необходимость обязательной оптимизации функционального состояния, прежде всего, самой ЦНС, а также улучшения координации и взаимодействия ЦНС со всеми сопряженными с ней анализаторными системами с целью повышения устойчивости и надежности единой системы статокINETической устойчивости³.

подъемного состава из различных климато-географических регионов мира (с учетом национальной принадлежности, состояния здоровья и социально-бытовых условий). – Казань: Казанский федеральный университет, 2015. – 70 с.; Бронштейн А., Лемперт Т. Головокружение / пер. с англ. Е. В. Гузь; под ред. В. А. Парфенова. – М.: ГЭОТАР-Медиа, 2015. – 216 с.

² Анохин П. К. Узловые вопросы теории функциональной системы. – М.: Наука, 1980. – 197 с.

³ Бадалов В. И., Беляков К. В., Бойко Э. В. и др. Медицина чрезвычайных ситуаций. Организация. Клиника. Диагностика. Лечение. Реабилитация. Инновации. – Казань: Казанский федеральный университет, 2015. – 777 с.; Буйнов Л. Г., Сорокина Л. А. Профилактика летных происшествий и воздушных катастроф. Оценка вестибулярной устойчивости летно-

Целью нашего исследования стало определение эффективности десятидневного применения кортексина в сочетании с активными физическими тренировками для повышения статокINETической устойчивости человека.

Материалы и методы

Исследования проводили на кафедре авиационной и космической медицины Военно-медицинской академии им. С. М. Кирова, в первой половине дня, с участием 28 здоровых мужчин в возрасте 20–22 лет. Все обследуемые были разделены на две группы: экспериментальную ($n = 17$) и контрольную ($n = 11$).

Вестибулярную устойчивость оценивали при помощи пробы непрерывной кумуляции ускорений Кориолиса (НКУК), выполняемой по традиционной методике на электровращающемся кресле Барани. Испытуемые обеих групп были подобраны из числа лиц, время переносимости НКУК которых составляло менее двух минут. В ходе проводимых исследований определяли время переносимости НКУК, выраженность сенсорного, вегетативного и соматического компонентов статокINETических реакций в форме физиологических проявлений и субъективных ощущений. Перечень регистрируемых реакций и ощущений представлен в таблице 1. Для количественной оценки степени их выраженности в предварительно проведенных сериях исследований с участием 86 человек была разработана балльная система их оценки испытуемыми после НКУК: 0 – отсутствие ощущений; 1 – слабо выраженные; 2 – сильные ощущения. В динамике наблюдения также измеряли показатели комплексной функциональной компьютерной стабильности (КФКС) до и после эксперимента, а также через один, два и три месяца после его завершения.

Сразу после НКУК при помощи стабильнографа «СТ-02» испытуемые выполняли статический стабильметрический тест КФКС, состоящий из двух проб: пробу № 1 проводили с открытыми глазами и фиксацией взгляда испытуемых на удаленном (5,0 м) объекте; пробу № 2 выполняли аналогично с закрытыми глазами. Длительность проведения проб составляла 20,0 секунд, перерыв между пробами – 1,0 минута. Во время перерыва испытуемый сохранял устойчивую позу без перемены позиций стоп. Регистрировали: среднюю скорость увеличения длины и площади статокINETограммы, амплитуду колебаний (АК), проекции общего центра тяжести (ПОЦТ), коэффициент асимметрии (КА) во фронтальной и сагиттальной плоскостях и направлениях [4; 23; 28].

В ходе проводимых исследований лица экспериментальной группы ежедневно в течение десяти дней получали кортексин и выполняли модифицированную пробу А. И. Яроцкого (МПЯ), испытуемые контрольной группы получали *BonAqua* и МПЯ не выполняли.

Приготовленный накануне раствор кортексина (10 мг кортексина + 3 мл, 0,9 % водного раствора *NaCl*) при помощи мерной пипетки вводили в каждую половину носа (по 5 капель) два раза в день.

МПЯ проводили после введения кортексина следующим образом: испытуемые в положении стоя с открытыми глазами в течение двух минут под метроном выполняли движения головой в виде поворотов головы направо-налево, наклонов назад-вперед и вправо-влево. Каждое из перечисленных движений головой выполнялось в указанном порядке в течение 30 секунд, затем следовала пятисекундная пауза с последующим выполнением движений головы в той же последовательности. Первую минуту испытуемые выполняли движения головой, стоя на одном месте, сле-

дующую минуту во время ходьбы, одновременно решая в уме и вслух предлагаемые им арифметические задачи.

Дополнительная нагрузка на ЦНС в виде решения арифметических задач во время НКУК позволяет создавать эффект торможения и затрудняет поступление в ЦНС менее значимой информации. При этом часть сигналов (в виде слабых неприятных ощущений) ЦНС не воспринимает [15; 31], тем самым искусственно создавая условия для более быстрой адаптации к воздействию НКУК [22; 24; 25]. МПЯ проводили с ежедневным увеличением времени тренировки на 10,0 секунд.

Статистическую обработку полученных материалов проводили с использованием программного пакета *Microsoft Excel*. Для каждой

выборки показателей рассчитывали числовые характеристики распределения. Оценку значимости различий между сравниваемыми выборками осуществляли с использованием параметрического *t*-критерия Стьюдента.

Результаты и обсуждение

Полученные результаты показали, что у испытуемых экспериментальной группы, в течение десяти дней получавших кортексин в сочетании с МПЯ, по сравнению с исходным состоянием достоверно увеличилось время переносимости НКУК. При этом выраженность вестибуло-сенсорных, вегетативных и соматических реакций стала меньше (табл. 1).

Таблица 1

Функциональные показатели испытуемых до и после курсового применения кортексина в сочетании с МПЯ ($M \pm \delta$)

Table 1

Functional parameters of the subjects before and after a course application of Cortexin in combination with MTY ($M \pm \delta$)

Определяемые показатели	Экспериментальная группа		Контрольная группа	
	До	После	До	После
Время переносимости НКУК (сек.)	106,1 \pm 10,4	122,3 \pm 11,7*	103,2 \pm 11,5	107,3 \pm 10,8
Ощущение чувства жара (баллы)	0,6 \pm 0,04	0,3 \pm 0,03*	0,5 \pm 0,04	0,5 \pm 0,03
Ощущение тяжести в голове (баллы)	0,6 \pm 0,05	0,3 \pm 0,04*	0,6 \pm 0,04	0,6 \pm 0,07
Ощущение головокружения (баллы)	0,8 \pm 0,06	0,5 \pm 0,05*	0,8 \pm 0,05	0,8 \pm 0,07
Неприятное чувство в желудке (баллы)	0,7 \pm 0,05	0,4 \pm 0,06*	0,5 \pm 0,08	0,6 \pm 0,09
Выраженность гиперсаливации (баллы)	0,6 \pm 0,06	0,4 \pm 0,05*	0,7 \pm 0,09	0,6 \pm 1,0
Выраженность потоотделения (баллы)	0,5 \pm 0,06	0,3 \pm 0,05*	0,8 \pm 0,07	0,8 \pm 0,09
Выраженность защитных движений по степени отклонения от вертикальной оси (баллы)	0,9 \pm 0,07	0,6 \pm 0,08*	0,8 \pm 0,09	0,8 \pm 0,07
Продолжительность нистагма (сек.)	18,6 \pm 2,3	15,4 \pm 1,5	18,4 \pm 1,9	17,9 \pm 2,0
Индекс Робинсона (отн. ед.)	99,6 \pm 7,6	95,9 \pm 8,3	96,9 \pm 8,5	97,4 \pm 8,9
Индекс Старра (отн. ед.)	66,7 \pm 6,5	68,4 \pm 6,8	70,2 \pm 9,5	68,8 \pm 8,9
Минутный объем кровообращения (отн. ед.)	131,0 \pm 9,6	136,7 \pm 9,2	132,1 \pm 10,7	134,9 \pm 9,8
Примечание. Здесь и в последующих таблицах: * – $p < 0,05$, по сравнению с исходными данными. Индекс Робинсона, оценивающий эффективность деятельности сердечно-сосудистой системы: $IP = (САД \times ЧСС) : 100$, где: АД – систолическое артериальное давление, мм рт. ст.; ЧСС – частота пульса.				

Индекс Старра, позволяющий оценить ударный (систолический) объем крови: $IS (CO) = 100 + 0,5ПД - 0,6ДАД - 0,6В$, где: ПД – разница между систолическим и диастолическим артериальным давлением; ДАД – диастолическое артериальное давление, мм рт. ст.; В – возраст, в годах.
Минутный объем кровообращения (МОК) = $IS (CO) \times ЧСС$, где:
 СО – систолический (ударный) объем крови; ЧСС – частота пульса.
*Note. here and in subsequent tables: * – $p < 0.05$, compared with the original data.*
Index Robinson, assessing the effectiveness of the cardiovascular system: $IR = (SBP \times PULSE) : 100$
 SBP: systolic blood pressure, mm hg. po; PULSE – heart rate in a minute
Index Starra, allowing to estimate the shock (systolic) blood volume $IS (SBV) = 100 + 0,5PP - 0,6DIA - 0,6Y$
 SBV – systolic blood volume; PP – pulse pressure; DIA – diastolic blood pressure, mm hg. Po; Y – age, in years
Minute volume of blood circulation $MVBC = IS (SV) \times PULSE$
 IS – Index Starra, or SV – systolic blood volume; PULSE – heart rate, in a minute

Это свидетельствует о том, что испытуемые экспериментальной группы стали дольше и легче переносить моделируемые в лабораторных условиях статокINETические нагрузки. В то же время ни по одному из исследуемых показателей достоверных изменений по сравнению с исходными данными у испытуемых контрольной группы не было выявлено (табл. 1).

Отмеченная динамика улучшения переносимости статокINETических нагрузок испытуемыми экспериментальной группы и отсутствие аналогичных изменений у испытуемых контрольной группы подтвердилась и данными статического стабилOMETрического теста КФКС (табл. 2).

Таблица 2

Показатели статического стабилOMETрического теста КФКС до и после курсового применения кортексина в сочетании с МПЯ ($M \pm \delta$)

Table 2

Indicators of stabilometric static test integrated with functional computer stabilography before and after the course of Cortexin in combination with MTY ($M \pm \delta$)

Исследуемые показатели	Экспериментальная группа		Контрольная группа	
	До	После	До	После
Проба с открытыми глазами				
Скорость увеличения длины (мм/сек.)	$38,2 \pm 3,0$	$28,1 \pm 2,3^*$	$37,9 \pm 2,6$	$35,8 \pm 3,2$
Скорость увеличения площади (мм ² /сек.)	$59,6 \pm 5,0$	$47,5 \pm 3,3^*$	$66,4 \pm 4,4$	$68,0 \pm 5,0$
АК ПОЦТ, фронтальная плоскость (мм)	$6,6 \pm 0,6$	$5,0 \pm 0,6^*$	$6,4 \pm 0,9$	$6,7 \pm 0,8$
АК ПОЦТ, сагиттальная плоскость (мм)	$7,5 \pm 0,8$	$5,4 \pm 0,6^*$	$7,2 \pm 0,9$	$7,6 \pm 0,7$
КА, фронтальное направление (%)	$8,2 \pm 0,6$	$5,9 \pm 0,7^*$	$7,9 \pm 0,8$	$7,5 \pm 0,9$
КА, сагиттальное направление (%)	$8,6 \pm 0,7$	$6,0 \pm 0,8^*$	$8,4 \pm 0,7$	$8,3 \pm 0,8$
Проба с закрытыми глазами				
Скорость увеличения длины (мм/сек.)	$43,2 \pm 4,1$	$32,2 \pm 4,2^*$	$60,7 \pm 4,5$	$58,4 \pm 4,3$
Скорость увеличения площади (мм ² /сек.)	$6,9 \pm 5,9$	$52,7 \pm 3,8^*$	$77,0 \pm 5,5$	$76,3 \pm 6,4$
АК ПОЦТ, фронтальная плоскость (мм)	$8,4 \pm 0,7$	$6,5 \pm 0,8^*$	$8,0 \pm 0,8$	$7,8 \pm 0,9$
АК ПОЦТ, сагиттальная плоскость (мм)	$8,9 \pm 0,9$	$6,6 \pm 0,7^*$	$9,1 \pm 1,0$	$9,3 \pm 0,8$
КА, фронтальное направление (%)	$9,1 \pm 0,8$	$6,9 \pm 0,7^*$	$9,0 \pm 0,9$	$9,1 \pm 0,8$
КА, сагиттальное направление (%)	$9,3 \pm 0,8$	$7,4 \pm 0,8^*$	$9,4 \pm 0,8$	$9,5 \pm 0,9$

Все показатели стабиллограммы у испытуемых экспериментальной группы свидетельствовали о повышении у них статокINETической устойчивости в отличие от контроля. Одной из задач, решаемых в ходе настоящих исследований, было определение продолжительности сохранения эффекта статокINETической устойчивости после десятидневного применения кортексина в сочетании с МПЯ. С этой целью показатели времени переносимости НКУК, выраженности сенсорного, вегетативного и соматического компонентов статокINETических реакций каждой группы определяли через один, два и три месяца после окончания эксперимента.

Полученные данные показали, что наибольшее значение времени переносимости НКУК у испытуемых экспериментальной группы было отмечено сразу после курсового применения кортексина в сочетании МПЯ. После этого время переносимости НКУК ($M \pm \delta$, сек) стало постепенно уменьшаться и через один ($115,8 \pm 12,1$), два ($110,6 \pm 10,9$) и три ($103,5 \pm 11,4$) месяца почти возвратилось к исходному ($106,1 \pm 10,4$) уровню (рис. 1). Примерно аналогичную динамику имели показатели выраженности сенсорного, вегетативного и соматического компонентов статокINETических реакций.

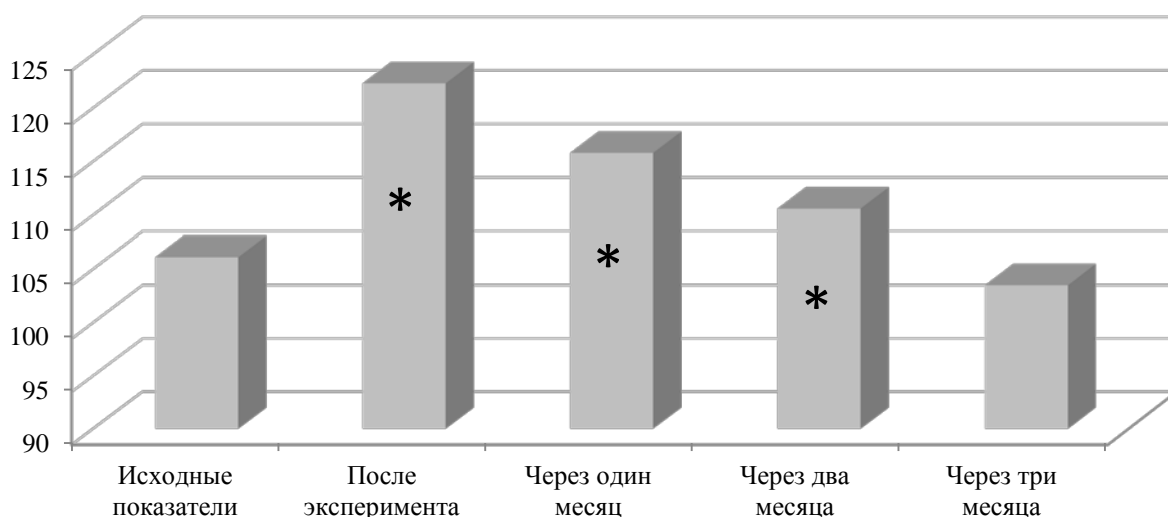

Рис. 1. Время переносимости НКУК, в секундах

Примечание. * – $p < 0,05$, по сравнению с исходными данными

Fig.2. Portability time of continuous cumulation of Coriolis acceleration, in seconds

Note. * – $p < 0.05$, compared with the original data

Обсуждение результатов

Выбор пептидного биорегулятора «Кортексин» для оптимизации деятельности ЦНС был обусловлен тем, что этот препарат не оказывает отрицательного влияния на функциональное состояние организма человека и качество выполнения профессиональной деятельности, особенно в ситуациях, требующих повышенной концентрации внимания и быстроты психомоторных реакций, в частности,

управления скоростными средствами передвижения [13; 32].

В основе положительного влияния курсового применения кортексина лежит эффект каскадного регуляторного воздействия на нейроны коры головного мозга, суть которого состоит в том, что препарат, являясь тканеспецифическим, оказывает выраженное оптимизирующее воздействие на энергетический и

пластический метаболизм нейронов, одновременно способствуя активному выделению в кровотоки эндогенных регуляторов, в том числе регуляторных пептидов, которые, в свою очередь, инициируют лавинообразное высвобождение новой каскадной серии регуляторов^{4,5}.

Использование пептидного биорегулятора «Кортексин» при воздействии статокINETических нагрузок создает условия для улучшения как аэробного, так и анаэробного окисления не только в структурах головного мозга, но и в анализаторах, в том числе и вестибулярном, способствуя уменьшению состояния гипоксии и утилизации накапливающихся недоокисленных продуктов. Согласно исследованиям V. A. Parfenov, N. L. Kunelskaya, в этом случае создаются условия, способствующие нормализации показателей, характеризующих биоэнергетику и гомеостаз на клеточном уровне. Это способствует улучшению функционального состояния и деятельности как самой ЦНС, так и периферических звеньев подчиненных ей анализаторных систем [10; 36].

Общеизвестно, что физические упражнения в виде регулярных и нормированных тренировок способствуют повышению тонуса сосудов, улучшают работу сердечно-сосудистой системы и функцию внешнего дыхания, оптимизируют газообмен, окислительно-восстановительные процессы, что улучшает биоэлектрическую активность и усиливает возбудительные процессы в структурах ЦНС, в целом,

способствуя повышению выносливости и работоспособности человека^{6, 7}.

В основе повышения уровня статокINETической устойчивости под влиянием МПЯ лежит изменение порога чувствительности вестибулярного, зрительного, интероцептивного, кожно-тактильного и проприоцептивного анализаторов, что в свою очередь, способствует более быстрому и адекватному формированию единой системы статокINETической устойчивости⁸ [33; 39].

Можно сделать вывод, что десятидневное применение кортексина в сочетании с МПЯ способствует повышению функциональной устойчивости системы регуляции положения тела в пространстве, что позволяет человеку дольше и легче переносить статокINETические воздействия.

Заключение

1. Десятидневное применение кортексина в сочетании с МПЯ увеличивает время переносимости НКУК, одновременно уменьшая выраженность сенсорного, вегетативного и соматического компонентов статокINETических реакций.

2. Наибольший уровень статокINETической устойчивости (по времени переносимости НКУК) отмечается сразу после курсового применения кортексина в сочетании с МПЯ, после чего он постепенно снижается и к исходу третьего месяца почти возвращается к исходному уровню.

⁴ Козлов В. В., Медицинцев И. И. Человек и безопасность полетов: Научно-практические аспекты снижения авиационной аварийности по причине человеческого фактора. – М.: Когито-центр, 2013. – 202 с.

⁵ Alpini D. C., Cesarani A., Brugnoli G. Vertigo rehabilitation protocols. – New York: Springer, 2014. – 244 p.

⁶ Llinas R., Walton K. Vestibular compensation: a distributed property of the central nervous system / Eds.

H. Asanuma, V. Wilson. – Tokyo: Igaku-Shon, 1979. – P. 145–166.

⁷ Ruckenstein M. J., Davis S. Rapid interpretation of balance function tests. – San Diego: Plural Publishing, 2015. – 152 p.

⁸ Wrisley D., Marchetti G. F., Kuharsky D. K., Whitney S. L. Reliability, internal consistency, and validity of data obtained with the functional gait assessment // Physical Therapy. – 2004. – Vol. 84, № 10. – P. 906–918.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Благинин А. А., Синельников С. Н., Ляшедько С. П.** Современное состояние и проблемы тренировки пространственной ориентировки летчиков // *Авиакосмическая и экологическая медицина*. – 2017. – Т. 51, № 1. – С. 65–69.
2. **Благинин А. А., Лизогуб И. Н.** Медицинские аспекты безопасности полетов // *Военно-медицинский журнал*. – 2017. – Т. 338, № 4. – С. 51–55.
3. **Благинин А. А., Синельников С. Н., Прищепин Б. И., Кудряков С. А., Шевелько А. А., Ячменева П. М.** Психофизиологическое сопровождение тренажерной подготовки летного состава // *Военно-медицинский журнал*. – 2016. – Т. 337, № 11. – С. 49–54.
4. **Благинин А. А., Котов О. В., Жильцова И. И., Анненков О. А., Сыроежкин Ф. А.** Возможности компьютерной стабильности в оценке функционального состояния организма оператора авиакосмического профиля // *Военно-медицинский журнал*. – 2016. – Т. 337, № 8. – С. 51–57.
5. **Благинин А. А., Гребенюк А. Н., Лизогуб И. Н.** Основные направления совершенствования медицинского обеспечения полетов авиации ВВС в современных условиях // *Военно-медицинский журнал*. – 2014. – Т. 335, № 2. – С. 42–45.
6. **Благинин А. А., Синельников С. Н., Смольянинова С. В.** Особенности оценки функционального состояния у операторов с учетом индивидуальных психологических характеристик // *Физиология человека*. – 2017. – Т. 43, № 1. – С. 11–17.
7. **Болдырева Г. Н., Шарова Е. В., Жаворонкова Л. А., Челяпина М. В., Дубровская Л. П., Симонова О. А., Фадеева Л. М., Пронин И. Н., Корниенко В. Н.** Структурно-функциональные особенности работы мозга при выполнении и представлении двигательных нагрузок у здоровых людей (ЭЭГ и ФМРТ исследования) // *Журнал высшей нервной деятельности им. И. П. Павлова*. – 2013. – Т. 63, № 3. – С. 316. DOI: <http://dx.doi.org/10.7868/S0044467713030039>
8. **Глазников Л. А., Буйнов Л. Г., Говорун М. И., Сорокина Л. А., Нигмедзянов Р. А., Голованов А. Е.** Патогенетический подход к разработке средств и методов повышения статокINETической устойчивости операторов авиакосмического профиля // *Вестник оториноларингологии*. – 2012. – № 4. – С. 33–36.
9. **Глазников Л. А., Благинин А. А., Сорокина Л. А., Буйнов Л. Г., Сыроежкин Ф. А., Нигмедзянов Р. А., Плахов Н. Н., Котов О. В.** Исследование эффективности электротранквилизации центральной нервной системы в сочетании с вестибулярными тренировками в повышении статокINETической устойчивости // *Авиакосмическая и экологическая медицина*. – 2017. – Т. 51, № 3. – С. 31–38.
10. **Зайцева О. В.** Обследование и реабилитация больных с периферическим вестибулярным головокружением // *Вестник Оториноларингологии*. – 2010. – № 6. – С. 44–47.
11. **Замерград М. В.** Вестибулярная реабилитация // *Неврология, нейропсихиатрия, психосоматика*. – 2009. – № 2. – С. 19–22.
12. **Замерград М. В.** Реабилитация при заболеваниях вестибулярной системы // *Неврология, нейропсихиатрия, психосоматика*. – 2013. – № 1. – С. 18–22.
13. **Замерград М. В., Парфенов В. А., Яхно Н. Н.** Оптимальная длительность терапии в восстановительном периоде вестибулярных заболеваний // *Неврология, нейропсихиатрия, психосоматика*. – 2014. – Т. 6, № 3. – С. 10–16. DOI: <http://dx.doi.org/10.14412/2074-2711-2014-3-10-16>

14. **Козловская И. Б.** Гравитация и позно-тоническая двигательная система // *Авиакосмическая и экологическая медицина*. – 2017. – Т. 51, № 3. – С. 5–21. DOI: <http://dx.doi.org/10.21687/0233-528X-2017-51-3-5-21>
15. **Кунельская Н. Л., Байбакова Е. В., Чугунова М. А., Гусева А. Л.** Использование методов вестибулярной реабилитации в комплексной терапии вестибулярных нарушений различного генеза // *Лечебное дело*. – 2015. – № 2. – С. 52–55.
16. **Пальчун В. Т., Гусева А. Л., Чистов С. Д.** Вестибулярная реабилитация: обоснование, показания, применение // *Consilium medicum*. – 2015. – Т. 17, № 9. – С. 113–120.
17. **Плахов Н. Н., Буйнов Л. Г., Макарова Л. П.** Функциональное состояние организма моряков-операторов в плавании // *Гигиена и санитария*. – 2017. – Т. 96, № 3. – С. 261–264.
18. **Рукавишников И. В., Амирова Л. Е., Кукоба Т. Б., Томиловская Е. С., Козловская И. Б.** Влияние гравитационной разгрузки на тонус мышц спины // *Физиология человека*. – 2017. – Т. 43, № 3. – С. 64–73.
19. **Сыроежкин Ф. А., Дворянчиков В. В., Благинин А. А., Буйнов Л. Г.** Современные средства вестибулярной реабилитации и повышение статокINETической устойчивости // *Военно-медицинский журнал*. – 2016. – Т. 337, № 4. – С. 36–42.
20. **Сухотерин А. Ф., Пашенко П. С., Плахов Н. Н., Журавлев А. Г.** Роль симпато-адреномедулярной системы в формировании адаптации летчиков к летной нагрузке // *Авиакосмическая и экологическая медицина*. – 2015. – Т. 49, № 5. – С. 49–53.
21. **Усачев В. И., Говорун М. И., Голованов А. Е., Кузнецов М. С.** Динамическая стабилизация вертикального положения тела человека // *Известия ЮФУ. Технические науки*. – 2010. – № 9 (110). – С. 164–169.
22. **Alpini D. C., Cesarani A., Brugnioni G.** Vertigo rehabilitation protocols. – New York: Springer, 2014. – 244 p. DOI: <http://dx.doi.org/10.1007/978-3-319-05482-7>
23. **Bukhtiyarov I. V., Chistov S. D., Ponomarenko K. V., Rybachenko T. A.** Interocular nystagmus asymmetry and motion sickness // *Human Physiology*. – 2014. – Т. 40, № 7. – С. 718–722. DOI: <http://dx.doi.org/10.1134/S0362119714070032>
24. **Golovin M. S., Aizman R. I.** Audiovisual stimulation modulates physical performance and biochemical and hormonal status of athletes // *Bulletin of Experimental Biology and Medicine*. – 2016. – Vol. 161, № 5. – P. 638–642. DOI: <http://dx.doi.org/10.1007/s10517-016-3474-3>
25. **Herdman S. J., Hall C. D., Delaune W.** Variables associated with outcome in patients with unilateral vestibular hypofunction // *Neurorehabilitation and neural repair*. – 2012. – Vol. 26, № 2. – P. 151–162. DOI: <http://dx.doi.org/10.1177/1545968311407514>
26. **Hallgren E., Kornilova L., Fransen E., Glukhikh D., Moore S. T., Clément G., Van Ombergen A., MacDougall H., Naumov I., Wuyts F. L.** Decreased otolith-mediated vestibular response in 25 astronauts induced by long-duration spaceflight // *Journal of Neurophysiology*. – 2016. – Vol. 115, № 6. – P. 3045–3051. DOI: <http://dx.doi.org/10.1152/jn.00065.2016>
27. **Hallgren E., Migeotte P.-F., Kornilova L., Delière Q., Fransen E., Glukhikh D., Moore S. T., Clément G., Diedrich A., MacDougall H., Wuyts F. L.** Dysfunctional vestibular system causes a blood pressure drop in astronauts returning from space // *Scientific Reports*. – 2015. – Vol. 5. – Article number 17627. DOI: <http://dx.doi.org/10.1038/srep17627>
28. **Kubryak O., Guseva A., Grohovsky S.** Static motor-cognitive test and evaluation criteria in the management of treatment // *International Journal of Psychophysiology*. – 2012. – Vol. 85, № 3. – P. 383–385.

29. **Kornilova L. N., Naumov I. A., Makarova S.** Static torsional otolith-cervical-ocular reflex after prolonged exposure to weightlessness and a 7-day immersion // *Acta Astronautica*. – 2011. – Vol. 68, № 9-10. – P. 1462–1468. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.actaastro.2010.04.016>
30. **Kornilova L. N., Naumov I. A., Glukhikh D. O., Habarova E. V., Kozlovskaya I. B.** The effects of support-proprioceptive deprivation on visual-manual tracking and vestibular function // *Human Physiology*. – 2013. – Vol. 39, № 5. – P. 462–471. DOI: <http://dx.doi.org/10.1134/S0362119713050071>
31. **Mao Y., Chen P., Li L., Huang D.** Virtual reality training improves balance function // *Neural Regeneration Research*. – 2014. – Vol. 9, № 17. – P. 1628–1634. DOI: <http://dx.doi.org/10.4103/1673-5374.141795>
32. **Morozova S. V., Alekseeva N. S., Lilenko S. V., Matsnev E. I., Melnikov O. A., Hughes P.** Effects and safety profile of betahistine in patients in the russian contingent of osvald, an open-label observational study in vestibular vertigo // *International Journal of General Medicine*. – 2015. – T. 8. – C. 47–53. DOI: <http://dx.doi.org/10.2147/IJGM.S73842>
33. **Nishiike S., Okazaki S., Watanabe H., Akizuki H., Imai T., Uno A., Kitahara T., Horii A., Takeda N., Inohara H.** The effect of visual-vestibulosomatosensory conflict induced by virtual reality on postural stability in humans // *Journal of Medical Investigation*. – 2013. – Vol. 60, № 3-4. – P. 236–239. DOI: <http://dx.doi.org/10.2152/jmi.60.236>
34. **Nyberg L., Lundin-Olsson L., Sondell B., Backman A., Holmlund K., Eriksson S., Stenvall M., Rosendahl E., Maxhall M., Bucht G.** Using a virtual reality system to study balance and walking in a virtual outdoor environment: a pilot study // *Cyberpsychology and Behavior*. – 2006. – Vol. 9, № 4. – P. 388–395. DOI: <http://dx.doi.org/10.1089/cpb.2006.9.388>
35. **Ohyama S., Nishiike S., Watanabe H., Matsuoka K., Akizuki H., Takeda N., Harada T.** Autonomic responses during motion sickness induced by virtual reality // *Auris Nasus Larynx*. – 2007. – Vol. 34, № 3. – P. 303–306. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.anl.2007.01.002>
36. **Parfenov V. A., Golyk V. A., Matsnev E. I., Morozova S. V., Melnikov O. A., Antonenko L. M., Sigaleva E. E., Situkho M. I., Asaulenko O. I., Popovych V. I., Zamergrad M. V.** Effectiveness of betahistine (48 mg/day) in patients with vestibular vertigo during routine practice: the virtuoso study // *PLoS ONE*. – 2017. – Vol. 12, № 3. – P. e0174114. DOI: <http://dx.doi.org/10.1371/journal.pone.0174114>
37. **Sayenko D. G., Miller T. F., Melnik K. A., Netreba A. I., Khusnutdinova D. R., Kitov V. V., Tomilovskaya E. S., Reschke M. F., Gerasimenko Y. P., Kozlovskaya I. B.** Acute effects of dry immersion on kinematic characteristics of postural corrective responses // *Acta Astronautica*. – 2016. – Vol. 121. – P. 110–115. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.actaastro.2015.12.054>
38. **Sayenko D. G., Artamonov A. A., Kozlovskaya I. B.** Characteristics of postural corrective responses before and after long-term spaceflights // *Human Physiology*. – 2011. – Vol. 37, № 5. – P. 594–601.
39. **Van Ombergen A., Demertzi A., Tomilovskaya E., Jeurissen B., Sijbers J., Kozlovskaya I. B., Parizel P. M., Van de Heyning P. H., Sunaert S., Laureys S., Wuyts F. L.** The effect of space-flight and microgravity on the human brain // *Journal of Neurology*. – 2017. – Vol. 264, Suppl. 1. – P. 18–22. DOI: <http://dx.doi.org/10.1007/s00415-017-8427-x>
40. **Villard S. J., Flanagan M. B., Albanese G., Stoffregen T. A.** Postural instability and motion sickness in a virtual moving room // *Human Factors: The Journal of the Human Factors and Ergonomics Society*. – 2008. – Vol. 50, № 2. – P. 332–345. DOI: <http://dx.doi.org/10.1518/001872008X250728>

DOI: [10.15293/2226-3365.1801.14](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1801.14)

Lyudmila Aleksandrovna Sorokina, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Medical and Valeological Disciplines Department, Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russian Federation.

ORCID ID: <http://orcid.org/0000-0001-6819-7610>

E-mail: lux-86@mail.ru

Leonid Gennadievich Buynov, Doctor of Medical Sciences, Professor, Head of Medical and Valeological Disciplines Department, Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russian Federation.

ORCID ID: <http://orcid.org/0000-0002-6203-4324>

E-mail: buynoff@yandex.ru

Nikolai Nikolaevich Plakhov, Doctor of Medical Sciences, Professor, Medical and Valeological Disciplines Department, Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russian Federation.

ORCID ID: <http://orcid.org/0000-0003-4208-5439>

E-mail: gp.aig@mail.ru

Roman Idelevich Aizman, Doctor of Biological Sciences, Professor, Director of the Research Institute of Health and Safety of Life, Head of Anatomy, Physiology and Safety of Life Department, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russian Federation.

ORCID ID: <http://orcid.org/0000-0002-7776-4768>

E-mail: aizman.roman@yandex.ru

The study of the effectiveness of combined use of Cortexin and physical exercises in optimization of the functional system of human statokinetic stability

Abstract

Introduction. Fundamental and applied research in the field of optimization of the functional system of human statokinetic stability to date is one of the leading positions in the Russian and world physiology of work. The aim of the research is to study the effectiveness of the course using of a peptide bioregulator Cortexin in combination with physical exercises with the help of a modified test by A. I. Yarotsky in increasing of human statokinetic stability.

Materials and Methods. The sample consisted of 28 healthy male subjects aged between 20 and 22 years. (The experimental group included 17 subjects, the control group consisted of 11 subjects). The method of continuous cumulation of Coriolis accelerations (CCCA) was used in order to stimulate the vestibular apparatus in the experimental group. To increase statokinetic stability, cortexin was used in combination with active training with the help of a modified test by A. I. Yarotsky (MTY).

Results. It is shown that the subjects of the experimental group treated with Cortexin in combination with MTY demonstrated increased time of CCCA. Simultaneously, decrease in the severity of vestibulosensory, vestibulovegetative, and vestibulosomatic reactions was observed which indicated the improvement of subjects' statokinetic tolerance in the experimental group in the test CCCA. Positive

dynamics of indicators in the experimental group was confirmed by the data of the static stabilometric test in the integrated functional computer stabilography. Thus, tests with open and closed eyes showed marked decrease in the rate of increase in the length and area of statokinesigram, oscillation amplitude (OA), and projection of the total center of gravity (PTCG) in the frontal and sagittal planes, and the coefficient of asymmetry (CA) in the frontal and sagittal directions.

Conclusions. The obtained results allow to recommend using a peptide bioregulator Cortexin in combination with physical exercises to stimulate the human vestibular apparatus and improve statokinetic stability.

Keywords

Statokinetic stability; Computer stabilography; Functional status; Professional performance; Cortexin.

REFERENCES

1. Blaguinin A. A., Sinelnikov S. N., Liashedko S. P. State-Of-The-Art and Problems of Spatial Orientation Training of Pilots. *Aerospace and Environmental Medicine*, 2017, vol. 51, no. 1, pp. 65–69. (In Russian) DOI: <http://dx.doi.org/10.21687/0233-528X-2017-51-1-65-69>
2. Blagin A. A., Lizogub I. N. Medical Aspects of Flight Safety. *Military Medical Journal*, 2017, vol. 338, no. 4, pp. 51–55. (In Russian) URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29060685>
3. Blagin A. A., Sinelnikov S. N., Prishchepin B. I., Kudryakov S. A., Shevelko A. A., Yachmeneva P. M. Psychophysiological methods to support pilots training in the flight simulator. *Military Medical Journal*, 2016, vol. 337, no. 11, pp. 49–54. (In Russian) URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27438217>
4. Blagin A. A., Kotov O. V., Zhiltsova I. I., Annenkov O. A., Syroezhkin F. A. Possibilities of computer stabilography as a part of evaluation of functional state of aerospace operator's organism. *Military Medical Journal*, 2016, vol. 337, no. 8, pp. 51–57. (In Russian) URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27378484>
5. Blagin A. A., Grebenyuk A. N., Lizogub I. N. The main ways of improvement of medical support of the Air Forces in modern conditions. *Military Medical Journal*, 2014, vol. 335, no. 2, pp. 42–45. (In Russian) URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=22446737>
6. Blagin A. A., Sinelnikov S. N., Smolyaninova S. V. Evaluation of the functional state of operators with allowance for individual psychological characteristics. *Human Physiology*, 2017, vol. 43, no. 1, pp. 11–17. (In Russian) DOI: <http://dx.doi.org/10.7868/S0131164616060035>
7. Boldyreva G. N., Sharova E. V., Zhavoronkova L. A., Celapena M. V., Dubrovskaya L. P., Simonova O. A., Fadeyeva L. M., Pronin I. N., Kornienko V. N. Structural and functional features of the brain when performing and reporting physical activity in healthy people (electroencephalogram and functional magnetic resonance imaging studies). *Journal of Higher Nervous Activity Them. I. P. Pavlov*, 2013, vol. 63, no. 3, pp. 316. (In Russian) DOI: <http://dx.doi.org/10.7868/S0044467713030039>
8. Glaznikov L. A., Buinov L. G., Govorun M. I., Sorokina L. A., Nigmedzianov R. A., Golovanov A. E. The pathogenetic approach to the development of tools and methods for the improvement of statokinetic stability in the operators of aerospace systems. *Bulletin of Otorhinolaryngology*, 2012, no. 4, pp. 33–36. (In Russian) URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=18040728>
9. Glaznikov L. A., Blaguinin A. A., Sorokina L. A., Buinov L. G., Syroezhkin F. A., Nigmedzianov R. A., Plakhov N. N., Kotov O. V. Studies of Effectiveness of Electrical Tranquilization of the Central Nervous System in Combination with Vestibular Training for Improvement of Statokinetic

- Stability. *Aerospace and Environmental Medicine*, 2017, vol. 51, no. 3, pp. 31–38. (In Russian) DOI: <http://dx.doi.org/10.21687/0233-528X-2017-51-3-31-38>
10. Zaïtseva O. V. Examination and rehabilitation of patients with peripheric vestibular vertigo. *Bulletin of Otorhinolaryngology*, 2010, no. 6, pp. 44–47. (In Russian) URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=18261047>
 11. Zamergrad M. V. Vestibular Rehabilitation. *Neurology, Neuropsychiatry, Psychosomatics*, 2009, no. 2, pp. 19–22. (In Russian) URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=13071197>
 12. Zamergrad M. V. Rehabilitation in vestibular system diseases. *Neurology, Neuropsychiatry, Psychosomatics*, 2013, no. 1, pp. 18–22. (In Russian) URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=20277654>
 13. Zamergrad M. V., Parfenov V. A., Yakhno N. N. Optimal duration of therapy in the recovery period of vestibular diseases. *Neurology, Neuropsychiatry, Psychosomatics*, 2014, vol. 6 (3), pp. 10–16. (In Russian) DOI: <http://dx.doi.org/10.14412/2074-2711-2014-3-10-16>
 14. Kozlovskaya I. B. Gravity and the Tonic Postural Motor System. *Aerospace and Environmental Medicine*, 2017, vol. 51, no. 3, pp. 5–21. (In Russian) DOI: <http://dx.doi.org/10.21687/0233-528X-2017-51-3-5-21>
 15. Kunelskaya N. L., Baibakova E. V., Chugunova M. A., Guseva A. L. Vestibular Rehabilitation Therapy in Patients with Vestibular Disorders. *General Medicine*, 2015, no. 2, pp. 52–55. (In Russian) URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25058515>
 16. Palchun V. T., Guseva A. L., Chistov S. D. Vestibular rehabilitation: substantiation, indications, application. *Consilium Medicum*, 2015, vol. 17, no. 9, pp. 113–120. (In Russian) URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=24496584>
 17. Plakhov N. N., Buynov L. G., Makarova L. P. Functional State of Seamen Operators in Sea Voyage. *Hygiene and Sanitation*, 2017, vol. 96, no. 3, pp. 261–264. (In Russian) URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=28868348>
 18. Rukavishnikov I. V., Amirova L. E., Kukoba T. B., Tomilovskaya E. S., Kozlovskaya I. B. Effects of Gravitational Unloading on Back Muscles Tone. *Human Physiology*, 2017, vol. 43, no. 3, pp. 64–73. (In Russian) URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29405202>
 19. Syroezhkin F. A., Dvoryachikov V. V., Blagin A. A., Bujnov L. G. Modern means of vestibular rehabilitation and the increase statokinetic sustainability. *Military Medical Journal*, 2016, vol. 337, no. 4, pp. 36–42. (In Russian) URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26058660>
 20. Suhoterin A. F., Pashenko P. S., Plahov N. N., Zhuravlev A. G. Sympathoadrenomedullary role in the formation of adaptation pilots to the flight load. *Aerospace and Environmental Medicine*, 2015, vol. 49, no. 5, pp. 49–53. (In Russian) URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=24846051>
 21. Usachev V. I., Govorun M. I., Golovanov A. E., Kuznetsov M. S. Dynamic stabilization the vertical position of the human body. *Proceedings of the SFU. Technical Science*, 2010, no. 9, pp. 164–169. (In Russian) URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=15248950>
 22. Alpini D. C., Cesarani A., Brugnoli G. *Vertigo rehabilitation protocols*. New-York, Springer Publ., 2014, 244 p. DOI: <http://dx.doi.org/10.1007/978-3-319-05482-7>
 23. Bukhtiyarov I. V., Chistov S. D., Ponomarenko K. V., Rybachenko T. A. Interocular nystagmus asymmetry and motion sickness. *Human Physiology*, 2014, vol. 40, no. 7, pp. 718–722. DOI: <http://dx.doi.org/10.1134/S0362119714070032>
 24. Golovin M. S., Aizman R. I. Audiovisual stimulation modulates physical performance and biochemical and hormonal status of athletes. *Bulletin of Experimental Biology and Medicine*, 2016, vol. 161, no. 5, pp. 638–642. DOI: <http://dx.doi.org/10.1007/s10517-016-3474-3>

25. Herdman S. J., Hall C. D., Delaune W. Variables associated with outcome in patients with unilateral vestibular hypofunction. *Neurorehabilitation and Neural Repair*, 2012, vol. 26, no. 2, pp. 151–162. DOI: <http://dx.doi.org/10.1177/1545968311407514>
26. Hallgren E., Kornilova L., Fransen E., Glukhikh D., Moore S. T., Clément G., Van Ombergen A., MacDougall H., Naumov I., Wuyts F. L. Decreased otolith-mediated vestibular response in 25 astronauts induced by long-duration spaceflight. *Journal of Neurophysiology*, 2016, vol. 115, no. 6, pp. 3045–3051. DOI: <http://dx.doi.org/10.1152/jn.00065.2016>
27. Hallgren E., Migeotte P.-F., Kornilova L., Delière Q., Fransen E., Glukhikh D., Moore S. T., Clément G., Diedrich A., MacDougall H., Wuyts F. L. Dysfunctional vestibular system causes a blood pressure drop in astronauts returning from space. *Scientific Reports*, 2015, vol. 5, article number 17627. DOI: <http://dx.doi.org/10.1038/srep17627>
28. Kubryak O., Guseva A., Grohovsky S. Static motor-cognitive test and evaluation criteria in the management of treatment. *International Journal of Psychophysiology*, 2012, vol. 85, no. 3, pp. 383–385. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21745223>
29. Kornilova L. N., Naumov I. A., Makarova S. Static torsional otolith-cervical-ocular reflex after prolonged exposure to weightlessness and a 7-day immersion. *Acta Astronautica*, 2011, vol. 68, no. 9-10, pp. 1462–1468. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.actaastro.2010.04.016>
30. Kornilova L. N., Naumov I. A., Glukhikh D. O., Habarova E. V., Kozlovskaya I. B. The effects of support-proprioceptive deprivation on visual-manual tracking and vestibular function. *Human Physiology*, 2013, vol. 39, no. 5, pp. 462–471. DOI: <http://dx.doi.org/10.1134/S0362119713050071>
31. Mao Y., Chen P., Li L., Huang D. Virtual reality training improves balance function. *Neural Regeneration Research*, 2014, vol. 9, no. 17, pp. 1628–1634. DOI: <http://dx.doi.org/10.4103/1673-5374.141795>
32. Morozova S. V., Alekseeva N. S., Lilenko S. V., Matsnev E. I., Melnikov O. A. Hughes P. Effects and safety profile of betahistine in patients in the russian contingent of osvald, an open-label observational study in vestibular vertigo. *International Journal of General Medicine*, 2015, vol. 8, pp. 47–53. DOI: <http://dx.doi.org/10.2147/IJGM.S73842>
33. Nishiike S., Okazaki S., Watanabe H., Akizuki H., Imai T., Uno A., Kitahara T., Horii A., Takeda N., Inohara H. The effect of visual-vestibulosomatosensory conflict induced by virtual reality on postural stability in humans. *Journal of Medical Investigation*, 2013, vol. 60, no. 3-4, pp. 236–239. DOI: <http://dx.doi.org/10.2152/jmi.60.236>
34. Nyberg L., Lundin-Olsson L., Sondell B., Backman A., Holmlund K., Eriksson S., Stenvall M., Rosendahl E., Maxhall M., Bucht G. Using a virtual reality system to study balance and walking in a virtual outdoor environment: a pilot study. *Cyberpsychology and Behavior*, 2006, vol. 9, no. 4, pp. 388–395. DOI: <http://dx.doi.org/10.1089/cpb.2006.9.388>
35. Ohyama S., Nishiike S., Watanabe H., Matsuoka K., Akizuki H., Takeda N., Harada T. Autonomic responses during motion sickness induced by virtual reality. *Auris Nasus Larynx*, 2007, vol. 34, no. 3, pp. 303–306. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.anl.2007.01.002>
36. Parfenov V. A., Golyk V. A., Matsnev E. I., Morozova S. V., Melnikov O. A., Antonenko L. M., Sigaleva E. E., Situkho M. I., Asaulenko O. I., Popovych V. I., Zamergrad M. V. Effectiveness of betahistine (48 mg/day) in patients with vestibular vertigo during routine practice: the virtuoso study. *PLoS ONE*, 2017, vol. 12, no. 3, pp. e0174114. DOI: <http://dx.doi.org/10.1371/journal.pone.0174114>
37. Sayenko D. G., Miller T. F., Melnik K. A., Netreba A. I., Khusnutdinova D. R., Kitov V. V., Tomilovskaya E. S., Reschke M. F., Gerasimenko Y. P., Kozlovskaya I. B. Acute effects of dry

- immersion on kinematic characteristics of postural corrective responses. *Acta Astronautica*, 2016, vol. 121, pp. 110–115. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.actaastro.2015.12.054>
38. Sayenko D. G., Artamonov A. A., Kozlovskaya I. B. Characteristics of postural corrective responses before and after long-term spaceflights. *Human Physiology*, 2011, vol. 37, no. 5, pp. 594–601. <https://elibrary.ru/item.asp?id=18008129>
39. Van Ombergen A., Demertzi A., Tomilovskaya E., Jeurissen B., Sijbers J., Kozlovskaya I. B., Parizel P. M., Van de Heyning P. H., Sunaert S., Laureys S., Wuyts F. L. The effect of spaceflight and microgravity on the human brain. *Journal of Neurology*, 2017, vol. 264, suppl. 1, pp. 18–22. DOI: <http://dx.doi.org/10.1007/s00415-017-8427-x>
40. Villard S. J., Flanagan M. B., Albanese G., Stoffregen T. A. Postural instability and motion sickness in a virtual moving room. *Human Factors: Journal of the Human Factors and Ergonomics Society*, 2008, vol. 50, no. 2, pp. 332–345. DOI: <http://dx.doi.org/10.1518/001872008X250728>

Submitted: 01 November 2017

Accepted: 09 January 2018

Published: 28 February 2018

This is an open access article distributed under the [Creative Commons Attribution License](#) which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work is properly cited. (CC BY 4.0).

© О. А. Латуха

DOI: [10.15293/2226-3365.1801.15](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1801.15)

УДК 614.2+338+316

ПРИМЕНЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ОПЫТА БЕРЕЖЛИВОГО ПРОИЗВОДСТВА В КОНЦЕПЦИИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ МЕДИЦИНСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

О. А. Латуха (Новосибирск, Россия)

Проблема и цель. В статье представлено исследование по проблеме применения модели бережливого производства для внедрения улучшений управления процессами и ресурсами медицинской организации на современном этапе развития здравоохранения.

Цель статьи – исследовать применение модели бережливого производства для решения проблем национальных систем здравоохранения и устойчивого развития медицинских организаций на основе международного опыта, а также предложить авторскую модель интеграции бережливого производства и концепции устойчивого развития.

Методология. В исследовании применялись общенаучные методы эмпирического и теоретического познания, общелогические методы и приемы, а также методы системного анализа, сравнений и аналогий, обобщения, материалы собственного социально-гигиенического исследования факторов, влияющих на устойчивость развития медицинских организаций в современных условиях.

Результаты. Выявлены основные проблемы здравоохранения разных стран, решение которых лежит в плоскости устойчивого развития. Отмечается, что в центре внимания исследователей систем здравоохранения, с одной стороны, вопросы повышения качества оказания медицинской помощи населению при экономном расходовании финансовых средств и других ресурсов, с другой – проблема обеспечения деятельности медицинской организации, направленной на достижение максимальной отдачи от имеющихся финансовых, материальных и кадровых ресурсов. Подчеркивается, что технология бережливого производства и шести сигм (Lean Six Sigma (LSS)) – широко применяемый метод для улучшения процессов как сферы производства, так и сферы услуг. В статье проведен анализ существенных вопросов применения модели бережливого производства и шести сигм для достижения устойчивости развития медицинской организации и решения некоторых проблем национальных систем здравоохранения. Представлены результаты социологического и экспертного опроса руководителей, определяющие ключевые направления совершенствования процессов в медицинской организации для достижения устойчивости ее развития. В статье представлен авторский подход к интеграции принципов бережливого производства и концепции устойчивого развития организации.

Заключение. Делаются выводы о том, что внедрение отдельных принципов бережливого производства будет способствовать устойчивому развитию медицинских организаций.

Ключевые слова: управление человеческим капиталом; управление предприятием; бизнес процесс; здравоохранение; программа качества "шесть сигм"; устойчивое развитие; стратегия.

Латуха Ольга Александровна – кандидат экономических наук, доцент кафедры организации здравоохранения и общественного здоровья, факультет повышения квалификации и профессиональной переподготовки врачей, Новосибирский государственный медицинский университет.

E-mail: latucha@mail.ru

Постановка проблемы

В настоящее время в системах здравоохранения разных стран присутствует ряд общих проблем, которые препятствуют развитию медицинских организаций, особенно государственного сектора. К ним можно отнести:

- снижение качества и доступности медицинской помощи для населения [7; 16; 18; 28];

- развитие здравоохранения в зависимости от качества управления системой не только на уровне государства, но и самой медицинской организации [11];

- ряд показателей здоровья (например, заболеваемость сердечно-сосудистой системы), требующих высокотехнологичных видов медицинской помощи, напрямую зависит от объемов государственного финансирования здравоохранения, которого бывает недостаточно для решения проблем [5; 24; 26; 30];

- программы модернизации здравоохранения разных стран не приводят к видимым улучшениям показателей эффективности деятельности отрасли; более того, наблюдается снижение показателей качества и доступности медицинской помощи, неэффективное расходование ресурсного обеспечения, неэффективное использование дорогостоящего медицинского оборудования, не всегда грамотно выстроена система работы с потоками пациентов, растут очереди на получение медицинских услуг [6; 4; 36; 37].

В сложившихся условиях необходимость системного и рационального применения имеющихся в здравоохранении ресурсов, повышение качества оказания медицинской

помощи и эффективности управления системой здравоохранения становятся как никогда актуальными.

При этом в медицинских организациях необходимо принять меры, которые будут способствовать решению следующих проблем¹ [18; 23; 26; 30; 31]:

- обеспечение доступности и качества медицинской помощи, удовлетворяющей потребностям населения, при *эффективном использовании государственных ресурсов*;

- *пересмотр инфраструктуры здравоохранения*, которая должна соответствовать потребностям населения, обеспечивать оказание медицинской помощи в заданных объемах по видам и формам, но при этом не быть избыточной и оставаться эффективной;

- направленность деятельности медицинской организации на достижение *максимальной отдачи от имеющихся финансовых, материальных и кадровых ресурсов*;

- создание и внедрение *системы менеджмента качества медицинских услуг*, устанавливающую критерии оценки качества медицинской помощи как основу формирования системы внутреннего контроля качества и безопасности медицинской деятельности, имеющей целью постепенное снижение государственного контроля в пользу обеспечения качества со стороны медицинской организации как основание для формирования системы аккредитации медицинских организаций;

- ускорение *инновационного развития здравоохранения*.

Следует также обратить внимание, что концепция устойчивого развития медицинской организации не предполагает экономии

¹ Стратегия развития здравоохранения Российской Федерации на долгосрочный период 2015–2030 гг. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.ucgb.org/documents/Strategy%20razvitiya%20zdravoohraneniya%202015-2030.pdf> (дата обращения 30.11.16.); 100 Top Hospitals and Everest Award Methodology Highlights // Truven Health. – 2014; Performance Assessment Tool for Quality Improvement in Hospitals // World Health Organization. – 2007.

ресурсов ради сокращения затрат, т. к. это в первую очередь снизит качество оказания медицинской помощи и удовлетворенность пациентов. Для устойчивого развития учреждения здравоохранения необходима сбалансированность основных и вспомогательных процессов таким образом, чтобы вложения финансовых, материально-технических и кадровых ресурсов обеспечивали эффективность работы каждого из процессов и при этом не были избыточны [8; 22; 25].

Кроме того, устойчивое развитие организации предполагает постоянное внедрение улучшений и инноваций для получения максимальной отдачи от вложенных ресурсов, что и способствует достижению долгосрочных целей не только самой медицинской организации, но и показателями эффективности национальной системы здравоохранения.

Другими словами, необходимо внедрить в работу медицинской организации модель, которая, с одной стороны, способствовала экономии ресурсов, а с другой – содействовала максимальной отдаче от вложенных финансовых, материально-технических и кадровых ресурсов и в то же время повышала показатели доступности, качества медицинской помощи, удовлетворенность пациентов, снижала очередь на оказание медицинских услуг и способствовала устойчивому росту показателей эффективности медицинской организации.

В нашем понимании таким интегрирующим инструментом является модель бережливого производства и шести сигм, которая была разработана в Японии на автомобильном заводе концерна «Тойота». Бережливое производство и методология шести сигм широко используется во многих компаниях по всему миру. Применение этих технологий встречается в автомобильной промышленности [12; 27], информационных системах [10], образо-

вании [20], нефтеперерабатывающей промышленности [17], в том числе и в здравоохранении, где данный метод применяется для сокращения очереди пациентов на хирургическое вмешательство [29], работы лабораторно-диагностической службы [15; 32], оказания специализированных видов медицинской помощи [3] и др.

В концепцию бережливого производства заложены механизмы управления знаниями [21]. Процесс передачи знаний инициируется руководителем [14]. Организационное обучение и передача знаний являются наиболее ценным активом современных организаций. Для ее эффективной работы важно определить четкие логические следствия процессов, которые оформляются в виде стандартов, правил, процедур, технологий, концепций и объединены стратегической целью и корпоративной культурой организации. Организация обучения персонала – это деятельность, являющаяся частью работы любой фирмы. Однако обучающаяся организация – это форма организации, требующая интегрированных усилий всего персонала, начиная с высшего руководства и заканчивая исполнителями [13].

С одной стороны, внедряя модель бережливого производства и шести сигм, разные компании столкнулись с рядом общих сложностей:

- бережливое производство мало эффективно в тех организациях, где отсутствует организационная модель управления изменениями [9]

- для некоторых процессов область качества лежит за пределами распределения в шесть сигм, что может привести к ошибочным суждениям; например, к ним относят процессы, имеющие экспоненциальное распределение принципов качества: качество инновационного продукта, время продажи элитной дорогой продукции и др. [1];

– определенную сложность представляют точность и информативность критериев качества оценки желаемых изменений [3].

С другой стороны, были названы решающие факторы успеха [2; 19]:

- вовлеченность сотрудников организации, их навыки и экспертные знания;
- изменение организационной культуры организации;
- квалификация менеджера, управляющего процессом изменения.

Бережливое производство стремится к постоянному снижению затрат [33]. Lean Six Sigma (LSS) – это методология совершенствования процессов, в основе которой применение совместных усилий команды для повышения производительности путем систематического выявления ключевых причин возникающих проблем [33]. Одной из поставленных задач нашего исследования было определение возможности использования технологии бережливого производства для повышения потенциала устойчивого развития медицинской организации.

По данным научно-исследовательских источников, основными точками приложения данной модели в медицинской организации являются процессы² [34; 35; 38]:

- диспансеризации населения;
- работы регистратуры;
- подготовки и проведения хирургических операций.

Основными ключевыми показателями, повышающими эффективность работы медицинской организации, являются:

1) в амбулаторном звене: повышение доступности медицинской помощи за счет снижения очередей и уменьшения времени ожидания приема к врачу; повышение качества оказания

медицинской помощи за счет ориентации процессов на нужды пациентов, что, соответственно, повышает удовлетворенность; охват населения диспансерным наблюдением за счет снижения временных затрат на оказание этого вида медицинской услуги; повышение качества обслуживания лабораторно-диагностической службой; повышение результативности работы системы менеджмента качества; повышение доступности льготного лекарственного обеспечения за счет снижения времени ожидания назначений [3; 15; 32];

2) в стационаре: повышение доступности медицинской помощи за счет сокращения времени на одну хирургическую операцию при одновременном повышении качества оказания медицинской помощи; повышение результативности работы системы менеджмента качества за счет снижения количества дефектов при оказании медицинской помощи [29].

Однако в доступной нам литературе нет исследований влияния модели бережливого производства на устойчивость развития организации социальной сферы. В статье поставлена цель – исследовать применение модели бережливого производства для решения проблем национальных систем здравоохранения и устойчивого развития медицинских организаций на основе международного опыта, а также предложить авторскую модель интеграции бережливого производства и концепции устойчивого развития.

Материалы и методы исследования

Исследование факторов, влияющих на устойчивость развития медицинских организаций в современных условиях, проводилось с 2014 по 2016 гг. методом экспертного и со-

² Проект «Бережливая поликлиника» распространится на все регионы // Главная медицинская сестра. – 2017. – № 5. – С. 8–9.

циологического опроса руководителей медицинских организаций. Экспертам, руководителям устойчиво развивающихся организаций предлагалось оценить влияние различных факторов на устойчивое развитие учреждений здравоохранения по десятибалльной шкале. Обработка результатов осуществлялась с помощью стандартного программного обеспечения.

В социологическом исследовании принимали участие руководители медицинских организаций, имеющих разный уровень устойчивости. Оценивалась частота встречаемости признака в выборочной совокупности в процентном соотношении. Обработка материала производилась с помощью стандартного пакета программ.

Результаты исследования

Проводимое исследование факторов, влияющих на устойчивость развития медицинских организаций, при современном уровне развития здравоохранения показало, что важным аспектом достижения долгосрочных целей организации является внедрение улучшений. По данным экспертного опроса, внедрение улучшений в работу медицинских организаций значительно влияет на устойчивость ее развития (8,32 из 10 баллов).

Как показывают данные нашего социологического исследования, устойчиво развивающиеся медицинские организации внедряют различные улучшения и инновации в два раза чаще, чем учреждения здравоохранения, имеющие средние показатели развития. При этом изменения внедряются:

- в процесс обеспечения качества оказания медицинской услуги (66,08 %);
- в организационную структуру медицинской организации (43,01 %);

– в систему управления медицинской организацией (38,11 %).

Общий потенциал внедрения улучшений в работу исследуемых медицинских организаций низкий и составляет 4,02 балла. У устойчиво развивающихся медицинских организаций потенциал выше – 5,56 балла. Самый высокий потенциал внедрения улучшений в учреждениях здравоохранения, внедряющих элементы системы менеджмента качества, основанных на стандарте ISO 9001 (9,04 балла). Данный показатель свидетельствует о том, что, внедряя принципы всеобщего управления качеством (TQM) и пересматривая каждый процесс на предмет оценки его качественных показателей, выявляется ряд несоответствий, которые требуют постоянных корректирующих мероприятий.

Таким образом, на современном этапе развития здравоохранения происходит ряд процессов, требующих от медицинской организации внедрения изменений: в систему качества оказания медицинской помощи, организацию помощи пациентам и саму систему управления медицинской организацией. Эти процессы должны способствовать достижению ключевых показателей эффективности организации, заложенных в дорожной карте, и устойчивому развитию учреждения здравоохранения.

При этом в стратегию развития здравоохранения заложены принципы ресурсосбережения государственных средств, выделяемых для работы медицинских организаций. В связи с этим модель бережливого производства может способствовать достижению устойчивого развития при минимальных потерях ресурсов. На рисунке представлена интеграционная модель принципов бережливого производства и концепции устойчивого развития организации.

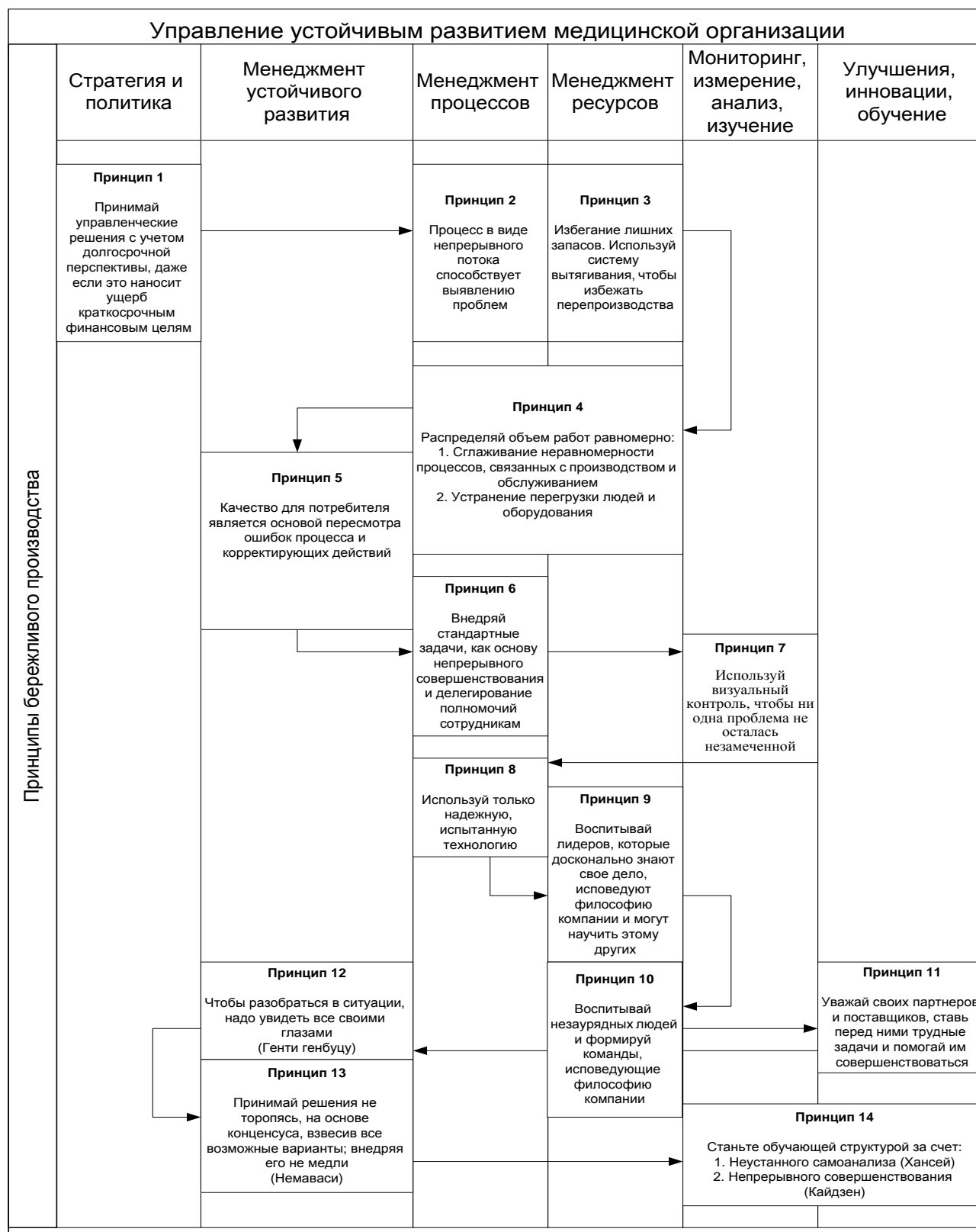

Рис. Интеграция принципов бережливого производства и концепции устойчивого развития организации (авторский подход)

Fig. Integration of lean manufacturing principles and the concept of sustainability development of the organization (author's approach)

Стратегия и политика. Модель бережливого производства создает основу для внешней политики организации, когда на партнеров и поставщиков распространяется корпоративная культура оптимизации процессов для бережливого отношения к ресурсам. Основная стратегическая цель организации, использующей принципы бережливого производства, – это создание ценности для потребителя.

Менеджмент устойчивого развития. Для того, чтобы каждый менеджер организации, принимая оперативные решения, использовал системный и стратегический подход к постановке целей, необходимо, чтобы долгосрочные цели организации были доведены до каждого исполнителя. Кроме того, организационная культура компании должна быть направлена на то, что движение к главной цели важнее, чем сиюминутное получение прибыли. Этот принцип основан на том, что долгосрочная цель компании – создание ценности для клиента – будет достигнута, если каждый сотрудник будет верить в свои силы и способности, отвечать за то, что он делает, поддерживать и совершенствовать навыки, которые позволяют ему производить добавленную ценность. Лидеры, воспитанные в духе корпоративной культуры организации, осуществляют управление бережливым производством и способствуют устойчивому развитию организации.

Менеджмент процессов бережливого производства направлен на создание непрерывного потока, который добавляет ценность для потребителей. Такое построение системы процессов позволяет:

- повышать удовлетворенность потребителей; основой удовлетворенности как внутренних, так и внешних потребителей является организация процессов таким образом, чтобы они получили то, что им требуется в нужное время и в нужном количестве;

- налаживать связи между людьми и между процессами;

- выявлять проблемные места работы системы в кратчайшие сроки;

- сами процессы становятся основанием для непрерывного совершенствования и развития сотрудников организации;

- устраняются перегрузки сотрудников и оборудования, за счет равномерного и предсказуемого графика работы;

- качество, запрашиваемое потребителем, является ключевым показателем для деятельности всех процессов.

Стабильность процессов обеспечивают стандарты, позволяющие делать результат более предсказуемым и повышающие сложность работы. Стандартизация относится и к системе отчетности внутри организации, что позволяет минимизировать трудовые затраты как сотрудников, так и руководителя, и повысить производительность процессов.

Менеджмент ресурсов. Прежде всего основа бережливого производства – это сведение к необходимому минимуму складских запасов, что позволяет в здравоохранении минимизировать потери ресурсов за счет просроченного лекарственного обеспечения, расходов материалов для медицинского оборудования и оптимизировать работу складов.

Мониторинг, измерение, анализ и изучение. Система бережливого производства активно внедряет методы, способные визуально показать руководителю и членам команды возможные нарушения процесса. В здравоохранении такую роль играют электронное место врача, электронная история болезни и информационно-аналитическая система со встроенными индикаторами качества оказания медицинской помощи.

Система качества учреждения должна активно осуществлять поддержку процессов с

выявленными отклонениями, находясь в состоянии готовности оперативно решать проблемы и корректировать действия. Простые системы визуального контроля позволяют сотруднику даже с низкой квалификацией видеть отклонения в стандартизированных процедурах.

Целью бережливого производства является такой процесс, который почти не требует запасов, поэтому необходимо осуществлять постоянный мониторинг процессов по ключевым показателям эффективности деятельности, чтобы выявить потери времени и ресурсов. И только тогда, когда потери очевидны для всех, их можно устранить в ходе непрерывного совершенствования.

Обязательным элементом мониторинга является процесс разработки мер, которые предупреждают повторение ошибок.

Улучшение, инновации и обучение. Несмотря на то, что улучшение относится к приоритетам бережливого производства, его сторонники призывают с осторожностью относиться к непроверенным технологическим новинкам, способным полностью исключить участие человека в процессе. Они могут привести к срыву плавности потока и создать дополнительные проблемы в смежных технологических процессах. Прежде чем вводить новую технологию или оборудование, следует провести испытание в реальных условиях. Если улучшенный вариант работы стал предсказуемым, то такой опыт и зарекомендовавшие себя технологии можно распространять на другие процессы.

Для совершенствования эффективности особо сложных работ задействуются несколько процессов, формируются межфункциональные группы, которые за счет интеграции повышают качество и эффективность деятельности как отдельных процессов, так и организации в целом.

Важным инструментом бережливого производства является общее обсуждение проблем и потенциальных решений. Его задача – собрать все идеи и выработать единое мнение (каким образом и куда двигаться дальше). В процессе участвуют не только руководители и сотрудники организации, но также поставщики, партнеры и другие заинтересованные стороны. Такой инструмент позволяет осуществить более масштабный поиск решений и подготовить условия для оперативной реализации принятого решения.

Обучение сотрудников на рабочем месте в духе корпоративной культуры компании является приоритетным для развития модели бережливого производства в организации. Создание корпоративной системы обучения отдельных сотрудников, рабочих и проектных команд позволяет достичь исключительных результатов эффективности работы организации. Обучение каждого сотрудника работе в команде для достижения стратегических целей является приоритетным направлением формирования кадрового потенциала бережливой организации.

В концепции бережливого производства знания и человеческий капитал являются объектом особого внимания. Особо ценятся сотрудники, имеющие большой стаж работы в данной организации, транслирующие культуру бережливого производства и являющиеся наставниками для молодых специалистов, поэтому в кадровую политику заложены механизмы, снижающие текучесть кадров, продвижение сотрудников по службе и сохранение накопленного опыта.

Заключение

Итак, на основе рассмотрения и сравнения международного опыта применения технологии бережливого производства и собственного исследования устойчивого развития

медицинских организаций, а также анализа основных проблем систем здравоохранения в разных странах были сделаны выводы.

1. Как показывают данные собственного исследования, внедрение улучшений в работу медицинских организаций значительно влияет на устойчивость ее развития.

2. Устойчиво развивающиеся медицинские организации внедряют различные улучшения и инновации в два раза чаще, чем учреждения здравоохранения, имеющие средние показатели развития. Чаще всего изменения внедряются: в процесс обеспечения качества оказания медицинской услуги; организационную структуру и систему управления медицинской организацией.

3. По данным анализа научно-исследовательских работ, перед системами здравоохранения разных стран поставлена задача: повышение доступности и качества оказания медицинской помощи при эффективном использовании государственных ресурсов и получение максимальной отдачи от имеющихся в медицинской организации финансовых, материальных и кадровых ресурсов. Решению данной задачи может способствовать интеграция концепции устойчивого развития организации и модели бережливого производства и шести сигм.

4. На основе анализа механизмов интеграции принципов бережливого производства и концепции устойчивого развития, автор пришел к выводу, что инструменты бережливого производства и шести сигм улучшают деятельность медицинской организации по всем направлениям, но особенно изменения касаются внедрения улучшений, менеджмента процессов и оптимизации ресурсного обеспечения.

5. Анализ международного опыта применения бережливого производства в различных областях и сферах показал, что данный метод применим в тех процессах, где существует большой поток однотипной работы и зависимость результата от параллельных процессов. В здравоохранении таких процессов много в амбулаторно-поликлинических учреждениях, для которых характерен большой поток пациентов, очереди, зависимость качества оказания медицинской услуги и удовлетворенности пациентов от скорости и равномерности прохождения различных этапов лечебно-диагностического процесса.

Таким образом, в устойчиво развивающейся медицинской организации ключевым элементом является стратегический менеджмент, который синхронизирует все основные и вспомогательные процессы организации таким образом, чтобы повысить качество оказания медицинской помощи и обеспечить оптимальный баланс между потреблением ресурсов и их поступлением.

Для решения общих проблем, поставленных перед системой здравоохранения и медицинской организацией, реализующей стратегию устойчивого развития, необходима модель управления, позволяющая таким образом выстроить процессы медицинской организации, чтобы одновременно оптимизировать ресурсное обеспечение и повысить качество оказания медицинской помощи. Модель бережливого производства и шести сигм имеет свои достоинства и недостатки, но позволяет достичь стратегических целей, поставленных перед системой здравоохранения, в целом, и медицинской организацией, в частности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Aldowaisan T., Nourelfath M., Hassan J.** Six Sigma performance for non-normal processes // European Journal of Operational Research. – 2015. – Vol. 247, Issue 3. – P. 968–977. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ejor.2015.06.036>
2. **Alhuraish I., Robledo C., Kobi A.** A comparative exploration of lean manufacturing and six sigma in terms of their critical success factors // Journal of Cleaner Production. – 2017. – Vol. 164. – P. 325–337. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2017.06.146>
3. **Amaratunga T., Dobranowski J.** Systematic Review of the Application of Lean and Six Sigma Quality Improvement Methodologies in Radiology // Journal of the American College of Radiology. – 2016. – Vol. 13, Issue 9. – P. 1088–1095.e7. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jacr.2016.02.033>
4. **Ashton T.** Measuring health system performance: A new approach to accountability and quality improvement in New Zealand // Health Policy. – 2015. – Vol. 119, Issue 8. – P. 999–1004. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.healthpol.2015.04.012>
5. **Azzopardi-Muscat N., Clemens T., Stoner D., Brand H.** EU Country Specific Recommendations for health systems in the European Semester process: Trends, discourse and predictors // Health Policy. – 2015. – Vol. 119, Issue 3. – P. 375–383. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.healthpol.2015.01.007>
6. **Backman Ch., Vanderloo S., Forster A. J.** Measuring and improving quality in university hospitals in Canada: The Collaborative for Excellence in Healthcare Quality // Health Policy. – 2016. – Vol. 120, Issue 9. – P. 982–986. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.healthpol.2016.07.006>
7. **Bramsfeld A., Wensing M., Bartels P., Bobzin H., Grenier C., Heugren M., Hirschfield D. J., Langenegger M., Lindelius B., Lucet B., Manor O., Schneider T., Wardell F., Szecsenyi J.** Mandatory national quality improvement systems using indicators: An initial assessment in Europe and Israel // Health Policy. – 2016. – Vol. 120, Issue 11. – P. 1256–1269. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.healthpol.2016.09.019>
8. **Cavicchi C., Vagnoni E.** Does intellectual capital promote the shift of healthcare organizations towards sustainable development? Evidence from Italy // Journal of Cleaner Production. – 2017. – Vol. 153. – P. 275–286. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2017.03.175>
9. **Chakravorty S. S.** Six Sigma programs: An implementation model // International Journal of Production Economics. – 2009. – Vol. 119, Issue 1. – P. 1–16. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ijpe.2009.01.003>
10. **Chen S., Fan S., Xiong J., Zhang W.** The Design of JMP/SAP Based Six Sigma Management System and its Application in SMED // Procedia Engineering. – 2017. – Vol. 174. – P. 416–424. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.proeng.2017.01.161>
11. **Ciccone D. K., Vian T., Maurer L., Bradley E. H.** Linking governance mechanisms to health outcomes: A review of the literature in low- and middle-income countries // Social Science & Medicine. – 2014. – Vol. 117. – P. 86–95. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2014.07.010>
12. **Costa T., Silva F. J. G., Ferreira L. P.** Improve the extrusion process in tire production using Six Sigma methodology // Procedia Manufacturing. – 2017. – Vol. 13. – P. 1104–1111. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.promfg.2017.09.171>
13. **Genç N., İyigün N. Ö.** The role of organizational learning and knowledge transfer in building strategic alliances: A case study // Procedia – Social and Behavioral Sciences. – 2011. – Vol. 24. – P. 1124–1133. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2011.09.087>

14. **Girdauskienė L., Savanevičienė A.** Leadership role implementing knowledge transfer in creative organization: how does it work? // *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. – 2012. – Vol. 41. – P. 15–22. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2012.04.002>
15. **Jairaman J., Sakiman Z., Li L. S.** Sunway Medical Laboratory Quality Control Plans Based on Six Sigma, Risk Management and Uncertainty // *Clinics in Laboratory Medicine*. – 2017. – Vol. 37, Issue 1. – P. 163–176. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.cll.2016.09.013>
16. **Jarrett J. E.** Total quality management (TQM) movement in public health // *International journal of quality & reliability management*. – 2016. – Vol. 33, № 1. – P. 25–41. DOI: <http://dx.doi.org/10.1108/IJQRM-12-2013-0193>
17. **Juahi H., Ismail A., Mohamed S. B., Toriman M. E., Kassim A. Md., Zain S. Md., Ahmad W. K. W., Wah W. K., Zali M. A., Retnam A., Taib M. Z. M., Mokhtar M.** Improving oil classification quality from oil spill fingerprint beyond six sigma approach // *Marine Pollution Bulletin*. – 2017. – Vol. 120, Issues 1–2. – P. 322–332. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.marpolbul.2017.04.032>
18. **Luck J., Peabody J. W., DeMaria L. M., Alvarado C. S., Menon R.** Patient and provider perspectives on quality and health system effectiveness in a transition economy: Evidence from Ukraine // *Social Science & Medicine*. – 2014. – Vol. 114. – P. 57–65. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2014.05.034>
19. **Marzagão D. S. L., Carvalho M. M.** Critical success factors for Six Sigma projects // *International Journal of Project Management*. – 2016. – Vol. 34, Issue 8. – P. 1505–1518. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ijproman.2016.08.005>
20. **Mehrabi J.** Application of Six-Sigma in Educational Quality Management // *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. – 2012. – Vol. 47. – P. 1358–1362. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2012.06.826>
21. **Mehregan M. R., Jamporazmey M., Hosseinzadeh M., Kazemi A.** An integrated approach of critical success factors (CSFs) and grey relational analysis for ranking KM systems // *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. – 2012. – Vol. 41. – P. 402–409. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2012.04.048>
22. **Nawaz W., Koç M.** Development of a systematic framework for sustainability management of organizations // *Journal of Cleaner Production*. – 2018. – Vol. 171. – P. 1255–1274. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2017.10.011>
23. **Nuti S., Seghieri C.** Is variation management included in regional healthcare governance systems? Some proposals from Italy // *Health Policy*. – 2014. – Vol. 114, Issue 1. – P. 71–78. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.healthpol.2013.08.003>
24. **Papanicolas I., Kringos D., Klazinga N. S., Smith P. C.** Health system performance comparison: New directions in research and policy // *Health Policy*. – 2013. – Vol. 112, Issues 1–2. – P. 1–3. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.healthpol.2013.07.018>
25. **Schalock R. L., Verdugo M., Lee T.** A systematic approach to an organization's sustainability // *Evaluation and Program Planning*. – 2016. – Vol. 56. – P. 56–63. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.evalprogplan.2016.03.005>
26. **Serapioni M., Matos A. R.** Citizen participation and discontent in three Southern European health systems // *Social Science & Medicine*. – 2014. – Vol. 123. – P. 226–233. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2014.06.006>
27. **Singh A. K., Khanduja D.** Defining Quality Management in Auto Sector: A Six-sigma Perception // *Procedia Materials Science*. – 2014. – Vol. 5. – P. 2645–2653. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.mspro.2014.07.526>

28. **Slack C. W., Slack W. V.** The United Countries of America: Benchmarking the Quality of US Health Care // Mayo Clinic Proceedings. – 2011. – Vol. 86, Issue 8. – P. 788–790. DOI: <http://dx.doi.org/10.4065/mcp.2011.0311>
29. **Tagge E. P., Thirumoorthi A. S., Lenart J., Garberoglio C., Mitchell K. W.** Improving operating room efficiency in academic children's hospital using Lean Six Sigma methodology // Journal of Pediatric Surgery. – 2017. – Vol. 52, Issue 6. – P. 1040–1044. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jpedsurg.2017.03.035>
30. **van Mosseveld C., Hernández-Peña P., Arán D., Cherilova V., Mataria A.** How to ensure quality of health accounts // Health Policy. – 2016. – Vol. 120, Issue 5. – P. 544–551. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.healthpol.2016.03.009>
31. **Vecchio M. D., Fenech L., Prenestini A.** Private health care expenditure and quality in Beveridge systems: Cross-regional differences in the Italian NHS // Health Policy. – 2015. – Vol. 119, Issue 3. – P. 356–366. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.healthpol.2014.10.014>
32. **Westgard J. O., Westgard S. A.** Six Sigma Quality Management System and Design of Risk-based Statistical Quality Control // Clinics in Laboratory Medicine. – 2017. – Vol. 37, Issue 1. – P. 85–96. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.cll.2016.09.008>
33. **Zu X., Fredendall L. D., Douglas T. J.** The evolving theory of quality management: The role of Six Sigma // Journal of Operations Management. – 2008. – Vol. 26, Issue 5. – P. 630–650. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jom.2008.02.001>
34. **Артемьев С. А., Ильин С. Н.** Бережливые технологии придут ко всем. Успешный опыт внедрения // Заместитель главного врача. – 2017. – № 6. – С. 14–23.
35. **Бурыкин И. М., Хафизьянова Р. Х., Алеева Г. Н.** Возможности использования подхода «бережливое производство» (lean production) в медицине // Здоровье – основа человеческого потенциала: проблемы и пути их решения. – 2012. – Т. 7, № 2. – С. 840–841.
36. **Мурашко М. А., Шарикадзе Д. Т., Кондратьев Ю. А.** Современные подходы к качеству медицинской помощи // ОРГЗДРАВ: новости, мнения, обучение. – 2016. – № 2 (4). – С. 37–42.
37. **Стародубов В. И., Улумбекова Г. Э.** Здравоохранение России: сценарии развития // ОРГЗДРАВ: новости, мнения, обучение. – 2015. – № 2 (2). – С. 34–47.
38. **Шаповалова М. А., Бондарев В. А., Корецкая Л. Р.** Бережливая медицина как отраслевой вариант бережливого производства // Главный врач: Хозяйство и право. – 2015. – № 5. – С. 24–29.

DOI: [10.15293/2226-3365.1801.15](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1801.15)

Olga Aleksandrovna Latuha, Candidate of Economics Sciences,
Associate Professor, Organization of Public Health Services and
Public Health Faculty, Novosibirsk State Medical University,
Novosibirsk, Russian Federation.
ORCID ID: <http://orcid.org/0000-0002-5449-2595>
E-mail: latucha@mail.ru

Application of international experience in lean production within the concept of sustainable development of healthcare settings

Abstract

Introduction. The article presents a study on application of lean manufacturing (lean production) model to improve process and resource management of healthcare settings at the modern stage of healthcare development. The purpose of the article is to explore the application of lean manufacturing (lean production) model to solve problems of national health systems and sustainable development of healthcare settings on the basis of international experience, and to introduce the author's model of integration of lean production and the concept of sustainable development.

Materials and Methods. The research methods include General scientific methods of empirical and theoretical knowledge, General logical methods and techniques, methods of system analysis, comparisons and analogies, generalization, and the author's socio-hygienic study of factors influencing sustainability of healthcare settings in modern conditions.

Results. The author identifies the major problems of healthcare industry in a range of countries, the solution of which lies in sustainable development. It is noted that the focus of researchers of health systems in different countries, is, on the one hand, on improving the quality of medical care to the population under the economical expenditure of funds and other resources, on the other hand, on the problem of ensuring the activities of healthcare settings aimed at achieving the maximum benefit from available financial, material and human resources. It is emphasized that technology of lean production and six Sigma (Lean Six Sigma (LSS)) is a widely used method for process improvement in spheres of production and services. The article analyses significant issues of using lean manufacturing model and six Sigma to achieve sustainability of healthcare settings and solve a number of problems of national health systems. The author presents the results of sociological and expert poll of managers, defining key directions for improving processes in healthcare settings to achieve sustainability of their development. The article introduces the author's approach to the integration of lean principles and the concept of sustainable development of healthcare settings.

Conclusions. The author concludes that introduction of certain principles of lean production can contribute to sustainable development of healthcare settings.

Keywords

Human resources management; Business management; Business process; Healthcare industry; Six-Sigma quality program; Sustainable development; Development strategy.

REFERENCES

1. Aldowaisan T., Nourelfath M., Hassan J. Six Sigma performance for non-normal processes. *European Journal of Operational Research*, 2015, vol. 247, issue 3, pp. 968–977. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ejor.2015.06.036>

2. Alhuraish I., Robledo C., Kobi A. A comparative exploration of lean manufacturing and six sigma in terms of their critical success factors. *Journal of Cleaner Production*, 2017, vol. 164, pp. 325–337. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2017.06.146>
3. Amaratunga T., Dobranowski J. Systematic Review of the Application of Lean and Six Sigma Quality Improvement Methodologies in Radiology. *Journal of the American College of Radiology*, 2016, vol. 13, issue 9, pp. 1088–1095.e7. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jacr.2016.02.033>
4. Ashton T. Measuring health system performance: A new approach to accountability and quality improvement in New Zealand. *Health Policy*, 2015, vol. 119, issue 8, pp. 999–1004. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.healthpol.2015.04.012>
5. Azzopardi-Muscat N., Clemens T., Stoner D., Brand H. EU Country Specific Recommendations for health systems in the European Semester process: Trends, discourse and predictors. *Health Policy*, 2015, vol. 119, issue 3, pp. 375–383. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.healthpol.2015.01.007>
6. Backman Ch., Vanderloo S., Forster A. J. Measuring and improving quality in university hospitals in Canada: The Collaborative for Excellence in Healthcare Quality. *Health Policy*, 2016, vol. 120, issue 9, pp. 982–986. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.healthpol.2016.07.006>
7. Bramesfeld A., Wensing M., Bartels P., Bobzin H., Grenier C., Heugren M., Hirschfield D. J., Langenegger M., Lindelius B., Lucet B., Manor O., Schneider T., Wardell F., Szecsenyi J. Mandatory national quality improvement systems using indicators: An initial assessment in Europe and Israel. *Health Policy*, 2016, vol. 120, issue 11, pp. 1256–1269. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.healthpol.2016.09.019>
8. Cavicchi C., Vagnoni E. Does intellectual capital promote the shift of healthcare organizations towards sustainable development? Evidence from Italy. *Journal of Cleaner Production*, 2017, vol. 153, pp. 275–286. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2017.03.175>
9. Chakravorty S. S. Six Sigma programs: An implementation model. *International Journal of Production Economics*, 2009, vol. 119, issue 1, pp. 1–16. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ijpe.2009.01.003>
10. Chen S., Fan S., Xiong J., Zhang W. The Design of JMP/SAP Based Six Sigma Management System and its Application in SMED. *Procedia Engineering*, 2017, vol. 174, pp. 416–424. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.proeng.2017.01.161>
11. Ciccone D. K., Vian T., Maurer L., Bradley E. H. Linking governance mechanisms to health outcomes: A review of the literature in low- and middle-income countries. *Social Science & Medicine*, 2014, vol. 117, pp. 86–95. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2014.07.010>
12. Costa T., Silva F. J. G., Ferreira L. P. Improve the extrusion process in tire production using Six Sigma methodology. *Procedia Manufacturing*, 2017, vol. 13, pp. 1104–1111. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.promfg.2017.09.171>
13. Genç N., İyigün N. Ö. The role of organizational learning and knowledge transfer in building strategic alliances: A case study. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, 2011, vol. 24, pp. 1124–1133. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2011.09.087>
14. Girdauskienė L., Savanevičienė A. Leadership role implementing knowledge transfer in creative organization: how does it work? *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, 2012, vol. 41, pp. 15–22. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2012.04.002>
15. Jairaman J., Sakiman Z., Li L. S. Sunway Medical Laboratory Quality Control Plans Based on Six Sigma, Risk Management and Uncertainty. *Clinics in Laboratory Medicine*, 2017, vol. 37, issue 1, pp. 163–176. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.cll.2016.09.013>

16. Jarrett J. E. Total quality management (TQM) movement in public health. *International Journal of Quality & Reliability Management*, 2016, vol. 33, no. 1, pp. 25–41. DOI: <http://dx.doi.org/10.1108/IJQRM-12-2013-0193>
17. Juahi H., Ismail A., Mohamed S. B., Toriman M. E., Kassim A. Md., Zain S. Md., Ahmad W. K. W., Wah W. K., Zali M. A., Retnam A., Taib M. Z. M., Mokhtar M. Improving oil classification quality from oil spill fingerprint beyond six sigma approach. *Marine Pollution Bulletin*, 2017, vol. 120, issues 1–2, pp. 322–332. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.marpolbul.2017.04.032>
18. Luck J., Peabody J. W., DeMaria L. M., Alvarado C. S., Menon R. Patient and provider perspectives on quality and health system effectiveness in a transition economy: Evidence from Ukraine. *Social Science & Medicine*, 2014, vol. 114, pp. 57–65. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2014.05.034>
19. Marzagão D. S. L., Carvalho M. M. Critical success factors for Six Sigma projects International. *Journal of Project Management*, 2016, vol. 34, issue 8, pp. 1505–1518. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ijproman.2016.08.005>
20. Mehrabi J. Application of Six-Sigma in Educational Quality Management. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, 2012, vol. 47, pp. 1358–1362. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2012.06.826>
21. Mehregan M. R., Jamporazmey M., Hosseinzadeh M., Kazemi A. An integrated approach of critical success factors (CSFs) and grey relational analysis for ranking KM systems. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, 2012, vol. 41, pp. 402–409. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2012.04.048>
22. Nawaz W., Koç M. Development of a systematic framework for sustainability management of organizations. *Journal of Cleaner Production*, 2018, vol. 171, pp. 1255–1274. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2017.10.011>
23. Nuti S., Seghieri C. Is variation management included in regional healthcare governance systems? Some proposals from Italy. *Health Policy*, 2014, vol. 114, issue 1, pp. 71–78. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.healthpol.2013.08.003>
24. Papanicolas I., Kringos D., Klazinga N. S., Smith P. C. Health system performance comparison: New directions in research and policy. *Health Policy*, 2013, vol. 112, issues 1–2, pp. 1–3. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.healthpol.2013.07.018>
25. Schalock R. L., Verdugo M., Lee T. A systematic approach to an organization's sustainability. *Evaluation and Program Planning*, 2016, vol. 56, pp. 56–63. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.evalproplan.2016.03.005>
26. Serapioni M., Matos A. R. Citizen participation and discontent in three Southern European health systems. *Social Science & Medicine*, 2014, vol. 123, pp. 226–233. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2014.06.006>
27. Singh A. K., Khanduja D. Defining Quality Management in Auto Sector: A Six-sigma Perception. *Procedia Materials Science*, 2014, vol. 5, pp. 2645–2653. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.mspro.2014.07.526>
28. Slack C. W., Slack W. V. The United Countries of America: Benchmarking the Quality of US Health Care. *Mayo Clinic Proceedings*, 2011, vol. 86, issue 8, pp. 788–790. DOI: <http://dx.doi.org/10.4065/mcp.2011.0311>
29. Tagge E. P., Thirumoorthi A. S., Lenart J., Garberoglio C., Mitchell K. W. Improving operating room efficiency in academic children's hospital using Lean Six Sigma methodology. *Journal of Pediatric Surgery*, 2017, vol. 52, issue 6, pp. 1040–1044. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jpedsurg.2017.03.035>

30. van Mosseveld C., Hernández-Peña P., Arán D., Cherilova V., Mataria A. How to ensure quality of health accounts. *Health Policy*, 2016, vol. 120, issue 5, pp. 544–551. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.healthpol.2016.03.009>
31. Vecchio M. D., Fenech L., Prenestini A. Private health care expenditure and quality in Beveridge systems: Cross-regional differences in the Italian NHS. *Health Policy*, 2015, vol. 119, issue 3, pp. 356–366. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.healthpol.2014.10.014>
32. Westgard J. O., Westgard S. A. Six Sigma Quality Management System and Design of Risk-based Statistical Quality Control. *Clinics in Laboratory Medicine*, 2017, vol. 37, issue 1, pp. 85–96. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.cll.2016.09.008>
33. Zu X., Fredendall L. D., Douglas T. J. The evolving theory of quality management: The role of Six Sigma. *Journal of Operations Management*, 2008, vol. 26, issue 5, pp. 630–650. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jom.2008.02.001>
34. Artemyev S. A., Ilin S. N. Lean Technology Will Come To All. Successful Experience of Introduction. *Deputy Chief Physician*, 2017, no. 6, pp. 14–23. (In Russian) <https://elibrary.ru/item.asp?id=29207601>
35. Burykin I. M., Khafiz'yanova R. H., Aleeva G. N. The Possibility of Using the Approach of "Lean Manufacturing" (Lean Production) in Medicine. *Health is the Basis of Human Potential: Problems and Ways of their Solution*, 2012, vol. 7, no. 2, pp. 840–841. (In Russian) <https://elibrary.ru/item.asp?id=21729513>
36. Murashko M. A., Sharikadze D. T., Kondratyev Yu. A. Modern approaches to the quality of medical care. *ORGSTR: News, Opinions, Training*, 2016, no. 2, pp. 37–42. (In Russian) <https://elibrary.ru/item.asp?id=26588207>
37. Starodubov V. I., Ulumbekova G. E. Healthcare in Russia: development scenarios. *ORGSTR: News, Opinions, Training*, 2015, no. 2, pp. 34–47. (In Russian) <https://elibrary.ru/item.asp?id=26160076>
38. Shapovalova M. A., Bondarev V. A., Koretskaya L. R. Lean Medicine as a Lean Manufacturing Branch Variant. *Chief physician: Economy and law*, 2015, no. 5, pp. 24–29. (In Russian) <https://elibrary.ru/item.asp?id=24872235>

Submitted: 02 November 2017 Accepted: 09 January 2018 Published: 28 February 2018

This is an open access article distributed under the [Creative Commons Attribution License](#) which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work is properly cited. (CC BY 4.0).

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ ЖУРНАЛА

Научный журнал «Вестник Новосибирского государственного педагогического университета» – электронное периодическое издание, учрежденное ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный педагогический университет», в котором публикуются ранее не опубликованные статьи, содержащие основные результаты исследований в ведущих областях научного знания.

Материалы статей, подготовленные автором в соответствии с правилами оформления регистрируются, лицензируются, проходят научную экспертизу, литературное редактирование и корректуру.

Решение о публикации принимается редакционной коллегией и редакционным советом электронного журнала.

Регистрация статьи осуществляется в on-line режиме на основе заполнения электронных форм. По электронной почте статьи не регистрируются.

Редакционная коллегия электронного журнала оставляет за собой право отбора присылаемых материалов. Все статьи, не соответствующие тематике электронного журнала, правилам оформления, не прошедшие научную экспертизу, отклоняются. Корректур статей авторам не высылаются.

Тексты статей необходимо оформлять в соответствии с международными требованиями к научной статье, объемом в пределах половины печатного листа (20000 знаков).

Публикуемые сведения к статье на русском и английском языках:

- заглавие – содержит название статьи, инициалы и фамилию автора/ авторов, город, страна, а также УДК;
- адресные сведения об авторе – указывается основное место работы, занимаемая должность, ученая степень, адрес электронной почты;
- аннотация статьи (от 1500 знаков) – отражает проблему, цель, методологию, основные результаты, обобщающее заключение и ключевые слова;
- пристатейный список литературы – оформляется в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.5-2008; формируется в соответствии с порядком упоминания в тексте статьи; регистрируется ссылкой (ссылки в тексте оформляются в квадратных скобках, содержат порядковый номер в списке литературы и страницы цитируемой работы).

Подробнее с правилами публикации можно ознакомиться на сайте журнала:

<http://vestnik.nspu.ru/avtoram>

GUIDE FOR AUTHORS

The scientific journal «Novosibirsk State Pedagogical University Bulletin» is electronic periodical founded by Novosibirsk State Pedagogical University. Journal articles containing the basic results of researches in leading areas of knowledge were not published earlier.

The materials of articles, carefully prepared by the author, are registered, are licensed, materials are scientific expertise, literary editing and proof-reading.

The decision about the publication is accepted by an editorial board and editorial advice of electronic journal.

Also it is displayed in personal "cabinet" of the author.

Registration of article is carried out in on-line a mode on the basis of filling electronic forms e-mail articles are not registered.

The Editorial Board of the electronic journal reserves the right to itself selection of sent materials. All articles are not relevant to the content of electronic magazine, to rules of the registrations rules that have not undergone scientific expertise, are rejected. The proof-reading of articles is not sent to authors. Manuscripts are not returned.

Texts of articles are necessary for making out according to professional requirements to the scientific article, volume within the limits of 0,5 printed page (20000 signs).

Published data to article in Russian and English languages:

the title – contains article name, the initials and a surname of authors / authors, the city, the country;

address data on the author – the basic place of work, a post, a scientific degree, an e-mail address for communication is underlined;

abstract (200–250 words) – reflects its basic maintenance, generalizing results and keywords;

references – is made out according to requirements of GOST P 7.0.5-2008; it is formed according to order of a mention in the text of paper; it is registered by the reference (references in the text are made out in square brackets, contain a serial number in the References and page of quoted work).

Simultaneously with a direction in edition of electronic journal of the text of articles prepared for the publication, it is necessary for author to send accompanying documents to articles, issued according to requirements.

In detail the rules of the publication on the site of journal:

<http://en.vestnik.nspu.ru/avtoram>